

SANCTUARY

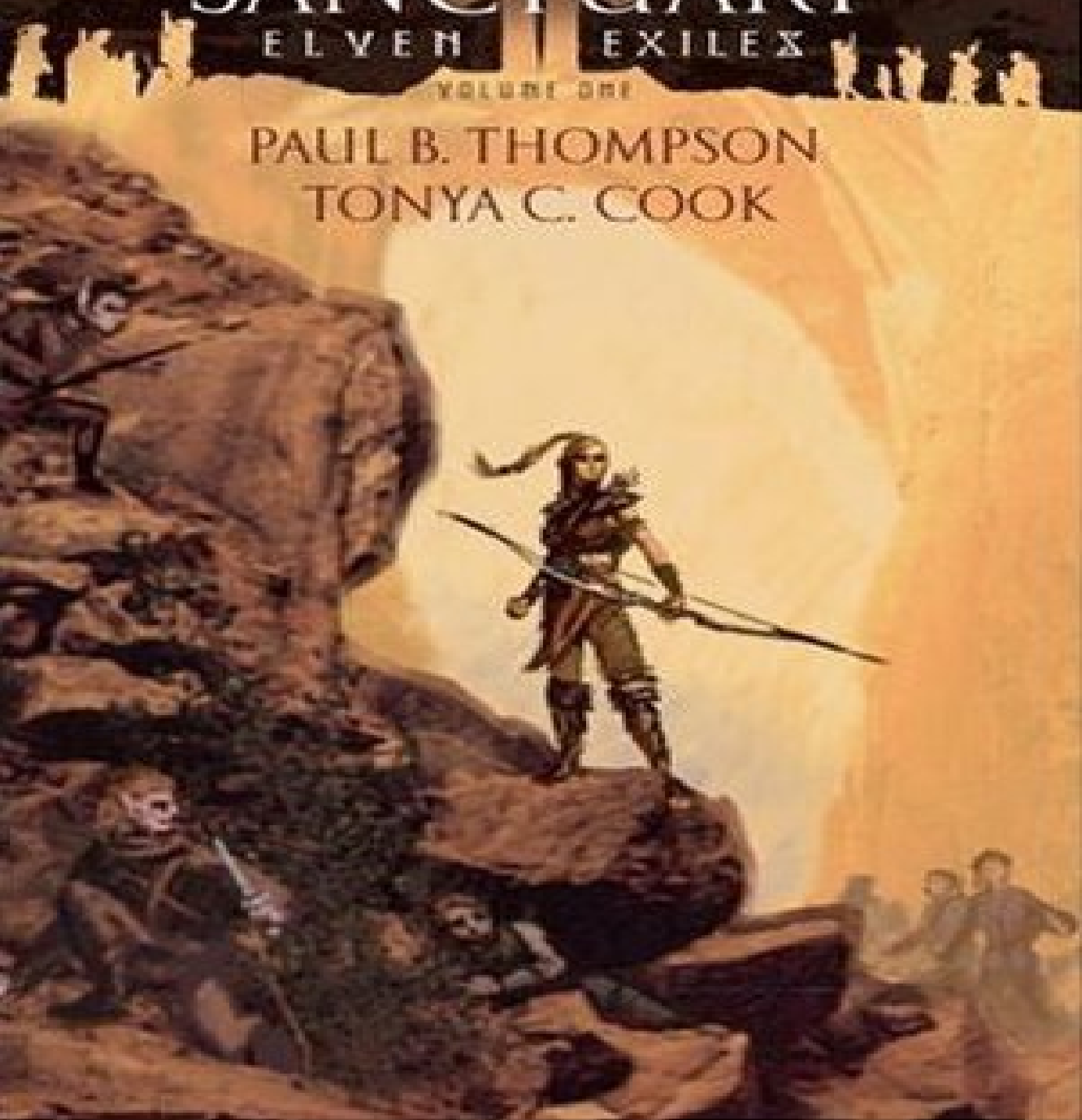
ELVEN

EXILES

VOLUME ONE

PAUL B. THOMPSON

TONYA C. COOK

Кхур — дом кочевых племен, презирающих границы и живущих в изолированных городах из камня, поднимающихся в засушливой пустыне, подобно островам в море.

В эту негостеприимную землю пришли изгнанные эльфийские нации, вытесненные из своих мраморных залов и зеленых лесов могущественными врагами. Сплотившиеся вокруг Гилтаса, правителя теперь объединившихся квалинестийцев и сильванестийцев, и его жены Кериансерай Львицы, эльфы вели тревожное сосуществование с окружающими племенами под стенами Кхури-Хана.

Случай дал в руки Гилтасу древнюю карту. Там, где пустыня встречается с горами, похоже, лежит тайная долина. Туманный дол, веками бывший табу, мог стать новым убежищем для эльфийской расы.

Или вступят в действие тайные силы и превратят ее в их последнюю могилу?

Пол Томпсон и Тоня Кук

УБЕЖИЩЕ

ПОСВЯЩЕНИЕ

Леону и Рите Кук.

Тоня

*Где не было ни звука, тишина,
Где не может быть ни звука, тишина,
В холодной могиле — глубоко, преглубоком море,
Иль в обширной пустыне, где жизнь не отыскать.*

Томас Худ, Тишина

Эльфийская раса, изгнанная из своих вековых анклавов в лиственных лесах, пересекла Пыльные Равнины и суровые горы, держа путь в далекие земли Кхура — пустынное королевство солнца, песка и тишины. Заточенные в раскинувшемся под стенами Кхури-Хана палаточном городе, они должны забыть былую славу и бороться за выживание. Но против них не просто бескомпромиссная пустыня. Темные силы внутри и снаружи Кхура замышляют уничтожить эльфов. Некоторые древние и знакомые. Другие — новые и неизвестные.

Во главе воссоединившихся отрядов квалинестийцев и сильванестийцев стоит Гилтас, теперь Беседующий с Солнцем и Звездами. Хотя он и получил правление над всеми, у него не было ни короны, ни трона, ни мраморного зала — лишь кровь Кит-Канана в его венах. А еще он больше не был презренным Королем-Марионеткой. Бок о бок с ним, огненная Кериансерай, бич Темных Рыцарей, известная как Львица. На нее легла задача выковать новую эльфийскую армию, ту, что сможет защитить беженцев, и мечта о возвращении их потерянных родных земель. Но главный оппонент Кериансерай — не опустошающий Сильваност легион минотавров или армия Темных Рыцарей. Ее истинный оппонент намного ближе к ее голове и ее сердцу.

Итак, все готово к битве, план начерчен, большая игра начинается. Выживание или смерть, слава или забвение — вот ставки. Гилтас и Кериансерай поставили все на забытую карту, верных друзей и свою неколебимую веру в величие эльфийской расы.

Стая дроздов взлетела, испуганно крича. Они не привыкли к незнакомцам. Вид такого количества фигур, движущихся в их сторону, вызвал панику. Через несколько мгновений птицы затерялись на фоне неприветливого палящего солнца, но вскоре пустота заполнилась длинной колонной всадников.

Пыльные кони с низко опущенными головами устало тащились по крупному песку и камням, их всадники дремали в седле. Отставшие хромали по флангам колонны, щиты свисали с копий на изнуренных костлявых плечах. Никто не испытывал недостатка в ранах — от случайных порезов и синяков до отсутствующих конечностей. И не у одного было серое лицо, явный отпечаток неминуемой смерти.

Все были эльфами, многие кагонестийцами, но добрая половина относилась либо к западной, квалинезийской линии, либо к сильванестийцам, старейшим среди древней расы.

Во главе этой скорбной процессии шагала Кериансерай, генерал всех эльфийских армий. Проведенные в пустыне годы усилили ее природный коричневый оттенок кожи и придали ее глазам пронизательный прищур. Как раз сейчас она не сводила глаз со своих усталых ног, побуждая их сделать еще один шаг, и еще, и еще.

Она вела своего грифона. Орлиный Глаз достался ей в дар от повелителей Сильванести, благодарных за спасение из своей родины, когда туда хлынули толпы минотавров. Может, она и была кагонестийкой, но шепетильная к протоколу знать настояла, что у Кериансерай должен быть наилучший скакун в армии, не только как у предводителя оставшегося эльфийского войска, но и как у жены Гилтаса, Беседующего с Солнцем и Звездами. В стычке за стычкой Орлиный Глаз доказал свою отвагу, не раз сходясь в бою со свирепыми минотаврами и проводив в загробный мир многочисленных врагов. Но даже ведомый рукой своего беспощадного всадника, он не мог предотвратить неизбежное.

Кериансерай, среди друзей и врагов известная как Львица, привела десять тысяч эльфов на юг через пустыню Кхура, ища способ войти с севера в разграбленное королевство Сильванести. Отряд ее воинов объединяла неутолимая жажда изгнать захватчиков из священной лесной цитадели прародины эльфов. Половина тысячи погибла еще прежде, чем они добрались до границы Сильванести, от жары, испорченной воды и ядовитых рептилий. Где мелкий песок, наконец, сменился суглинистой почвой, и чахлые сосны и перекрученный можжевельник уступил место листовным деревьям, поджидали минотавры. Используя свою грозную тактику «зуб дракона», они искромсали силы Львицы задолго до того, как те достигли земель Сильванести. Ее грандиозный план поднять простой народ на восстание против жестоких повелителей умер, так и не родившись.

Получив отпор у границы, эльфы двинулись на восток, надеясь обойти стену минотавров. Повсюду, где они пытались войти в Сильванести, их встречали мечи и топоры мускулистых быколоудей. Запасы воды и пищи таяли, и Львице пришлось отступить. Проиграть битву, это одно; она и прежде знавала поражения. Проиграть здесь, когда за спинами ничего, кроме трех сотен миль пустыни, было намного хуже. Смерть смотрела в лицо каждому эльфу. Все, что они могли сделать, это вернуться по тому пути, по которому пришли, вновь через эту знойную пустыню, в надежде достичь своего временного дома — палаточного лагеря возле Кхури-Хана — прежде, чем погибнут.

Сквозь медленно движущуюся колонну галопом скакал всадник, позади него

вздымалось облако пыли. Керриансерай услышала стук копыт и остановилась, потянув Орлиного Глаза за плетеный повод. Грифон, недовольный, что приходится ступать своими хищными когтями по жаркому песку, выгнул шею и топнул по раздражающей земле. Львица что-то коротко сказала ему, и он притих.

Всадник резко осадил скакуна. «Генерал! Я принес срочное донесение от арьергарда!»

Она, прищурившись, посмотрела на него, пошарив в высушенной солнцем памяти, чтобы припомнить его имя. Гитантас. Гитантас Амбродель. Два века назад его предки, советники Беседующего с Солнцем, пребывали в мраморных залах Квалиноста. За несколько веков до этого, в Сильваносте, его прародители наверняка владели рабами из Кагонести. Этот грязный взъерошенный молодой солдат был теперь одним из последних в роду.

Его губы были так иссушены, что он едва мог вытолкнуть слова. Несколько раз сглотнув, он ухитрился проскрежетать: «Враги подступают! Лорд Таранас говорит, по меньшей мере, полк!»

Полк. Две тысячи минотавров.

Опустошение давило на Керриан толстым тяжелым плащом. Она все еще командовала почти восьмью тысячами эльфов, но враг был хорошо снабжен и свеж. А ее эльфы практически выдохлись.

Вокруг нее собрались ее офицеры. Она открыто задавала вопросы Гитантасу, чтобы все слышали. Львица так руководила, не свысока, а как товарищ среди равных. За это и многое другое ее воины уважали ее практически до поклонения.

По словам молодого Амброделя, рогатый враг шел прямо, в боевом порядке.

Эльф с правой рукой на перевязи воскликнул: «Пешие? Возможно, мы можем просто ускакать от них!»

«Ускакать куда?» — произнес другой раненый офицер. — «Впереди нас только пустошь!»

«Этого они и хотят», — сказала Львица. Она рассеянно трепала Орлиного Глаза по пернатой шее. — «Вытеснить нас, и дать пустыне прикончить нас».

«Тогда, давайте остановимся, и будем сражаться!» — сказал первый эльф. Остальные, несмотря на свои раны, громко поддержали его заявление.

Керриан покачала головой. Даже если они ухитрятся разбить атакующих, то потеряют в бою половину своих сил. В эти дни каждый воин был на счету. Изгнанные с родины, эльфы обладали только теми ресурсами, что смогли унести с собой. Кони и тренированные бойцы были ценнее любого количества стали или драгоценных камней.

Она почесала голову, вызвав небольшой водопад песка с волос. Густые пряди сопротивлялись ее попыткам уложить их в косу, так что она просто прихватила их сзади кожаным ремешком.

Ее потрепанная армия ожидала ее, ожидала приказов. Неважно, насколько серьезно раненые, их головы не склонились. Если она прикажет, все до последнего будут драться — и большинство умрет. Такой приказ был невообразим. Сохранение армии было гораздо важнее мимолетной стычки с минотаврами.

Она поставила ногу в стремя тонкого седла Орлиного Глаза и вспорхнула на спину грифона. Пока она усаживалась, море ожидающих лиц продолжало в тишине внимательно следить за ней.

«Армия двинется на восток, к морю», — сообщила она.

Некоторые были откровенно потрясены. Хотя побережье было менее суровым, чем

глубокая пустыня, оно находилось под бдительным присмотром флота минотавров. Избежать обнаружения было невозможно. Враги могли проплыть и высадить войска в любом месте впереди отступавших эльфов.

Однако, служившие под началом Львицы в долгой кампании против рыцарей нираки, не были шокированы. Они знали, что она не была отчаявшейся или безрассудной, знали, что у нее в голове должен был быть какой-то смелый план.

Она тихо добавила: «Мне нужны добровольцы». Хотя она не уточнила, зачем, все присутствующие внезапно поняли, о чем она говорит. Офицеры выпрямились по стойке «смирно», как один вызываясь добровольцами.

«Мне нужно прикрытие, чтобы задержать минотавров. Держать оборону». — Она указала на небольшую возвышенность среди зарослей можжевельника. — «Здесь, на этом бугре».

Гитантас Амбродель открыл, было, рот, но прежде, чем он заговорил, она махнула рукой. «Нет, не вы, Капитан. Вы мне нужны для другой задачи».

Он не распознал вежливую ложь. Усталое лицо Львицы ничего не выдало, но она хотела избавиться слишком молодого, слишком пылкого капитана от этой задачи. Она потеряла в этой кампании слишком много таких, как он.

Сильванестиец по имени Баранталонус, ветеран, отсалютовал. «Генерал, окажите мне эту честь».

Она спросила его, почему. Его загорелое лицо обернулось к югу, карие глаза устремились вдаль, будто видя зеленую землю, что все еще лежала за горизонтом. «Я бы хотел умереть хотя бы *близко* к земле Сильванести», — просто сказал он.

«Очень хорошо. Подбери отряд из пяти сотен хороших лучников. Задержите здесь врагов хотя бы на день».

Невыполнимый приказ, но Баранталонус кивнул. «Пять сотен сильванестийцев».

Никто не возразил против скрытой издевки. Все знали, что сильванестийцы считали себя выше всех рас, включая других эльфов. В другой ситуации, Львица бы не стерпела такое провокационное заявление, но сейчас вряд ли были обычные обстоятельства, да и этот эльф вызвался добровольцем на смерть.

Пожав плечами, она сказала: «Хотела бы я, чтоб с вами был сам Кит-Канан».

«Генерал, он был квалинестийцем».

Эта шутка вызвала у остальных хриплый смех. «Ну, в вашей компании будет, по крайней мере, один, не рожденный под звездой». Она указала на себя.

Ее офицеры запротестовали. Как командующий армией, она не должна была подвергать себя такой опасности.

«Я поступлю так, как посчитаю наилучшим для армии», — резко произнесла она, отсекая протесты.

Гитантас был отправлен за Таранасом. Как заместитель командующего, он должен был руководить в ее отсутствие.

Еще четыре офицера сильванестийца попросили присоединиться к Баранталонусу, так что он отправил их по шеренге собрать пять сотен воинов. В кратчайший срок силы прикрытия были собраны на песчаном холме. Все оставшиеся в армии стрелы были переданы им. Лучники тщательно выбирали позиции, каждый окружал себя частоколом стрел, втыкая те острием в крупный песок. Один из лучников, незнакомый Львице, отдал свою пищу и бурдюк с водой товарищу, который продолжал марш. Очень быстро все эльфы

из отряда прикрытия отдали свои драгоценные рационы, а затем преклонили колени и принялись ждать прибытия врагов.

Прибыл лорд Таранас. Когда-то командир королевской гвардии Квалиноста, он был необычно высоким эльфом. Это, наряду со слегка скругленными ушами, всегда давало повод для слухов о смешанном происхождении. Таранас прославился невозмутимостью в бою, и подобные нападки были единственным, что приводило его в ярость. Известного как искусного фехтовальщика, его не часто оскорбляли.

«Леди», — произнес он, отсалютовав Львице. Ее не волновали условности, да и сейчас вряд ли было подходящее время упрекать ее отважного друга. Она с характерной краткостью отдала приказы.

«Отведи армию к морю, Таран. Следуй на север к Кхури-Хану, и с моими наилучшими пожеланиями вручи армию Беседующему».

Таранас поднял бровь. «Флот минотавров — как мы избежим его?»

«Весна почти закончилась. Кхурские кочевники будут покидать глубокую пустыню до установления летней жары». Кериан состроила гримасу; безумие было представить это как весну, тем не менее, летом, и в самом деле, будет намного хуже. «На прибрежной дороге будут сотни, тысячи их. Смешайтесь с ними, присоединитесь к их караванам. Быколюди не будут досаждают вам, пока вы будете следовать в массе кочевников». Было известно, что король людей Кхура, Сахим-Хан, был в дружеских отношениях с минотаврами.

«Разве почетно красться домой», — тихо сказал Таранас, — «укрываясь за ордами оборванцев кочевников?»

«Война — не вопрос чести. Это вопрос выживания — и победы». Так как последняя ускользнула от них, главным становилось предыдущее.

Монотонное завывание рога эхом разнеслось над песками. Кериансерай поднесла ладонь к глазам. Густое поднимающееся облако пыли обозначало прибывающего врага.

«Ступай», — сказала она. — «Передай Беседующему...» Она замолчала, несчастный румянец окрасил ее загорелые щеки, когда ей не удалось подобрать правильные слова.

Таранас был глубоко тронут, но уважал ее личные чувства. «Я знаю, что сказать Беседующему, леди. Прощайте».

Как отлив, оставляющий на берегу обломки, эльфийская армия уткла, оставляя на каменистом холме маленький отряд сильванестийцев. Семьдесят пять сотен воинов, верхом и пешком, скрылись среди сосен и можжевельника. Несмотря на усталость и тяжесть на сердце, с их стороны слышался лишь шелест ветра. Добровольцы следили за их уходом.

Львица выгнулась в седле. Из длинной обшитой кожей трубы, привязанной к бедрам Орлиного Глаза, она извлекла три отрезка полированной стали, каждый примерно четырех футов длиной. Свинчивая их концы, она вскоре получила грозное копьё, смертоносное оружие всадника грифона.

Лучники подняли головы. Они услышали одиночный голос, намного басовитее эльфийского, даже басовитее человеческого, ревущий вдали. Командир минотавров подбадривал свои войска. Все посмотрели на Баранталонуса. Он в ответ посмотрел на Львицу.

«Я пока не буду отвечать», — сказала она, натягивая кольчужные рукавицы. Хотя они и были сшиты из светлой ткани, отражающей солнце, надевать их было подобно тому, чтобы сунуть руки в горячую сковородку. «Нет смысла выдавать нашу позицию».

Облака пыли становились гуще, растекаясь полукругом с юга на север, полностью

охватывая небольшую возвышенность. Бряца и грохоча, огромная бронированная армада минотавров приближалась. Камушки подпрыгивали, когда пустыня сотрясалась под поступью двух тысяч быколюдей. Орлиный Глаз больше не перебирал когтистыми передними лапами по горячему песку. Грифон стоял, не двигаясь и не сводя с приближающегося врага взгляда золотистых глаз, ожидая малейшей команды своего всадника.

Кериансерай затянула под подбородком ремешки шлема. Это не был боевой шлем, стальной или железный, а простая кожаная шапочка, главным образом нужная для того, чтобы ее густые золотистые волосы не падали на лицо, когда она находилась в воздухе. Она сняла с колен стальное копье и сунула его подмышку. У нее в голове роились мысли: Какой долгий путь она проделала от лесов Квалинестии. Там она впервые сразилась с неракцами, имея лишь простую кожаную пращу. Теперь она с рыцарским оружием в руке командует со спины грифона лордами Сильванестии. Причудливая судьба привела ее сюда.

Судьба — и ее муж. Когда-то презираемый как «Король-Марионетка», орудие рыцарей Нераки, Гилтас оставил тихую уютную жизнь, чтобы вести остатки эльфийских наций через горы и пустыню, и найти убежище в Кхуре. Теперь никто не называл его марионеткой. Коалиции квалинестийцев, сильванестийцев и кагонестийцев, покинувших свои лесные земли, было шесть лет, и она все еще была хрупкой, как яйцо колибри. Вместе их удерживал Гилтас, Беседующий с Солнцем и Звездами.

Грохот от приближения минотавров был оглушительным. Они маршировали группами плотных треугольных боевых порядков, вершиной вперед, ведя наступление своим знаменитым «драконьим зубом». Встречавший их линейным строем враг в бою оказывался стиснутым с двух сторон. Эти драконьи зубы минотавров пережевывали и уничтожали целые армии. Но Кериансерай не собиралась сегодня играть по их правилам.

Она посмотрела на Баранталонуса и кивнула. Он отдал приказ. Как один, пять сотен сильванестийских лучников — лучшие из оставшихся в целом мире — встали, наложили стрелы и выпустили их в воздух. Кериансерай на мгновение закрыла глаза и прошептала единственное слово.

«Гилтас».

Веками Кхур считался пустой землей, лишенной жизни и не пригодной для выживания, содержащей лишь песок, камень и солнце. На самом деле, пустыня была домом многим живым существам, приспособившимся к суровой среде. Под песком обитали существа цепкие и часто ядовитые. Над землей произрастала трава, напоминая проволоку, колючие вьюны и безжизненные кустарники. Ночью пустыня расцветала, источая редчайший аромат в мире. Запах был сладким, но лепестки растений были смертельно ядовиты. Таковой была жизнь в землях Кхура.

Народ Кхура также соответствовал своему пустынному дому. Большинство были кочевниками сурового вида и строгих законов, преданными клану, племени и богам. Предоставленные сами себе в суровых землях, они не знали другого повелителя, кроме пустыни. Каждое племя было своей собственной нацией, и каждый кочевник сам себе лордом. Непокорные, тем не менее, они имели короля, Хана Кхура, жившего в городе Кхури-Хан.

Город вырос на востоке, где встречались море и песок. В прошлом неоднократно захваченный и разграбленный (в последний раз последователями грозной драконицы Малистрикс), Кхури-Хан каждый раз возрождался. Вновь восстановленные, приземистые круглые башни и квадратные жилища снова поднимались из бесконечного песка. Поврежденный фасад Кхури-ил-Нора — «Дворца Заходящего Солнца» — был окутан лесами, а внешняя городская стена пестрила вновь вырезанными каменными блоками, закрывшими проделанные в недавней войне бреши. Горожане собирали кирпичи и обломки дерева от своих домов и возвращали их на место. Знать и простой народ наравне посадили тысячи саженцев финиковых пальм по всему городу, рядом с уцелевшими старыми деревьями. Возобновилась торговля, и жизнь потекла в шумной вздорной кхурской манере.

Новые здания были не единственными переменами в Кхуре. Под стенами Кхури-Хана раскинулся огромный разноцветный палаточный лагерь. Несколько миль протяженностью, скопление убежищ под городской стеной напоминало облепившие упавшее бревно грибы. Эта импровизированная метрополия была переполнена сотнями тысяч эльфов, бывшими жителями Квалинестии и Сильванестии. Лагерь эльфов-изгнанников не без иронии назывался его обитателями «Кхуриност», а жители Кхури-Хана называли его *Лэддэд-ихар*, Эльфийский Муравейник.

Лэддэд было старым словом, буквально означавшим «те, кто ходит по воздуху», намекая на наездников на грифонах древности. Теперь оно имело значение просто «эльфы», объединяя квалинестийцев, сильванестийцев и кагонестийцев, так как кхурцы не делали между ними различий.

В центре этого огромного пестрого палаточного лагеря находился дом Беседующего с Солнцем и Звездами. Гилтас, сын Таниса Полуэльфа и Лораланталасы, был последним из рода великих и слабых Беседующих, восходящего к основателю квалинестийской нации, Кит-Канану, а через него, к августейшему Сильваносу Золотоглазому. На Гилтаса свалилась пугающая задача вывести свой народ из разоренной родины, оставив ее рыцарям Нераки, толпам диких гоблинов и бандитским ордам капитана Самоала. Квалинестийцы с боями прошли через половину континента, и пришли сюда, в эту бесплодную пустыню. Тысячи погибли во время этого похода, павшие от стрел и мечей, равно как и от менее

материальных, но не менее смертельных опасностей: жары, болезней, истощения и горя. Пески западного Кхура были усеяны костями, сломанными повозками, брошенным имуществом и политы слезами целой расы.

Когда Гилтас впервые увидел город Кхури-Хан, за его спиной стояла едва ли тысяча эльфов. После ужасов изгнания и мучительного перехода через пустыню, высушенная солнцем столица Кхура казалась сном о рае, но эльфийская баллада горя не была еще дописана. Шли месяцы, прибывали все новые беженцы, группами по пять-десять эльфов, как и тысячными колоннами. С далекого юга пришли сильванестийцы, вытесненные из своих лесных полян и хрустальных залов ордами неистовых минотавров. Меньше сильванестийцев, чем квалинестийцев покинули свою родину, несмотря на то, сколь жалким стало их существование, большинство не могли вынести разлуки со своими священными наследными землями. Вместо этого, они растворились в лесу, живя среди деревьев, как их первобытные предки. К Гилтасу, по большей части, присоединились высшие слои, воины и придворная знать Сильванести. Когда отрекшаяся Эльхана Звездный Ветер провозгласила Гилтаса Беседующим со Звездами, сильванестийские придворные изгнанники проглотили свое негодование от того, что их правителем стал квалинестиец (да еще и испорченный человеческой кровью!). Если раса эльфов хотела выжить, ей был нужен лидер. Некогда презираемый «Король-марионетка» доказал свою способность. Эльфы с лучшей репутацией погибли или, пав духом, сдались врагу. Но не Гилтас. Испытание изгнанием показало его истинный характер, так что сильванестийская знать сплотилась вокруг него, образовав тесный круг советников у трона объединенных эльфийских наций.

Ушли в прошлое вышитые шелковые одежды и пышные мягкие наряды, которые носились в Квалиносте и Сильваносте. Жизнь в пустыне потребовала более практичного платья. Беседующий стал носить кхурское одеяние, халат без рукавов из белой льняной ткани, называемый *геб*, перехваченный в талии кожаным шнурком, известным как *гхуффран*. Как когда-то он культивировал отстраненный внешний вид и бледный цвет лица дворцового поэта, теперь Гилтас был худощавым, загорелым и серьезным. На его плечи лег груз ответственности за эльфийскую нацию, и хотя Гилтас не позволял этому напряжению сломить себя, время от времени оно начинало тяготить его. Беседующий вставал рано, работал весь день и теперь жил столь скромно, сколь когда-то пребывал в бесцельной праздности.

Этот день начался так же, как и большинство предыдущих. Гилтас стоял в комнате для аудиенций в центре круглого ковра, заложив руки за спину. Узоры цвета красного вина с охрой лучами расходились от центрального рисунка в виде солнца, ковер был даром Сахим-Хана, монарха (но не хозяина) Кхура. Этот подарок, по словам Хана, должен был обеспечивать комфорт Беседующему, Но Гилтас знал истинную цель: служить насмешливым напоминанием о его потерянном троне.

«Что сообщает леди Кериансерай?»

Вопрос Беседующего заставил кучку придворных и слуг прекратить разговоры. Это была странно выглядящая группа, большинство в кхурском одеянии, но несколько упрямцев по-прежнему придерживались моды своей родины. В нескольких футах от Беседующего бдительно наблюдал Планчет, давний камердинер и телохранитель Гилтаса. Как и его сеньор, он был одет в местном стиле, но меч на талии был чисто квалинестийский.

Толпа наблюдателей расступилась, открывая молодого эльфа, худощавого и закаленного солнцем, ветрами и лишениями, вытянувшегося в приветствии. Он снял свой матерчатый

головной убор в кхурском стиле и произнес: «Лорд Таранас шлет поклон, Великий Беседующий!»

Комната погрузилась в тишину. Если этого курьера отправил Таранас, а не Львица, это могло означать только одно, что жена Беседующего больше не находилась с армией.

«Армия вернулась из южной экспедиции, и теперь у Вади Талафта», — продолжал посланник, назвав пересохшее озеро к югу от города, обычно использовавшееся кочевниками в качестве естественного загона для стад лошадей и коз. «Леди Кериансерай», — молодой гонец сглотнул, — «нет с ними, сир».

Гилтас не мог выказать тревоги при своих придворных. Невозмутимо, насколько это было возможно, он осведомился: «Что случилось, капитан?»

Гонец сообщил о провале авантюры Кериансерай на юге. При каждой попытке войти в Сильванести, путь армии преграждали минотавры, и силы быколлюдей оказывались несметными. Зажатая в приграничных землях между лесом и пустыней, Львица и отобранный отряд лучников остались прикрывать позади, чтобы основная часть окруженной армии могла спастись.

Все не сводили глаз с Беседующего, как он перенесет эти новости. Его неизменный загар не скрыл внезапно побледневшее лицо. Планчет непроизвольно шагнул к нему, затем остановился. Будучи другом и доверенным советником, равно как и телохранителем, тем не менее, Планчет не мог позволить своему участию нанести урон достоинству Беседующего.

Гонец сообщил, что до Вади Талафта добрались шесть тысяч восемьсот восемьдесят девять эльфов. Это из десяти тысяч. Ропот пронесся по комнате.

Пока подданные Беседующего шептались о тяжелых потерях, Планшет поговорил один на один со своим повелителем. Гилтас кивнул, и камердинер тихо выскользнул из комнаты.

Беседующий поднял руку. В наступившей тишине он объявил: «Наша кампания на юге окончена. Мы больше не можем тратить свои скудные ресурсы на такие безнадежные предприятия». Затем он велел гонцу отправиться к лорду Таранасу с приказом возвращаться в Кхуриност.

После его слов собрание вновь заволновалось. Капитан Амбродель отсалютовал, но не убыл. «Великий Беседующий», — произнес он, — «прошу прощения за прямоту, но мы можем еще многое сделать на юге! Мы можем тайно направить небольшие отряды бойцов через Тон-Талас в пределы Сильванести...»

«С какой целью? Отряды в двадцать или тридцать партизан едва ли могут одолеть быколлюдей».

Это произнес высокий элегантный эльф с черными, как смоль волосами до плеч. На запястьях у него было по тяжелому золотому браслету, и он был одет в шелковое одеяние цвета его голубых глаз.

«Лорд Мориллон прав», — невозмутимо согласился Гилтас. — «Не в наших силах освободить нашу древнюю родину. Сейчас гораздо важнее отыскать место, где мы можем пустить корни и снова стать нацией».

Молодой капитан сердито посмотрел на надменного дворянина. Они оба были Амброделями. Гилтас происходил из младшей линии, больше двадцати пяти веков назад последовавшей из Сильваноста за Кит-Кананом, когда тот основал нацию Квалинести. Он вырос на службе у Львицы. Слегка округленные уши и утолщенные брови выдавали человеческую кровь среди его предков, а его черные волосы были собраны в короткую аккуратную косичку, как и подобало солдату. Тем не менее, он имел явное сходство со

своим дальним кузеном из Сильванести, элегантным лордом Мориллоном Амброделем.

Капитан отвернулся от Мориллона, открыто обращаясь к Гилтасу. «Великий Беседующий, дома мы смогли сделать многое против рыцарей. А их было значительно больше, чем минотавров».

Мориллон сказал: «Дома ты был в знакомых местах, и тебе помогало дружественно настроенное население. В Кхуре нет ничего дружественного — ни людей, ни местности, ни климата». Он склонил голову в сторону Беседующего: «Великий Гилтас решает мудро».

Капитан Амбродель больше ничего не сказал, но в его глазах светилось разочарование.

Другие солдаты на собрании принялись обсуждать его идею набегов на Сильванести, и разгорелась оживленная дискуссия. Лорд Мориллон, внимательно наблюдая за Беседующим, увидел мимолетное выражение боли, исказившее лицо монарха. Было очевидно, что мысли Беседующего были о судьбе его энергичной, рискованной жены. Солнце взошло лишь час назад, но Беседующий выглядел не выспавшимся. Было известно, что иногда он гуляет поздно ночью по улочкам Кхуриноста, на нем тяжким грузом лежала ответственность.

Спор становился все громче, но спокойный голос Мориллона с опытной легкостью прекратил его. «Беседующий устал», — объявил он. — «Давайте все удалимся».

Гитантас хотел, было, остаться, но Мориллон проводил его до двери, ругая молодого эльфа за то, что тот испытывал терпение Беседующего. Разочарование капитана прорвалось.

«Мы больше не в Сильванесте, милорд! Уши нашего Беседующего для всех его подданных, а не только для богатых и титулованных!»

Кузен лицом к кузену: Мориллон сдержанный, бледный от нахождения в помещениях; Гитантас на дюйм выше, его загорелое лицо покраснело от гнева. Только глаза были похожи: твердые, решительные, цвета синего неба над их палаточным городом.

Гитантас, наконец, зашагал прочь, чтобы отнести лорду Таранасу приказ Беседующего. Лорд Мориллон следил за своим кузеном, пока тот не скрылся из виду в лабиринте узких проходов, оставленных между соседними палатками. Мориллон много лет был придворным, начав службу при Королеве-Матери Эльхане, и он долго совершенствовал искусство сохранять невозмутимое выражение, будучи даже рассерженным. Не выучившиеся манерам молодые выскочки сильно раздражали его. Кузен или нет, он пометил Гитантаса как одну из горячих голов Львицы и поклялся приглядывать за ним.

На время отвлекая молодого эльфа от его дум, Мориллон снова подошел к Беседующему. Группа его единомышленников сильванестийских лордов проводила его взглядами.

«Сир, после обеда у меня аудиенция с Сахим-Ханом. Будет какое-то особое послание, которое вы хотите, чтобы я передал?» — спросил он.

«Скажите ему, что климат у него ужасный». — Не видя никаких перемен в выражении лица сильванестийца, Гилтас мягко добавил, — «Шутка, милорд».

Мориллон склонил голову. «Да, Великий Беседующий».

Гилтас вздохнул. «Заверьте Хана в моем почтении и передайте наилучшие пожелания. Что же касается дани — делайте то, что сочтете нужным, чтобы помочь ситуации».

За честь оставаться во владениях Хана, эльфам приходилось платить Сахим-Хану тысячу стальных монет в день. Эта поражающая воображение сумма уплачивалась каждые двадцать дней. Лорд Мориллон пытался выторговать меньшую цену.

Дворянин поклоном подтвердил нечеткий приказ Беседующего и отбыл, толпа безмолвных сильванестийцев отправилась за ним вслед.

Оставшись в одиночестве, Гилтас уселся в парусиновое складное кресло, служившее теперь ему треном, сдавшись усталости и меланхолии. Пока он тер глаза, вернулся Планчет, войдя через отверстие в дальней стенке. Камердинер задержался у внушительного буфета. Как большинство обстановки Беседующего, он был конструкции кочевников, сделан из тонких деревянных реек и крашеной ткани. Мастерство художника придало ей вид полированного дерева и мрамора. Будучи освобожденным от содержимого, буфет мог быть сложен в считанные минуты, водружен на вьючную лошадь и перенесен в следующий лагерь ночевки. Гилтас считал его подходящей метафорой для всей своей жизни, для жизни каждого эльфа в убогом палаточном городе.

Планчет наполнил глиняную чашку белым нектаром и протянул ее своему господину. Гилтас взял чашку, но его внимание было обращено не к напитку. «Ну?» — спросил он.

«Я говорил с провидцами. Шестеро наших людей и двое кхурцев. Они попробуют выяснить местонахождение леди Кериансерай и... здоровье».

«Если допустить, что она жива», — прошептал Гилтас, затем вздрогнул, словно произнесенные слова могли наложить рок на его жену.

«Сир, вы также хорошо, как и я, знаете, эту леди очень трудно убить. Поверьте! Если кто и может потянуть минотавров за хвосты и убежать, чтобы хвастать этим, так только Кериансерай». Он произнес это беспечно, пытаясь вызвать у Гилтаса улыбку.

Планчет протянул Беседующему маленькую вазу с финиками, фигами и орехами, уговаривая того позавтракать. Гилтас махнул рукой, велел своему камердинеру не суетиться, что он поест позже.

«Вы говорите так каждый раз, когда я предлагаю вам пищу», — пожаловался Планчет. — «Вы не можете править нацией на пустой желудок».

Его невозмутимая настойчивость — точно таким тоном увещивают непослушного ребенка — в сочетании с отеческой манерой, возымела действие: Гилтас схватил из вазы фиги, и отправил их в рот.

«Счастлив?» — произнес он, слегка улыбаясь полным ртом.

«Очень счастлив, Великий Беседующий».

Вместе с тем, давнишний камердинер, а иногда и генерал королевской стражи, ретировался. Послышалось оптимистичное «Хорошего отдыха, сир», произнесенное через плечо, когда тот скрылся из виду.

Перед битвой у Санктиона, когда он назначил Планчета командовать квалинестийскими войсками, Гилтас просто сказал Планчету, как тот важен для него. Друг, советник, заменивший отца, телохранитель, всем эти и большим был Планчет. Кериансерай была сердцем Гилтаса, его любовью, его жизнью; Планчет, осознал он, был его силой, его центром опоры во вращающемся хаосе их жизнью.

Гилтас снова поднес чашку к губам. Его рука дрожала. Раздраженным этим, он быстро осушил чашу. Нектар был молодым и невыдержанным, и отдавал горечью. Невозможно было сделать хорошее вино в безудержном бегстве. Нектару, как и нации, нужна была стабильность, чтобы полностью раскрыть потенциал.

Он налил еще. Нужно было уметь обходиться тем, что имеешь. Он снова осушил чашу, откинулся в кресле и закрыл глаза.

Мир перевернулся с ног на голову. Мерзкие гоблины рыскают по Квалиносту, грабя лесные переулки города Кит-Канана. Великое множество буйных минотавров заселили хрустальные залы Сильваноста. Громадные уроды едва протискивались сквозь типичные

эльфийские дверные проемы — что им толку со всего города? Только подумать, что в таких грубых руках два образца изящности, культуры и цивилизованности! Видения в его голове — а может невыдержанное вино — вызвали у Гилтаса приступ тошноты. Закашлявшись, он подавил его.

Он обругал себя за то, что попал в ту ловушку, полагая, что места образуют нацию. Города и башни, сады и храмы были всего лишь недвижимостью. Настоящую ценность имела жизнь и то, что ее обеспечивает: пища, вода, простой кров. Нужно обеспечить эти предметы первой необходимости, если эльфийской расе суждено было выжить.

И его народ *непреренно* выживет. В этом Гилтас был непреклонен. Все иное было суетой.

Гилтас вывел свой народ из поглотившего Квалиност кошмара, провел по Пыльным Равнинам, к мнимому убежищу в Кхуре. Судьба передала ему в руки трон Сильванести, когда его кузен Портиос, Беседующий со Звездами, исчез. Сын и наследник Портиоса, Сильванеш погиб в конце войны. Королева-мать Эльхана, оплакивая смерть своего сына, отправилась на безнадежные поиски Портиоса. Прежде, чем уйти, она отдала в руки Гилтаса корону Сильванести.

Катастрофа исхода привела к величайшим событиям в жизни Гилтаса, в жизни любого эльфа: объединению двух королевств, разделенных со времен Братоубийственных Войн. Эльхана, сильванестийка, и Портиос, квалинестиец, надеялись, что их брачный союз воссоединит обе нации. Вместо этого, они еще сильнее разошлись. Теперь же, вопреки всему, две нации снова были одной, объединенной личностью Гилтаса. Когда-то насмешливо прозванный «Королем-марионеткой», теперь он был известен как Гилтас Следопыт. Ему предстояло найти дорогу к постоянному дому — где бы тот ни оказался.

На время можно было пожертвовать гордостью, отказаться от уважения, потратить сокровища. Чтобы удержать вместе древнюю расу Перворожденных, он бы имел дело с любым, с кем пришлось, даже мерзавцем вроде Сахим-Хана, одним из самых лживых и алчных людей, с которыми он когда-либо сталкивался.

Даже в королевском роду, славящемся черными сердцами, неприкрытое честолюбие и непомерная жадность Сахима выделялись исключительно. С половиной своей столицы в руинах, он мечтал, как эльфийские богатства потекут рекой на ее восстановление. Но если требуются сокровища, чтобы купить убежище, неважно, насколько временное и неудобное, для его изгнанного народа, Гилтас использует всё, до последнего куска стали и золота, что смогут собрать его подданные. Сокровища, как и здания и земли, были восстановимы. А жизнь нет.

Когда-то он измерял свою жизнь скоротечными минутами, проведенными с Керриан. Словно закаленная сталь, она была яркой, острой и смертоносной, и требовала бережного обращения. Тихий уют и нежные клятвы любви шепотом были не для них с Гилтасом. Их брак был союзом противоположностей. Планчет однажды сказал — после особенно трудного дня и слишком большого количества крепкого нектара — что боги словно раскололи надвое некоего героя, создав сильную, пылкую Керриансерай и задумчивого, чувствительного Гилтаса. Их брак снова воссоединил эти половинки, создав единую личность, единую душу.

Она жива. С той же уверенностью, с какой ощущал биение собственного сердца, Гилтас знал, что Керриан не была мертва.

Он не заметил, что заснул, пока внезапный шум резко не разбудил его. Пустая бутылка

из-под нектара лежала рядом с креслом; глиняная чашка выпала из его руки.

Пока он сидел, гадая, как долго был в забытьи, и что разбудило его, крыша палатки затряслась, осыпая его голову пылью. Снаружи послышались крики. Должно быть, сирокко обрушился на палаточный комплекс, опрокинув несколько наименее устойчивых строений.

Звук рвущейся ткани опроверг это предположение и заставил эльфа вскочить. Его лицо сквозь крышу заливал солнечный свет, по мере того, как меч прорезал потолок. С затуманенной от вина и сна головой, Гилтас уставился на яркий кончик меча, удивляясь, как кто-то может стоять на колышущейся крыше. Колья и подпорки палатки явно не выдержали бы его веса.

До его ушей донеслись новые крики, уже громче, и звуки извлекаемых мечей. Фигура в маске, облаченная в грязное белое платье, прыгнула в отверстие, тяжело, но ловко приземлившись на пальцы рук и ног. Под кхурским платком у фигуры блестел стальной шлем.

В то же мгновение сквозь полог палатки ворвался Планчет, с мечом наготове. Позади него возникла толпа домочадцев Беседующего, вооруженных чем попало, от копий до шампуров. Гилтас поднял руку, останавливая на пороге своего телохранителя. Он указал взглядом на нарушителя.

«Леди, вы проделали дыру в моей крыше».

Кериансерай, покрытая слоем пыли и запекшейся кровью, выпрямилась. Она сдернула пыльную маску с нижней половины лица и сунула меч обратно в ножны. Не обращая внимания на изумленного Планчета и раскрытые рты остальных, она наклонилась и тепло поцеловала своего супруга.

Отходя назад, она воскликнула: «Те чертовы сильванестийцы не позволили бы мне войти!»

Лорд Мориллон со своей когортой, помешанные на придворном протоколе Сильваноста, делали все возможное, чтобы управлять доступом к Беседующему — даже для Львицы, когда только могли.

«Как ты пробралась мимо них?» — весело спросил Гилтас. Он положил ладонь на ее гладкую коричневую щеку, впавшую от изнурения.

«Орлиный Глаз».

Он посмотрел наверх, на дыру в крыше. В ней мелькал круживший над головой грифон. У них были поразительные взаимоотношения. С Львицей свирепое существо было кротким, как котенок, повинувшись каждому ее слову. Грифоны обычно с ранних лет привязывались к одному всаднику и, в случае его потери, никогда не были доброжелательны к другому. Первоначальный всадник Орлиного Глаза погиб в стычке с минотаврами. Вопреки всему, разумный зверь почувствовал симпатию к Львице — скорее всего потому, что они были одного поля ягоды, считал Гилтас.

Потенциальные спасители беседующего разошлись, и Планчет ушел, чтобы принести еще нектара. В это время Кериансерай угостилась апельсином, распространенным фруктом приморских садов Кхура. Она стянула капюшон и шлем, и провела рукой по спутанным волосам.

«Посыльный лорда Таранаса только недавно убыл», — Гилтас оценил угол, под которым падал солнечный свет, — «менее часа назад. Выслушав его доклад, я опасался за твою безопасность».

Казалось, от его слов улетучилась ее радость от их встречи. Выкашливая кхурскую пыль

из горла, она проскрежетала: «Да, я в безопасности, и я здесь».

Не дождавшись от нее ничего более, он спросил об упоминавшемся Гитантасом арьергарде, пяти сотнях лучников, с которыми она осталась в заслоне против минотавров. Она ответила: «Они отдали свои жизни ради остальной армии».

«Больше никто не выжил? Только ты?» — спросил сбитый с толку Гилтас.

Она стиснула в руке дольку апельсина. Между ее пальцев заструился сок. «Это был не мой выбор!»

Прежде, чем она смогла пояснить это странное утверждение, вернулся Планчет. Она наполнила чашу и отошла от мужа, погрузившись в мрачное молчание. Чувствуя напряжение в комнате, Планчет не стал задерживаться.

Гилтас подошел и стал позади жены, близко, но не прикасаясь к ней. Он практически ощущал гнев, исходящий от нее, словно жар от кхурского солнца.

«Я очень рад видеть тебя, любовь моя», — тихо произнес он.

«Гил, я не счастлива находиться здесь! Я должна была пасть вместе со своими воинами!»

На последнем слове ее голос прервался, и он готов был поддержать ее. Но она не сделала ни движения в его сторону, не повернулась, только залпом осушила чашку.

Он спросил, что случилось, и все же она долгое время молчала. Наконец, резко тряхнув головой, она сказала: «Я не хочу говорить об этом. Все в прошлом. Мы должны почтить наших мертвых, продолжив кампанию. Быколюди заплатят!»

Она так крепко стиснула чашку, что костяшки пальцев побелели. Гилтас оставил попытки утешить ее и, нахмурившись, вернулся в кресло. Почему-то было немного легче сказать то, что он должен был, сидя на королевском троне. Слегка повысив голос, он запретил своей жене возвращаться на юг. От плана захвата Сильванести, объявил Гилтас, решено отказаться.

Она с диким взглядом обернулась. «Ты прекращаешь борьбу? Почему?»

Голос Гилтаса был ровным. «Снова и снова это пустая трата жизней, битва с минотаврами. У меня для тебя есть более важная задача».

«Что может быть важнее, чем одолеть наших врагов?»

«Поиск дома для нашего народа».

Ее смех был резким и пренебрежительным. Это был старый спор, все чаще случавшийся в эти дни. Кериансерай, ее воины и многие дворяне Сильванести из изгнанников хотели отбить потерянные земли у оккупантов. Гилтас считал это бессмысленной мечтой. Единственной надеждой его народа было обрести новую родину, свободную от минотавров, бандитов, гоблинов и жадных людей.

Он встал и кивком пригласил ее последовать за собой. На одной стороне широкой круглой комнаты стоял ряд сундуков и шкафов, содержащих спасенные ими из Квалиноста официальные документы. Он отпер обитый металлом сундук и вытащил длинный свернутый в рулон пергамент.

«Один из моих писцов отыскал это на Большом Сууке. Он заплатил за него восемь стальных монет».

Высокая цена. Развернутый, пергамент оказался картой, изображением Кхура от пляжей залива Балифор до горной гряды, протянувшейся от Керна на севере до Блода на юге. Разочарование Кериан было сильным. Ее муж обладал бесчисленными планами и картами. Его писцы каждый день навещали сууки, тратя драгоценную сталь и спрашивая карты.

Вначале она была впечатлена его успехами, думая, что он искал информацию, которая должна была помочь им вернуть родные земли. Но спустя несколько месяцев, когда не обнаружилось ничего полезного, она потеряла интерес.

Расправив обеими руками скрученный пергамент, Гилтас оживленно рассказал ей, что нашедший его писарь сбил цену с пятнадцати стальных монет. Такая торговля была нормой для кхурских сууков; следовали громкие споры, энергичное покачивание головами и жестикация, покупатель пару-тройку раз притворялся, что уходит, прежде чем, наконец, цена согласовывалась и сделка заключалась.

«Это не совсем обычная карта», — заверил он ее. — «Ей почти две сотни лет».

Она внимательнее присмотрелась к пергаменту. Детализировка и в самом деле была изумительной, с помеченными пересохшими руслами рек и оазисами. В правом нижнем углу, где картограф обычно подписывает свою работу, был изображен странный символ, стилизованная птица с поникшими крыльями, начертанная черными чернилами.

Кериан наклонилась, изучая карту, и когда она сделала это, Гилтас почувствовал едва сдерживаемую силу, исходившую от нее, словно жар тела или запах ее пота. Они так часто были в разлуке, что он стал забывать, как ее присутствие потрясало его. Кериансерай была самой волнующей женщиной, которую он когда-либо знал.

Их глаза встретились, и Гилтас снова увидел великолепного очаровательного воина, которым она была до того, как поражение, изгнание и лишения иссушили ее лицо, ожесточили взгляд и поселили горечь в глазах. Несмотря на их споры, он по-прежнему любил ее. Он сожалел о нараставшем отчуждении. Все прошедшие годы они постоянно ссорились — из-за политики, стратегии, из-за чего угодно.

Так как затянулось его молчаливое внимание, Кериан открыла рот, чтобы заговорить, но ее речь была прервана. Как раз в этот момент вернулся Планчет осведомиться, не нужно ли им чего-нибудь еще.

Гилтас махнул камердинеру войти, и велел придержать правый край свитка. Освободившейся рукой Гилтас ткнул в точку в северных пределах Кхура, в место, где Халкистские Горы расщеплялись, окружая долину в форме лошадиной подковы. Хотя на карте ее все же было не различить, Гилтас улыбнулся, когда его палец коснулся этой точки.

«Это Долина Голубых Песков», — сказал он шепотом, словно опасаясь, что его подслушают. — «Называемая кхурскими кочевниками „Дыхание Богов“».

Удивление Планчета было безмолвным. В отличие от Львицы.

«Я слышала, как ты говорил об этом месте. Я считала, это лишь легенда! Откуда взялась эта карта?»

«Полагаю, из храмового архива. Когда Кхури-Хан был разграблен, многие библиотеки были разорены, а их содержимое всплыло на суухах». — Он снова постучал по этой точке. — «Я убежден, что долина существует, и это — ее истинное местоположение».

Долина Голубых Песков была известна мягким целебным климатом, совершенно отличным от остального Кхура. О ней упоминалось в анналах библиотек Квалиноста под названием *Инас-Вакенти*, Долина Молчания. Защищенной горами, о ней говорили, что это одно из немногих мест в мире, неизменных со времен Первого Катаклизма. Эльфийские хроники также упоминали о нем, как о месте, где когда-то жили боги. Ученые спорили о том, что это значит. Некоторые воспринимали это буквально. Другие утверждали, что это метафора.

Жители Кхура также разделились во мнениях. В Кхури-Хане Долину Голубых Песков

считали ничем иным, как мифом, странным местом, где известные им естественные условия — жара, палящее солнце, вечная засуха — переворачивались вверх дном. Горожане использовали ее в качестве места действия нелепых сказок на ночь для своих детей. В этой долине, согласно сказкам, облака вместо неба цеплялись к земле. Камни росли как деревья. Животные разговаривали как люди. С другой стороны, Кхурские кочевники не сомневались в существовании долины. Никто никогда не бывал там, но они страстно верили древним сказаниям.

Больше года Гилтас тайно собирал информацию о Инас-Вакенти. Он верил, что она сможет стать будущим домом для эльфийской нации.

Кериан спросила: «Почему ты решил, что долина здесь?»

«Я собрал шесть других карт этого района — кхурских, неракских, даже несколько старых соламнийских карт из библиотек Квалиноста. Ни на одной из них нет этой особенной конфигурации гор в виде подковы лошади. Мне кажется, я знаю, почему».

Он сделал паузу, пока Планчет наливал им обоим еще нектара. Кериан, несмотря на свой скептицизм, была захвачена его горячей убежденностью. Она отмахнулась от предложения выпить и поторопила мужа продолжать.

«Остальные карты всего лишь копии с копий с копий», — сказал Гилтас. — «Эта карта — исходная. Рисовавший ее, знал об Инас-Вакенти, потому что побывал там сам!»

Он не мог дать правдоподобных пояснений, почему последующие копировщики пропустили эту долину, сказав лишь: «Все в Кхури-Хане несерьезно говорят об этом месте. Даже городские жрецы относятся к нему, как к легенде — все как один. Я не знаю, проклято или благословенно это место, но я собираюсь выяснить это».

Внезапно Кериансерай поняла, что происходит. «Ты хочешь, чтобы я отправилась туда», — сказала она. Он кивнул, улыбка вернулась на его лицо. Следующие слова Кериан снова прогнали ее. «Гил», — сказала она, — «эта долина — всего лишь романтическая сказка. Даже если она существует, это не наша родина, и никогда не станет ей».

«Земли наших предков потеряны. У нас недостаточно сил, чтобы вернуть их — пока. Это время придет, любовь моя, но пока, на ближайшее будущее, мы *обязаны* обосноваться в нашей собственной земле, а не жить милостью кхурцев. Эта забытая долина могла бы стать нашей лучшей надеждой!»

«Согласна, это милая мечта, но при этом пустая трата времени. Дай мне двадцать тысяч воинов, и границы наших исконных земель запылают! Мы можем вернуть то, что наше!»

Он принял властный вид, и уже Беседующий с Солнцем и Звездами, а не ее муж решительно произнес: «Приготовления к экспедиции начались. Генерал, я ожидаю, что вы возглавите ее».

«Так точно. Как прикажете, Великий Беседующий».

Эти насмешливые слова свинцовым грузом упали к его ногам. Она продолжила, было, спорить, но он оборвал ее.

«Я выбрал Фаваронаса, одного из самых выдающихся историков у меня на службе», — он едва не произнес *в Квалиносте*, — «сопровождать вас. Вы возглавите эскорт из пятисот воинов».

Она нахмурилась, сомневаясь в мудрости отправки такого маленького отряда. Гилтас напомнил ей, что это — разведывательная, а не завоевательная миссия.

«Разведка?» — повторила она. — «Это сумасбродная затея. Нам следует вернуться в Тон-Талас и поднять народ Сильванести против минотавров!»

«Я принял решение! Тема закрыта!»

Планчет, искренне желавший оказаться где-нибудь в другом месте, переводил взгляд с монарха на генерала, с мужа на жену. Тяжесть последних дней взяла свое. Никогда он не слышал такого открытого и горького разрыва между ними.

«Вы — Беседующий с Солнцем и Звездами. Я выполню свой долг», — наконец произнесла Львица. В ее голосе не было сарказма, но тон был ледяным.

Она собралась уходить, но Гилтас, смягчив выражение лица после ее согласия, опередил ее. «Вам нет необходимости начинать путешествие прямо сейчас. У меня есть еще задача, которой я хочу, чтобы вы занялись немедленно, для которой только вы подходите».

Она обрадовалась, и в выражении ее лица он увидел картины дерзких набегов на спине грифона, лязг стали о сталь. Беседующий слегка улыбнулся своему отважному генералу.

«Мне нужно, чтобы вы навестили жрицу».

* * *

Кровать дрожала. Изготовленная из веревочной сетки, натянутой между четырьмя стойками и накрытой тонким хлопчатый матрасом, она имела склонность сотрясаться от малейшего волнения. Гилтас, всегда настороже, открыл глаза и молча оценил ситуацию.

Его личные покои освещались мягким светом голубой лампы-линзы, висевшей на стойке палатки у входа. Безыскусные полотняные стулья и кресла вокруг кровати были пусты. Кериансерай лежала рядом с ним лицом вниз, неподвижная, как статуя. Ее крепко стиснутые в кулаки руки сжимали матрас. Каждые несколько секунд все ее тело сотрясалось.

Он слегка коснулся ее плеча, пытаясь прогнать плохой сон. Ее кожа была сухой и лихорадочно горячей. Она не проснулась. Он несколько раз прошептал ее имя, он она по-прежнему не реагировала. Когда он положил ей на щеку руку, она пробудилась и так резко и сильно перевернулась, что столкнула его с кровати. Он откатился в сторону, так как его жена сражалась с невидимыми врагами. Он услышал, как затрещала в ее руках простыня.

«Кериан!» — вскрикнул он. — «Проснись!»

Она села прямо, тяжело дыша. «Гил? Ты здесь?» — хриплым голосом произнесла она, изучая его сквозь спутанную вуаль своих волос.

«Ты в Кхуриносте, любовь моя, в нашей спальне. Тебе снился сон».

В изголовье кровати со стороны Гилтаса находилась тумбочка, на которой стоял кувшин с прохладной водой и жестяной таз. Кериан плеснула воды в таз и умылась. Гилтас подошел сзади, помедлил секунду, а затем обнял ее. Она откинулась назад, прижав голову к ямке у него на шее.

«Ты билась с минотаврами?» — спросил он. Она кивнула, но больше ничего не объяснила. Он намекнул: «Разделенная ноша — облегченная ноша».

Потребовалось время, чтобы она, в конечном счете, уступила, начав жуткий рассказ. В темной комнате ее боль была осязаема, и Гилтасу пришлось заставлять себя оставаться спокойным, чтобы не нарушить течение ее повествования.

«Быколюдям потребовалось менее часа, чтобы одолеть нас. Мы убили несколько, но это было все равно, что пытаться остановить стрелами лавину», — начала она. — «Что произошло потом, заняло гораздо больше времени».

Выжившие эльфы, тяжело раненные или нет, были связаны по рукам и ногам. Были

выкопаны ямы, по одной на каждого пленного, и в них брошены эльфы. Затем минотавры принялись спорить между собой. Часть хотела похоронить эльфов лицом к их утерянной родине; другие считали, что будет лучше, чтобы они были повернуты лицами к бескрайней пустыне, навечно спинами к Сильванести.

Последние победили. Минотавры засыпали ямы, оставив торчать только головы эльфов. Двадцать девять сильванестийцев были оставлены умирать — если повезет, то от жары и жажды. Если их нашли хищники, их судьба оказалась намного ужаснее.

Гилтас опустил подбородок ей на плечо. «А ты?» — прошептал он.

«Они знали, что я командовала, но не знали, что я Львица из Квалинести, жена Беседующего с Солнцем и Звездами. Так как я была командиром, они связали мне руки и ноги, и забросили на спину Орлиного Глаза».

Предводитель минотавров велел Кериан донести ее народу весть, что Сильванести больше им не принадлежит, и что если эльфы снова придут, они найдут лишь могилы. После этого они хлестнули бока грифона, катапультировав его в небо. Быколюди предусмотрительно стреножили передние лапы Орлиного Глаза и замотали ему клюв кожаными лентами. Все, что он мог сделать, это улететь с бесславно перекинутой через его спину Кериан.

Грифон пролетел какое-то расстояние, прежде чем Кериан смогла освободиться от кляпа и убедить его приземлиться. Она свалилась с него, покатавшись по песку, на который не ступала нога человека. Верный Орлиный Глаз рвал когтями веревки, пока она не освободилась. Она быстро по очереди развязала его путы. У них не было другого выбора, кроме как лететь. После полуночи они прибыли в оазис рядом с побережьем. Четверо воинов Таранаса лежали на песке в сотне шагов от колодца. Раненые, они умерли от жажды, видя воду.

Кериан пополнила свое вооружение и доспехи, забрав их у павших, дала у оазиса короткий отдых Орлиному Глазу, и полетела дальше. К исходу дня Орлиный Глаз со своим седоком увидели Кхуриност.

Гилтас закрыл от боли глаза. Литания ужаса еще не была спета до конца.

«С минуту я обдумывала лететь дальше», — сказала она. — «Мимо этой отвратительной кучи палаток, прочь от Кхура, нашего жалкого народа, и даже тебя. Я подумывала лететь на родину минотавров, найти дворец их короля и вызвать его на бой один на один».

«Ты бы не смогла».

Гилтас имел в виду, что она бы никогда не оставила его или ее народ, но Кериан не поняла мужа.

«Нет, его охрана сразила бы меня задолго до того, как я добралась бы до короля».

Зарывшись лицом в ее волосы, Гилтас сказал: «Я рад, что ты вернулась, жена».

Тут она удивила его. Освободившись из его любовного объятия, Кериан развернулась к нему лицом. «Мне следовало умереть со своими воинами!» — дрожащим голосом заявила она. — «Быколюди опозорили меня! Меня даже не удостоили убийства! Они позволили мне жить лишь для того, чтобы распространить свое послание страха!»

Он напомнил ей, что хотя мертвые герои вдохновляют, только живые лидеры могут сохранить эльфийскую расу, могут привести ее в новый дом. Он пытался утешить ее, шепча, что Инас-Вакенти станет им убежищем, местом, где они смогут залечить раны и набрать силы до того дня, когда снова заявят о своем присутствии в этом мире.

И снова его слова вызвали неожиданный эффект. Кериан раздраженно засопела и

затопала прочь. «Опять эта чертова долина! Лучше омыть леса Сильванести кровью минотавров, чем гоняться за твоим мифом! Лучше умереть, как мои храбрые лучники, чем снова бежать от наших врагов!»

«Безрассудно биться головой о каменную стену!» — резко ответил он, затем замолчал, осознанно управляя своим гневом. Усевшись на край кровати, он сказал: «Если судьба будет милостива, наш народ вернется в Сильваност и Квалиност. Однажды. Но не сегодня, и не завтра».

У Гилтаса были шпионы среди слуг Сахим-Хана, люди, имевшие знакомых в Дельфоне и других, меньших городках вдоль побережья. В их докладах говорилось, что не проходит и дня, чтобы корабли минотавров не огибали Ожерелье Хаббакука, направляясь к побережью Сильванести. Их трюмы трещат под весом вооруженных солдат, посылаемых на усиление армии, уже стальной хваткой удерживающей родину эльфов. Беседующий и не смел надеяться одолеть такого врага, не сейчас.

Он все это поведал Керриан, добавив: «Всему свое время. Время освобождения наших потерянных земель еще не пришло».

Она обошла кровать и опустилась на другую сторону матраса. «Вместо этого я отправляюсь к верховной жрице Храма Элир-Саны и прошу у нее помощи в поисках твоей мифической долины. Ты еще не устал просить людей об одолжениях? „Дайте нам землю. Дайте нам пищу. Дайте нам воду“. Эльфийская гордость умерла?»

Сидя спиной к спине, их кровать была столь узкой, что они едва не касались друг друга, муж с женой смотрели в противоположные стороны. С таким же успехом они могли находиться за многие мили друг от друга. Львица покраснела от ярости, ее кулаки были стиснуты; лицо Гилтаса со следами усталости было бледным, челюсть застыла от напряжения.

Наконец он сказал: «Нет, леди, эльфийская гордость не мертва, просто спрятана, как великий архив Квалиноста, в ожидании того дня, когда мы сможем позволить себе снова продемонстрировать ее».

Они оба легли. Спустя минуту Гилтас протянул руку, но Керриан отодвинулась, свернувшись на краю кровати, как можно дальше.

Так они и заснули — свернувшись калачиком, отвернувшись от мужа, Керриан и Гилтас, лицом вверх, с рукой, протянутой к ее напряженной спине.

«Четкие границы, вот где все ясно. Где безупречно сходятся земля и небо, и между ними ничего. Человек видит, что есть что, и кто есть кто. Добро и зло очевидно. Говорят, в море так и есть. В пустыне тоже».

Проводник, прямая противоположность обычно молчаливым кочевникам, обхватил руками шею лошади и продолжил излагать свою философию. Его аудитория из одного слушателя, ехавшего в нескольких шагах позади, не отвечала. Принц Шоббат Кхурский слушал вполуха. Солнце час, как взошло, и жара уже была невыносимой. Шоббат поправил поля своей широкой фетровой шляпы и в сотый раз сказал себе, что его цель стоила подобных мучений.

Насколько Шоббат мог видеть, со всех сторон был песок, обломки камней и разбросанные тут и там валуны, отбеленные до единого оттенка неумолимым солнцем. Никакие другие цвета не вносили разнообразие в этот путь на северо-запад от Кхури-Хана в нехоженые пустоши, составлявшие большую часть королевства Кхур. И никакой тени. Только невыносимый свет днем и безупречная звездная темнота ночью.

Обозревая пустое пространство вокруг себя, Шоббат удивился бы, если бы здесь, в конце концов, не нашлось темы для болтуна кочевника. Лишенный деревьев и зданий, этот пейзаж определенно сохранился с начала времен.

«В зеленых землях деревья, трава и все такое прорастают из грязи, чтобы связать вместе воздух и землю», — говорил его гид. — «Облака в небе — это дыхание всего растущего, затуманивающее воздух. Под ногами нет ничего, кроме разложения, червей, жуков и тлена, гниющей мантией устилающих эту землю».

Шоббат хрюкнул, от ослепительного блеска его глаза было сощурены до узких щелочек. «Да ты поэт».

«Нет, милорд. Кочевник. Я всю свою жизнь имел дело с четкими границами».

Гида звали Вапа. Его лицо было таким сухим и обтянутым кожей, что ему могло быть от тридцати до шестидесяти лет. Его борода была длинной, такого же однообразно коричневого цвета, что и песок. В волосы головы были вплетены тонкие тростинки, поддерживавшие защищавший голову и шею светлый тканевый навес. Вдоль кромки грязной льняной ткани были вышиты пауки. Черно-оранжевый прыгающий песчаный паук был символом клана Вапы. Один укус этой твари в считанные минуты мог убить человека или за день сгноить ногу здорового коня.

Глаза Вапы под такими густыми бровями, что те были заплетены в крошечные косички, были бледно-серыми. Необычный оттенок среди кхурцев, но не неизвестный в клане Вапы. Сероглазые кочевники не щурили постоянно глаза, как другие обитатели пустыни. Широкоглазые в земле губительного сияния, люди Клана Прыгающего Паука, очевидно, лучше других знали о своем окружении. Многие были предсказателями и обладали даром предвидения, и по этой причине кочевников вроде Вапы называли «зеркалоглазыми».

Принц Шоббат, старший сын Сахима, Хана Кхура, был не особо приятным. Тридцати с лишним лет, он был (как однажды заметил придворный остряк) «бородатым и слабовольным». Он носил свободную льняную тунику, заправленную в штаны для верховой езды из того же материала, и высокие сапоги из темной кожи. Желто-красный кушак на поясе не скрывал, как он рассчитывал, его благородное брюшко, а лишь подчеркивал его. В

том же духе, его короткая черная борода едва прятала наметившийся двойной подбородок. Когда его отец был в его возрасте, он уже десять лет как являлся ханом. А всего, чего достиг принц к этому моменту, это много есть, много пить, и добиваться великого множества привлекательных женщин. Данная поездка знаменовала его первую значимую вылазку за стены Кхури-Хана. Ей предшествовала сломанная стена и таинственная каменная табличка.

После Исчезновения Лун драконица Малистрикс захватила Кхур. Не прекращавшиеся атаки Великой Красной сильно повредили Кхури ил Нор. После свержения Малис Сахим-Хан дал своему старшему сыну поручение надзирать за починкой дворца. Это было глупое неблагодарное занятие, пока, однажды, разрушавшие треснувшую стену в южном крыле рабочие не наткнулись на спрятанную в нише внутри блоков каменную табличку.

Шоббат немедленно собрал команду ученых перевести эту табличку. Это было нелегко. Текст был написан на иератическом истарском, сложном жреческом языке, использовавшимся теократической элитой той затерянной земли, но, работая тремя группами по двое, шестеро ученых за дюжину дней закончили перевод. Шоббат собрал переводы, нашел, что они идентичны, а затем казнил ученых.

Он сожалел о том, что пришлось приказать умертвить их, так как уважал ученость, но он не мог рисковать, чтобы кто-то узнал об их открытии. Шоббат проследил, чтобы их смерть была быстрой и безболезненной. Ученых вечно мучила жажда. Чтобы отпраздновать завершение работы, он послал каждому из них особое вино, приправленное мышьяком. Оно навсегда утолило их жажду. Эти смерти были списаны на последователей культа и вскоре забыты.

Принц в тайне выработал план. Он послал доверенных людей на Большой Суук найти пустынного гида. Вапа и был результатом этих поисков. Зеркалоглазые кочевники имели репутацию бесподобных навигаторов песков.

Этот кочевник не задавал вопросов, зачем изнеженный принц желает отправиться в смутную точку более чем в двух днях езды на северо-запад от города. За десять прекрасных стальных мечей и такого же количества жеребцов, отобранных из личного табуна Хана, Вапа проводил бы Принца Шоббата на дно Кровавого Моря.

«Четкие границы», — повторил гид. — «Они делают людей сильнее и честнее, позволяют им ясно видеть и знать то, что неведомо обитателям зеленых земель».

Шоббат вежливо спросил, что это может быть.

«Волю Всевышних».

Шоббат спрятал улыбку, не желая восстанавливать против себя человека, от которого зависела его жизнь. Единственные среди всех народов мира, кочевники пустыни никогда не прекращали поклоняться своим старым богам. Сахим-Хан всегда говорил, что это из-за того, что прямое солнце выкипело их скудные мозги. Отец Шоббата насмеялся над кочевниками, потому что боялся их. Девять раз за бурную историю Кхура правящих ханов убивали в бою их собственные подданные из пустыни. Сахим-Хан не собирался быть десятым.

«Лэддэд пришли сюда из зеленых земель», — сказал Шоббат. — «Пишут, что они дали земле первую жизнь, а их маги могут заставить цвести сам камень».

«Они не сделают эту землю зеленой».

Эта фраза прозвучала двусмысленно, но Шоббат не попросил Вапу пояснить. Их кони поднялись на длинную высокую дюну, которой ветер придавал форму большой закручивающейся волны, и порыв юго-западного ветра метнул им в лицо песок. Принц закашлялся и начал отплевываться, но его слюна не долетела до земли. Сухой воздух

поглотил ее.

Вапа предупредил его не трогать драгоценную воду. Кочевник пнул бока своего коротконового пони и начал спускаться по наветренной стороне дюны. Шоббат пристально посмотрел ему вслед. Он потянулся назад и похлопал бурдюки с водой, притороченные к седлу под его тонким плащом. Старый кочевник просто пытался запугать его. Если они к обещанному сроку доберутся до пункта назначения, у них будет много воды.

Ветер быстро стирал следы Вапы на мягком песке. Шоббат пришпорил своего скакуна. Если он потеряет проводника, то обречен. Пустыня поглотит его целиком, как до этого его слюну.

Они въехали в область, где в песчаные дюны здесь и там вторгалась древняя скала. Скала простиралась горизонтально и имела желто-коричневый оттенок. Шоббат состроил гримасу. Что за суровая неприятная земля. Он скучал по переполненным улицам Кхури-Хана, с густыми ароматами корицы и кардамона, сандалового дерева и, да, немых тел. Вакуум пустыни заставлял его ощущать себя маленьким и незначительным. Шоббату были непривычны подобные мысли, и они пугали принца. Страх злил его.

Вапа свободно натянул поперек лица кусок ткани, чтобы уберечься от летящего песка. Он вернулся к своей ранней теме, поясняя, как четкие границы пустыни научили его народ правде и сделали их духовно выше чужаков. Было неясно, имеет ли он в виду только тех, кто не из Кхура, или и городских жителей, вроде принца, тоже.

«Мы не испугались, когда наступило Исчезновение», — заявил кочевник. — «Наши боги не были точками света на небе, а остаются бессмертными и неизменными сущностями. Они никогда не покидали нас. Они продолжают оберегать нас».

Летящий песок тысячей стеклянных осколков жалил неприкрытую плоть щек Шоббата. Он отвернул лицо. «А все остальные ошибались, когда думали, что боги ушли?» — раздраженно спросил он.

Вапа пожал плечом. «Кто знает, о чем думают нечестивые варвары?»

Они продолжали путь, кочевник рассказывал, Кхурский принц ехал в неловком молчании. Назло болтовне Вапы о четких границах пустыни, местность начала казаться Шоббату мягкой и расплавленной. Сам воздух пах ужасной жарой, размывая и колыша все вокруг. Обе лошади хрипели глубоко в груди, возмущаясь возложенной на них задачей. Каждые две сотни шагов дуэт делал водяную паузу. По два глотка каждому животному, и по одному каждому из людей, как велел Вапа.

Когда солнце взобралось в зенит, даже кочевник умолк. Воздух был слишком сух, чтобы говорить. Узкие темные губы Шоббата, так похожие на губы его матери, потрескались. Пятна крови окрасили газовый шарф, прикрывавший его рот и нос.

Сразу после полудня они добрались до первого ориентира на карте Вапы, каменного возвышения, вздымавшегося из песка на высоту всадника. Заостренный с одного конца и закругленный с другого, этот выступ был известен как Слеза Элир-Саны, по имени божественной целительницы.

В отличие от однообразного песка и неизменного оттенка других камней, Слеза Элир-Саны являла собой сочное красочное зрелище. Она была образована разноцветными слоями камня; некоторые были оранжевыми, как закат, другие пепельно-серыми, черно-синими или кремово-желтыми. Восточная сторона была глубоко изъедена поколениями порожденного ветром песка. От кончика до закругленного конца безупречная слеза была десяти метров в длину. Из трещины на западной стороне Слезы пузырился родник. Согласно легенде, этот

родник родился из слез богини Элир-Саны, когда она упала здесь, полумертвая от истощения.

Вапа объявил, что им следует наполнить здесь бурдюки. Говорилось, что эта вода обладает исцеляющей способностью. Хотя она несомненно утолила жажду Шоббата, он не нашел в ее вкусе ничего необычного.

Наполнив два пустых бурдюка, принц с трудом побрел обратно к своему коню по мелкому движущемуся песку. Он зацепился носком ботинка за что-то, скрытое под поверхностью, и рухнул вперед. Перекинутые через шею полные бурдюки потянули его вниз. Чертыхаясь, он сел и посмотрел на предмет, о который споткнулся. Это был череп. Чистый, сухой и желтый, он принадлежал не человеку.

«Что это за дьявольское создание?»

Вапа склонился с седла, чтобы рассмотреть находку. «Человек-дракон».

Череп дракониды? Раздражение Шоббата исчезло, когда он более пристально изучил предмет. Череп был широким и треугольным. Из верхней челюсти торчали клыки, длиной с большой палец Шоббата, и присутствовал роговой клюв, словно у громадной птицы. Череп был в полтора раза больше человеческой головы, и имел сзади несколько параллельных отметин — скорее всего, порезы от клинка.

«Воин», — произнес принц, вставая и отряхивая песок со своего длинного плаща.

«Искавший воду разведчик. Он нашел ее, но не ушел. Пустыня не берет пленных». Шоббат не стал обращать внимание на то, что, по-видимому, этот драконид погиб от меча, а не природного воздействия.

Снова оседлав коня, Шоббат заметил какое-то вкрапление в слое Слезы. Он вытащил из-за пояса кинжал и принялся ковырять в камне. К копытам его коня каскадом посыпались обломки.

Вапа нахмурился, глядя на это варварское разрушение, но хранил молчание.

Принц обнаружил желтый камень, выделявшийся в слое монотонного песчаника. «Это ракушка?» — воскликнул он. Предмет выглядел очень похожим на верхнюю половину раковины моллюска.

Вапа покачал головой. «Всего лишь камень, случайно похожий. Шутка богов».

Принц не согласился. Он предположил, что когда-то эту часть Кхура покрывало море. Вапа немедленно отверг эту идею.

«В Песне сказано: земля Кхура старейшая в мире, первая твердь, сотворенная богами», — решительно произнес кочевник. — «Она никогда не была под водой».

Для кочевников Песнь была священной. Собрание легенд из далекого прошлого, она содержала тысячи стихов, слишком много, чтобы кто-то смог запомнить полностью, так что она была разделена на восемь песен, каждая из которых была названа в честь одного из великих богов кочевников: Каргат Воин, Ракарис Охотница, Торган Мститель, Элир-Сана Целительница, Антор Отшельник, Хаб'рар Посланник, Соро Творец Огня и Айян Плутовек. Вапа был певцом Песни Антора.

Двое всадников продолжили путь. Двигаться дальше стало еще труднее, коням приходилось пробиваться по живот в песке. Коротконогое серое животное Вапы, более привычное к такой местности, сохраняло ровный шаг. Элегантный гнедой Шоббата, чьи длинные ноги были созданы для скорости, спотыкался. В результате, к тому времени, когда они достигли пункта назначения, наступил и прошел закат.

Как и Слеза Элир-Саны, цель Шоббата была каменным островком в океане движущихся

песков. Скорее не единая формация, она состояла из толстой колонны серого камня двенадцати метров высотой, тесно окруженной четырьмя черными гранитными башнями в половину ее высоты. Эта четверка была наклонена внутрь, их верхушки касались центральной колонны. Бледный свет звезд придавал этой формации жуткий вид древнего забытого замка.

Найденная в руинах Кхури ил Нора табличка сообщала об этой странной формации, как о древнем оракуле. Говорилось, что в центральном шпиле были проходы и пещера. Эта пещера и являлась целью принца.

С закатом ветер стих. Воздух быстро потерял дневной жар, и стало холодать, но прокаленный песок по-прежнему излучал тепло. Шоббат спешился и порылся в своих седельных сумках. Зная, что здесь не будет дерева для факелов, он привез маленькую медную лампу. Он стал на колени и поставил лампу на песок, затем ударил кремнем по огниву, чтобы зажечь фитиль.

Вапа спросил, что он собирается делать. Когда Шоббат ответил, что планирует войти в эту формацию, кочевник прищорил бока коня и быстро двинулся в сторону склоненного принца.

«Ничего не было сказано о том, чтобы входить!» — произнес он. — «Ты не должен! Не тревожь духов этого места!»

«Я пришел сюда не для того, чтобы просто наслаждаться видами. То, что я ищу, находится внутри».

С кремня посыпался каскад искр, и Шоббат сосредоточился на разжигании огня. Наладив фитилек, он услышал шелест металла. Вапа вытащил свое оружие, узкий лишенный гарды меч, предпочитаемое большинством кочевников.

«Ты осмеливаешься напасть на меня? Я твой принц!»

Вапа был неподвижным силуэтом. Слабый свет лампы не достигал лица кочевника, и его выражение было скрыто ночью. «Если я ускачу, что ты будешь делать? Ты никогда не вернешься в свой город», — прошептал он.

Впервые Шоббат почувствовал толчок неуверенности. Он быстро подавил его, опершись на всю самонадеянность и самоуверенность своего привилегированного воспитания.

«Дурак, мое местонахождение известно», — рявкнул он. — «Если я не вернусь, какова бы ни была причина, весь твой клан будет выслежен и уничтожен!»

Это было ложью. Никто в Кхури-Хане не знал, где находился Шоббат. Принц не доверял никому достаточно для этого.

Они долго смотрели друг на друга, изнеженный принц и болтливый кочевник. Затем Вапа сунул свой меч в ножны и склонил голову. «Пусть Те, кто Наверху, судят вас. А не я».

Шоббат поднял лампу, позабыв недолгий страх. Эти кочевники были так сентиментальны. Они с криками радости поскачут на смерть, но пригрози их семьям, и они сразу тушуются. Игра на этой слабости позволяла отцу Шоббата править ими. Сахим-Хан был самым несентиментальным человеком в мире.

Принц с трудом пробрался по глубокому песку к подножью формации. Центральная колонна казалась очень высокой, башней вздымаясь в звездное небо. У ее подножья валялись обломки черного гранита, осыпавшиеся с окружающих шпилей. Шоббат был благодарен им за прочную опору под ногами. В мерцающем свете лампы не было видно надписей, фигур или любого другого указания на рукотворное происхождение, только грубый потрепанный ветрами гранит.

Пройдя вокруг две трети пути от исходной точки, он обнаружил в третьей черной колонне отверстие на уровне земли. Его сердцебиение участилось. Неровный квадратный вход частично был заблокирован дрейфующим песком, и принцу пришлось опуститься на колени, чтобы войти.

Проход упирался в каменную колонну. В плотном граните были вырублены ступени, спиралью поднимаясь по стене. Наконец-то доказательство разумной руки! Информация на табличке снова подтвердилась. Шоббат вытащил из-за пояса отделанный драгоценными камнями кинжал и начал восхождение по ступенькам.

Казалось, темный воздух поглощает слабый свет его лампы. Когда глаза приспособились к тусклому освещению, окружающая темнота стала казаться еще более глубокой. Сухой чистый воздух пустыни снаружи уступил место жуткому зловонию, усиливавшемуся по мере подъема. Желтый свет отбрасывал на стену серые пятна. Под его ботинками хрустел помет летучих мышей и высохшее гуано. Присутствие живых существ так глубоко в пустыне было необычным. За счет чего они выживают?

Приблизившись к вершине, Шоббат заметил, что потолок полого шпиля выглядел перекрученным. Тысячи летучих мышей тугими гроздьями свисали с грубо обработанной поверхности. Он почти ощущал на себе их крошечные черные глазки, пристально следившие за нарушителем, осмелившимся проникнуть в их дом. Несколько животных упали со своих перевернутых насестов и забили крыльями у его головы. Шоббат вжался спиной в стену и прикрыл рукой глаза, ожидая, пока его минуют летучие мыши. Неровные ступеньки, по которым он шагал, по мере подъема становились уже; здесь, возле верхушки, их глубины хватало только для передней половины стопы. Неверный шаг, и он полетит вниз до самого пола.

По пути ему не встретились площадки или боковые камеры, только тянувшаяся внутренняя спираль выдолбленных ступеней. Проследив, как летучие мыши описали круг и скрылись в черной щели у верхушки лестницы, Шоббат невольно улыбнулся. Так здесь была верхняя камера!

Продолжая двигаться вверх, он добрался до арочного отверстия, достаточно низкого, чтобы ему пришлось нагнуться, чтобы пройти. Снаружи вокруг верхушек спилю свистел легкий бриз. Воздух был необычайно холодным, и после тяжелого зловония внутри освежил его, словно глоток молодого вина.

Снизу казалось, что верхушки четырех более коротких спилю касаются центральной колонны. На самом деле, между насестом Шоббата и центральной колонной оставалась щель в пару метров. Через эту щель была перекинута плита из черного гранита. Она была чуть шире двух ступней Шоббата, но он прошел по ней, покачиваясь и вытянув в стороны руки, чтобы сохранить равновесие. Он не для того зашел так далеко, чтобы его остановила боязнь высоты.

На другой стороне центральную башню прорезало круглое отверстие. Он остановился у него и поднес поближе лампу. В сером камне были выдолблены две строки, огибавшие верхний край входа. Хотя написание было архаичным, слова были на Общем языке:

Корни Древа глубоки.
Я снова живу.

Шоббату это мало о чем сказало, но вторило тому, что перевели с таблички ученые в

Кхури-Хане.

Он шагнул в отверстие и оказался в большой пещере. Пол был вымощен полированным черным камнем; стены и далекий потолок были из серого гранита. Насколько он видел, камера была пуста.

Он несколько раз крикнул, без видимого результата. Порыв ветра толкнул его в спину, сорвав шляпу и погасив лампу. Он зашатался, потеряв равновесие во внезапной темноте.

«Входи, посетитель».

Шоббат развернулся полный круг, но не обнаружил источника приглушенного голоса. «Кто здесь?» — позвал он.

«Тот, кого ты пришел найти», — произнес голос, затем добавил мелодичную фразу на языке, которого Шоббат не понимал.

Яркий свет залил пещеру, ослепляя принца. Вскрикнув, он выронил нож с лампой, и прикрыл испытывавшие боль глаза. Его ушей достиг звук, который ни один житель пустыни ни с чем не спутает, манящий плеск воды. Он опустил руки. Прищурившись и моргая, он наблюдал невероятное зрелище.

В пещере было ярко, как в полдень в пустыне, но воздух был прохладным и свежим. Еще удивительнее было возвышавшееся над Шоббатом высокое дерево, протянувшее свои ветви к высокому потолку пещеры. Зная только кхурские пальмы и суккуленты, принц не мог определить его вид. Его ствол был не меньше метра в диаметре, кора была серо-зеленой и грубой. Его темно-зеленые листья имели форму щитов, что носили воины кочевников — длинные и узкие, закругленные с одного конца и заостренные с другого.

Шоббат стоял, глядя молча вверх. Он никогда не видел прежде такого дерева, и было совершенно невозможно, чтобы ему нравилось расти внутри закрытой пещеры, отрезанным от солнца.

«Целую вечность никто не разыскивал меня. Должно быть, у тебя важный вопрос».

Взгляд Шоббата упал с изумительного дерева на сидящего у его основания, скрестив ноги, старика. Тот был худым и облачен в льняные лохмотья цвета старого пергамента. Серые волосы, жидкие, словно нити, свисали ему на плечи. Его кожа была морщинистой и потемневшей от времени и невзгод. Он, очевидно, был слеп, его закрытые веки съежились и впали.

«Ты Оракул Дерева?» — спросил принц.

Длинные костлявые пальцы указали на пустое пространство. «Здесь больше никого».

Легкий бриз заставлял трепетать листву дерева. На периферии пещеры Шоббат заметил какое-то движение, но когда он обернулся, чтобы посмотреть в том направлении, то никого не увидел. Встревожившись, он поднял выроненный кинжал и потребовал ответа, кто здесь был еще.

Старец слегка повел головой влево и вправо, а затем пожал плечами. «Мы одни». Шоббат настаивал, что видел движение. «То отражения прошлого и будущего, а не живые существа».

Его снисходительный тон вывел Шоббата из себя. Надменный принц выпрямился и объявил свое имя и звание. Старика это не впечатлило.

«Нет никакой разницы, кто ты. Так или иначе, я ждал тебя».

«Ждал меня? Как?»

«Я не привязан ко времени, как смертные. Я живу в равной степени в прошлом, настоящем и будущем. Таким образом, я знаю, что ты ищешь трона своего отца, Сахим-Хана».

Кхурского».

Шоббат фыркнул. «А какой принц не ищет? Этим и ограничивается твое гадание?»

«Тебе не нужно ничего делать, чтобы достичь своей цели, Принц Кхура. Переживи своего отца, и трон твой».

«Ба! Он собирается жить вечно!» — раздраженное выражение лица Шоббата стало жестче, решительнее, и он добавил, — «Он имеет дело с неракцами, людоедами и минотаврами, стараясь увеличить свое королевство, и он позволяет чужеземцам входить в нашу страну. Он видит лишь золото и сталь, которые они несут, но его заигрывания уничтожат Кхур. Он не достоин трона!»

Принц снова краем глаза заметил движение. И снова, едва он посмотрел туда, оно исчезло. Он переминался с ноги на ногу, нервно стискивая рукоять кинжала.

«Мой отец дал приют изгнанникам эльфам», — произнес он. — «Он собирается использовать их в качестве пешек, чтобы ограничить влияние рыцарей Нераки. Мне нужно знать — удастся ли ему?»

«Рыцари не будут править в Кхуре».

Шоббат удивленно моргнул. Он ожидал более загадочного ответа, а этот оказался приятно четким.

«А еще твой дом недолго будет править, сын Сахима, если детям Кит-Канана разрешат остаться в Кхуре».

Это тоже было сказано прямо, хотя и не было таким приятным.

Не обращая внимания на реакцию своего слушателя, оракул продолжил: «Старейшая раса может покорить эту землю. Не мечом и огнем, а озеленяя пустыню». Он раскрыл левую руку, показывая на ладони зеленый побег. «Это их особый дар, приносить жизнь в безжизненность».

Темные глаза Шоббата сузились, краска гнева залила его лицо над бородой. «Я не позволю этого! Кхур не принадлежит *лэддэд*. Трон будет моим!»

«Так и будет, благородный принц. Девять и еще девяносто дней. Столько будет длиться твое правление».

Шоббат начал красться вперед, намереваясь выдавить другую судьбу из костлявого старого прорицателя. Он потянулся к шее оракула, а затем в ужасе застыл. На его глазах шалфейного цвета кожа стала прозрачной. Стали отчетливо видны мышцы, кости и вены. И лицо больше не было человеческим. Нижняя челюсть сузилась, став заостреннее. Щеки впали, глазницы стали выше и изогнутее. Принц отпрянул от жуткого зрелища, его гнев сменился ужасом.

«Что ты такое, старый провидец?» — прошептал он.

Оракул проигнорировал вопрос. Пустые глазницы повернулись, уставившись прямо на принца, и он сказал: «У жизни есть ветви, как у Великого Дерева, и каждый выбор представляет собой развилку. У тебя есть один шанс, Принц Кхура. Жизненно важно, чтобы ты не допустил детей Кит-Канана до Долины Голубых Песков. Если тебе это удастся, их семя засохнет в пустоши».

Шоббат покачал головой, гадая, правильно ли он расслышал. Долина Голубых Песков была всего лишь детской сказкой. Какое отношение этот миф может иметь к *лэддэд* или к его успешности в роли хана? Жгучая жажда узнать пересилила страх, и он поднял кинжал, требуя пояснений.

«Слово было дано. Я больше ничего не скажу», — ответил ему оракул. — «Ступай».

Последний приказ эхом отразился в пещере, и одновременно мудрец исчез во вспышке белого света. Когда зрение вернулось к приемлемому уровню, размытые фигуры на дальнем конце пещеры обрели резкость, и Шоббат, наконец, увидел, кто они такие. В ужасе поспешно пятясь, он принялся тыкать в них кинжалом. Это было бесполезно. Они толпились вокруг него, протягивая руки, их когти светились, рты были разинуты. Шоббат закричал.

Снаружи, сидевший на песке Вапа услышал этот крик. Из одной из черных гранитных башен хлынула туча летучих мышей. Лошади захрапели и забили копытами по земле. Пока летучие мыши пищали над головой, сходясь и уклоняясь, вокруг кочевника сыпался мусор, мягко приземляясь на песок. Вапа подобрал один из кусков.

Это был листок, темный и мягкий. Таких листьев не было ни у одного из деревьев, которые Вапа когда-либо видел растущими в Кхуре, и, тем не менее, песок под летающими мышами был усыпан ими, и все больше их продолжало опускаться зеленым дождем.

Вапа зажал листок в ладони и стал молить Антора Отшельника защитить его от ужасной магии, которая, вне всякого сомнения, наполняла это место. Угрюмое божество одиночка, Антор, тем не менее, благосклонно относился к своим пустынным детям. Они жили на четких границах, где люди и боги глядят глаза в глаза.

* * *

Отданный Гилтасом Кериан приказ был предельно прост: нанести визит Са'иде, верховной жрице Храма Элир-Саны в Кхури-Хане. Однако, его настойчивое требование, чтобы она оставила Орлиного Глаза здесь, вызвало новый спор. Он не хотел, чтобы его жена привлекла к себе ненужное внимание, прибыв к дверям храма верхом на королевском сильванестийском грифоне. Со своей стороны, Кериан полагала, что благоговейный страх людей перед Орлиным Глазом предотвратит множество ненужных пререканий со стражей и младшими прислужниками.

Этот спор продолжался до тех пор, пока Гилтас категорично не велел ей седлать коня. В последнее время ему явно часто приходилось делать это — прекращать их разногласия, отдавая безапелляционные королевские приказания. Львица повиновалась, поджав губы.

Единственным сопровождающим она взяла капитана Гитантаса Амброделя. Гилтас увидел в этом еще одно проявление ее упрямства. Конечно, он не ожидал, что она отправится без должного эскорта. Лорд Таранас с остальной армией еще не вернулись в Кхуриност, но можно было подобрать подходящий отряд. Львица отказалась, процитировав собственные слова Гилтаса о том, что не стоит тревожить кхурцев, и он едва ли мог поспорить со своей собственной логикой. Обычно эльфов принимали в Кхури-Хане (как и любого платежеспособного покупателя). Отдельные эльфы иногда ловили сердитые взгляды, особенно за пределами либеральных городских рынков, но этим все и ограничивалось.

У Гилтаса были дела государственной важности, которыми следовало заняться, но он отложил их на время, пока наблюдал за отбытием своей супруги вместе с молодым Амброделем. Облаченная в свежую тунику и брюки, Кериан презирала кхурское одеяние, предпочитая свой собственный охотничий наряд более удобной местной моде. Капитан Амбродель был практичнее. Он носил белый геб поверх желтовато-коричневых квалинестийских брюк, тщательно расправив складки пустынного облачения, чтобы скрыть эфес своего меча.

Полуденное солнце купало блондинистую голову Керриан в ореоле белого огня. Как обычно, Гилтас не мог не поражаться ее красоте, однако, мрачное выражение ее лица удивительно контрастировало с ее миловидностью. Ее дурное расположение духа еще сильнее ухудшилось с момента возвращения. Причиной этого были не только их стычки. Потеря отряда и унижение от рук быколлюдей не прекращали терзать ее. Она больше никому не рассказала, что произошло, и по лагерю начали циркулировать слухи. Храбрость Львицы всем была хорошо известна, и только случайностью можно было объяснить, что она вернулась без видимых повреждений из сражения, в котором полег весь ее отряд.

Возможно, она была погружена в размышления, обдумывая возложенную им на нее миссию, а может, сосредоточилась на управлении скакуном в переполненном палаточном городке. Какова бы ни была причина, хотя Гилтас ждал, Керриан не обернулась к нему. Когда, наконец, она скрылась из вида в переулке, он вернулся в свою палатку. Разведчики из отряда Таранаса прибыли до подхода основных сил армии, и у них было много новостей.

Пока Керриан со своим помощником продвигались сквозь суету палаточного городка, каждый подмечал совсем разное. Гитантас видел храбрость — простые люди борются за жизнь во враждебном чужом месте, и начинают преуспевать. Львица видела только несправедливость — самая древняя раса в мире изгнана из своих законных домов и вынуждена терпеть унижения в этой ужасной пустыне.

Словно корни дерева, окрестности Кхуриноста были запутанны, бессистемно разрослись, следуя рельефу местности и прихотям своих строителей. Сахим-Хан дал эльфам дозволение разбить лагерь за стенами своей столицы; и дал им мало что еще. Изнуренные, больные, обожженные и иссушенные солнцем, эльфы на скорую руку сообща соорудили хоть какой-то кров, делая палатки из всего, от шелковых одежд до лошадиных попон и парусов, когда-то служивших кораблям, курсировавшим по Балифорскому заливу.

Пустынные ветры и случайные искры от костров непрерывно собирали дань с импровизированных жилищ, но по мере того, как дни переходили в месяцы, а месяцы в годы, эльфы научились строить лучше. Хрупкие палатки обзавелись деревянными дверными проемами, латунными очагами и трубами, а песок покрыли ковры. Широкие центральные улицы были оставлены открытыми палящему солнцу, чтобы позволить передвигаться повозкам и конным эльфам, а также, чтобы давать доступ свежему воздуху, но остальные мили узких изогнутых проходов между большими и малыми палатками были накрыты тростниковыми матами, сплетенными из острой как бритва травы, что росла вдоль морского берега за городом. В результате получился лабиринт, в котором ни у одного чужака не было надежды не заблудиться, прямая противоположность любви эльфов к порядку и красоте. Но это путаное переплетение улиц и проходов еще и служило эффективной защитой от непрошенных гостей.

Впереди, в каких-то сорока метрах от границы Кхуриноста, вздымалась стена Кхури-Хана, ее западная сторона омывалась полуденным солнцем. Керриан отвела взгляд от палаточного городка и принялась изучать стену.

Первейшей задачей Сахим-Хана после падения Малистрикс было восстановить защитные сооружения своего города. Пока эта задача не была выполнена, его столица оставалась уязвимой. Первыми были восстановлены северный и западный сектора. В этих направлениях таились величайшие угрозы: рыцари Нераки и людоеды Керна. Эльфы жили под бдительным оком Сахима, зажатые с одной стороны городской стеной, а с другой — не ведающей жалости пустыней. Львица рассматривала предоставленное Сахим-Ханом

убежище и как дар, и как ловушку. Если бы враги эльфов двинулись сейчас на них, для перворожденных не было бы спасения.

«В ловушке», — пробормотала она.

«Генерал?» — спросил Гитантас, но она лишь покачала головой.

Западные врата охранялись шестеркой тяжеловооруженных людей. На них были широкополые шлемы, стилизованные под шляпы от солнца, что носили кочевники, только выкованные из железа. Их кирасы, набедренники и наколенники были неракского образца. Много лет кхурские солдаты служили в наемниках у этих рыцарей. На нагрудных пластинах у этих солдат была эмблема свернувшегося дракона, как знак принадлежности к кхурскому клану.

Хотя кхурцы дали свое название всей стране, они были лишь одним из семи Племен пустыни, названных в честь семи сыновей Кеи, впервые объединившего жителей пустыни в единую нацию. Опираясь на естественную крепость Кхури-Хан, племя Кхур стало управлять другими в войне и торговле. Все ханы Кхура вышли из принцев племени Кхур.

Стражники без труда узнали эльфийского генерала. Облаченную в кагонестийскую кожаную одежду, с подставленной палящему солнцу непокрытой золотистой головой, Кериансерай было трудно не заметить. Самый высокий из кхурцев неуклюже отсалютовал. Это была неракская традиция, которой они не до конца овладели. Кериан легким кивком приняла этот жест и продолжила свой путь, погружаясь в густую тень прохода. Врата были чрезвычайно толстыми, полных пять метров камня. По сравнению с яркой пустыней снаружи, туннель был темным, словно сердце дракона, и Львица быстро заморгала, ее глаза привыкали к внезапной потере освещения.

У кхурцев не было выбора, из чего строить, кроме хрупкого песчаника и мягкого известняка с утесов, возвышавшихся над Калифорским заливом. Чтобы защитить этот слабый камень, они использовали облицовку большими глазурованными плитами внутренних и внешних поверхностей стен. После установки, это покрытие укрепило камень и укрыло его от ветра и дождя. Многие здания были покрыты плитками, глазурованными в кремовых и золотистых тонах, а некоторые были довольно цветастыми, в густых основных оттенках или многокрасочной раскраске, словно лоскутное одеяло.

На другом конце туннеля двоих эльфов встретило буйство совершенно незнакомых цветов, звуков и запахов. Это был Фабазз, или Меньший Суук, городской рынок специй, благовоний и продуктов. Струйки дыма от угольных грилей смешивались с ароматами свежеразделанного мяса, шипящего жира и сушеных пряностей. Эти ароматы не были неприятными, но для эльфа, чье обоняние было гораздо острее, чем у людей, они могли оказаться пыткой.

Суукеты, или торговцы, ринулись к вновь прибывшим, размахивая образцами своих товаров. Кхурские суукеты привечали эльфов еще больше, чем их хан. Для них мир делился на покупателей и продавцов; их совсем не волновало, был покупатель эльфом или человеком. Вся сталь была одинаковой, и одинаково желанной.

Если бы они шли пешком, Кериан с Гитантасом легко могли бы сойти с ума. Кхурские торговцы не славились своей молчаливостью, а в Фабаззе их напор граничил с нападением. Большая часть товаров была скоропортящейся. На то, что не продано сегодня, завтра пришлось бы устраивать распродажу (или, и того хуже, выбросить).

«Прекрасная леди!» — Суукет совал Львице небольшой пучок со столь острым запахом, что ее лошадь быстро отступила в сторону. — «Купите эти специи! Пыл, который они

обеспечат языку, сравнится с пылом, который они зажгут в сердце вашего возлюбленного!»

«Не обращайтесь на него внимания, леди!» — басил другой суукет. — «Машра продает лишь уличный сор! Лучшие специи, масла и камедь в Кхуре у Кандара! Покупайте у Кандара, который честно вешает свой товар!»

«Кандар — отъявленный лжец, благородная леди! Только Тефффик взвешивает точно, и каждое утро тщательно выбирает свои специи в Дельфонских караванах!»

Когда Кериан не выказала и намек на то, чтобы остановиться, суукеты удвоили свои усилия. Вскоре ее лошадь была обездвижена жестикулирующими торговцами. Гитантас также не мог двинуться с места.

Внезапно Кериан в лицо ткнули громко кудахтавшей и машущей крыльями живой курицей. Отпрянув, она изо всех сил ударила торговца в грудь ногой. Невезучий торговец живым товаром отлетел на своих товарищей. Они все врезались в свои повозки и попадали в грохоте жестяных кастрюль и суматошном кудахтанье куриц.

Со стороны суукетов поднялись вопли протеста. Так не было принято! В Фабазе небольшая толкотня была привычна, но не столь грубая. Несколько суукетов подняли обломки разломанных повозок и замахнулись этими палками на эльфов. Львица демонстративно извлекла свой меч. Верный капитан неохотно сделал то же самое. Кхурцы расступились и позволили пройти вооруженным эльфам.

К тому времени, когда они выбрались на другую сторону рынка и начали подниматься по ступенчатой улице, на лице Львицы была свирепая гримаса, и отнюдь не из-за ссоры с торговцем домашней птицей. То происшествие ей скорее подняло настроение. Нет, ее отвращение было вызвано той вонью, которой теперь была пропитана ее одежда. Зловоние Фабазы, казалось, впиталось в самую ее кожу. Ей очень хотелось умыть руки и лицо в фонтане, но это было тщетной надеждой. Кхури-Хан не тратил воду на подобные украшения.

Плотно наставленные дома, восстановленные после мародерства Малис и ее миньонов, эльфийскому взгляду казались неестественными. Некоторые приземистые и квадратные, другие повыше и круглые, они хвастались разнообразием оттенков черепицы. В богатых районах преобладали более спокойные кремовые и золотистые оттенки; здесь же привычны были чередующиеся синие и белые полосы, но самые бедные домовладельцы использовали те остатки черепицы, которые только могли выпросить. Их дома могли пестреть всеми цветами радуги — оранжевым, зеленым, красным, голубым. Вдобавок, так как с жителей Кхури-Хана налоги собирались согласно длине и ширине фундаментов их домов, большинство жилищ сверху были шире, чем у основания. Когда Львица с Гитантасом достигли верха узкой извилистой улицы, между нависавшими карнизами виднелась лишь узкая полоска голубого неба.

В этот час большинство жителей были на сууках. Не считая костлявой серой кошки, единственным признаком жизни был слабый перезвон. Кериан пересекла улицу, направившись к началу проспекта, носящего название Храмовый Путь. Все главные городские культовые сооружения располагались вдоль этой улицы, протянувшейся с востока на запад. Кхурцы были помешаны на религии, поклоняясь богам и полубогам, о которых другие имели смутное представление. Все время на протяжении Исчезновения Богов, Великой Войны и падения драконов, кхурцы продолжали цепляться за свою веру.

Где-то ближе к середине, Храмовый Путь слегка заворачивал к северу, огибая неизменный центр Кхури-Хана, огромный артезианский колодец, известный как *Нак-Сафал*. Это название было сложно перевести. «Бездонное Озеро» было простейшей из слышанных

Кериан трактовок.

Их путешествие не вело их так далеко. Их цель была в начале Храмового Пути, и именно она являлась источником перезвона: Храм Элир-Саны. Каменная стена окружала священное место. Всего полутора метров высотой, она несла скорее декоративную, чем защитную функцию. По ее верхушке тянулся ряд изогнутых медных прутьев. С каждого свисали тонкие диски того же металла. Когда было движение воздуха, диски били по прутьям, образуя звонкий хор. Он должен был символизировать журчание падающей воды, но Кериан и Гитантас, родившиеся и выросшие в зеленых землях Квалиности, отмечали мало сходства. Тем не менее, этот звук был приятным и загадочным. Когда стены не было видно, этот звон казался порожденным самим воздухом.

Стена огораживала большой внутренний двор, мощный кремовым известняком. В центре двора находился Храм Элир-Саны. Он не был большим, но Кериан подумала, что это, несомненно, самое прекрасное здание в Кхури-Хане. Оно не шло ни в какое сравнение, конечно же, с великими святилищами Квалиности, но в нем был определенный стиль. Построенный из ослепительно белого мрамора, этот храм, как и внутренний двор, сейчас частично был в тени. Когда солнце находилось выше, бледный камень храма и внутреннего двора отражали свет с практически невыносимым сиянием.

Идеально квадратный храм окружала колоннада. Гладкие белые колонны у основания были уже, чем у вершины, подражая причудливой конструкции городских домов. Храм венчал купол, вырезанный из цельного блока бледно-голубого мрамора, редкий цвет для этого камня. По меньшей мере десяти метров в диаметре, купол был отполирован до толщины ногтя. Как древние кхурцы сотворили такое чудо, и что еще невероятнее, водрузили его на храм, являлось вопросом, на который не мог дать ответ ни один из ныне живущих.

Металлическая дверь была отворена, и двое эльфов въехали во внутренний двор и спешили. Кериан отдала свои поводья Гитантасу, сказав, что ему нужно подождать ее снаружи. «Мужчины не допускаются в этот храм», — сообщила она. — «Как и оружие, к сожалению».

Она обмотала португею вокруг луки седла, а также оставила свой кинжал в ножнах. Гитантас напомнил ей, что они должны покинуть город до заката. Она кивнула. До этого срока все еще оставались часы.

Сахим-Хан постановил, якобы ради собственной безопасности эльфов, что ни один *лэддэд* не может оставаться в городе от заката до рассвета. У Львицы было твердое мнение о Сахиме и его эдиктах, но прежде, чем она смогла озвучить его, скрежет железа заставил ее развернуться, немедленно насторожившись.

Четверо мужчин в кхурском облачении ворвались во внутренний двор сквозь единственный проход в стене. Поверх льняных гебов у каждого был *аффр* — халат с капюшоном, по колено длиной, излюбленное одеяние кочевников из сердца пустыни. Их лица скрывали шарфы, оставляя видимыми лишь глаза. Каждый держал в руке излюбленное оружие кочевников — длинный меч с узким лезвием без гарды.

Львица без промедления извлекла свой меч. «Назад!» — предупредила их она. — «У нас дело к святейшей жрице, и мы не хотим ссориться с вами».

«Мы ссоримся с вами, *лэддэд*. Сегодня ваши жизни оборвутся!» — произнес один из людей, его голос был приглушен шарфом. Немедленно, все четверо атаковали.

В отличие от городских стражников у ворот, эти люди, по-видимому, не были знакомы со своими врагами. Трое из них направились к Гитантасу, считая его большей угрозой.

Только один остался заняться Львицей. Ее меч рванулся вверх, целясь в глотку мужчины. Неожиданно ловко, ее соперник парировал укол и нанес ответный удар. Она уклонилась от его атаки, но гладкая поверхность известняка подвела ее. Львица поскользнулась — не сильно, но достаточно, чтобы потерять равновесие. Она почувствовала, как клинок мужчины задел ее левое ухо.

Он тихо засмеялся. Она отчетливо услышала это. Он быстро снова атаковал, повторив то же самое движение, что и прежде.

Губа Львицы изогнулась. Он полагал, что играл с ней! Умный воин воспользовался бы преимуществом, когда она оступилась, чтобы нанести смертельный укол. Вместо этого, кочевник довольствовался повторением своей предыдущей успешной атаки, на этот раз, порезав ей правое ухо. Он явно не рассматривал как реальную угрозу.

Ее охватила ярость, не из-за удачных попаданий этого глупого человека, а за все те оскорбления и унижения, которые ей и ее народу пришлось терпеть шесть ужасных лет.

Легким движением она скользнула за человека, развернула меч и воткнула ему в спину. Сталь легко прошла сквозь его одеяние пустычника, кожу и плоть и заскрежетала по кости. Когда он сделал судорожный вдох, Кериан еще глубже погрузила клинок, утопив его по самую рукоять.

В это время Гитантасу пришлось яростно отступить, выигрывая время, чтобы вытащить свой собственный меч. Его окружали мелькавшие острия и лезвия, жаждущие его плоти. Один из врагов нанес удар по его левой руке, но кольчуга, которую Гитантас носил под гебом, отразила клинок. Эльф нанес широкий круговой удар, целясь в лица людей — даже самого отважного бойца испугал бы его взгляд — и нападавшие отступили. Все, кроме одного.

Это человек был слишком медлителен, и эльфийское острие прочертило кровавую полосу поперек его лба. С хриплым криком, человек прижал к ране руку. Кровь заструилась, пропитывая закрывавший его лицо шарф.

Двое оставшихся людей оттолкнули в сторону своего раненого товарища и снова ринулись в бой. Гитантас отступил, затем еще, и еще, с трудом удерживая их клинки на расстоянии, пока не уперся спиной в храмовую стену и не мог отступать дальше.

Пока один человек в маске атаковал, отвлекая Гитантаса, его товарищ нагнулся, набрал полную ладонь тонкого песка и швырнул эльфу в лицо. Гитантас не ожидал этого. Внезапно он ощутил болезненную слепоту. Он, отчаянно защищаясь, вытянул вперед меч, в ожидании ощущения погружающегося в его тело железа.

Вытащив меч из спины мертвого врага, Львица ринулась на защиту своего помощника. К тому времени, когда Гитантас прочистил глаза, один из нападавших был мертв, а другой убежал. Гитантас хотел, было, погнаться за ним, но был остановлен резким приказом.

«У нас есть пленник». — Львица указала на человека, которому Гитантас нанес рану на лбу. С лицом, покрытым запекшейся кровью, тот лежал на окровавленной земле, пытаясь незаметно уползти.

Кериан приказала ему подняться, а когда тот стал жаловаться на свое ранение, прорычала: «Вставай, трус, или я подрежу тебе поджилки!»

Он сделал вид, что встает, затем внезапно перекатился, его рука вскинулась, чтобы метнуть короткий кинжал. Кериан описала мечом полудугу, отбивая снаряд. Кинжал полетел назад, туда, откуда прилетел, и воткнулся в шею своего хозяина. Убийца издал булькающий вскрик и прижал руку к ране, между его пальцами заструилась кровь.

Уставившись на Львицу полными ненависти черными глазами, он простонал: «За Торгана!» На его губах запузырилась кровавая пена, и вытянутое тело обмякло.

Гитантас восхитился ее изумительным парированием, но Львица, глядя на мертвого кочевника, не признала мастерство. Она положила меч на плечо и сказала: «Я не хотела его убивать. Он мог рассказать нам, кто его послал».

Следуя ее указаниям, Гитантас обыскал одежду мертвецов. Он не обнаружил ничего, ни монет, ни личных вещей, ни даже щеточки для одежды, которую большинство городских жителей считали важнейшим предметом. Один странный факт: у каждого из людей на левой половине груди была алая татуировка в виде припавшей к земле птицы со сложенными крыльями и странно опущенной головой. Она казалась Керриан немного знакомой, но Львица никак не могла вспомнить, где видела ее.

«Кто это? Орел?» — спросил Гитантас.

«Кондор».

Незнакомый голос заставил обоих эльфов обернуться. В тени храмовой колоннады стояла женщина. Выйдя на свет, она медленно приблизилась. Ее длинная мантия была ослепительно белой. Ее длинные волосы также были белыми, уложенными в косы, и в них были вплетены лазурные ленточки и крошечные медные колокольчики. Ее коричневое и гладкое, как полированное дерево, лицо скрывала тень широкой плоской шляпы. Ее руки были спрятаны в рукавах мантии.

Львица склонила голову, редкое зрелище, и необычайно осторожно вложила меч в ножны, беззвучно отправив его на место.

«Святейшая Госпожа Са'ида?» — спросила она. Женщина кивнула, и Львица сделала жест в сторону двоих мертвых нападавших. — «Вы знаете этих людей?»

«Я не знаю никого, но узнаю символы на них. Это знак Торгана Мстителя».

Торган, Повелитель Пустошей, был кхурским богом мщения и часто представлялся в виде гигантского стервятника или кондора. Эльфам он был известен как Кинис, опасное божество, не почитаемое их расой. Для своих самых преданных последователей, минотавров, он был великим богом Саргасом. Керриан задумалась, нет ли связи между кхурским культом Торгана и оккупировавшими Сильванести минотаврами. Это был не тот союз, который бы ей хотелось видеть. В любом случае, она не могла понять, зачем каким-то торганцам нападать на нее среди бела дня в считающихся безопасными пределах святого храма.

Жрица в белой мантии в задумчивой тишине внимательно смотрела на ближайшего к ней мертвеца, затем заметила: «Ты ударила его в спину».

Глаза Керриан сузились, но тон жрицы не был обличительным; по-видимому, она просто констатировала факт. Эльфийка подняла руку к одному из окровавленных ушей, заставив вскрикнуть Гитантаса, только теперь заметившего эти раны. Она отмахнулась от его участия, вновь ощутив вспышку гнева, как тогда, когда торганец случайно порезал ее.

«Пройдем внутрь», — сказала ей жрица. — «Я позабочусь о твоей ране».

Гитантас не мог ступить на священную территорию, но жрица дала ему дозволение остаться в тенистой колоннаде. Одна из прислужниц храма, сказала она, принесет ему подкрепиться. Он вышел привязать в тени их лошадей, прежде чем вернуться и спокойно ждать своего командира. Керриан последовала за верховной жрицей внутрь.

После ослепительного дневного света в отделанном камнем проходе Храма Элир-Саны было прохладно и темно. Только шарканье ног жрицы впереди подсказывало Керриан, что она не одна. Она имела общее представление о планировке храма и предположила, что

Святейшая Госпожа вела ее в личные покои, расположенные в дальнем конце. Однако, на полпути по темному коридору Са'ида повернула и раздвинула матерчатый полог справа от себя.

В маленькой тускло освещенной комнате позади, явно поджидая их, стояла старшая прислужница, одетая в белый льняной женский геб, ее волосы скрывал такой же тюрбан. Она держала маленький серебряный поднос, на котором находились различные медикаменты и небольшой моток марли. Интересно, как верховная жрица позвала за лекарствами, подумала Керриан. Са'ида была у нее на виду с самого боя с торганцами.

Служительница очистила раны эльфийки, но когда женщина начала перевязывать ее порезы, верховная жрица остановила ее, сказав, что раны заживут быстрее, если их оставить открытыми взгляду богини. Хотя и не особо набожная, Керриан и не собиралась разгуливать с ушами, замотанными белой марлей, так что согласилась.

Са'ида подняла другой полог. Силуэтом напротив света за ним, она обернулась и сказала Керриан: «Входи, искатель. Мы будем беседовать под взором богини».

Вскоре Керриан поняла, что находится в сердце храма, накрытым куполом святилище. Бледно-голубой камень высокого потолка смягчал резкие солнечные лучи, омывая большую комнату мягким светом. В отличие от тесных пропитанных ладаном интерьеров большинства культовых сооружений, воздух в Храме Элир-Саны был чистым и свежим. На высоком пьедестале в самом центре под куполом небесного цвета находилось священное изображение богини. По полу зала, расходясь лучами от священного изображения, словно спицы колеса, шли шесть дорожек просеянного белого песка, тщательно разровненных, чтобы убрать отпечатки ног. Вымощенный пол между широкими дорожками был заставлен стилизованными скульптурами, изображавшими деревья, каждая от двух до двух с половиной метров высотой. Тонкие медные и латунные трубки служили стволами и ветвями. Тонко выкованные овалы серебра образовывали листья, поблескивавшие, слегка колышась в воздухе.

Здесь и там на белых песчаных дорожках жрицы и служительницы совершали священные ритуалы. Выбирая свободный путь, Са'ида вела Львицу к изображению богини. Когда та показалась в поле зрения, шаг Керриан замедлился, а затем она остановилась.

Богиня была изображена в виде дородной широкоплечей женщины со скрещенными на выдающейся груди руками. Ее ладони с вытянутыми пальцами лежали на плечах. Волосы, собранные в единую тяжелую косу, были переброшены вперед через левое плечо. Ее подбородок был опущен, глаза закрыты. Изображенная в типичном кхурском платье, великая богиня Элир-Сана напоминала ни кого иного, как хорошо упитанную кхуриханскую матрону — хотя и погруженную в меланхолию. В отличие от самого храма, изображение не было мраморным. На самом деле, оно и каменным не было, а золотисто-желтого дерева. Любовно пропитанная маслом за многие года поклонения, его поверхность приобрела мягкий гляцевый блеск. Эта статуя была самым большим цельным куском дерева, виденным Керриан в Кхуре. В этой бесплодной земле дерево ценных пород было дороже золота.

«Она — скромная богиня», — сказала Са'ида, ее тихий голос громко звучал в абсолютной тишине. — «Богиня страдания. Она поражает и исцеляет, и оплакивает одновременно».

Львице это кхурское божество напомнило Квен, квалинестийскую богиню исцеления. Она едва не произнесла это вслух, но решила промолчать. Это могло вызвать проповедь.

«Почему она такая тучная?» — спросила Керриан.

«Она приносит изобилие. Как может она быть худой?»

Подножье статуи окружали несколько низких широких скамеек. Са'ида села на одну из них, расправляя свое многослойное платье словно веер, пока скамейка не исчезла под ним.

Когда жрица уселась, внимание Кериан привлекло металлическое дерево рядом с ней. Его свисающая серебристая листва по форме должна была напоминать листья осины. В мозгу Кериан вспыхнуло воспоминание: играющие на листьях осины первые лучи рассвета, розово-оранжевый румянец, окрашивающий бледные стволы деревьев. Это было зрелище, которое она раньше считала само собой разумеющимся, просыпаясь каждое утро в лиственном лесу. Теперь подобные воспоминания вызывали лишь горечь, напоминая ей, как далеко она от зеленых объятий дома.

Верховная жрица с любопытством смотрела на нее. Кериан поняла, что продолжает гладить металлический листок. Она быстро выпустила его, будто обжегшись.

«Искатель, зачем ты пришел? Чтобы получить утешение и мудрость богини?» — спросила Са'ида.

«Нет, Святейшая Госпожа. Я ищу не богиню, а ее жрицу».

«Зачем?»

Львица ответила на прямодушие прямодушием. «Говорят, вы знаете о Долине Голубых Песков».

На лице Са'иды промелькнуло волнение, краткое, но сильное, словно гроза в пустыне. Ее губы изогнулись вниз, и между глазами пролегла морщина. Столь же быстро, как возникло, это выражение исчезло, сменившись обычной маской невозмутимости.

«Я знаю эту легенду, да. Но почему она интересуется тобой?»

«Не меня», — откровенно ответила Кериан. — «Она интересуется моего мужа, Беседующего с Солнцем и Звездами. Он приобрел карту, на которой, он верит, показан местонахождение этой мифической долины. Он просит узнать, что ты знаешь об этом месте».

Жрица молчала так долго, что Кериан подумала, что та не ответит. Когда она, наконец, заговорила, слова произносились медленно.

«Говорится, что это место не соприкасалось с нашим миром более двух с половиной тысяч лет. Что Гилтас Следопыт ищет там?»

По привычке, рука Кериан двинулась к тому месту, где обычно должна была находиться рукоять ее меча. Чувствуя себя неудобно, она выпалила: «Он ищет дом для нашего народа».

Если бы Кериан сказала, что Гилтас собирается со всеми пожитками перебраться в женскую половину храма, Са'ида и то не выглядела бы более потрясенной. «Вы пользуетесь благосклонностью Сахим-Хана», — пролепетала жрица. — «Вы обменяете ее на опасное путешествие в земли, которых может даже не существовать?»

Это проявление чувств звучало в унисон с собственным отношением Львицы к этой теме, но она была практичной. «Беседующий с Солнцем и Звездами считает, что наш народ не может вечно оставаться в Кхуре, даже под защитой Сахим-Хана. Это не наша страна, не наш климат. Все знают, что Хан жаждет наших богатств, и, может быть, надеется в своих собственных целях воспользоваться мудростью эльфов. Беседующий желает обменять сокровища и знания на немного земли и немного мира». — Кериан покачала головой. — «Я, однако, вижу более темное будущее».

Са'ида ничего не сказала. Рассердившись, Львица продолжила откровеннее. «Я думаю, что Сахим продаст нас. Неракцам, минотаврам, любому, кто даст ему хорошую цену. Это

только вопрос времени».

Ее громкий голос эхом пронесся по залу, отразившись от высокого полированного купола. Служительницы и жрицы посмотрели в ее сторону, прежде чем продолжить свои молитвы.

Са'ида опустила глаза, ее поза один в один соответствовала богине над ней. «Искатель может быть мудр».

Эльфийский генерал в разочаровании стиснула зубы. «Может быть? У тебя есть точные сведения о вероломстве Сахим-Хана?»

Жрица едва заметно пожала плечами. «Пустыни Кхура широки. Никто не может надеяться удержать каждую песчинку. Даже в самых образцовых домах можно обнаружить скорпионов и пауков».

Сперва прямодушие, теперь сводящая с ума двусмысленность. Что, во имя Хаоса, пыталась сказать эта женщина? Что Сахим-Хан не безраздельно правит Кхуром? Это не было откровением. Все знали, что кочевники за городом были достаточно независимы. Тем не менее, при помощи своих хорошо обученных войск Сахим поддерживал мир среди племен. Но что, если неприятности поджидали не за городом, в большой пустыне — что, если они были намного ближе? Кериан подумала о торганских ассасинах во дворе.

Даже в самых образцовых домах...

«Вы говорите, что мне следует беспокоиться не о Сахим-Хане, а о ком-то еще в городе?»

Казалось, что верховная жрица почувствовала, что уже сказала слишком много. Внезапно она спрятала руки в рукава и наклонила голову.

Кериан попыталась уговорить жрицу открыть свои мысли. Она старалась сдерживать голос, но в каждом слове пульсировало волнение. «Помогите нам, Святейшая Госпожа. Помогите *мне!* Я хочу увести мой народ из Кхура, обратно в наши родовые земли, как можно скорее. Здесь мы беззащитны. Я пыталась сделать так, чтобы Беседующий увидел это, но он слеп».

«Да, убеди своего короля покинуть Кхур. Это лучшее решение».

«Он не слушает!» — Кериан пнула песок, поднимая в воздух белое облако. — «Он устал сражаться и грезит о новой эльфийской родине в Кхуре, в той мифической долине!»

Жрица внезапно подняла голову, вплетенные в ее волосы крошечные колокольчики нестройно зазвенели. «Долина Голубых Песков существует», — тихо произнесла она. — «Записи богини говорят об этом вполне определенно. Она называет ее „убежищем проклятых“».

Кериан фыркнула. Может, Гилтас в чем-то прав. Кто в эти дни был более проклят, чем эльфы? Она отбросила эти мысли и сосредоточилась на выполнении своей миссии. «Беседующий почтительно просит любые документы, которые могут быть у вас, с информацией об этой долине. Вы одолжите их, Святейшая Госпожа?»

Жрица подняла руку, и в ответ безмолвно появилась молодая прислужница. Са'ида что-то прошептала девушке, которая поклонилась и ушла.

«Я с удовольствием поделюсь мудростью великой богини», — произнесла Са'ида. — «Я надеюсь, это убедит твоего короля отказаться от неосуществимой идеи».

Кериан кивнула. «Святейшая Госпожа, я согласна с вами. Будущее моего народа не связано с Кхуром».

Прислужница вернулась через несколько минут в сопровождении троих других. Каждая

из четверых несла кожаный футляр около метра длиной. Са'ида проверила глиняные ярлыки на четырех футлярах и дала разрешение передать их Львице.

Когда Кериан взяла один, жрица протянула руку и накрыла ей ладонь эльфийки. «Я веряю тебе, Кериансерай, эти священные тексты», — торжественно произнесла она. — «Обещай беречь их».

Не менее торжественно Львица дала клятву. Она спросила, не будет ли у жрицы неприятностей со стороны Сахим-Хана или торганцев из-за того, что она помогает эльфам.

«Мне ли, скромной слуге великой богини, опасаться враждебности людей?» — спросила жрица.

Скромной слуге? Львице стало смешно. Пожилая женщина перед ней имела огромное влияние в Кхури-Хане, не только при дворе, но и среди народа. В махрово патриархальном обществе жрицам-целительницам Элир-Саны оказывали почет и уважение, как ни одной другой женщине. Эта так называемая скромная слуга была жизненно необходима правлению Сахим-Хана. Если целительницы Элир-Саны решат отказать Сахим-Хану в своей поддержке, его город, несомненно, окажется в крайне бедственном положении.

Прежде чем уйти, Кериан сделала пожертвование в храмовую кассу. Верховная жрица наградила ее суровым взглядом. «Подаяние всегда приветствуется, но никто не может купить благосклонность богини».

«Мне не нужна благосклонность богини, только ваша».

Са'ида встала, ее лицо побагровело. «Это оскорбление!»

«Простите меня, Святейшая Госпожа. Трусливое нападение на меня и моего молодого помощника расстроило меня. Пожалуйста, забудьте мои неудачные слова».

Упоминание о татуированных ассасинах возымело желаемый эффект. Са'ида явно была расстроена тем происшествием. В большинстве случаев Торган и Элир-Сана были прямыми противоположностями, даже врагами. Бог неумолимой пустыни, мщения и ярости имел мало общего с богиней исцеления, смирения и изобилия.

Кериан поклонилась и повернулась, чтобы уйти, три прислужницы, несшие остальные кожаные футляры, пристроились ей вслед. Однако, Са'ида позвала ее обратно.

Сделав шаг в сторону от Львицы, и повернувшись лицом к статуе Элир-Саны, верховная жрица раскинула руки и опустилась на колени. Она принялась напевать ритмичную непонятную фразу. Три прислужницы, стоявшие рядом с Кериан, немедленно склонили головы, но эльфийский генерал широко раскрытыми глазами зачарованно наблюдала, как жрица потянулась к основанию статуи. Ее руки беспрепятственно погрузились в мраморный постамент. Львица быстро заморгала, подозревая, что это лишь игра света.

Снова оказавшись на ногах, Са'ида протянула закрытый кулак. «За твою храбрость, и чтобы облегчить твои страдания, богиня вручает тебе дар», — произнесла она.

Это оказался гладкий тяжелый предмет. Размером с гусиное яйцо, он походил на гигантский опал, его белую поверхность испещряли розовые, зеленые и золотые прожилки. Прелестный, но Львица даже не догадывалась о его предназначении. Она спросила, и Са'ида дала, соответственно, загадочный ответ.

«Он остановит убийство — как минимум, на время. Держи его при себе, искатель».

Их аудиенция была окончена. С Са'идой впереди и тремя прислужницами позади, Кериан покинула святилище. Верховная жрица хранила молчание, пока они не добрались до последних ворот, двойных дверей, что должны были выпустить Кериан наружу. Са'ида отослала троих прислужниц, на короткое время оставшись с Львицей наедине.

«Тебе и твоему народу следует как можно быстрее покинуть Кхур. В Кхуре у тебя нет друзей — и только скорбь может наступить от вашего нахождения здесь».

С этими словами верховная жрица Элир-Саны повернулась и направилась обратно в тенистые глубины храма.

Кхури ил Нор являл собой конгломерат залов, коридоров и вестибюлей, группированных вокруг центральной цитадели, большой крепости, известной как Нор-Хан. Будучи оборонительным сооружением и резиденцией Хана, Нор-Хан славился толстыми каменными и кирпичными стенами, массивной крышей и абсолютным отсутствием окон. Внутри всегда было темно и прохладно, независимо от времени суток.

Слабый свет не мог скрыть великолепие Сапфирного Трона Кхура. Казалось, свет факелов только подчеркивает его красоту. Кресло двух метров высотой покоилось на широком помосте в конце тронного зала. Созданный из дерева и обитый золотом, трон был одним из немногих сокровищ, успешно спрятанных от Малис и ее слуг. В его веерообразной спинке находились два совершенных звездных сапфира, так называемые Глаза Каргата, кхурского бога войны. Свет факелов, отражаясь в драгоценных камнях, придавал им сверхъестественную жизненность.

Хан Всех Кхурцев, Сахим Закка-Кхур, восседал на своем впечатляющем троне. На нем была пышная длинная шелковая мантия цвета зелени моря, с разрезами у манжет и отороченная темно-желтой каймой. Хотя он уже миновал средний возраст, в густых завитках его черной бороды не было и намека на седину. Подбородок и нос были гордо вздернуты, словно нос судна. В мочках ушей висели тяжелые золотые кольца. На голове он носил корону Кхура — коническую шапку двадцати пяти сантиметров высотой из жесткой красной кожи, ее нижний край был оторочен золотом.

Хан задумчиво разглядывал выстроившихся перед ним одиннадцать мужчин. Эти люди были его *джил-хана*. Кхури-Хан был разделен на одиннадцать районов, называемых *джил*. В каждом был начальник стражи, *джил-хана*. Несмотря на умеренную температуру в комнате, с них струился пот.

Позволив молчанию продлиться достаточно долго, Сахим-Хан, наконец, заговорил. Его тон был невозмутимо деловым; в отличие от выражения темных глаз.

«Каждый день вы сообщаете, что на улицах моего города спокойно. И все же, принцесса *лэددэд* была атакована наемными убийцами у дверей одного из наших святейших храмов. Кем были нападавшие?»

Старейший из капитанов стражи, как и Хан, из племени Кхур, ответил: «Могущественный, они были последователями Торгана».

«Отсюда, из города?» — Сахим повысил голос.

«Нет, Великий Хан. Те двое убитых были кочевниками».

Хан хрюкнул.

По крайней мере, осмелившиеся бросить вызов его власти наемные убийцы не были местными. Кочевники — другое дело. Никто не мог предсказать, что выкинут странники пустыни.

«У *лэددэд* есть мое разрешение на присутствие здесь, и они удостоены чести находиться под моей защитой. Почему на них напали?»

«Могущественный, нам сказали», — капитан сделал четкий акцент на последнем слове, чтобы повелитель знал, что это — не его собственное мнение, — «что сыны Кровавого Стервятника сошли с ума от вида столь большого числа чужеземцев в нашем городе».

«Мне решать, кому рады в Кхури-Хане. Только мне!» — бесстрастно заявил Сахим.

Он встал и принялся медленно вышагивать по помосту. Даже сквозь толстый ковер и подошвы своих тяжелых пурпурных башмаков он ощущал борозды в камне, оставленные когтями великой драконицы. Сахим находил это ощущение скорее успокаивающим, чем раздражающим. Грозный зверь по имени Малис был мертв, а он, Сахим Закка-Кхур, стоял на месте этого чудовища.

В свете факелов его искаженная тень дрожала на гобеленах, украшавших толстые стены цитадели. Свет также блестел на вышитом на его мантии рисунке: двух стоящих на задних лапах золотых драконов, эмблеме его рода, смотрящих друг на друга на широкой груди Сахим-Хана. Рисунок поднялся и опал, когда он остановился, тяжело дыша, задумавшись в тишине. Это беспокоило его чиновников. Кричащий Хан расходовал свою желчь. Молчащий Хан копил ее для будущего взрыва.

Наконец он заговорил, его голос был так тих, что они едва его слышали, хотя застыли в напряжении, чтобы уловить малейший нюанс.

«Мне придется извиняться перед Беседующим с Солнцем и Звездами. Может кто-нибудь из вас представить, с каким удовольствием я буду это делать?» Лица побледнели, но никто не произнес ни слова, и он проревел: «Можете?»

«Я не вижу необходимости вам извиняться перед кем-либо».

Все глаза, включая Хана, повернулись в сторону говорившего. Ниже помоста, слева от Сахима, находился высокий крепко сложенный человек в чужеземной одежде. Он сидел в высоком кресле в западном стиле, единственный в комнате, за исключением самого Сахима, кому позволялось сидеть. Его лицо было гладко выбрито, кожа темной. Его голос даже в спокойной беседе напоминал рев быка.

«Лорд Хенгриф верно говорит», — быстро произнес старейший гвардеец. — «Могущественному Хану нет необходимости снисходить до извинений перед *лэддэд*».

«Я не это имел в виду». — Хенгриф встал, производя своим внушительным телом впечатление на более атлетических, но низкорослых кхурцев. Его обсидиановый взгляд коротко скользнул по собранию, прежде чем остановиться на Сахиме. «Скажите эльфам, что их защита все более и более опустошает королевскую казну. Вместо извинений поднимите им плату за право оставаться здесь. Превратите это несчастье в удачу, Могущественный».

Впервые за день Сахим-Хан улыбнулся, медленной ухмылкой удовольствия. — «Вы лукавый плут, милорд. Вы уверены, что в вас нет кхурской крови?»

На лице Хенгрифа не возникло ответной улыбки. Он просто снова сел, тяжелое кресло заскрипело под его весом.

Сахим приказал доставить к нему верховного жреца Храма Торгана. Солдаты уже схватили его, и вскоре тот стоял перед своим ханом. Бывший кочевник с заостренными чертами лица по имени Минок, жрец, как и большинство кхурского духовенства, был безбородым и с остриженными почти под ноль волосами. На манжетах и воротнике его однотонного хлопкового геба были видны ритуальные татуировки. Будучи в одиночестве среди всех находившихся в комнате кхурцев, Минок не выказывал страха перед Сахим-Ханом. Он сделал должный поклон своему сеньору, но глядел Сахиму в глаза, когда тот говорил, и не дрогнул, когда Хан обвинил последователей его бога в нападении на эльфийскую принцессу.

«У людей пустыни благородные души, Великий Хан», — гордо ответил Минок. — «Это слишком много ожидать, что они будут поступать по-другому, пока чужеземцы множатся и процветают в наших землях. Только слово, Великий Хан, и Сыновья Кровавого Стервятника

сметут *лэддэдскую* заразу со всего Кхура!»

Казалось, Сахим-Хан взвешивает это предложение с должным вниманием. Не дворцовых обитателей было не провести. Духовенство повелевало верностью тысяч, но последователи Минока поставили Хана в неудобное положение. Получится или нет вытребовать с Беседующего большую плату, Сахим не мог снисходительно относиться к любым вызовам своей власти. Слуги и стража в тронном зале принялись тихо принимать ставки, как долго еще проживет жрец Торгана.

«Твой патриотизм и набожность делают тебе честь, святейший», — наконец произнес Сахим. — «Я обдумаю твои слова. В то же время, это воля твоего хана, чтобы *лэддэд* не беспокоили. Обуздай своих приверженцев, жрец, или это сделаю я. Все ясно?»

Все, что мог сделать Минок, это согласиться с приказом. Его окружали сторонники Хана. Сахим отпустил его, и гордый жрец, кланяясь и пятась, покинул комнату. Как только он скрылся за двойными дверями, Сахим кивнул ожидавшим у выхода солдатам. Те выскользнули. По комнате тайком начали переходить из рук в руки монеты. У жреца Торгана было еще меньше времени, чем полагало большинство.

Сахим также отослал по своим делам *гил-хана*. Когда те убыли, он обнаружил, что в обычной толпе придворных кое-кого не хватало — отсутствовал его старший сын, Шоббат. Странно, но это обрадовало Сахима. Наследник кхурского трона не славился мудрыми советами своему отцу (впрочем, его отец бы и не принял их), поэтому Сахим поручил ему восстановление дворца. Должно быть, у него дела где-то в обширном полуразрушенном комплексе. Это возникшее усердие было приятным. Сахим еще сделает хана из своего сына-бездельника.

Когда большая часть публики вышла, Сахим обратился к Хенгрифу: «В какой части ваши люди, милорд, ответственны за это новое волнение?»

«Вы сами произнесли это, Могущественный Хан. Патриотизм и набожность. Люди Кхура устали от эльфийской чумы».

Сахим пожал плечами. «Несколько фанатиков. Они подчинятся моим решениям или ощутят последствия».

«Ненависть к эльфам будет распространяться, Величайший. Запомните мои слова».

Сахим в этом не сомневался. Он знал, что неракцы подмазывают ладони по всему Кхури-Хану, покупая расположение к своему Ордену и враждебность к эльфам. Он спросил в шутку: «Значит, мне следует отпустить Святейшего Минока и его последователей?»

Хенгриф прочистил горло, звук был похож на рык пантеры. «Трудно управлять однажды спущенным с привязи фанатиком».

Смысл его слов был предельно ясен. Если позволить торганцам очистить Кхур от эльфов, они могут не остановиться на этом. Сам Хан может оказаться не отвечающим их стандартам непорочности.

«Лучше Вам самому изгнать их, Величайший», — добавил Рыцарь. — «Эта земля восславит Ваше имя за избавление от их надменного присутствия».

Сахим поблагодарил неракского эмиссара за проницательность. Хенгриф низко поклонился и отбыл, за ним последовала троица одетых в серое мужчин. Обилие сукна не могло скрыть ни ширину их плеч, ни настороженность в их глазах. Ведя свою игру, Хенгриф никогда не передвигался без телохранителей.

Утомленный просьбами придворных, Хан удалился в маленькую боковую комнату. Бурлящая толпа просителей, подхалимов и лизоблюдов поклонилась, когда он выходил.

Комната, в которую он вошел, освещалась единственной масляной лампой; другими словами, в ней было темно, как в могиле. Сахим сбросил на пол тяжелое придворное облачение и почесал бока. Его ребра зудели уже битый час, но вряд ли он мог сидеть на троне Кхура и чесаться, словно шелудивый пес. С большей осторожностью он снял корону Кхура и положил на стол, а затем поскреб ногтями зудящую голову.

Когда он налил себе из кувшина, в самом темном углу комнаты что-то шевельнулось. Сахим не утруждал себя взглянуть. Характерный едва заметный неприятный запах мог принадлежать только одному человеку.

«Выходи. Не прячься в углу словно крыса», — произнес он и осушил свой кубок.

Сгорбленная фигура прохромала к свету. Она была облачена в объемную коричневую мантию, чей большой капюшон полностью скрывал черты лица. На мгновение показались длинные белые пальцы с выпуклыми суставами, прежде чем скрыться в обширных рукавах. Сахим взглянул на истрепанное одеяние и покачал головой.

«Тебе не душно в этом наряде, Фитерус?»

«Наоборот, Могушественный. Мне кажется, здесь холодно». — Голос был сухим, хриплым и шепчущим от почтенного возраста. — «Ты знаешь, я впервые пришел в Кхур из-за его климата».

«И когда это было, снежокровный?»

«Задолго до тебя, Великий Хан. Задолго».

Сахим фыркнул. Даже ему, рожденному и выросшему здесь, этот климат казался тяжелым. Этот шаркающий маг уже год был у него на службе, а Сахим по-прежнему считал абсурдным, что кто-то может расхаживать в таком тяжелом облачении.

Он налил еще вина. «Ты слышал прием?» Старец кивнул, шуршащее движение многослойного капюшона. «Итак, что ты скажешь об идее лорда Хенгрифа? Та еще справедливость, не находишь?»

Фитерус переминался с ноги на ногу, словно его хромые ноги причиняли ему боль. «Справедливость и деньги не могут сосуществовать, Великий Хан. Лучше позволить Сыновьям Кровавого Стервятника омыть руки эльфийской кровью. Когда все *лэддэд* будут мертвы, ты сможешь без хлопот забрать их сокровища».

Золотой кубок замер в сантиметре от губ Сахима. Его черные брови поднялись. «Что? Ты предлагаешь мне истребить твой собственный народ, самую древнюю расу в мире?»

Из глубины капюшона раздался дребезжащий звук — то ли смех, то ли кашель. «Они не мой народ. Я своей собственной расы».

«Ну, кем бы ты ни был, теперь ты мой, купленный и оплаченный. И у меня для тебя есть дело: выясни, кто и почему напал на эльфийскую принцессу. То ли Минок и его торганцы, то ли Хенгриф и неракская сталь, я хочу знать». Он поставил пустую чашу. «Все ясно?»

«Вполне, Могушественный».

Вино согрело кровь Сахима. Даже в безрукавке ему казалось в комнате слишком жарко, слишком душно. Исходивший от его наемника-колдуна запах теперь стал сильнее, несвежий и кисловатый, словно запах огромного подземного городского резервуара, где тот обитал. Сахим подавил мгновенный приступ тошноты. Живое тело не могло так пахнуть. Воняло не плотью Фитеруса, а медленно разлагавшимися старыми костями.

В дверь комнаты постучали. Приглушенный голос придворного лакея попросил разрешения войти. Не успел Сахим ответить, а Фитерус уже снова скрылся в тени.

Лакей доставил новости и быстро ретировался, зная, что принесенное послание не

обрадует хана. Минок ухитрился ускользнуть от стражи.

Сахим шагнул в ворох своего придворного облачения. Начав одеваться, он обнаружил, что Фитерус исчез. В комнате была другая дверь, напротив той, через которую входили Сахим и лакей, но она всегда была заперта. Конечно же, подобная преграда — ничто для Фитеруса. Запертые двери, толстые стены, глубокие пропасти — ничто не могло помешать ему. Он шел, куда желал.

Возможно, ему следовало поручить Фитерусу утихомирить Минока, раздумывал Сахим, снова водружая на голову корону. Кажется, они оба обладают талантом растворяться в воздухе.

* * *

Рев медных корнетов возвестил о прибытии эльфийской армии. Хотя небольшие передовые отряды уже день как были в лагере, лорд Таранас с основными силами только теперь появились в поле зрения. Они собирались у западной границы Кхуриноста, где их ожидал Беседующий, чтобы приветствовать с возвращением. Слабая тень того войска, что когда-то защищало Квалиност и охраняло поляны Беседующего со Звездами, вся армия состояла из тридцати тысяч конных воинов. Они не всегда сражались верхом, но выживание такого небольшого отряда зависело от его мобильности; в нем не было места медлительной пехоте. Солдаты были из всех слоев эльфийского общества, от пожизненных воинов сильванестийского Дома Защитников до пронырливых диковатых эльфов из квалинестийских лесов.

Покрытая пылью от долгого скорбного путешествия, колонная конных эльфов замедлила ход и остановилась, когда передовые всадники заметили выстроившуюся, чтобы приветствовать их, делегацию. Беседующий, справа от него Львица, слева лорд Мориллон Амбродель, стоял во главе смешанной толпы квалинестийцев и сильванестийцев. Позади них располагались восемь горнистов, выдувавших фанфары. Все щурились от ослепительного света, несмотря на сооруженный над ними Планшетом навес.

Армия приспособила пустынное облачение поверх брони; солнечные лучи за несколько часов могли поджарить плоть под металлом. Самым первым ехал необычайно высокий эльф в кхурской панаме. Осадив лошадь, он снял перчатки и отсалютовал Беседующему.

«Приветствую вас, лорд Таранас», — Гилтас протянул руку.

Пожав руку своему повелителю, воин посмотрел за Беседующего на Львицу. «Генерал, представляю вам Армию Эльфийских Наций! Вы снова командуете», — сказал он.

«Хорошая работа, Таран», — тепло ответила она. — «Как прошло путешествие по побережью?»

«Чертовски жарко. И не только из-за солнца».

«Потери?»

«Двадцать девять убитых. Сорок четыре раненых».

«Так много?» — спросил Гилтас. — «По какой причине?»

«Обычные, сир: жара, жажда, дизентерия, ядовитые укусы и безумие — все то, что пустыня обеспечивает в изобилии. И еще одна напасть». — Таранас помрачнел. — «От Мыса Смотрящего Кендера нас два дня преследовали кочевники, обстреливавшие нас из-за дюн. Они были вооружены арбалетами».

Люди пустынных племен обычно носили короткие изогнутые луки, им не хватало материалов и мастерства для изготовления арбалетов. Новости Таранаса вызвали оживление и шепот среди окружения Беседующего.

«Откуда у кочевников арбалеты?» — спросил Лорд Мориллон.

«Вы знаете, откуда», — прошипела Львица. — «Неракцы!»

«Нет доказательств...»

«Дайте мне три дня, и я принесу вам доказательства — кочевников и их луки!» — рявкнула она, прерывая аристократа.

Никто не сомневался, что любой кочевник, которого доставит Львица, будет мертв по прибытии. Хотя некоторым советникам, включая Мориллона, было не по себе от ее кровожадности, другим явно это нравилось.

Тем не менее, ослепительные пески были не местом для обсуждения политики. Гилтас прекратил дискуссию, сказав: «Генерал Таранас, ваш Беседующий и ваш народ приветствуют вас дома. Леди Кериансерай встретится с вами позже и отдаст новые приказы. Продолжайте обычное патрулирование. Остальные воины могут отдыхать. Еда и питье ждут всех».

Таранас отсалютовал и подал сигнал колонне двигаться вперед. С фланговыми и разведчиками по обеим сторонам, колонна вытянулась на милю. Заняло немало времени, пока все усталые подавленные воины проследовали мимо него, но Гилтас оставался на месте, приветствуя каждого всадника с возвращением. Его поведение глубоко тронуло солдат. Хотя его небесно-голубое платье начал окрашивать пот, а тяжелый обруч на лбу сдавливал спутанные волосы, Гилтас стоял неподвижно, даже когда некоторые из его окружения начали покачиваться, испытывая головокружение от жары. Каждый приближавшийся воин слегка выпрямлялся и поднимал голову немного выше при виде Беседующего с Солнцем и Звездами, с огромным достоинством стоя приветствовавшего их.

Его советники роптали на задержку. Даже Львица, гордая за свою армию, чувствовала, что он теряет драгоценное время на этот спектакль. Но до тех пор, пока последний покрытый волдырями разведчик не вошел в палаточный город, Гилтас не уходил. Он повернулся и направился в поднятое проезжавшими всадниками облако пыли. Кериан снова завела речь о необходимости захвата кочевников, чтобы получить доказательства, что их нападения спонсировались неракцами. Это вновь разожгло споры среди свиты Гилтаса.

«Ситуация очень деликатная», — настаивал Мориллон. — «У нас есть разрешение Хана находиться здесь, но если мы проявим насилие по отношению к его подданным, то можем потерять наше последнее безопасное убежище!»

«Вы и есть сама деликатность!» — Львица закашлялась в поднятом песчаном шлейфе. — «Смотрите, что случилось вчера — на меня и моего капитана внезапно напали среди бела дня! Вы называете это место безопасным?»

«Несколько подстрекателей. Прискорбно, безусловно, но...»

Кериан накинулась на него: «Прискорбно! Фанатики жаждут нашей крови, а вы называете это прискорбным!»

«Успокойтесь», — произнес Беседующий. Он не поднял голоса, тем не менее, это прозвучало как приказ. — «Лучший путь лежит где-то между двумя крайностями. Нам следует заботиться, чтобы Сахим-Хан оставался дружелюбным, или хотя бы нейтральным, по отношению к нам, но мы не можем позволить, чтобы на наш народ охотились и убивали поодиночке». Он остановился у границы нагромождения палаток, добавив: «Нам нужна альтернатива этому месту и терпению Хана».

Его взгляд на жену был многозначительным, напоминая ей о грядущей миссии сопровождения архивариуса Фаваронаса с небольшим отрядом ученых в Долину Голубых Песков. Не то, чтобы Керриан совсем не нравилось это поручение. Львица по-прежнему считала его не более чем задачей кендера, бессмысленной тратой времени, но, по крайней мере, она бы хоть *что-то* делала. Придворная жизнь раздражала ее; а вдобавок теперь еще и навороченные интриги, которые Гилтас считал необходимым плести с этим людским ханом. Лучше жариться на просторах пустыни, чем томиться в Кхуриносте в тисках протокола с подрезанными извилистой дипломатией крыльями. Это путешествие, по меньшей мере, даст возможность пособирать информацию.

Королевская процессия по мере продвижения по узким переулкам проходила мимо палаток с откинутыми, чтобы впустить хотя бы легчайший бриз, пологам. Потолок из плотной травы, накрывавший проход, давал защиту от жаркого солнца, а еще в этом месте было так душно, что трудно было дышать. Несмотря на этот дискомфорт, Гилтас замедлил шаги, вновь замороженный мастерством своего народа.

Палатки здесь были превращены в мастерские, в которых ремесленники использовали старинные умения, чтобы предать металлу и камню форму предметов не только полезных, но и красивых. В виду отсутствия больших печей и горнов, эльфам приходилось закупать сырье в городских сууках. Слитки необработанной меди ковались до толщины пергамента, чтобы потом обрести любую форму, от элегантных ваз до крошечных искусных сережек. В одной из лавок кипы серебряной проволоки плотно сплетались в браслеты и ожерелья, так любимые кхурцами. В другой, изнуренный эльф, сидевший, широко раскинув ноги, на грубой джутовой подстилке, полировал на шлифовальном круге целую корзину полудрагоценных камней. Мастерство гранильщика завладело вниманием Беседующего. Полутемный интерьер его палатки подсвечивался солнечным светом посредством угловых зеркал, а его колесо было прикреплено к небольшому вентилятору из пальмового листа; когда эльф трудился, энергия колеса также служила для охлаждения его чела.

Когда Беседующий остановился, он и сопровождающие перекрыли свет, падавший на занятые руки гранильщика. Исхудалый эльф поднял взгляд, а когда увидел своего посетителя, его морщинистое лицо от удивления расслабилось. Он поспешил было подняться, но Беседующий поднял руку и мягким голосом велел не вставать. Гилтас подошел ближе, сунул руку в корзину камней и вытащил особенно красивый аметист. Поверхность темно-красного драгоценного камня была квадратом со стороной три сантиметра, и весьма искусно огранена, несмотря на грубые инструменты, которыми вынужден был пользоваться мастер.

Он собирался вернуть камень в корзину, но гранильщик стал умолять его оставить камень себе. Гилтас хотел было отказаться, не желая лишать дохода своего подданного, но Керриан прошептала: «Возьми камень, Гил. Иначе разочаруешь его».

Глаза старого эльфа засияли гордостью, когда Беседующий сердечно поблагодарил его за дар. Глаза самого Гилтаса были подозрительно радостными, когда он прощался. Каждый раз, когда он будет в отчаянии от стоящих перед ним задач, ему следует вспоминать этого бедного доброго гранильщика. Какой король отважится подвести таких подданных?

Снаружи убогого жилища гранильщика, скучный голос лорда Мориллона положил конец трогательной интермедии. «До нашего появления, кхурцы не умели обрабатывать драгоценные камни. Теперь же, квадратные камни популярны на всех сууках», — сказал он.

«Ну, ради этого стоило перебраться сюда», — едко ответила Керриан.

Гилтас ничего не произнес. Стиснув аметист, он двинулся дальше.

Извилистый маршрут вел его мимо бесчисленного множества палаток. Одни были чуть больше постели своего единственного обитателя; другие включали в себя комнаты, коридоры и прихожие, довольно сложно спланированные. Все усердно работали. Лениности не было места в Кхуриносте. Каждый клочок еды и одежды, каждый глоток воды приходилось покупать у лукавых торговцев.

И снова, где один эльф — на этот раз Гилтас — видел торжество над несчастиями и отвагу перед лицом нужды, другие видели только большое горе. Львица едва выносила это медленное продвижение по палаточному городу. Подступавшая к сердцу боль при взгляде на положение ее народа, была практически невыносимой. Чтобы справиться с этими сильными эмоциями, она все сильнее и сильнее гневалась. И в последнее время ее гнев по большей части был направлен не только на мужа, за недостаточную деятельность, или на оккупантов, загнавших ее народ в такую нужду, но на *саму себя*, за неудачу в борьбе с быколлюдьми и провал попытки убедить мужа поддержать еще один набег на них.

«Что насчет тех документов, которые я принесла из города?» — спросила она.

Ее шепот был резким, более громким, чем хотелось бы Гилтасу. Опустив глаза, он указал ей говорить осмотрительнее.

«Фаваронас разбирался с ними весь день. Мы обедаем с ним сегодня вечером, чтобы услышать, что он обнаружил».

Гилтас видел, что лорд Мориллон, не знавший причины визита Львицы в храм Элир-Саны, внимательно наблюдал за ними. Дворянин пытался ранее выведать у Гилтаса информацию о том поручении, но безуспешно. Не то, чтобы Гилтас не доверял Мориллону. Он просто знал, что в делах, подобных этому, где жизни висят на волоске, чем меньше знающих о его планах, тем лучше.

Солнце уже было низко, почти касаясь западных дюн, когда группа прибыла к королевскому палаточному комплексу в центре лагеря. Огненный шар сменился с раскаленного добела на кроваво-красный, окрашивая небо в цвет полированной меди. С моря задул легкий бриз. Он унес прочь облако пыли, поднятое возвращающейся армией, как и висевшую над Кхуриностом неизменную дымную завесу. Гилтас остановился, чтобы вдохнуть освежающий морской воздух.

«Если бы такой ветер дул каждый день в это время, я был бы счастлив остаться здесь». У всех на лицах появилась тревога, и Гилтасу оставалось лишь улыбнуться. — «Не волнуйтесь: все мы знаем, как редко бывает этот ветер».

Советники посмеялись над шуткой своего Беседующего. Но не Львица. Она вежливо попросила разрешения отбыть, сославшись на необходимость навестить своих воинов. Гилтас дал дозволение, напомнив, что ожидает ее на их совместный ужин этим вечером.

Вскоре Львица снова была среди своих изнуренных солдат. Они жили совместно в больших палатках, сгруппированных вокруг больших каменных загонов, разбросанных по всему эльфийскому лагерю. Кериан занялась отбором пятисот бойцов, которые отправятся с ней в путешествие на север. Она предпочитала набирать скорее отважных разведчиков и опытных наездников, чем лучших бойцов. Она немного поведала им о грядущей миссии, необходимая предосторожность, крепко засевшая в ней так же, как и в ее муже. Осмотрительность Львицы вызывало не только опасение кхурского вероломства. Единственное слово о том, что надеялся найти Гилтас, могло легко вызвать панический исход отчаявшихся эльфов, полных решимости бежать из Кхуриноста в поисках мнимого рая

сказочной долины тумана и мглы.

Таранас и другие ее офицеры, как и следовало ожидать, проявляли любопытство. Они предположили, что Львица планирует доставить неприятности рыцарям Нераки, чья родина находилась прямо на другой стороне гор, к которым они направлялись.

Она только могла мечтать, чтобы это было правдой. Как ни сильно она ненавидела минотавров, в сердце Кериан был зарезервирован особый темный уголок для рыцарей и их наймитов. Они были ее кровными врагами, и она знала, как с ними драться.

Попытка отвоевать Сильванести была серьезной ошибкой: теперь она знала это. Каждый день, что эльфийские земли находились в грязных лапах захватчиков, был сущей пыткой для нее, и ее нетерпение стало причиной поражения на юге. Ее учили, что войны не выигрываются спешкой и яростью. Львицу обучали терпению.

И, тем не менее, фантазии Гилтаса об Инас-Вакенти были напрасными. Даже если эта долина существует и пригодна для жилья, она не была их домом, думала Кериан. В священных землях Сильваноса и Кит-Канана эльфийская раса была на своем месте, и нигде больше. Львица чувствовала, что лучшим применением ее боевой мощи были бы небольшие набеги на родные земли эльфов, засады на патрули минотавров, поджоги их складов, разрушение их мостов и уничтожение их предводителей. Такими методами она практически очистила периферию Квалинестии от неракских рыцарей, хотя ей никогда не хватало сил, чтобы бросить вызов их власти в Квалиносте, так же как и попытаться покончить с драконицей Берил.

Своим любопытным офицерам она сказала: «Беседующий преследует особую цель, посылая нас на север. Драка не входит в этот план. Мы будем сопровождать», — она тщательно подбирала верные слова, — «библиотекарей из королевских архивов».

Все воины, как один, были поражены. «Генерал, почему посылают вас? Любой компетентный командир справится с такой простой миссией», — спросил Таранас.

«Я иду, потому что мой Беседующий отдал такой приказ».

Они кивнули, подтверждая повинование своему королю. Кериан попросила Таранаса рассказать ей об атаках кочевников, которым он подвергся на обратном пути в Кхури-Хан.

Он с армией без проблем добрался до побережья, ответил Таранас, благодаря операции прикрытия, организованной Львицей и ее лучниками. Квалинестийский воин надеялся, что его командир поведает, как она выжила, но она промолчала. Он был слишком предан и хорошо обучен, чтобы расспрашивать ее о том, что произошло.

Когда колонна двинулась вдоль побережья, они повстречали группы кочевников, собиравших финики и кедровые орехи в прибрежных лесопосадках. Кочевники вели свой крупный рогатый скот и коз от водопоя к водопою по древней тропе вдоль берега моря, веками использовавшейся пастухами. Они дали приют вооруженным эльфам и не было никаких столкновений.

На второй день продвижения вдоль берега, эльфы заметили следивших за ними верховых людей. Таранас сперва не уделил им особого внимания, так как их было немного, и они находились впереди колонны, а не позади. Он логично предположил, что погоня от границы с Сильванести возникнет позади.

Первая атака состоялась с наступлением ночи. Тяжелые арбалетные стрелы метнулись с дюн в сторону правого фланга эльфов. Несколько всадников и лошадей упали. Таранас выслал патруль. Они не обнаружили никого, но отчетливые следы на песке указывали, что полдюжины людей с лошадьми скрывались в дюнах.

Такая картина повторялась всю ночь и последующие дни. Разгневанный снайперским огнем, Таранас высылал все больше и больше отрядов, чтобы выследить арбалетчиков. Все безуспешно. Все равно, что охотиться за дымом. Снайперы все время отступали, осыпая преследователей стрелами.

«Если бы они лучше целились, то опустошили бы много седел», — сурово произнес Таранас. — «А так, они целились слишком высоко».

Львица кивнула. Для новичков арбалетчиков было обычным делом промахиваться по цели. Арбалет посылал свои снаряды по дуге, в отличие от прямого полета выпущенной из лука стрелы. Очевидно, этим кочевникам было непривычно подобное оружие.

Атаки прекратились, лишь когда в пределах видимости показался Кхури-Хан. Эльфы так ни разу и не смогли приблизиться к снайперам, а их собственные лучники ни разу не поймали мишень в прицеле на время достаточное, чтобы произвести точный выстрел.

«И еще одно, генерал», — сказал Таранас. — «Наши враги явно были кочевниками, по тому, как они знали и использовали пустыню, но мне кажется, что они были из Кхури-Хана. Следы от мест засад вели на север, всегда на север; а последние направлялись прямо к городу».

Это имело смысл для Керриан. Напавшие на нее и Гитантаса на Храмовом Пути люди тоже были кочевниками, возможно из того же отряда, что досаждал колонне Таранаса. Они явно действовали из Кхури-Хана, но почему? Кочевники относились к городам и их разнообразным обитателям с тем же подозрением, которое они ощущали к чужеземцам, вроде эльфов; а Кхури-Хан, как самый большой из кхурских городов, рассматривался как самое сосредоточие зла.

Приближался час обеда. Керриан оставила своих верных офицеров, чтобы вернуться в палатку Беседующего и присутствовать на обеде с Гилтасом и его архивариусом. Покинув палатку офицеров, она сделала легкий крюк, чтобы навестить Орлиного Глаза в его стойле. Грифона приходилось держать подальше от лошадей; его присутствие сводило их с ума.

Орлиный Глаз статуей застыл возле своего кормового столба. На его голову был накинут капюшон, словно охотничьему соколу, накрытому зеленым фетром. Это был лучший способ держать его смирным. Когда Орлиный Глаз волновался, он издавал свой пронзительный булькающий крик, от которого в панике разбегались животные на мили вокруг.

Мягко говоря с существом, Керриан развязала шнурки и сняла с него капюшон. Золотые глаза грифона, каждый размером с королевский кубок, внимательно изучали ее.

«Как ты, друг мой?» — спросила она. — «Голоден? Конечно же, голоден».

Она прошла в дальний конец стойла, к окрашенному темным деревянному бочонку. Тот сильно пах застарелой кровью. Она вытащила баранью ногу, не слишком свежую, как раз как нравилось грифону. Запах крови достиг Золотого Глаза, и он раскрыл клюв, начав ощупывать воздух палочкообразным языком. Его львиный хвост подергивался взад-вперед. Он нетерпеливо пискнул.

«Иди, иди», — весело произнесла она.

Она насадила ногу на свисавший с верхушки столба крюк. Золотой Глаз подождал, пока она отойдет, а затем сделал несколько шаркающих шагов вперед. Он погрузил свой крючковатый клюв в мясо, отдирая кусок размером с кулак, который затем не глотая отправил в брюхо. Многие ее товарищи не выносили наблюдать, как ест грифон. Керриан же находила этот процесс поучительным.

Довольно скоро металлический крюк был снова пуст. Грифон взмахнул крыльями, признательно качнув головой. Она нежно похлопала по пернатой шее, и он позволил ей снова надеть на него капюшон. Кериан пожелала ему доброй ночи.

Наступили сумерки. Огромный небосвод над Кхуриносом и кхурской столицей окрасился багровым, с алыми и розовыми прожилками на западном горизонте. В армейском лагере было мало закрывавших вид зонтов. Кериансерай задержалась на минуту, наслаждаясь огромным простором неба и пришедшей с закатом прохладой воздуха.

Что-то пронеслось над головой. В пустыне было мало птиц, и она с любопытством проследила за движением. Ее форма и рисунок полета казались странными. Через мгновение она узнала стремительный полет летучей мыши. Странно. Она не встречала ни одно из этих существ со времени ухода из лесов Квалиности.

Оно прошелестело, может в шести метрах, у нее над головой. Шум его мягких крыльев был слабым, но отчетливым, как и издаваемый им звук, напоминавший скрип кожи по стеклу. Затем оно унеслось, скрывшись среди низких брезентовых крыш и поднимающихся нах палаточным городом дымов.

Кериан посмотрела вниз и обнаружила, что сжимает эфес своего меча. Она не знала, почему, но летучая мышь вызвала у нее тревогу. Ее сердце бешено стучало.

Опустив взгляд ниже, она увидела что-то темное, разбросанное на песке у нее под ногами. Она опустилась на колени. Дорожка была усыпана зелеными листьями. Листьями ясеня. Такие деревья не росли в пределах трехсот миль от Кхури-Хана. И что еще более странно, листья были зелеными и мягкими.

* * *

Обед с Беседующим с Солнцем и Звездами подчинялся строгому этикету, по меньшей мере, в том, что касалось меню. Восходя к величественному прошлому, обеды состояли из двенадцати смен блюд. Не хватало лишь кристаллизованной росы, собранной в королевских розариях, воздушных пирожных и изысканных приправ. Не только это теперь было недоступно, но монарх эльфийских наций не потворствовал показной роскоши.

За низким круглым столом сидели Беседующий, Кериансерай, старейший из здравствующих архивариусов, Фаваронас Милланандор, и сильванестийский картограф по имени Ситэлбасэн, когда-то бывший персональным картографом королевы-матери Эльханы Звездный Ветер. За обедом прислуживал Планчет, с амфорой вина в руке и тонким кинжалом, заткнутым за пояс.

Обед состоял из рыбы, риса, жаренных кедровых орешков и популярной в Кхуре маслянистой пасты. Известная как *феза*, она представляла собой пюре из семи овощей, смешанных с ореховым маслом и чесноком. На столе стояли глиняные горшочки с полосками кхурского хлеба, хрустящими палочками из теста, поджаренными на солнце до темно-коричневой корочки и твердыми, почти как дерево. Рядом с тарелкой Беседующего находился белый керамический горшочек и крошечная чашка соответствующего размера. В горшочке был *кефр*, крепкий темный напиток, так любимый кхурцами. Гилтас был одним из немногих пристрастившихся к нему эльфов, и единственным, кто пил горький напиток, не добавляя сахар, корицу или другие специи.

«Эх, сюда бы каких-нибудь подходящих фруктов», — произнес Ситэлбасэн, глядя на

свою недоеденную рыбу. Кхурские воды давали много видов рыбы, вся костлявая и с сильным привкусом.

Гилтас закончил свою небольшую порцию и наливал себе чашку кефра. «На десерт есть финики и инжир», — сказал он. — «Я велю принести, если желаете».

Картограф вежливо отказался. Он изрядно их съел за свою жизнь.

Некоторое время продолжался светский разговор, пока Львица не подняла собравшую всех их вместе тему.

«Итак, Мастер Картограф, что насчет этой долины?»

Ситэлбасэн отпихнул тарелку. «Леди, в месте, указанном на карте Беседующего, несомненно, есть долина», — сказал он.

Гилтас спросил Фаваронаса: «Храмовые летописи, что принесла леди Кериансерай — они дали полезную информацию?»

Архивариус откинулся назад, сложив руки на животе. Для эльфа у него был довольно выпуклый живот, свидетельствовавший о его привычке пить местное пиво и отменном аппетите. В отличие от своего привередливого коллеги, Фаваронас очистил тарелку и теперь чавкал хлебом, макая его в *фезу*.

«Возможно, Великий Беседующий», — ответил архивариус, прожевав. — «Они касаются запутанной истории, полной аллегорий и легенд. Как современный ученый, я не осмеливаюсь пересказывать подобные сказки».

Курсировавший вокруг стола Планчет наклонился, снова наполняя чашу архивариуса. Фаваронас поблагодарил его и поднес чашу к губам.

Кериан едко заметила: «Вы здесь не ради гостеприимства. Расскажите нам, если есть о чем, что вы узнали».

Гилтас упрекнул ее взглядом, и она умолкла, взяв хлебную палочку и с хрустом вгрызаясь в нее. Беседующий выжидательно смотрел на архивариуса.

Фаваронас начал рассказ: «Согласно храмовым хроникам, Инас-Вакенти было первым местом на Кринне, где боги ступили на землю в телесной форме. Оно стало неким нейтральным убежищем, где они могли стоять на тверди и наслаждаться созданным ими миром. Чтобы уберечь это райское место от междоусобных распрей, они заключили соглашение, что никому не позволялось разговаривать в его пределах. Отсюда и название, Долина Молчания».

«Правда ли это...» — Он прожевал последний кусок хлеба и пожал плечами. — «Но я могу подтвердить, что обсуждаемая местность была частью королевства Сильванести, до Первого Катаклизма. Ситэлбасэн сказал, что эта территория была частью большого участка земли, пожалованного Сильваносом Золотым Глазом, первым Беседующим со Звездами, своему генералу и другу Балифу. В те дни это тоже по большей части была пустыня. Равнинный юг пустыни кишел свирепыми кочевыми племенами людей, которые постепенно были вытеснены легионами Балифа. Самый отдаленный аванпост эльфийского королевства находился в или рядом с Долиной Молчания, в месте, называемом Тез-Балиф — Врата Балифа».

«Очаровательно», — протянула Львица.

«Да, в самом деле!» — согласился ее муж, не обращая внимания на ее ироничный тон. — «Это может означать, что мы имеем легальные права на Инас-Вакенти. Если мы сможем отыскать остатки крепости Балифа, это поддержит наши притязания!»

«Это все было пять тысяч лет назад», — сказала она. — «Если что и осталось, то лишь

бульжники. Сомневаюсь, что Сахим-Хан уступит нам землю, опираясь на несколько древних камней».

Обедавшие продолжали спор, пока убирались тарелки и сервировался десерт. Фаваронас угощался ломтиками свежего инжира, слизывая липкий сок с пальцев. Ситэлбасэн с брезгливым осуждением наблюдал за коллегой.

«Есть один предостерегающий рассказ касательно Долины», — произнес Фаваронас, набирая полную горсть фиников. — «Если верить жрицам Элир-Саны, на заре правления Беседующего Ситаса туда был изгнан могущественный колдун. Храмовые хроники называют его Вездика».

Ситэлбасэн покачал головой. «Варварское имя. Не похоже ни на один из известных мне языков».

Фаваронас сплюнул в руку финиковую косточку. «Я уверен, что это искаженное Ведведсика».

Беседующий, Планчет и Ситэлбасэн уважительно посмотрели на архивариуса. Кериан, которой не хватало их официального образования, это имя ничего не сказало. Фаваронас пояснил его значение.

«Ведведсика был одним из самых первых великих магов Сильванести. Вначале он был союзником Беседующего и вассалом Балифа, но затем совершил преступление и был изгнан из королевства».

Имя Балифа было известно Кериан. Тот был великим воином и прославленным генералом. «Какое преступление?» — спросила она.

Гилтас ответил: «Никто не знает. Оно было столь ужасным, что Беседующий Ситас запретил любое упоминание о нем в анналах своего государства. Он велел Балифу арестовать мага и поместить его в заключение в отдаленном форте».

«И в ответ подлый колдун способствовал падению своего повелителя», — мрачно произнес Ситэлбасэн. — «Балиф, стройный мужественный эльф, был превращен в скрюченное сморщенное отвратительное существо. Вскоре после этого он исчез, не найдя в себе сил жить дальше в Сильванести».

Повисла тишина. Давняя судьба эльфийского генерала вызвала болезненные ассоциации у сидевших вокруг стола. Разве они не изгнаны так же из своей родины? Возможно, и им тоже никогда не удастся вновь поселиться там.

Был уже поздний час, и палаточный город притих. Ночной ветер заставлял дрожать крышу палатки Беседующего, и этот звук внезапно вызвал ощущение постороннего присутствия за столом. Кериан непроизвольно придвинулась ближе к Гилтасу. Игнорируя протокол, он обнял ее рукой за талию.

«Даже кости колдуна обратились в прах», — пробормотал Фаваронас.

Эта цитата из барда Севаститанаса нарушила мрачную атмосферу. Планчет двинулся наполнять чаши, а Фаваронас принялся излагать последующую историю Инас-Вакенти.

Король-Жрец Истара получил пророчество, предупреждавшее о грядущей беде. Единственным местом на всем континенте, которое не должна была затронуть катастрофа, была Долина Голубых Песков, так как там, где когда-то гуляли боги, стихия была не властна. Король-Жрец отправил экспедицию в долину; о ней больше ничего не было слышно. Позже, гномьи разведчики из Торадина обнаружили долину и начали добычу полезных ископаемых. Проект давал щедрый доход серебра, но сопровождался такими авариями и жертвами, что шахтеры меньше чем через год покинули его. Во время кочевых перемещений бакали во

времена старой Эрготской Империи, небольшое племя людей наткнулось на долину, и спаслось от мародерствовавших людей-ящериц, спрятавшись там. Какое-то время они процветали, отправляя торговые экспедиции в Истар и Сильванести, но спустя несколько лет торговля пошла на спад, а затем и совсем заглохла.

Последнее упоминание о долине в храмовых архивах относится к соламнийскому рыцарю, который проезжал через нее после Катаклизма. Он сообщал, что смещения пластов земли не затронули долину.

«И?» — поторопила Львица, когда Фаваронас сделал паузу, чтобы выпить.

«И ничего, леди», — ответил он, пожав плечом. — «Это вся информация, содержащаяся в той записи».

С того времени, рассказал он им, подъем кочевников пустыни прервал все контакты с Долиной Молчания. Проживавшие в той местности кочевники относились к ней, как запретному месту, пока остальные племена постепенно забывали о ней или, как городские кхурцы, перевели в разряд сказок.

Масляные лампы на низком столике зашипели, когда их топливо стало заканчиваться. Фаваронас завершил свой рассказ, но добавил финальное предупреждение: «Храмовые анналы написаны весьма смутным и иносказательным языком, Великий Беседующий, и потребовали много интерполяций и экстраполяций с моей стороны».

Гилтас кивал в задумчивости. Керриан наклонилась ближе и толкнулась носом ему в щеку. «Ну?» — сказала она. — «Я еду, или нет?»

Он улыбнулся в своей мягкой, слегка грустной манере. «Конечно. Мастер Фаваронас тоже. Наши люди должны иметь убежище. Инас-Вакенти может оказаться этим местом».

Архивариус уже согласился на путешествие, но когда Беседующий спросил Ситэлбасэна, не желает ли тот также присоединиться, сильванестийский картограф поспешно отклонил приглашение.

«Бойтесь призраков?» — поддразнила Львица.

Худощавый опрятно одетый эльф плотнее запахнул свое одеяние вокруг шеи. «Да, леди», — ответил он. — «Так и есть».

Даже в самый жаркий день вода в каменном кувшине остается холодной. Если кувшин высечен правильно, из мелкозернистого стеатита, с толстыми стенками сверху и более тонкими у дна, вода внутри него будет оставаться столь же холодной, как когда ее зачерпывали из колодца. Холодная вода — это первое, что требуется для хорошего хлеба. Нелегкое требование для пустыни. Шедший с далекого моря восточный ветер ударял в Столпы Небес (известные иноземцам как Халкистские Горы) и оседал снегом на их пиках и проливался дождем на более низких склонах. Избавленный от влаги, этот ветер затем распространялся по всей западной пустыне, принося свой сухой жар в каждый уголок этой земли. Среди зноя, барханов и насекомых, поиск холодной воды и приготовления хлеба для семьи не было рутинным занятием слабых духом.

Адала Фахим подняла тяжелый кувшин из стеатита и вылила его содержимое в медный таз. Она быстро размешала воду с сухой смесью муки, соли и соды. Она никогда не отмеряла точно, только на глаз. Двенадцать круговых движений деревянной лопаткой в широком плоском тазу, и тесто было готово. В металле была неглубокая выемка, там, где описывала круги ее ложка. Тридцать два года она точно таким же образом готовила хлеб. И тридцать два года он получался отменным, невзирая на ветер, погоду или войну.

Она плюнула на металлическую сковороду, чтобы проверить ее температуру. При правильном нагреве по кругу начинала плясать капля воды, с каждым кругом уменьшаясь в размерах, пока не исчезала. Когда сковорода была готова, она вылила в нее большую ложку масла. Масло побежало к краям, блестя на черной поверхности. Тесто в тазу поднялось и пузырилось от соды. Она оторвала кусок, скатала его в шар между своими гладкими коричневыми ладонями и положила на сковороду. С шипением тот растекся в небольшую круглую лепешку.

На Адалу упали черные тени, закрывая вид серых гор, но она не подняла взгляд. Первая лепешка была самой важной. То, как она испечется, скажет ей, нужно ли добавить или убавить жара.

Стоявшие там трое мужчин были кочевниками в расцвете лет, людьми племени Вейя-Лу. Хотя ни у кого из них не было серых глаз, они были из клана Прыгающего Паука и братьями Вапы.

«Вапа вернулся», — произнес стоявший посередине.

«Я сделаю лишнюю порцию», — сказала Адала, не отвлекаясь от приготовления хлеба. Она ловко перевернула его пальцами. Другие женщины использовали для переворачивания хлеба ножи. Но не Адала. Один неверный укол, и обжариваемое тесто сдуется; лепешка станет плоской и жесткой как кожа на сандалии.

«У него важные новости, Вейядан». Ее титул означал «Мать Вейя-Лу». «Вы знаете, кто нанимал его, чтобы сопровождать из города в пустыню и обратно?»

Она пожала плечом, занятая скатыванием нового шарика теста.

«Шоббат, сын Сахима Закка-Кхура!»

Один за другим четыре новых шарика теста упали на сковороду вместо готового первого. «Итак, принц Кхура, наконец, покинул затененные залы города, чтобы навестить землю своих предков. Что нам до этого?» — сказала она.

«Он ходил к Оракулу. Скрытому».

Они были уверены, что эта новость заставит Адалу встать, стряхивая муку с рук. Но этого не произошло. Она сняла со сковороды четыре свежее испеченных лепешки и положила на нее следующие четыре.

«Вейядан, пожалуйста», — взмолился кочевник. — «Вам следует послушать, что должен сказать Вапа!»

«Так и сделаю. Когда закончу печь хлеб».

Приготовление сорока лепешек потребовало какого-то времени. Хотя кочевники пару раз нетерпеливо переминались с ноги на ногу, никто не жаловался.

Когда, наконец, выпечка была закончена, Адала оставила свою пятую дочь, Чиси, чистить таз и сковороду. Подтянув черное одеяние, вождь Вейя-Лу покинула тень своей палатки и направилась к жилищу Вапы на другой стороне каменистого ущелья. Едва перевалило за полдень, была самая жаркая часть дня, и лишь немногие кочевники находились снаружи. Даже пустынные гончие, в разведении которых Вейя-Лу были экспертами, сонно замерли в малейших клочках тени, которые смогли отыскать.

Адала вошла в семейную палатку Вапы и произнесла обычное приветствие: «Те, кто Наверху, оберегают нас».

Вапа ответил: «И тебя, Мать Вейя-Лу».

Он сидел лицом к двери. Остальные мужчины клана образовывали кольцо, спинами к стенам палатки. У некоторых из них были серые глаза, так дерзко выделявшиеся на фоне смуглых лиц и темных или рыжих бород. Адала была единственной женщиной среди присутствовавших.

«Я рада видеть тебя», — произнесла она. — «Я слышала, у тебя есть история, чтобы поведать».

«Мрачная, словно мор, громкая, словно гром. Наслаждайся».

Она села в центре круга мужчин. Как супруги главы клана, Адалы не мог касаться ни один человек, за исключением ее мужа. С тех пор, как Касамир ди Кайр погиб несколько лет назад, сражаясь наемником за неракских рыцарей, она стала Вейядан, дословно матерью всех в племени Вейя-Лу. Ей было едва за сорок, и она была моложе некоторых из своих названных детей.

Вапа начал свой рассказ. С тем же терпением, которому она выучилась, выслушивая своих сыновей, когда те были младенцами, Адала пропускала цветистый поток слов и фокусировалась на разбросанных тут и там важных крупницах информации.

Люди принца Шоббата пришли на Большой Суук в поисках кого-либо, кто будет сопровождать их повелителя в путешествии по пустыне. Вапу выбрали потому, что, Боги свидетели, он был скромным человеком, благородным человеком, человеком, в котором кровь бесконечных поколений Вейя-Лу струилась мощным бесконечным кругом...

Адала нахмурилась, закрыв глаза, чтобы еще сильнее сконцентрироваться.

Без какого-либо эскорта, Вапа и принц Кхура до рассвета выехали из Кхури-Хана. Они без каких-либо происшествий добрались до Слезы Элир-Саны. Хотя пользы от него в пустыне не больше чем от хныкающего младенца, Шоббат настаивал, чтобы они двигались без отдыха, чтобы добраться до его цели, оракула пустыни.

Вапа сделал паузу, чтобы отхлебнуть масляного чая, и Билат, деверь Адалы и военачальник Вейя-Лу, спросил: «Скрытого? Хранителя летучих мышей?»

Вапа торжественно кивнул. Сидевший слева его кузен Этош подлил еще чая ему в кратер.

Они добрались до оракула ночью. На памяти Вапы никто не ходил туда, и он не знал, жив ли все еще прорицатель, но древние каменные шпильки стояли на месте, и потревоженные легендарные летучие мыши хлынули наружу. Вапа, праведный человек, предупредил принца, что ему не должно входить в святилище, так что Шоббат пошел один и оставался внутри почти до рассвета.

Вапа спал между лошадьми, когда услышал жуткий крик. Отважно вскочив с мечом в руке, он приготовился сражаться со злыми духами. Но никто не появился. Вместо этого, из святилища, спотыкаясь, вывалился принц Шоббат, бессвязно лепеча словно безумец.

«Расскажи о его лице!» — поторопил Вапу Этош.

«Дыхание богов опалило принца», — торжественно провозгласил Вапа, широко раскинув руки, — «похитив практически полностью краску с его бороды, бровей и волос! Цвет был белый, как у шарфов танцовщиц Хана!»

Адала презрительно посмотрела на него. «Белый — цвет света, Элдина Судящего». Это был далекий верховный бог кочевников, которого редко поминали и редко молили. «Какое зло может исходить от Элдина?»

Среди собравшихся пробежал шепот, и Билат сказал: «То есть ты думаешь, это была кара, а не проклятие?»

Вапа не желал потерять слушателей в теологическом споре, так что быстро продолжил.

Несчастный принц не просто кричал, как заблудившийся во тьме, он был совершенно слеп! Он размахивая руками врезался в лошадей и Вапу. Все это время он что-то лепетал о растущих в пустыне деревьях, приходе эльфов, о том, как они озеленят все, если их не остановить.

«Я бы не прочь видеть больше зелени в этих землях», — прокомментировала Адала, и собравшиеся изумленно уставились на нее. — «Но не под властью иноземцев».

Вапе пришлось оглушить Шоббата дубинкой. Привязав его к лошади, кочевник направился обратно в Кхури-Хан. Когда принц очнулся во время обратного пути, он все еще был безумен. Вапа задавал ему вопросы, и Шоббат искренне отвечал на них, рассказав все, зачем он пришел, что надеялся обрести, и что поведал оракул. Но каждый раз его разговор возвращался к эльфам и опасности, которую те представляли для Кхура.

«Он планировал свергнуть своего отца», — произнес, глубокомысленно кивая, Этуш. — «Его сумасшествие — кара богов, наказание за подготовку такого кровавого предательства!»

Вейя-Лу не питали особой любви к Сахим-Хану, но когда сыновья устраивают заговор с целью убийства их отцов, несомненно по миру гуляет зло.

Вапа рассказал, что не планами принца на кхурский трон был поглощен его помутившийся рассудок во время возвращения в город, а откровением оракула, что *лэддэд* могут превратить Кхур в зеленый сад и править им. Слушатели Вапы были согласны с безумным принцем на этот счет. Если это случится, кхурские племена погибнут. Все, что они ценили — семьи, традиции, верность богам — будет переделано на чужеземный лад. Даже чистую прекрасную пустоту этих земель затянут лозы и деревья эльфов.

«Если эльфы отыщут Долину Голубых Песков», — произнес Вапа, цитируя принца, — «народ Кхура погибнет!»

Осушив свой кратер чая, Вапа, наконец, замолчал. Его слушатели были ошеломлены. Даже Адала не прокомментировала это заключительное откровение. Эльфы ищут Долину Голубых Песков? Зачем они направляются туда? Никто не ходил туда. Она была населена беспокойными нечестивыми духами.

«Тебе следовало перерезать кхурскую глотку», — произнес Этош, нарушая угрюмую тишину. — «Оставить его в пустыне кормить стервятников».

Несколько голосов громко выразили несогласие с этим утверждением. Такое предательство подопечного накликало бы беду и на Вапу, и на его племя. Слово Вейя-Лу было долгом не только перед тем, кому оно было дано, но и перед Теми кто Наверху.

Какое-то время они обсуждали достоинства решения Вапы доставить больного принца обратно в Кхур. Так как из их спора не выплывало ничего полезного, Адала, наконец, прервала их.

«Мы должны встретить этот шторм и посмотреть, настоящая ли это буря или всего лишь бред принца, которому солнце напекло голову», — сказала она.

Адала встала. Вытянув руку, она описала круг, указывая на каждого из присутствующих. «Мы отправимся к Городу у Моря. Мы присмотримся к *лэддэд*. Если они ведут себя тихо и подчиняются воле Хана, мы оставим их в покое. Но если они собираются захватить долину, мы должны остановить их. Оракул сказал, что *лэддэд* не будут править, если их держать подальше от Долины Голубых Песков. Клянусь нашей кровью, это наш долг не позволить им этого. Священной кхурской земле быть».

Она описала круг и добавила: «Это ваша клятва, как людей Вейя-Лу!»

Они охотно поклялись, бремя этой клятвы в тот момент казалось легким. Никто из присутствующих не подозревал, сколь тяжким оно может оказаться.

Тотчас были разосланы гонцы. Другие племена этой местности следовало предупредить об угрозе. Если эльфы двинулись к долине, это будет означать войну.

Некоторые южные племена открыто нападали на эльфийские караваны, отстреливали заблудившихся всадников *лэддэд*, даже атаковали небольшие лагеря. Будучи воинами, они относились так ко всем чужакам в своих землях. Все эти годы число эльфов росло, по мере того, как все новые прибывали в изгнание, и они не демонстрировали никаких признаков того, что собираются уходить. Адала даже получала сообщения об эльфах в родовом городе Вейя-Лу, Дельфоне. Этот город был гнездом разврата и беззакония (как, впрочем, и любой другой город), но он являлся колыбелью племени Вейя-Лу. То, что чужеземцы — и даже не люди — находились там, оскверняя гробницы и храмы величайших предков племени, уже являлось горькой пилюлей. Но пока *лэддэд* оставались в Кхури-Хане и других городах, кочевники могли не обращать на них внимания. Однако, коль Сахим-Хан позволяет им расползаться по просторам открытой пустыни, людям пустыни следует подняться и провозгласить нового хана.

И не избалованного Шоббата; он был таким же грешным безбожником, как и его отец. Следует основать новую династию, дом добродетели и силы.

Такими были мысли Адалы, пока она пересекала слепящую песчаную ширь, направляясь к своей палатке. Нырнув под полог, она откинула назад вуаль от солнца, и оставила мирские проблемы снаружи. Чиси оттерла сковороду и повесила ее остывать на шест палатки. Медный таз для замешивания был отмыт.

Выбросив из головы отвлекающие мысли об эльфах, городах и вечных монархах, Адала погрузила руку в корзину сушеной чечевицы. Одна, вторая, третья пригоршни застучали по тазу. Еще воды из кувшина, чтобы размочить твердые как камень коричневые семена. Чечевица была хороша к хлебу. Она лишь надеялась, что добавила достаточно соли, чтобы заготовить ее должным образом.

Без фанфар Львица до рассвета вывела свой маленький отряд из Кхуриноста.

Если верить недешевой карте Беседующего, до Инас-Вакенти было больше двухсот миль. Путь пролегал по Высокому Плато, одной из худших кхурских пустынь, без колодцев, оазисов и гостеприимных обитателей на большей части пути. Согласно кхурским записям, на Высоком Плато сотни лет не выпадало дождя, так что каждый эльф нес воду, воду и еще раз, воду. Запасное оружие и большая часть доспехов были оставлены в лагере, чтобы навьючить на лошадей больше жидкости. Посоветовавшись со Ситэлбасэном, Кериан прочертила маршрут на север-северо-восток, обходя караванную тропу на Кортал, изобилующую неракскими шпиками. Каждому члену экспедиции была выдана копия карты, так чтобы если он начинал отставать от основного отряда, мог знать, куда направляться.

Опытный профессионал, Кериан довольно быстро закончила свои собственные приготовления к путешествию. Это дало ей несколько драгоценных часов побыть женой Гилтаса, а не командующим его армии. Она снова ломала голову над явным противоречием между ее мужем и королем. Он был одновременно и добрейшим из всех, кого она когда-либо знала, и самым жестким. Гилтас мог отдать последнюю корку хлеба голодному на улице, а в следующее мгновение приговорить преступника к смерти. Он не кичился званием Беседующего с Солнцем и Звездами, а честно заботился о каждой душе под своим правлением и о долгосрочном благополучии своего королевства.

Они не говорили о предстоящем задании Кериан, как и о недостатке у нее уверенности в его пользе. Прикрытые лишь светом свечи, они сидели на своей кровати лицом друг к другу, склонив головы, ее лоб упирался в плечо мужа.

Гилтас глубоко дышал, впитывая ее аромат, стараясь накрепко запереть это воспоминание в своем сердце. Ее распущенные волосы ниспадали волнами на них обоих. Ощущение, как они выются на его плечах, было одним из сладчайших чувств, которые он когда-либо испытывал.

«Ты возьмешь Золотого Глаза?» — тихо спросил он.

Она покачала головой. От этого движения ее волосы медленно скользнули по верхней части его спины. У Гилтаса пробежали мурашки. «Нет, ты же знаешь, что он пугает лошадей. Они и так будут достаточно нервными. И он воды пьет больше дракона».

Кериан почувствовала, как ее муж улыбнулся у нее на плече. «У меня для тебя есть мазь», — сказал он. — «Ее принес аптекарь Рединивис. Он сказал, что она уберезет тебя от солнечных ожогов».

«И сколько литров этой мази нам предлагается тащить с собой?»

Улыбка перешла в тихий смешок. «Каменная банка, что он дал мне, поместится у тебя на ладони». Она фыркнула, и Гилтас добавил высоким голосом, подражая аптекарю: «Однако для достижения эффекта, бальзам следует наносить достаточно обильно».

Супруги рассмеялись. Приятное времяпрепровождение переросло в нечто более глубокое. Это была их последняя совместная ночь на какое-то время, и они воспользовались ей наилучшим образом.

Еще до рассвета Кериан встала и оделась, не будя мужа. Когда она в соседней комнате уже была готова уйти, появился Гилтас.

«Ты не собиралась попрощаться?» — спросил он.

Зрелище его в таком виде, в потертом платье, со спутанными длинными волосами, вызвал у нее неожиданный прилив нежности, но она не могла позволить себе поддаться чувствам. Она отправлялась на опасное задание. Ее жизнь и, что более важно, жизни тех, кто следует за ней, требовали всех навыков и умений Львицы, а не супружеских сантиментов Кериансерай.

Переводя все в шуточный тон, она сказала: «Подумай о своем достоинстве, Гил! Должно ли Беседующему с Солнцем и Звездами торчать снаружи, маясь, словно томящаяся от любви девица, посылающая прощальные поцелуи своему парню?»

Поддерживая ее дразнящий тон, он ответил: «Я — Беседующий. Только избалованный, как девица».

Она улыбнулась. Они обнялись, но слишком скоро для Гилтаса она отпустила его и сделала шаг назад. Сверкнула улыбка, и в следующий миг Кериан исчезла, скрывшись в предрассветном безмолвии. Долгое время Гилтас оставался на месте, глядя ей вслед.

Когда колонна всадников покинула палаточный город, поднялся западный ветер. Закутавшись в халаты и шарфы, чтобы защититься от летящего песка, эльфы скакали в тишине, без аккомпанемента развевающихся знамен или выдувавших фанфары трубачей. Не как в былые дни, когда воины Сильванести никогда не выдвигались из своего стольного града без отряда трубачей в тысячу юношей из знатнейших семейств их страны. Или армия Квалинести, которая маршировала и выезжала под бой многочисленных барабанов, неся впереди золотой солнечный штандарт Кит-Канана. Нет, личный состав армии изгнанников покидал город в тишине, копыта их лошадей почти не издавали звука в мягком рыхлом песке.

Несмотря на все меры предосторожности, их отбытие не прошло незамеченным. В ложбине между двумя высокими дюнами лежала одиночная фигура, от носа до пят укутанная в халат с капюшоном цвета песчаного моря. Зрение наблюдателя было острым как у сокола. Ни расстояние, ни слабое освещение не мешали ему; он пересчитал двойную колонну эльфийских всадников и запомнил их направление. Точно на север.

Шпик скользнул назад по песку, пока не укрылся от эльфов за следующей дюной. Поднявшись, он побежал вниз по изогнутому холму. У подножья его ждали двое верховых, один из которых держал поводья его лошади.

Он вскочил на своего пони. Дернув поводья, он прошипел: «*Лэддэд* направляются на север! Пять сотен, с мечами и луками!»

Самый молодой из троицы потянул повод своей лошади, чтобы описать полукруг и оказаться лицом на запад. «Я скачу к своему вождю!» — произнес он. — «Тондун узнает об этом!»

Наблюдатель сказал третьему, старшему. — «Я доставлю весь в племя Микку. Скажи Вейядан, что предупреждение было правдой: чужеземцы двинулись в путь».

Сероглазый кочевник сурово кивнул. «К ночи каждое племя от гор до моря будет знать, что *лэддэд* вышли».

Они галопом поскакали прочь, каждый в своем направлении. Раньше, чем они скрылись из поля зрения друг друга, дувший непрерывно ветер стер с песка их следы.

Эльфийская армия продолжала движение. Рассвело, и солнце быстро ликвидировало ночную прохладу. Через час после рассвета было уже жарче, чем когда-либо в Сильванести. И температура продолжала расти.

Кочевники не путешествовали днем, только в случае крайней необходимости. Как

пустынные змеи, ящерицы и пауки, они предпочитали неподвижно лежать днем и выходить ночью. Эльфы, привыкшие работать днем, сохраняли эту привычку, даже когда солнце пустыни наваливалось с полной силой. Это привело к возникновению у кочевников новой поговорки: «Днем шатаются только дураки, стервятники и *лэддэд*».

Львица ехала во главе колонны, ощущая, как пот стекает под нагрудником и скапливается в поясице. Ее лицо оставалось сухим. Как только бусинка пота образовывалась у Керриан на лбу или шее, ненасытный сухой воздух жадно всасывал ее.

Она оглянулась на следовавших за ней эльфов и поразилась, сколько среди них было незнакомцев — не только ученых Гилтаса, Фаваронаса и двух его помощников — но и воинов тоже. Так много ее старых товарищей пали в последние дни Квалиноста, во время марша в изгнание и отчаянного пересечения Пыльных Равнин. Не все утраты были невозполнимыми. Сенатор Палтаинон, скользкий политик, сделавший себе имя, подрывая политику Гилтаса, исчез во время бегства из Квалиности. Был ли он мертв, или захвачен бандитами Самоала, никто не знал, но Львица полагала любой из вариантов подходящим концом для надоедливой мерзавца.

Кто-то в колонне — судя по акценту, кагонестиец — затянул песню. Остальные всадники подхватили мелодию, хор охрипших мужских голосов. Это была старая песня вольного эльфа, за которым гонятся по лесу неназванные враги:

Где прохожу, не оставляю следа, следа,
Лишь что-то прилипло к хвосту воробья.
И лечу я легко, ветерок, ветерок,
Ведь диковатых я эльфов потомок.

Эти строки странно звучали в столь безжизненном ландшафте, и через четыре куплета песня стихла. Да и в любом случае, воздух был слишком сухим, чтобы петь.

Фланговые неустанно патрулировали впереди и позади колонны, как и в сотне метров с каждой стороны. За час до полудня разведчики вернулись к основному отряду для замены. Один всадник не объявился. Львица остановила колонну и отправила пару эльфов отыскать пропавшего всадника. Эта пара тоже не вернулась.

Она приказала всему отряду отправиться на поиски пропавших. Вытянувшись в длинную двойную шеренгу, эльфы спустились по склону обращенной на север дюны. Следы посланной Львицей пары все еще виднелись у подножья дюны. На полпути вверх по следующей, эльфы на левом фланге построения подняли тревогу. Кто-то двигался на вершине дюны!

Шеренга оцетинилась мечами. Подъем по песку был тяжелой работой, и они с трудом продвигались вверх по склону на лошадях, задыхавшихся от жары и усилий. Когда они были в двадцати метрах от гребня, возникла дюжина закутанные в темное фигур с луками в руках.

Львица крикнула предупреждение, когда выкрашенные красным стрелы со свистом устремились к ее удивленным солдатам. Одна ударила в ее нагрудник и отскочила. Она рывкнула команду, и ее собственные лучники произвели залп в сторону линии стрелков. Один упал. Остальные снова ответили стрелами, на этот раз, целясь ниже, в эльфийских

лошадей.

«Взять этих змей!» — выкрикнула Львица. На правом фланге четыре десятка всадников рванули вперед, держа высоко мечи. Прятавшиеся стрелки не могли подняться достаточно высоко, чтобы прицелиться в них без того, чтобы открыться для эльфийских лучников. Под прикрытием пролетающих над их головами эльфийских стрел, Львица с отрядом эльфов пришпоривали лошадей, карабкаясь вверх по склону холма. Едва они одолели вершину, продвигавшиеся справа добрались до ровного гребня дюны и атаковали врагов. Тех было только одиннадцать: девять вооруженных луками кочевников и двое других, присматривавших за лошадьми у подножья дюны. Атакованные с двух сторон, кочевники отступили, устремившись к своим пони. Некоторых догнали и зарубили, прежде чем Львица отдала приказ взять пленных. Истребление прекратилось, но ни один кочевник не ушел.

К Львице подогнали четверых пленных. Трех других, раненых и неспособных идти, принесли и положили у ее ног.

«Кто вы? Из какого племени? Какого клана?» — спросила она. Керриан ожидала вмешательства кочевников, но не так быстро, не такой бессмысленной засады. Она с содроганием вспомнила похожее нападение у храма жрицы.

Кочевники хранили молчание. Один из них стал на колени у раненого товарища и начал приглушенно читать молитву.

Снова, более хладнокровно, Львица повторила свои вопросы, обещая пощадить всех, если они ответят. Ни один из захваченных людей не произнес ни слова.

«Почему вы нападаете на нас?» — потребовала ответа Львица. Ее утомленная лошадь уловила ее гнев и встала на дыбы. «Мы вам не враги. Теперь мы тоже кочевники, выгнанные из своих домов и вынужденные скитаться по этой пустыне. Скажите мне, вы бандиты или вам заплатили, чтобы напасть на нас?»

Ничего. Двое людей сели на песок и обняли колени, не поднимая глаз от земли. Третий продолжал шепотом молиться. Четвертый, дрожа от усталости и раны в верхней части бедра, продолжал стоять, вызывающе глядя на нее.

Львица смотрела в ответ на него, разочарованная их молчанием. У нее не было времени на все это.

Она позволила себе лишь миг нерешительности, прежде чем отдать команду: «Капитан!»

Кагонестийский ветеран отсалютовал своему командиру. «Обыщите их», — сказала она. — «Принесите мне все необычное. Заберите их мечи и сломайте их луки и стрелы. Оставьте им еды и воды на два дня. Их лошади пойдут с нами».

Стоявший кочевник открыл было рот, чтобы запротестовать. Без лошадей они были обречены. Они не смогут добраться до источника воды, прежде чем иссякнут их запасы.

«У вас есть, что сказать?» — жестко произнесла она, хотя в ее глазах еще читалась надежда. Бородатый человек крепко сжал губы и ничего не сказал. Надежда исчезла.

«Очень хорошо. Выполняйте приказ, Капитан».

Всех кочевников, живых и мертвых, обыскали. Единственное, что вызвало интерес, это маленький кожаный мешочек, бывший у каждого из людей на шнурке вокруг шеи. Одну сумочку принесли Керриан. Она была очень легкой, несомненно, в ней хранился амулет. Львица развязала горловину и перевернула мешочек. Оттуда выпало черно-оранжевое существо, приземлившись на шею ее лошади.

«Паук!» — вскрикнул принесший мешочек эльфийский воин. Он хлопнул по нему

рукавицей. С поразительной для такого маленького существа силой оно спрыгнуло с лошади и приземлилось, вытянув лапы, солдату на щеку.

Эльф завопил. Один из его товарищей смахнул паука размером с ладонь с его лица на землю. Он топнул по нему кованым ботинком.

Печально, но зло уже было совершено. На щеке эльфа явственно проступили две отметины от клыков. От отверстий на глазах у Львицы протянулись красные полосы. Раненый эльф застыл в судороге, широко раскрыв в агонии глаза и рот. Львица крикнула лекаря. Эльф начал дрожать, затем затрясся в конвульсиях. Несмотря на сильные руки своих товарищей, он упал, повалив их за собой.

«Что мы можем сделать?» — крикнула Львица кочевнику.

Он с каменным лицом пожал плечами. «Теперь для него единственное лекарство — железо». Он провел пальцем поперек горла.

Она в отвращении отвернулась от него и спешила. Лицо эльфа выглядело ужасно, его рот широко перекосясь в крике, который он не мог издать, а его лицо было покрыто красными полосами, отображавшими распространение яда со скоростью молнии по его крови.

Кериан стала рядом с ним на колени. С нежностью, которую мало кто мог заподозрить, она коснулась его щеки. Его кожа была холодной. То, что когда-то было живой плотью, теперь напоминало мрамор. Его глаза, голубая радужная оболочка в кровавом море, слегка шевельнулись в ее сторону.

Ей и прежде приходилось использовать целительное железо в пылу погони, с наступавшими на пятки неракскими рыцарями, а то и кое-чем похуже. Ей это было противно. Все, что они могли теперь сделать для умирающего эльфа, это избавить его от ненужных страданий. Тем не менее, ей это было ненавистно.

Продолжая держать свободную руку на его лице, она прекратила мучения эльфа. Он не сводил с нее взгляда, постепенно расплывавшегося, а затем ставшего пустым. Кериан закрыла ему веки.

«Его звали Нафараллун», — произнес один из державших его эльфов. — «Родился в Квалинесте».

Остальные кожаные мешочки растоптали, не открывая. Кочевники с каменными лицами ожидали той же судьбы.

«Ступайте домой, люди клана Прыгающего Паука», — просто сказала Львица, глядя на них со спины своей лошади. — «Мы пришли не для того, чтобы вредить вам, но если вы пойдете войной на нас, пощады вам не будет».

Эльфы построились и поскакали прочь. Вскоре оставленные кочевники были уже лишь темными пятнами на светлом песке, а затем и вовсе скрылись из виду.

Пустыня вокруг Кхури-Хана была каменистой, с песчаными холмами, нанесенными соперничавшими ветрами с гор на севере и моря на востоке. Кхурская столица располагалась в неглубокой долине, напоминавшей дно пересохшего озера. Весь день эльфы выбирались из этой изменности. Камней становилось все меньше, а песок становился все мельче. Нигде в поле зрения не было видно тени. На каждом эльфе были глазные повязки, какие носили кочевники, очень напоминавшие намотанные вокруг головы бинты: жесткие полосы из шкур, удерживаемые на месте закрепленными на ушах ремешками. В «бинтах» были очень тонкие горизонтальные прорезы, пропускавшие света едва достаточно, чтобы видеть. Без таких глазных повязок большинство эльфов ослепло бы через день-другой. На эльфах и

лошадях были светлые ткани, еще один трюк кочевников. Светлое отражало убийственные солнечные лучи.

Колонна каждые несколько миль останавливалась на водопой. Первыми пили лошади, затем уже всадники. Воин может стойко переносить жажду, а лошади без воды начнут артачиться.

По мере увеличения расстояния от Кхури-Хана, они все меньше и меньше встречали доказательств разумной жизни. Они были слишком далеко к востоку, чтобы встретить путешественников по караванному пути на Алек-Хан и Кортал, и слишком далеко к западу, чтобы встретить торговцев, использующих ведущую в Дельфон единственную мощную дорогу в Кхуре, Ханский Путь. В этом суровом краю было легко понять, почему даже самые отважные из кочевников остерегались Высокого Плато.

Ветер стих. Это избавило их от жалящего песка, но привело к нарастанию жары. Вся колонна выглядела процессией призраков, бредущих по икры в песке облаченных в белые одежды духов.

Под своим душным покровом Львица боролась с апатией, заставлявшей ее кивать в седле. Она сунула руку в одну из меньших седельных сумок, переброшенных через луку седла. Внутри, рядом с гладкой прохладой загадочного подарка Са'иды, она нащупала сухие хлопья. Это были упавшие на нее в последнюю ночь в Кхуриносте листья. Они быстро высохли в пустынном воздухе. Она никому не рассказала о странном происшествии, даже Гилтасу. Что она могла сказать? Над головой пролетела летучая мышь и уронила на меня листья ясеня? Ее муж подумает, что она перебрала кхурского самогона. И все же, она была уверена, что эти упавшие листья что-то означают.

Покачиваясь в седле, Львица имела достаточно времени, чтобы припомнить, что она знала о ясенях. Это дерево было твердым и прочным, из него делали хорошие рукояти инструментов, древки пик и копий, а также стрел. В Восточном Сильванести произрастало великое множество ясеней. Так же, как и в Вайретском лесу в Квалинесте. Были ли эти листья из одного из этих мест? Был ли странный дождь знамением, знаком, что ей было суждено однажды вернуться в одну из родин эльфов?

Если позволят обстоятельства, она расспросит Фаваронаса о ясенях. Несомненно, ученый владел всеми видами типичных знаний о них. Возможно, она отыщет подсказку в его познаниях.

Размышляя об архивариусе, она развернулась в седле и поискала его взглядом в колонне задрапированных всадников. Один из помощников Фаваронаса был убит шальной стрелой кочевника во время схватки у дюны. Оставшиеся двое ученых были короче ее воинов, а Фаваронас был особенно не выдающимся наездником, так что их было легко различить. Архивариус ехал с напряженными коленями и ступнями наружу. По кивающим движениям его головы она решила, что он полусонный. Ну и славно. Если бы она могла позволить себе ослабить бдительность, то тоже бы задремала. Так мили бы проходили быстрее.

Когда горизонт впереди потерял рельеф и превратился в однообразную линию, эльфы поняли, что, наконец, добрались до открытой пустыни. Плоская, она представляла странный вид. Мелкий песок под копытами их лошадей был испещрен воронками, завитушками и сходящимися линиями, как будто были нарисованы дорожные указатели. Это было творение единственных существ, деливших с эльфами окружающий пейзаж: змей, песчаных пресмыкающихся, пауков и ящериц. Небо приобрело серебряный окрас полированного железа, и над песком замерцали миражи. Для эльфов в конце колонны ведущие всадники

принимали фантастический вид. Жаркий воздух увеличивал всадников и их лошадей, придавая им трехметровую высоту. Также казалось, что передовые всадники ступают по воде, отражаясь в дразнящих призрачных озерах.

Солнце достигло зенита. Дыхание было тяжелой работой, не только заставляя вздыматься и опадать тяжелую грудь Кериан, но и впитывать горячий воздух. Она высунула руку из белой ткани. Даже сквозь перчатку у нее было ощущение, что она сунула руку в костер. Сжав руку в кулак, она подняла ее, сигнализируя остановку.

Воду пили экономно. Фаваронас попросил еще для своего помощника, и Кериан позволила эльфу — с квалинестийским именем Арментеро — лишний глоток. Будучи моложе своего учителя, Арментеро выглядел нехорошо, но он несколькими отрывистыми словами отмахнулся от заботы Фаваронаса.

Фаваронас, с розовым, несмотря на наличие солнцезащитной накидки, лицом, наклонился ближе к Кериан и заговорил. Его рот был слишком пересохшим, чтобы выдавить что-то кроме шепота. «Беседующий, должно быть, сошел с ума! Провести сотню тысяч эльфов через это пекло? И большинство пешком? Тысячи погибнут на этом пути!»

Она неопределенно подала плечами и отпила свою долю из сосуда. По правде говоря, она не думала, что Гилтас понимал чудовищные трудности, которыми будет сопровождаться перемещение их народа из Кхури-Хана в Инас-Вакенти, даже если они отыщут эту долину из легенды. Путешествие через Пыльные Равнины в Кхур выглядело приятной прогулкой по сравнению с подобной миграцией. Равнины были больше кхурской пустыни, но та часть, которую пересекли эльфы, и близко не была столь горячей или сухой, как эта. Чтобы достичь Долины Молчания, Беседующий мог бы пройти какую-то часть Высокого Плато по северо-западной караванной тропе на Кортал, но этот путь изобилует другими опасностями. Кортал находился у границы с Неракой. Как только Темные Рыцари узнают о плане Гилтаса спасения эльфийской расы, они ни перед чем не остановятся, чтобы расстроить его.

Кериан вынуждена была согласиться возглавить эту экспедицию, но она считала, что перемещение всего эльфийского народа в Долину Молчания было нелепой идеей. Фаваронас ошибался. Не тысячи, десятки тысяч не перенесут этого путешествия. Несомненно, половина их народа погибнет.

«Вы не согласны?» — спросил Фаваронас, видя, как она качает головой.

«Что?»

«Я сказал, возможно, мы могли бы передохнуть здесь некоторое время, пока солнце садится».

«Да, мы отдохнем здесь несколько часов».

По колонне передали приказ, и воины спешили, двигаясь медленно в удушливой жаре. Группы воинов соединяли свои солнцезащитные накидки в большие навесы, укрываясь вместе с лошадьми. Под навесами они расчистили верхний самый горячий слой песка, расстелили куски брезента и устроились на отдых. Возникла небольшая суматоха, когда наткнулись на гнездо гадюк, но змеи быстро скрылись, и все улеглось. Вскоре только часовые бодрствовали.

Чувствуя себя пьяной от жары и усталости, Кериан пробормотала: «Надеюсь, эта чертова равнина там, после всех этих усилий».

Фаваронас лег лицом к ней, положив голову на пачку манускриптов, которую тащил с собой. Не менее сонный, он ответил: «Она там, генерал. Древние хроники редко лгут».

Она фыркнула. Редко лгут было не тем же самым, что говорят правду.

Когда они встали два часа спустя, то не смогли разбудить ассистента Фаваронаса. Арментеро был мертв, его тело стало жестким, а кожа на ощупь горячей. Тепловой удар, или «смерть от солнца», как звали ее кочевники. Ад Высокого Плато получил свою первую эльфийскую жертву.

Солнце еще не встало, когда Планчет вошел в личные покои Беседующего, чтобы пробудить того от глубокого сна. Потянувшись, чтобы поднять его, королевский камердинер отметил, как тяготы правления народом в изгнании оставили свои следы на Беседующем. Тот был молодым эльфом, еще не достигшим средних лет, но тонкие линии уже легли на кожу между глаз и вокруг рта. Его волосы посветлели, не только из-за сурового кхурского солнца, но и из-за тут и там видневшихся серебристо-серых прядей. И, тем не менее, при тусклом свете спящий правитель эльфийских наций снова походил на юношу, свернувшегося на постели, положив одну руку на пустоту, где раньше была Кериансерай.

Планчет прошептал: «Сир, проснитесь! Капитан Амбродель вернулся!»

Гилтас открыл один глаз. «Так скоро?»

Его камердинер кивнул и поднял чистую рубашку. Гилтас встал, сунул в нее руки и одним быстрым движением завязал пояс. Два дня назад, вечером того дня, когда Львица покинула Кхуриность, Гилтас послал замаскированного под человека Гитантаса Амброделя в город кочевников. Задачей капитана было собрать информацию о том, кто ответственен за нападение у стен Храма Элир-Саны. Кхурцы списывали атаку на неудачную попытку ограбления. Рассказ Кериан и Гитантаса делал это упрощенное объяснение неправдоподобным. Гилтас запросил аудиенцию у Сахим-Хана, чтобы передать официальную просьбу о расследовании, но он не собирался передавать это дело целиком в руки кхурцев.

Когда они покинули жилище, Гилтас спросил: «Гитантас узнал, кто стоит за нападением?»

«Нет, сир», — ответил Планчет, — «но он говорит, что собрал много информации».

Зал для аудиенций Беседующего был полон обычных своих обитателей — Лорд Мориллон со своими сильванестийцами, различные придворные чиновники и Хамарамис, командующий личной стражей Беседующего. Они сгрудились в одном конце, глаза на растрепанного Гитантаса Амброделя. Планчет распорядился подать ему подкрепиться, и молодой эльф с готовностью воспользовался предложением. В одной руке у него была отбивная из барашка, а в другой небольшой серебряный кубок нектара. На нем был густой черный парик со стрижкой в стиле городских жителей Кхура, прикрывавший его заостренные уши. Его кожа была тонирована соком грецкого ореха. Если бы Гилтас был не в курсе, то принял бы капитана за грязного обитателя Кхури-Хана.

Поспешно опустив кубок, из которого пил, Гитантас поклонился Беседующему.

Гилтас оглядел его с ног до головы и поморщил нос. «Вы пахнете, точно ночной горшок».

Гитантас печально согласился. «Сир, места, где я бывал, отнюдь не сады».

Хотя страстно желал знать, что разузнал молодой эльф, Гилтас сперва попросил покинуть комнату всех, кроме своих ближайших советников. Когда придворные ушли, он уселся на трон и взял из рук Планчета крошечную чашечку кефра.

Наконец Гитантас мог поведать свою историю. Он начал с постоянных дворов, которые посетил в поисках кочевников с татуировкой в виде стервятника. Пустынные обитатели все время посещали и покидали Кхури-Хан, поодиночке или небольшими группами, чтобы торговать, в поисках работы и чтобы вкушать сравнительной роскоши оседлой жизни.

Гитантас не нашел торганцев в лучших постоянных дворах, и поэтому начал спускаться по лестнице к самым убогим ночлежкам. Кхурцы, с которыми он общался, не обращали внимания на акцент капитана, поэтому он притворился горожанином, скрывавшимся от правосудия Хана. В подвалах и лачугах, где очень бедные путешественники могли за несколько медных монет арендовать клочок одеяла, он пустил слух, что готов к грязной работе. Это дало мало откликов. Вскоре он выяснил, почему.

Поставки головорезов уже контролировались кочевниками, которые трудились даром. Среди кхурцев месть была не преступлением, а делом чести, и считалось естественным, что поклонники бога мести с готовностью помогают другим, слабым телом или духом, обрести требуемое отмщение. Для торганцев это было священным долгом. Попытки Гитантаса найти работу наемного убийцы задели их. Когда он не прекратил свои усилия, бахвалясь мастерством владения клинком, его зажали в углу трое кочевников с жестким взглядом, предупредившие его от посягательств на их территорию. Эти трое были последователями Торгана.

До Гитантаса доходили слухи о жертвователе Храму Торгана. Кто-то делал богатые подарки этому богу — кто-то, испытывавший сильную нелюбовь к эльфам. Это не было не замечено торганцами. Агрессия и нападения на эльфов в Кхури-Хане нарастали.

«То есть, нападение на Кериансерай и тебя было частью более широкой кампании ненависти?» — спросил Гилтас.

«Нет, Великий Беседующий. Согласно подслушанному мной в кхурской таверне разговору, этот жертвователь в самом деле платил за убийство генерала Кериансерай, и он — кхурцы использовали мужское местоимение — он был не слишком рад, что попытка провалилась».

Личность этого жертвователя оставалась загадкой для Гитантаса, но он сделал другое открытие, которое посчитал столь важным, что досрочно прервал свою миссию и вернулся в Кхуриност. Это открытие касалось одного из волшебников на службе у Сахим-Хана.

У Хана было множество магов, готовых исполнять его волю. В частности, один из них, по слухам маг-рenegат, был очень скрытным, и о нем мало что было известно.

«Те немногие, кто встречал его на улице, говорят, что он довольно непривлекателен. Он носит рваную толстую коричневую мантию и хромает. Его зовут Фитерус», — рассказал Гитантас. — «Я думаю, что он — эльф».

Это заявление на несколько секунд лишило Беседующего и его советников дара речи. Первым пришел в себя лорд Мориллон.

«На чем основывается это дикое предположение?» — потребовал он ответа.

Надменный тон рассердил капитана. «Это не предположение. Ну, не совсем».

Гитантас был согласен, что ходило великое множество историй о Фитерусе. Часто сплетничали о его прошлом, «экспериментах», которые, говорили, он проводил в своем тайном убежище, но никогда не произносили вслух, что он был совсем не человеком. Однако, один горожанин, древний по кхурским меркам, так как ему было более восьмидесяти лет, сообщил по секрету Гитантасу свою теорию, что этот волшебник был *лэддэд*.

«По словам этого человека, Фитерус был в городе еще до его рождения». Лорд Мориллон открыл рот, чтобы выразить протест, и Гитантас поспешно продолжил: «Ум этого старика по-прежнему острый и ясный. Остальные кхурцы не принимают его всерьез, но я считаю, что он чрезвычайно убедителен».

Имя Фитерус не было знакомо никому в комнате. Хамарамис заметил, что это может быть вымышленное имя, возможно, искаженный вариант истинного имени мага. Ближайшим сильванестийским эквивалентом было Фитералас, а квалинезийским, Фантерус.

«Может этот колдун быть тем самым жертвователем торганцев?» — спросил Беседующий.

Гитантас не знал, но все согласились, что эльф, который настолько повернулся спиной к своим собственным соплеменникам, что мог предложить свои услуги тирану вроде Сахим-Хана, несомненно, был способен на что угодно.

«Наводите справки», — приказал Беседующий. — «Кто-то где-то знает этого Фитеруса».

Планчет вспомнил неракского эмиссара, которого видели ошивавшимся в Кхури ил Норе. Он попросил лорда Мориллона, чаще других бывавшего во дворце, описать этого человека в деталях. Будучи всю жизнь придворным, сильванестиец мало что упустил в своем окружении.

Когда Мориллон закончил, Планчет встал, нахмурившись и кусая в раздумьях нижнюю губу. Гилтас велел ему говорить.

«Был человек, неракец, вассал того негодяя Красного Копья», — наконец произнес Планчет. — «Он был темным, как вы описываете, и имел очень грубый голос. Много лет прошло с тех пор, когда я слышал о нем, но мне кажется, его могут звать Хенгриф».

Во время битвы за освобождение Квалинезии был сформирован специальный отряд неракских рыцарей, чтобы выследить Львицу. Их предводитель, лорд Ливскилл, занимал высокое положение в совете Морхэма Таргонна, магистра ордена. Ливскилл поручил грязную работу по охоте на Львицу закаленному воину по имени Вытрад Красное Копье, возглавившему отряд в девяносто девять рыцарей. Их пути с Кериансерай пересекались три раза. В последнюю встречу Вытрад погиб, сразившись с ней один на один. Лишь дюжина или около того рыцарей из этого специального отряда уцелела, и они никогда больше не возвращались охотиться на Львицу. Учитывая отсутствие у Таргонна терпимости к неудачам, остатки отряда Ливскилла могли легко быть отправлены на наименее приятные задания Ордена — к примеру, эмиссарами в пустыни Кхура.

Заместителем Вытрада на момент его смерти был крепкий парень с бычьим голосом, выбравший сохранение своих людей, вместо того чтобы дать им погибнуть в попытке спасти фанатика Красного Копья. Прокладывая путь из ловушки, стоившей жизни Вытраду, Хенгриф собственноручно убил четверых из лучших воинов Львицы. Когда он ускакал вместе с остальными выжившими из отряда Вытрада, Кериан была только рада дать им уйти.

«Ну и кто натравливает торганцев? Неракцы или маг-ренегат?» — поинтересовался Мориллон.

Беседующий пожал плечами. «В любом случае, мы не позволим этому вероломству сделать подкоп под наше пребывание здесь. Мир и доброжелательность жизненно необходимы для нашего выживания».

«Сахим-Хан — не друг секте последователей Торгана, сир. Если они бросят вызов его авторитету, он растопчет их самым безжалостным образом», — сказал Мориллон.

«Если только их усилия не являются частью более глубокой интриги между Ханом и рыцарями», — произнес Планчет. — «Возможно, он использует против рыцарей — а может,

рыцари используют торганцев против Хана».

Гитантас покачал головой. «В какое мутное время мы живем».

«Любое время мутное, когда вы в его середине», — произнес Гилтас, слабо улыбнувшись. — «Так или иначе, нужно установить личность „жертвователя“ торганцев. Так же как и ханского мага-ренегата».

Что они будут делать с этим знанием, когда обретут его, было тем, о чем Беседующий предпочитал не беспокоиться в данный момент. На какое-то время они сконцентрируются на разоблачении своих врагов.

Было обдумано вознаграждение. Кхурцы обожали эльфийскую сталь, и правильная цена может помочь приобрести больше информации. Но Беседующий сказал, что такое предложение также привлечет массу сомнительных приспособленцев. Гитантас объявил о готовности вернуться в город, и это предложение Гилтас с готовностью одобрил. Персона капитана в качестве человека-головореза могла дать еще дополнительные важные подсказки.

«Найдите этого жертвователя, капитан Амбродель, и приведите его ко мне. Хочет он того или нет».

Гитантас отсалютовал. Когда он вышел, Планчет последовал за ним. Отведя его в сторону, Планчет сказал: «Не рискуйте собой с этим мерзавцем, капитан. Будет возможность, доставьте его живым, но если обстоятельства потребуют, без колебаний прикончите его. Лучше этот подстрекатель умрет, чем спасется или убьет вас».

Гитантас кивнул. При всей своей молодости, он был ветераном, сражавшимся с рыцарями в лесах Квалиности. В самой первой его схватке, рыцари окружили ближайшую деревню и угрожали уничтожить ее, если Львица со своими товарищами не сдадутся. Она отказалась, и рыцари вырезали всю деревню, от стара до млада. Двести тридцать душ. Гитантас на всю жизнь запомнил свое жестокое посвящение в воины неракскими рыцарями.

Стоя на открытой площади снаружи большой палатки Беседующего, камердинер и воин собирались попрощаться, когда их ушей достиг шум. В этот час все дороги Кхуриноста были забиты, и оба эльфа безуспешно пытались разглядеть что-либо сквозь толпу, но было очевидно, что многоголосый рев шел со стороны Кхури-Хана.

«Похоже на звуки боя!» — воскликнул Гитантас.

«Какие-то беспорядки, но не война».

Планчет одолжил алебарду у стоявшего на часах снаружи палатки Беседующего стража и предложил Гитантасу присоединиться. «Пойдем, капитан. Посмотрим, кто издает такой шум жарким утром. Может, ваш таинственный колдун или падший эмиссар Темного Ордена».

Для несведущего, компаньон Гитантаса мог показаться слабым товарищем в опасности, но Планчет был не обычным слугой. Он командовал силами Квалиности в финальной битве при спасении из разрушавшегося королевства, и его вдохновленное руководство позволило тысячам эльфов избежать расставленных вокруг Квалиноста сетей. Имей он выбор при столкновении с опасностью, Гитантас взял был с собой Планчета, чем кого-либо другого из окружения Беседующего — кроме, конечно, самой Львицы.

Дороги через лагерь быстро заполнились перепуганными эльфами, тащившими тюки с товарами и стремившимися увеличить расстояние между собой и городом. Планчет и Гитантас не прекращали попыток узнать, что происходит, но никто не задержался на достаточное время, чтобы ответить. Наконец, Планчет отставил в сторону алебарду, перекрывая тропинку между палатками. Как пойманный дамбой поток, эльфы заполнили

проход и принялись искать другие пути.

«Что происходит?» — прокричал Планчет, с трудом сдерживая древком своего оружия нараставшую толпу.

«На нас напали на Большом Сууке!» — ответила какая-то эльфийка.

«Они нападали на всех, или только на эльфов?» — спросил Гитантас.

«Только на эльфов!»

Планчет освободил дорогу, поднимая алебарду. Беженцы хлынули мимо. Когда толпа поредела, Планчет с Гитантасом поспешили к городу.

Врата Кхури-Хана не охранялись. Обычно окружавшая их всякая всячина — зонты от солнца для солдат, стулья, свисавшие с шестов бурдюки с вином и водой — все было переломано и растоптано. Сами ворота были распахнуты. Через несколько шагов от входа они обнаружили мертвого человека, кхурского стража. Он был заколот в спину.

Малый Суук был разграблен. Дюжины торговцев с разбитыми головами, а то и того хуже, валялись среди обломков своих палаток. Тут и там женщины и дети разбирали разрушенные строения из ткани и реек, пытаясь отыскать потерянного мужа или отца, либо спасая семейное имущество. Многие из разоренных торговцев с открытой ненавистью глядели на Планчета, когда двое эльфов проходили мимо них. Гитантас все еще был в маскировочных людских обносках.

Что бы ни произошло тут, в Фабаззе все было кончено. Звуки столкновений эхом разносились по изогнутым улицам, ослабевая и удаляясь. Двое эльфов только решили прекратить свои поиски и вернуться в Кхуриност, когда из переулка выскочил отряд солдат Хана. Их сочлененные пластинчатые доспехи и шипастые шлемы придавали им вид вылезавших из потайного убежища экзотических насекомых.

Один из кхурцев заговорил, указывая пальцем на мнимого человека и его эльфийского спутника. Остальные пехотинцы, как один, повернулись и уставились на них.

«Это не хорошо», — пяťясь, пробормотал Планчет. — «Мне кажется, я слышал зов Беседующего».

Гитантас согласился. Они начали отступать, не сводя глаз с солдат. Кхурский офицер, узнаваемый по бронзовым солнечным лучам на шлеме, прокричал им остановиться.

«На каком это языке?» — спросил Планчет, не переставая пятиться.

«Не понимаю ни слова из того, что он говорит».

Офицер рубанул рукой воздух. Доспехи забряцали, его солдаты побежали к эльфам. Они растоптали уже разбитые кресла, игнорируя вопли протеста торговцев и их домочадцев.

«Вы посчитали, сколько их?» — спросил Гитантас.

«Сорок-пятьдесят».

«Нет ничего постыдного в бегстве при таком перевесе».

«Совсем ничего», — согласился Планчет и бросил одолженную алебарду.

Они вдвоем рванули обратно по пути, по которому пришли, кратчайшему маршруту в Кхуриност. Для двоих эльфов не составило бы особого труда оторваться от своры закованных в железо людей, но когда Планчет с Гитантасом добрались до улицы, ведущей к городским воротам, они обнаружили, что проход больше не был пуст. Хуже того, металлическая решетка была опущена, а деревянные двери закрыты и задвинуты на засов.

Звуки воинственной погони приближались. Не было времени блефовать, чтобы миновать стражу. Планчет, лучше знавший Кхури-Хан из-за частых поездок с целью покупки припасов для хозяйства Беседующего, повел Гитантаса прочь от ворот по улице Хар-Куфти,

мощенной дорожке, опоясывавшей город внутри стен.

«Куда мы идем?» — спросил Гитантас.

Планчет пропыхтел: «к Храмовому Пути. Мы можем укрыться в Храме Элир-Саны!»

У капитана не было идеи получше, поэтому они свернули с Хар-Куфти в узкий переулок, ведущий к центру города.

Они могли скрыться от солдат, используя двойной гандикап жара пустыни и громоздкости доспехов, но уличные мальчишки и зеваки в дверях любезно подсказывали солдатам направление. Гитантас выругался на ломаном, но узнаваемом кхурском.

Внезапно улица закончилась площадью, обрамленной разрушенными домами, последствия работы Малистрикс, все еще не восстановленные. Это место не было святилищем, но, по крайней мере, оно давало возможность спрятаться. Гитантас оторвал доски с открытого дверного проема, и они протиснулись внутрь. Распластавшись вдоль стены, они постарались успокоить дыхание. У разрушенного дома не было крыши. Все перекрытия из древесины пальмы обрушились, и половина черепицы и кирпичей с верхнего этажа обвалились на первый этаж. В этом месте пахло пожарищем, и явственно выделялось зловоние дыхания Красной Грабительницы.

Кхурские солдаты прогулочным шагом вышли на площадь. Должно быть, они знали, что улица заканчивается тупиком, и их жертвы были в ловушке. Они спокойно рассредоточились, проверяя каждые развалины. Было лишь делом времени, прежде чем они доберутся до дома, где прятались Планчет с Гитантасом.

Камердинер Беседующего поковырялся в мусоре и извлек оттуда довольно приличной длины деревяшку, грубое оружие в дополнение к мечу. Выпрямившись, он обнаружил, что уже один здесь. Гитантас исчез. Удар по плечу подсказал ему посмотреть вверх. Гитантас карабкался по пирамиде из обугленных стропил по направлению к несуществующей крыше. Он настойчивым жестом велел Планчету следовать за ним; солдаты были уже всего лишь в нескольких метрах.

Не было способа узнать, сколько балок было ослаблено огнем. Но у них не было выбора. Сильно поморщившись, чувствуя себя слишком старым для таких спортивных упражнений, Планчет начал подъем.

Он был немногим более чем в двух метрах от пола, когда в пустое окно внизу просунулась голова кхурского солдата.

«Ваше Превосходительство!» — крикнул он. — «Здесь несколько досок оторваны от двери, но я никого не вижу!»

Издали пришел ответ: «Осмотри дважды, дурак! Нам приказано доставлять к Хану любых *лэддэд*! Я не горю желанием объяснить ваш провал в выполнении приказа!»

Кхурец снова сунул голову, посмотрел налево и направо, шепотом красноречиво проклиная своего командира. Двое эльфов едва осмеливались дышать, так близко он был. Наконец, он исчез.

«Нет, Ваше Превосходительство! Здесь никого!»

Ноги Планчета задрожали от облегчения. Его ступня была едва ли не в пятнадцати сантиметрах от шипа шлема солдата.

Камердинер пробрался к Гитантасу, наверху растрескавшейся стены. Перед их глазами предстал лес крыш и медных дымоходов, тянущийся вверх по склону к центру города. Справа от них ясно был виден Кхури ил Нор, дворец поднимался за верхушками зданий Храмового Пути. Сверкавший в лучах утреннего солнца, словно бледно-голубой маяк, виднелся купол

Храма Элир-Саны.

«Вы видите это?» — спросил Гитантас. — «Мы можем добраться до храма по крышам!»

Планчет заворчал. Ему это казалось очень длинным маршрутом, по более чем сомнительной местности. Тем не менее, как и когда им пришлось лезть наверх, у них не было выбора.

Прыжок на неповрежденную крышу соседнего дома был достаточно простым. Еще два прыжка, и они выбрались из разрушенного района. Гитантас хотел было выбросить свой густой черный парик, но Планчет предостерег его от этого. Человеческое обличье капитана могло пригодиться.

Где это было возможно, они держались краев крыш, пробираясь вдоль поднимавшихся из кирпичных внешних стен низких парапетов. Кхурские крыши делались из обмазанных глиной пальмовых листьев, и не были рассчитаны на большой вес. Хотя и более легкие, чем люди, эльфы не хотели рисковать провалиться сквозь них.

Преодолев шесть домов от разрушенного района, беглецы добрались до более прочной крыши четырехэтажного здания. Они расположились на отдых в сетчатой надстройке в одном из углов. Она окружала сад с кустами кефра, саженцами кардамона и растительностью, незнакомой эльфам.

«Вы слышали, что сказал солдат? Они арестовывают всех эльфов в городе!» — воскликнул Гитантас. — «Что могло случиться?»

«Может, неракцы или минотавры, наконец, предложили цену, от которой Хан не смог отказаться».

«Надо доложить Беседующему!»

Планчет посмотрел на свои испачканные сажей поцарапанные руки. «Если выживем, доложим».

* * *

В восьми улицах от пары эльфов, жрец Минок также прятался, съежившись под темной лестницей, жадно глотая горячий сухой воздух. Люди Хана уже два дня охотились на него. Изначально он сбежал от них в районе дворца, по милости своего великого бога. Недалеко от Кхури ил Нора — но достаточно далеко, чтобы его криков не услышали во дворце — на него набросились четыре солдата с обнаженными мечами. Кочевник по происхождению и отнюдь не трус, Минок вряд ли бы выстоял без оружия. Жрецам запрещалось иметь его, а Минок твердо держался заповедей своего ордена. Поэтому он бежал.

К несчастью, коварные стражники разделились, и двое из них описали широкий круг по темным улицам, чтобы отрезать его. У Минока не было возможности обрести спасение в своем храме. Его сердце екнуло, когда он увидел сверкание клинков обнаженного оружия, приближавшееся со всех сторон. Он нырнул в знакомый переулок и побежал по направлению к парадной двери большого дома в конце площади.

И тут вмешался Торган. Прежде чем Минок добежал до того дома, могучая рука схватила его сзади за мантию. Оторвав полностью от земли, она втащила его в темное сооружение. Без единого слова, он оказался засунут под пыльную кирпичную лестницу. Он ждал, потев и трясаясь от страха, пока солдаты громыхали вверх и вниз по улице, разыскивая его.

Открылся люк. Ворвавшийся через него свет показал, что тайное убежище Минока больше, чем он думал, и высветил полированный стол, за которым восседал лорд Хенгриф. Открывший люк слуга отступил в тень.

«Выходи», — произнес Хенгриф. В тишине его голос пророкотал, словно барабан, и Минок вздрогнул.

Минок вышел, принял надменную позу и попытался отряхнуть уличную пыль из своей жреческой мантии.

«Благодарю вас», — почтительно сказал он. — «Я был уверен, что со мной будет покончено».

«С тобой не будет покончено, пока я не закончу с тобой. Я слишком многое вложил в тебя, чтобы позволить Хану убить тебя из-за обиды».

Хенгриф не предложил жрецу присесть. На столе были навалены бумаги и развернутые свитки. Под рукой Хенгрифа лежал свежий лист бумаги, наполовину исписанный строчками черных аккуратных значков. В отличие от большинства кочевников, Минок умел читать, но записки Хенгрифа имели для него мало смысла. Это был какой-то шифр, несомненно, послание его начальству.

«Сегодняшнее нападение прошло хорошо», — высказал свое мнение Минок.

Черные глаза Хенгрифа сузились. «Ну, уж нет. Я велел тебе выискивать эльфов, а не торговцев с Фабазза. Никто в Кхури-Хане не упрекнет эльфов в том, что случилось сегодня. Все знают, что повинны твои кочевники!»

Минок развел руками. «Мои люди — бедные странники пустыни. Когда они увидели раскинувшиеся перед ними богатства Малого Суука, то потеряли головы».

«Ты потеряешь свою, если еще раз все провалишь!»

Минок пообещал, что не подведет во второй раз.

«Слишком поздно», — сухо напомнил ему Хенгриф. — «Твоим ассасинам также не удалось убить Львицу у Храма Элир-Саны».

Минок осторожно произнес: «Позвольте спросить, Ваше Превосходительство, почему вы сами не прикончите этих *лэддэд*? Зачем вам нужно, чтобы сыновья Кровавого Стервятника проливали за вас кровь?»

«Я пытаюсь обучить нацию». Взгляд Минока выражал непонимание, так что Хенгриф добавил: «Всем вашим людям, не только последователям Торгана, нужно научиться, как поступать с эльфами. Если я убью их, это будет иностранным вмешательством. Если кхурцы убьют их, это будет патриотический поступок».

Минок поклонился. «Вы наимудрейший, Ваше превосходительство». Его узкое лицо приняло лукавое выражение. «К тому же, это расстроит Хана, не так ли?»

Хенгриф сжал руку в кулак. «Ему также нужно преподать уроки».

Он позвонил в маленький медный колокольчик, позвав ожидавшего вне лучей солнечного света слугу. Несколько слов, и тот исчез, вернувшись через несколько минут с двумя большими людьми. Хенгриф отдал приказ, чтобы эти люди, двоим из его личных телохранителей, сопроводили Минока обратно в Храм Торгана. Он предупредил жреца, чтобы тот какое-то время не высовывал носа, чтобы дать время Сахим-Хану забыть, что тот желал Миноку смерти.

Минок не поблагодарил его, а лишь развернулся с поднятой головой и вышел. Он вместе со своими охранниками сделал лишь несколько шагов, как внезапно пошатнулся и прижал ладони к ушам.

«Этот звон!» — закричал он. — «Милость Божья, вы слышите большой колокол?»

Единственным колоколом в поле зрения был маленький медный колокольчик на столе Хенгрифа. Но тот лежал спокойно. Ни Хенгриф, ни его телохранители ничего не слышали, в удивлении уставившись на жреца Торгана. Минока явно терзала боль.

«Что-то призвано! Что-то огромное и ужасное!»

Глаза Минока закатились, колени подогнулись, и он без сознания рухнул на пол. Тонкие ручейки крови заструились из каждого уха.

Хенгриф сделал жест своим людям. Жрец не был мертв, но его невозможно было привести в чувство. Они прикрыли его тряпкой, чтобы замаскировать, и отбыли, относя его обратно в его храм.

Рыцарь, нахмурившись, глядел им вслед. Хотя он ничего не услышал и не почувствовал, он не мог не обращать внимания на предчувствия посвященного жреца. Он внимательно записал, что и когда сказал Минок, добавив это к ближайшей депеше в Орден.

Вскоре отчет отправится в Джелек. Перед Войной Душ, глава Ордена, Морхэм Таргонн перенес штаб-квартиру рыцарей из Нераки в Джелек, порядка тридцати миль на северо-запад. Хенгриф, который был из Нераки, считал этот переезд необычайной глупостью. Джелек был всего лишь маленьким грязным болотом, и единственной причиной, по которой его выбрал Таргонн, это то, что тот имел сомнительную (по мнению Хенгрифа) честь являться его родиной.

Повелитель Ночи Таргонн уже пять лет, как был мертв, а Орден был ослаблен событиями Войны Душ: сокрушительным поражением в битве при Оплоте и исчезновением преемника Таргонна, Мины, самопровозглашенной пророчицы Единого Бога. Текущий глава Ордена, лорд Бальтазар Реннольд, был полон решимости восстановить его честь и ощущение святого предназначения. Реннольд был прямой противоположностью Таргонну, определенно бесчестному человеку с душонкой счетовода, тем не менее, Хенгриф не был уверен, что предпримет Реннольд на основе этих последних новостей. Реннольд не особо интересовался им, проецируя на Хенгрифа провалы его начальников, лорда Ливскилла и Вытрада Красное Копье.

Повелитель Ночи поставил перед Хенгрифом три задачи — аннексию Кхура, окончательный разгром сил эльфов и захват любых оставшихся у эльфов сокровищ. Если он хочет достичь этих трех целей, лучше бы ему внимательно прочитать каждое слово в отчете Хенгрифа.

* * *

Плоская пустыня у подножья Столпов Небес заполнилась звоном сталкивавшихся мечей и стуком множества копыт. Вокруг маневрировавших отрядов всадников клубилась пыль. И над всем этим, на абсолютно безоблачном небе сияло солнце.

Враг напал на эльфов с рассветом, прежде чем все воины Львицы оказались в седле. С юга появились сотни кочевников, издавая племенные боевые кличи и размахивая мечами. Конные эльфы устремились прямо на надвигающуюся орду, сдерживая ее, пока их товарищи готовились к сражению. Львица повела этот первый маленький отряд против превосходящих сил.

Несомненно, кочевники были храбрыми и кровожадными, но им не хватало

правильного армейского образования. Как только улеглась первоначальная суматоха от их появления, они оказались в крайне невыгодном положении. У них не было каких-либо защитных доспехов, и большинство были вооружены единственным оружием, прямым мечом без гарды. Лучники кочевников использовали короткие луки из скрепленных между собой пластин коровьего рога и ивового прута. Смертоносные на короткой дистанции, они резко теряли свою эффективность с расстоянием. С двухсот метров — обычная дистанция для эльфийских луков — стрелы кочевников просто отскакивали от эльфийских доспехов. Стрелы сильванестийцев с железным наконечником на таком расстоянии прошивали кочевникам грудь насквозь.

Львица разделила свой отряд на три группы: двести, двести и сотня всадников. Один эскадрон в две сотни, вооруженный мечами, сдерживал бешеный натиск кочевников, пока группа из сотни всадников точно посылаемыми стрелами опустошала седла кхурцев. Остальные две сотни отправились по дуге на север, стараясь окружить врага, но кочевники не желали быть схваченными. Они перегруппировывались и атаковали любое уязвимое место, какое видели. Пустыня вокруг них была устлана павшими. Многие были эльфами, но вперемешку с ними лежали тела жителей пустыни и их пони.

После часа безуспешной рубки кочевники стали падать духом. Они ожидали, что обратят эльфов в бегство, и когда войско Львицы стойко выдержало удар, пыл кочевников начал ослабевать. Не приученные вести сражение целый день, когда жар пустыни достиг своего пика, они ускакали. Покрытые пылью эльфы с радостью дали им уйти. Кериан не собиралась преследовать врага. У нее не было ресурсов для долгой погони по пустыне, а за горизонтом могли скрываться и другие враждебные кочевники.

Чуть меньше двадцати ее воинов были убиты; меньше половины от серьезно раненых. Пустыня была усеяна дюжиной сраженных кочевников. Перемещаясь между павшими, собирая еду и драгоценную воду, эльфы обратили внимание, что многие люди несли на себе метку клана Прыгающего Паука, наиболее влиятельного клана племени Вейя-Лу.

«Почему они напали на нас?» — удивился Фаваронас. — «Мы им ничего не сделали».

«Мы чужеземцы в их землях», — сурово ответила Кериан. Это была философия, которую она понимала. Если бы вооруженные кхурцы скакали по Квалиности, ее инстинкт, скорее всего, был бы точно таким же: вытеснить их.

Ученый не разделял ее взглядов. Покачав головой, он пробормотал что-то насчет «живи и дай жить другим». Она не выносила таких слабохарактерных идей, но попридержала свой язык. С тех пор, как обнаружил своего помощника лежащим мертвым рядом с собой, Фаваронас был немного не в себе. Он стал держаться как можно ближе к Кериан. Тем не менее, он не жаловался и не служил помехой ей или ее воинам.

Они похоронили мертвых, эльфов и людей, чтобы до тех не добрались падальщики. Львица торопила их и даже сама присоединилась к копанью. Их второй день на Высоком Плато шел к концу, и она стремилась как можно сильнее увеличить расстояние между своими людьми и полем битвы.

Халкистская гряда на горизонте выросла в размерах. С этого расстояния серые пики напоминали низко висящие облака. Местность начала меняться. Толстый слой песка уступил место сперва песку и камням, а затем гравияю. Появились признаки животной жизни, даже если это были всего лишь маленькие существа, пугливые ящерицы, греющиеся под солнцем на камнях, их изумрудно-зеленая и цвета полированного золота кожа искрилась под яркими лучами. Снова появилась листва: чахлые кедры, креозотовые кусты, колючие

вьюнки и трава, столь жесткая, что даже их голодные лошади не желали ее есть. И, тем не менее, наличие растительной жизни было приятной альтернативой монотонному песку Высокого Плато. Они выбрались из глубокой пустыни на чуть менее враждебные предгорья.

Кериан выслала передовой отряд, чтобы разведать путь к устью долины. Согласно карте Гилтаса, единственным входом в Инас-Вакенти был неприметный проход, ни чем не выдававший своей важности. Им требовалось найти верный, точный, или их путешествие будет тщетным.

Войско поднялось на небольшую возвышенность, усыпанную обломками серого сланца. Их лиц коснулся поразительно прохладный бриз. Спускавшийся с гор ветер еще не мог справиться с иссушающим жаром пустыни. Львица отдала приказ остановиться.

Распределили воду. Кериан достала вырезанное в виде чаши днище тыквы, налила в него воды и дала пить своей лошади. Затем она присела в тени своего скакуна и попила сама из обтянутой кожей тыквы. Вода внутри сосуда была такой теплой, что она могла бы с ее помощью приготовить чай.

Далекий громкий треск прорезал воздух. Все замерли и посмотрели на горы, очевидный источник этого звука. Гром? Прошло много времени с тех пор как они последний раз видели дождь.

Фаваронас, как и Львица отдохавший в тени своей лошади, спросил: «Как думаете, будет ливень?»

Он явно выдавал желаемое за действительное; на небе не было ни облачка. «Возможно, просто камнепад», — пробормотала она.

Еще один рокот эхом спустился с серых пиков. Расслышав его четче на этот раз, Львица быстро встала, повернувшись лицом к пустыне. Звук и в самом деле шел со стороны пустыни и эхом отражался от гор. И, тем не менее, все, что они наблюдали, это каменистый ландшафт, усеянный изогнутыми кедрами и покрытый острой коричневой травой, а дальше мерцающую ширь песка и водный мираж.

Когда над сланцевым холмом разразился третий раскат грома, Кериан велела всем оседлать коней. Прохладный ветерок стих, а на юге прямо в воздухе вырос пылевой плюмаж. Облако было большим и плотным, указывая на компактную группу всадников. Кочевники преследовали их.

Львица отослала Фаваронаса с опасного участка, за гребень холма, а затем построила своих изнуренных воинов широким полумесяцем, с рогами, обращенными в сторону приближающегося пылевого облака. Со своего места в центре строя она прикрыла глаза рукой и всматривалась в сторону юга. Столб пыли рассеивался ветром по мере того, как поднимался выше.

Эльфы заметили движение у подножия холма. Что-то блеснуло и ярко вспыхнуло между кустов. Львица прищурилась. Это было одно существо, крупнее всадника, а не группа несущихся во весь опор кочевников. Она задумалась, что это могло быть.

Ответ пришел в следующую секунду. Сверхъестественным стремительным движением приближавшееся существо выпрыгнуло от подножья холма и приземлилось перед эльфами, едва в дюжине метров от них. Его стремительный бросок вызвал напомиравший гром звук. Лошади попятнулись, пронзительно заржав в испуге. Все эльфы в строю закричали от потрясения и испуга.

Им предстало ужасное видение. Оно имело четыре короткие мощные лапы, длинный хвост, усеянный костяными шипами, плотное тело, в четыре раза крупнее быка, и толстую

прямую шею. Голова существа привлекла внимание всех эльфов. Длинная, костлявая, покрытая сияющей зелено-золотой чешуей, это была голова гигантской рептилии.

«Дракон!» — крикнул кто-то, но Кериан так не считала. Приземистая и бескрылая, это была земная тварь. Голову монстра от одного ушного отверстия до другого венчала корона вертикальных рогов, и еще один толстый рог прорезался из его носа. Не считая своего неестественного размера, это могла быть пустынная ящерица.

«Лучники!» — отдала команду Львица. — «Цельтесь ему в голову!»

Щелкнула сотня тетив, и сотня стрел описала дугу в воздухе. С отчетливым щелчком веки зверя прикрыли косые зеленые глаза, и снаряды отскочили от его металлической шкуры. Глаза открылись, и монстр прыгнул в центр эльфийского строя.

Его скорость была ужасающей. Широкими взмахами головы он косил лошадей и эльфов направо и налево, разрывая их своими рогами на куски. Когда прямо перед ним упала лошадь, тварь открыла пасть и разорвала живое существо надвое.

«Рассыпаться! Рассыпать строй!» — крикнула Львица. Словно ртуть под ударами молота, эльфы ринулись в разные стороны. Монстр гонялся за самыми медленными всадниками, сбивая их со скакунов своей рогатой мордой. Несколько сброшенных эльфов подбежали к мертвой зоне твари и атаковали ее мечами. Их удары отдавались безрезультативным звоном о его прочную чешую.

По приказу Львицы горнист сыграл отступление. Она пыталась восстановить какой-то порядок в своих рядах, но каждый раз, как только собирался более-менее значительный отряд эльфов, тварь набрасывалась на них, разрывая на части и топча их своими когтистыми лапами. За четверть часа она сразила больше эльфов, чем кочевники в утреннем бою.

Лучники целились ей в глаза, и один успешно отправил метровое древко ей в правый глаз. Зверь с хрюканьем высунул свой кроваво-красный язык, обхватил им раздражавшую стрелу и выдернул. Эта процедура отвлекла существо на время, достаточное, чтобы эльфы перестроились и устремились галопом к гребню сланцевого холма. Монстр в два прыжка настиг их.

Львица не увидела приближения зверя. Одно мгновение она была верхом на своей лошади, а в следующее уже лежала, растянувшись на спине, кубарем прокатившись по жесткой каменистой земле. Ее лошадь, обезглавленная рогами твари, была отброшена одним движением мощной когтистой лапы.

Зверь продвигался, пока не оказался над ней. Ошеломленная, она видела заслонившее небо его широкое бледно-зеленое брюхо. Кериан вытащила кинжал. Она обеими руками вонзила его в нижнюю часть твари. Ощущение было, как если бы она ударила в наковальню. Кинжал соскользнул и вырвался из рук. Правая задняя лапа монстра двинулась вперед, зацепив ногу Кериан, и протащила ее несколько метров.

Она продолжала перекатываться, пока не остановилась о тушу своей мертвой лошади. Ее руки и предплечья ныли от боли, а голова гудела. Вокруг нее раздавались крики и вопли, но звучали слабо и отдаленно. Даже обжигающее сияние солнца казалось приглушенным.

Есть ли какой-то способ сражаться?

В голове Львицы эхом отдался спокойный голос — ее совести, предположила она — сильно напоминавший Гилтаса. Почему бы и нет? В большинстве случаев он и был ее совестью. Она увидела перед собой его лицо, его полные разочарования глаза. Вставай, велел он ей. Не валяйся просто так в пыли рядом со своей мертвой лошадью.

Она, грязно ругаясь, с трудом приподнялась на руках. Ее нога болела в том месте, где

тварь схватила ее, и Кериан была уверена, что сломала ребро.

Назойливый голос в ее голове не отставал, рассказывая ей, как глупо было сражаться с таким зверем мечом и луком. А что еще у них было?

Он остановит убийство — как минимум, на время. Держи его при себе, искатель.

На этот раз голос в голове Кериан принадлежал Са'иде, верховной жрице Элир-Саны. Ее слова прозвенели ясно, как горный лед, прорезавшись сквозь боль и туман изнеможения. Она поняла, что и в самом деле была сброшена на тело своей собственной лошади. Она открыла маленькую седельную сумку, вознеся хвалу богам, что бедное животное упало на правый бок. Она нащупала сквозь сухие листья и вытащила странный камень.

Таинственный дар Са'иды, прекрасное опаловое яйцо, тяжестью лежало в ее руке.

И что теперь? Жрица не дала ей инструкций, не пояснила, как этот драгоценный камень должен помочь ей. Следует ли ей коснуться им монстра? Пугающая перспектива! Возможно, если она привяжет его к стреле и выпустит в зверя...

Эльфы были рассеяны, пытаясь увернуться от монстра. Тот совершал внезапные стремительные рывки на их небольшие группы.

С исцарапанным и кровоточащим лицом, дико торчащими во все стороны волосами, Львица подкралась к твари. Та увидела ее. Хлопнули веки, и бездушный взгляд рептилии не менялся, пока она двигалась вперед. На этот раз никаких потрясающих бросков. Вместо этого зверь медленно шел, поднимая за раз одну лапу, словно крадущийся кот, готовящийся к броску. Когда до него было десять метров, Львица подняла дар Са'иды.

«Подарочек для тебя, монстр!» — крикнула она.

Сказав так, Кериан отвела руку и метнула опал. Ее прицел был верен. Шар ударил зверя в центр груди, на мгновение приклеившись, а затем упал на землю. Продвижение вперед твари резко прекратилось. Она замерла, оторвав от земли переднюю лапу, а еще через пару секунд ее лапы странным образом подкосились. Она с такой силой ударилась о землю, что дрожь от ее падения сбила Львицу с ног.

Конные или пешие, эльфы медленно стекались к павшему зверю. Тот не шевелился. Кериан держала меч в руке, готовая драться, но монстр был словно статуя.

«Он мертв, генерал?» — спросил один из ее воинов.

Дыхание чудовища омывало ее ноги. «Нет! Кажется, спит!»

Восемь офицеров подскакали, свесились с седел и окружили голову монстра. Они наносили зверю удары мечами, но ни острия, ни лезвия не протыкали его. Мечи просто отскакивали от бронированной шкуры, не причиняя ей вреда.

«Праведная Королева!» — воскликнул один из эльфов. — «Мы не можем прикончить его?»

Кериан присела на корточки возле зверя. Один глаз, размером с ее голову, был полуоткрыт. Ярко-зеленый глаз был все так же исполнен злобы и медленно двигался за ней, когда она меняла положение. Львица поняла, что тварь видела ее, но удерживалась неподвижной под властью дара жрицы. Вопрос был в том, надолго ли?

Офицеры размышляли, что делать. Пока длилась эта дискуссия, Львица пошла и подняла опаловое яйцо. Оно поменяло свой цвет. Прежде ослепительно белое, теперь оно приобрело тусклый оттенок слоновой кости, розовые и золотистые прожилки на его поверхности поблекли. Кериан сунула его в сумку на ремне. Она была в изрядном долгу у Са'иды.

Фаваронас рысью спускался с гребня холма. Архивариус ехал к ним, держась обеими

руками за луку седла и не сводя взгляда с лежащего перед ними существа.

«Праведные боги и богини!» — воскликнул он. — «Это песчаный зверь!»

«Ты опознал эту мерзость?»

«Некоторым образом, генерал. Песчаные звери обитают в самых глухих, самых безжизненных районах пустыни. У Сахим-Хана во дворце хранится заспиртованная голова одного из них. Они очень редкие...»

«Недостаточно редкие», — сухо произнесла она. Повысив голос, она приказала эльфам седлать коней.

Привели лошадь, чтобы заменить ее павшего скакуна. Раненых, которые могли ехать верхом, посадили со здоровыми всадниками. Они собирались забрать с собой и своих мертвых. Монстр мог прийти в себя, и Львица не собиралась рисковать оставить благородных воинов его свирепой заботе.

Песчаный зверь убил пятьдесят два эльфа и ранил намного больше. Если бы магия Са'иды не остановила его, скорее всего, был бы уничтожен весь отряд.

Они поскакали точно на север. Фаваронас все время оглядывался через плечо, опасаясь, что парализованная тварь может ожить и снова начнет преследовать их. Керриан волновало другое: почему песчаный зверь первым напал на них? Эта миссия была полна неожиданных опасностей, будто вся пустыня ополчилась на них, в попытке остановить Беседующего в поисках долины легенд.

Архивариус не мог помочь с ответами на ее вопросы о песчаном звере. Из всего прочитанного им следовало, что песчаные звери были дикими животными, которые, несмотря на свою свирепость, избегали контактов с людьми или эльфами.

Лошадь Керриан споткнулась, встряхнув ее. Она закашлялась, когда новая боль пронзила бок. Фаваронас предложил носовой платок.

«У вас на лице кровь, генерал».

Она вытерла подбородок, отмахнувшись от его заботы. «Я получила несколько ударов. Бывало и хуже».

Конец дня был восхитительным. Садящееся солнце золотило переднюю гряду гор, меняя их цвет с синевато-серого на бронзовый и медный. Пыль доставляла намного меньше проблем, так как почва здесь была больше каменистой, чем песчаной, и видимость была на много миль в каждом направлении.

Изнуренные битвами, эльфы валились из седла. Их лошади медленно ступали, понуриив головы. Разговоры вокруг Львицы завертелись вокруг поиска места для лагеря на ночлег, когда легким галопом прибыл разведчик с новостями.

Она натянула поводья и подождала, пока взволнованный молодой квалинестиец подъехал к ней. Разведчик, новобранец, чуть не свалился с лошади, когда слишком резко дернул поводья, и его взмыленный скакун заскользил на заду до остановки.

«Успокойся, парень», — сказала Львица. — «В чем дело?»

«Лагерь кочевников, не дальше мили к востоку от этого места!»

Офицеры столпились вокруг нее. Пальцы Львицы сжали поводья. «Сколько?»

«Много. Больше сотни палаток. Может, две сотни!»

Слишком неопределенно. Ему следовало назвать точное число. «Никто не видел тебя?» — спросила она. Молодой разведчик решительно покачал головой.

«Мы должны перехватить инициативу — атаковать!» — произнес диковатый эльф по имени Авалин, один из давних сторонников Львицы.

«Мы не знаем этих людей», — запротестовал Фаваронас. — «Они могут быть одним из безобидных племен!»

«Какая разница, из какого они племени?» — резко возразил Авалин. — «Кочевники все одинаковы!»

«Это нелепо!»

Львица вступилась. «Мы здесь не для войны с каждым странствующим по пустыне кланом».

«Если они враждебны, генерал, мы не можем просто пройти мимо них», — встрял другой офицер. — «Они окажутся у нас за спиной, между нами и Кхуриностом».

Это было довольно разумно. Кериан решила отклониться от маршрута, чтобы проверить лагерь кочевников. Если племя будет выглядеть миролюбивым, эльфы пройдут мимо. Но если кочевники окажутся явными врагами, Львица нанесет удар.

Усталость навалилась на всех воинов, но никто не стал жаловаться, когда Львица повела их дальше. Скоро стемнеет — только самых высоких горных пиков впереди все еще касались лучи солнца — и это поможет им. Темнота была помехой для людей, тогда как эльфы ночью могли видеть почти так же хорошо, как и днем.

Квалинестийский разведчик провел их через серию наносных холмов, образовавшихся из смытых за тысячелетия с гор почвы и гравия. Небо потемнело, сменив цвет с сапфирового на индиго, и появились первые звезды. Ощутимо прохладный ветер дразнил всадников каждый раз, когда они выбирались из лощин и поднимались на холмы. Этот бриз принес запах дыма. Лагерные костры.

Подняв руку, Львица остановила колонну в неглубокой ложбине. Она молча указала Фаваронасу и Авалину следовать за ней. Остальному отряду следовало оставаться здесь.

Они втроем проследовали по высохшему руслу на дне ложбины, остановившись, где оно выходило на простор. Перед ними типичным для кхурских кочевников кольцом раскинулись несколько сотен конических палаток. Львица остановила свою лошадь под прикрытием кедров. Она и ее двое спутников безмолвно изучали открывшийся вид.

В центре кольца палаток двигались фигуры, силуэтом вырисовываясь на фоне дюжины костров. Мужчин не было видно, только готовившие ужин женщины, в песочного цвета гебах, и дети, сновавшие между палаток, либо помогавшие готовить пищу.

Авалин заерзал в седле. «Наверное, это базовый лагерь отряда, который атаковал нас! Все мужчины воинского возраста отсутствуют!» — громко прошептал он.

«Даже если так, мы не воюем с невооруженными женщинами и детьми».

«Генерал, они бы не пощадили наших возлюбленных, если бы им представился шанс!»

«Вы не знаете этого!» — произнес Фаваронас.

«Так было в Квалинестии!»

Она велела им обоим замолчать. «Здесь не Квалинестии. А мы — не Темные Рыцари».

Они вернулись к ожидавшей армии. Львица отдала приказ трогать, и эльфы растворились в ночи.

Но не только их глаза следили из темноты. На южной стороне лагеря кочевников два желтых глаза вглядывались в кольцо палаток. Песчаный зверь, освободившийся от наложенного опалом Элир-Саны заклинания, прятался среди нагромождения пыли и камней. Его язык мелькнул, пробуя ночной воздух. Запах дыма был сильный, людской, но на фоне его зверь уловил присутствие эльфов.

Движение внутри кольца палаток замедлилось и прекратилось. Люди укрылись в своих

пристанищах. Язык зверя вновь мелькнул. Людской запах был привлекательным, хотя и явно присутствовали характерные нотки эльфов. В его крови лихорадкой вскипел побудительный призыв: Найти эльфов; убить их. Этому импульсу невозможно было сопротивляться. Если люди смешались с суженой ему добычей, они тоже умрут.

Зверь поднялся из своего укрытия, стряхивая пыль и камни. В четыре прыжка он достиг внешней линии палаток. Он налетел прямо на первую, одним махом своих рогов в ключья разрывая стену из козых шкур. Внутри спали три человека. Первые двое умерли, не просыпаясь. Третья перед смертью успела пронзительно крикнуть.

Палатки не служили помехой продвижению песчаного зверя. Он пронесся сквозь лагерь. Обрывки брезента и кожи, зацепившиеся за его рога, протащились сквозь прикрытые костры и загорелись. И вот вспыхнула одна палатка, затем другая, и еще одна. В нараставшем свете были видны метавшиеся и вопившие люди. Тварь методично убила их всех, на случай, если они были переодетыми эльфами.

Менее чем через двадцать минут после того, как зверь ворвался в лагерь, воцарилась тишина. Единственными звуками были треск и хлопки горевшего беспрепятственно в трех местах пламени. Никто не остался в живых, и запах крови был сильным.

Слишком сильным. Зверь покинул притихший лагерь и обошел его против ветра. До него донесся соблазнительный слабый запах эльфов, принесенный прохладным ночным ветерком с гор. С несвойственной ему неспешностью, песчаный зверь снова отправился в путь, возобновив преследование группы эльфов.

Перед рассветом первые всадники отряда Адалы добрались до вершины холма и взглянули на свой лагерь. Ужаснувшись увиденному, они послали за Вейядан и ее военачальниками.

Боевой отряд кочевников провел всю ночь в седле, пытаясь охватить эльфов и выйти им во фланг. К сожалению, они не знали предгорья так же хорошо, как свою привычную местность, и слишком многие из них заблудились в оврагах и ложбинах. Наконец они собрались, когда небо начало светлеть, и Адала вела их обратно в лагерь, когда пришла весть об ужасном несчастье.

С белым лицом, Вейядан ехала по разоренному лагерю. Никто не выжил. Все, кто оставался — жены, дети, старики — были безжалостно убиты. Несгоревшие палатки и припасы были искромсаны и растоптаны.

«Кто мог сделать это?» — спросил Вапа, подъезжая к локтю Адалы, слезы беспрепятственно струились по его лицу. Этот вопрос снова и снова повторялся убитыми горем мужчинами — прерываясь лишь криками горечи, когда один за другим они находили своих убитых и обгоревших домочадцев.

Возле своей палатки Адала сделала свое собственное чудовищное открытие. Двое ее младших детей, последние остававшиеся дома, лежали мертвыми на пропитанной кровью земле. Храбрая открытая Чиси лежала на Амалии, словно пытаясь прикрыть свою кроткую сестру от настигшего их ужаса. Стоя рядом с ними на коленях, Адала рыдала, раскачиваясь из стороны в сторону, терзаемая мукой.

«Лэддэд сделали это», — наконец произнесла она.

Вапа нахмурился. «Нет, Вейядан. Какими бы варварами мы их не считали, они не такие демоны. Это какое-то злое происшествие. Возможно...»

«Дурак! Ты не видишь своими собственными глазами?»

Он уставился на нее — ее собственные глаза были огромными бездонными колодцами

боли. «*Лэддэд* сделали это», — яростно сказала она, повышая голос, чтобы повторить свои слова для всех остальных. — «*Лэддэд* сделали это!»

Билат сообщил, что не найдено сломанного оружия эльфов, мертвых эльфов, и даже мертвых эльфийских лошадей, но Адала настаивала, что *лэддэд* после резни тщательно все собрали, чтобы скрыть свою вину.

Ничто из сказанного Вапой или Билатом не могло разубедить ее в этом. Затем один из людей Билата принес шокирующую весть, разом поставившую точку в спорах. В ближайшей ложбине были обнаружены следы трех лошадей. Эти отпечатки несли явные признаки работы кузнецов *лэддэд*. Более того, они вели по ложбине прочь от лагеря, и соединялись с множеством схожих следов. Несомненно, здесь прошла армия *лэддэд*.

«За эти убийства», — поклялась Адала, — «они заплатят».

Вапа, хотя и не переубежденный, промолчал.

Остальные криками и воплями изливали свой гнев.

Это больше не было войной только за сохранение священных земель Кхура от чужеземцев. Теперь, прижимая к груди истерзанные тела своих дочерей, в пропитанном их кровью платье, Адала из клана Вейя-Лу посвящала себя Торгану, богу мщения. Никаких пленных. Ни пяди земли. Это война на уничтожение.

Планчет и Гитантас вот уже несколько часов торчали в пристройке на крыше, наблюдая за вышагивавшими вверх и вниз по улицам патрулями, барабанившими в двери и окликавшими любого на пустынных площадях. Где бы ни возникли изначально беспорядки, солдаты Сахим-Хана подавили их — несомненно, тяжелой рукой.

Необходимость оставаться в укрытии, когда они стремились быть со своим Беседующим, испытывала их терпение. Солнце достигло зенита, затем миновало его на безоблачном голубом небосводе. В маленьком саду стоял тяжелый аромат стручков кардамона и коры кефра, столь же невыносимый, как и жара. Гитантас сбросил свою маскировку, стянув с головы черный парик и засунув его за ряд горшков.

Когда долгий период времени прошел без каких-либо признаков патрулей, Гитантас хлопнул по спине старшего эльфа и сказал: «Пойдем!» С натянутым замечанием об уважении к старшим, Планчет последовал за ним.

Кхурская традиция строить дома шире вверху, чем у основания, делала путешествие эльфов намного менее трудным, чем оно было бы где-либо в другом месте. И пересечение Кхури-Хана по крышам оказалось поучительным процессом. Пока эльфы лазали по зданиям, они слышали плач детей, смех, громкие споры и как занимаются любовью. Сотни различных запахов пищи конкурировали с дымом, ладаном и зловонием уборных. Жизнь простых горожан была открыта взорам Гитантаса и Планчета, когда они незамеченными проходили над их головами. Кхури-Хан, несомненно, был чуждым, но наряду с тем был решительно определенно живым.

Вблизи Храмового Пути здания становились выше и больше. Это уже были не частные дома, а правительственные склады, амбары и общины духовенства различных храмов. Уже после заката они, наконец, добрались до длинной пешеходной улицы, вдоль которой тянулся ряд святых храмов.

Вход в каждый храм освещался вставленными в железные кольцевые держатели факелами. В их мерцающем свете Планчет и Гитантас наблюдали за марширующими взад-вперед маленькими отрядами кхурских солдат с алебардами на плечах. За исключением этих патрулей, широкая улица была пуста.

«Вот Храм Элир-Саны», — прошептал Гитантас, указывая вправо.

Купол храма подсвечивался изнутри и испускал в темноту слабое голубое сияние. Во дворе не было видно служителей или жриц. Обрамлявшие низкую стену колокольчики позвякивали в ночном бризе.

Вопрос теперь заключался в том, как спуститься. Они находились в десяти метрах над дорогой, наверху трехэтажного здания с плоской крышей. Его стены ровно и прямо спускались к тротуару, не предлагая опор для безопасного спуска.

Внимательное исследование крыши подсказало решение: запертый изнутри люк. Гитантас смог просунуть тонкие пальцы под его край и открыть. Медленно и тихо, они подняли крышку.

Снизу никто не крикнул, поэтому Гитантас лег на крышу и заглянул в люк, пока Планчет держал его за ноги.

«Здесь зал», — прошептал Гитантас, свесившись головой в люк. — «С кучей дверей».

Планчет пробормотал проклятие. Нет, чтобы замечательный пустой склад — так они

пытались войти в спальные покои жрецов!

Он начал, было, тащить Гитантаса обратно, чтобы они могли попробовать другое здание, но гибкий молодой эльф поднял ногу, ухватился за дверной косяк и кувыркнулся в люк. Он приземлился бесшумно, точно кошка. Подняв руки, он пригласил Планчета воспользоваться собой в качестве лестницы, чтобы спуститься.

«Наглый щенок», — пробормотал камердинер Беседующего. Хотя и менее ловкий, чем Гитантас (который был вчетверо его моложе), Планчет не был дряхлым старцем. Он опустился на руках в люк, повис на секунду и спрыгнул. К несчастью, Гитантас, в своем усердии помочь, ухитрился уронить его. Двое эльфов клубком с глухим стуком свалились на деревянный пол.

Они замерли, ожидая, что из комнат появятся сонные жрецы. Ничего. Из-под дверей не показался свет. Святые отцы безмятежно спали.

Эльфы поспешили по залу в сторону лестничной площадки. Когда Планчет огибал верхние ступеньки, он на полном ходу налетел на женщину. Она была облачена в бледно-серое платье и чалму, и у нее не было лампы. При виде двоих нарушителей, внезапно возникших на ее пути, она потеряла дар речи, а рука Планчета зажала ей рот прежде, чем она вновь обрела его. Он прижал ее к стене, надеясь предотвратить любую магию, которую она может попытаться использовать против них.

«Проклятие, мы вошли в женскую общину жриц!» — прошипел он. — «Это случайно не Са'ида?»

Гитантас покачал головой и прошептал: «Тихо, леди. Мы не причиним вреда. Нас несправедливо преследуют солдаты хана, и мы ищем убежища в Храме Элир-Саны. Вы понимаете?»

Она кивнула, и он улыбнулся. «Мы отпустим вас, но вы не должны поднимать тревогу. Да?» Снова, кивок.

Эльфы обменялись взглядами. После секундного колебания, Планчет убрал руку. Жрица немедленно прошипела: «Мужчинам здесь нельзя находиться! Вообще!»

«Просим прощения, святейшая госпожа, но мы не мужчины», — здраво заметил Планчет, касаясь кончика своего заостренного уха.

«Мужского пола! Это святотатство!» — Она повысила голос. — «Хан услышит об этом осквернении!»

С Планчета было достаточно. Он сорвал с ее головы платок, высвободив копну седых волос, и заткнул ей рот этим куском ткани. Она попыталась закричать, но из-под кляпа послышалось лишь слабое бульканье.

Он подхватил ее под руку, Гитантас сжал другую, и они потащили жрицу вниз по ступеням. Внизу они обнаружили маленький чулан под лестницей. Планчет втолкнул ее внутрь. Вытащив свой шелковый платок, он связал ей вместе лодыжки. Когда он попросил Гитантаса одолжить его платок, молодой эльф пожал плечами. У него его не было.

«Что за неотесанный юнец выходит на улицу без платка?» — рявкнул Планчет.

«Бедняк, не имеющий ничего, кроме того, что на нем надето».

Планчет развернул Гитантаса и стянул с него геб, оставив его стоять в леггинсах и низких ботинках. При виде эльфа с голым торсом глаза жрицы стали еще шире. Планчет вынужден был признать, что это было странное зрелище. Краска, которую Гитантас использовал для своей маскировки, была нанесена лишь на руки, шею и лицо. Его торс был на несколько тонов светлее.

Планчет оторвал полоску от края геба и воспользовался ей, чтобы связать женщине запястья, затем оторвал еще одну, чтобы привязать ее запястья к лодыжкам, надеясь, что это задержит ее на какое-то время. Он бросил порванную одежду обратно Гитантасу.

«И что мне с ним делать?» — с сарказмом спросил Гитантас.

«Сделай себе несколько платков», — ответил Планчет.

Глаза женщины, светившиеся над кляпом яростью, следили за ними, когда они закрывали дверь чулана.

Они вышли из здания в переулок через боковую дверь. Ворота в стене, окружавшей Храм Элир-Саны, были прямо перед ними, на другой стороне пешеходной улицы; железная калитка была открыта. Патруль уже прошел, и все было тихо. Они вышли из укрытия в переулке и большими шагами направились к воротам храма.

Когда Гитантас подошел к воротам, грудной голос позади них громко произнес: «Стойте, где стоите!»

Планчет прошипел сдавленное проклятье. Оба эльфа развернулись лицом к этой новой угрозе.

Глухо застучали каблуки из жесткой кожи. К ним большими шагами направлялся широкоплечий смуглый человек. Он был одет в кожаные штаны и короткую тунику, сильно напоминавшие одеяние квалинестийских охотников. Однако облачение незнакомца не было зеленого или коричневого лесного цвета. Оно было тревожного багряного оттенка. Его широкое лицо было гладко выбритым, с густыми черными бровями. Он был головой и плечами выше обоих эльфов. Его личность была известна им обоим. Это был неракский эмиссар, Хенгриф.

«Едва ли это должное одеяние для того места, куда вы направляетесь», — произнес он, указывая рукой на порванный геб Гитантаса. Его другая рука лежала на рукояти вложенного в ножны меча, тонкого придворного клинка.

«Ваша собственная одежда тоже неподходящая», — криво ответил Планчет. — «Вам не душно во всей этой коже?»

«Я привык. Кроме того, я предпочитаю ее местному стилю. Слишком сильно напоминает женское платье. Вы знаете, что лицам мужского пола не дозволяется входить в этот храм».

Пока он говорил, эльфы отчаянно вглядывались в темного позади него. Кажется, Хенгриф был один. Хотя и выглядевший грозным бойцом, вряд ли рыцарь мог надеяться одолеть двоих ловких вооруженных мечами эльфов. Тем не менее, он казался в высшей степени самоуверенным.

Гитантас сказал: «У нас дело к верховной жрице. Она нас знает».

«Дело? Какие дела могут быть у эльфов с древней трухлявой жрицей?»

«Наши собственные», — ответил Планчет, а затем толкнул Гитантаса в открытую калитку, крикнув «Ступай!». К сожалению, захваченный врасплох капитан споткнулся.

Рыцарь выкрикнул команду. Внезапно ночной воздух наполнился странным жужжанием.

Четыре черные сажень веревки шлепнулись на тротуар в арке позади Хенгрифа. По каждой веревке вниз соскользнули крепкие люди, одетые во все черное — короткие черные туники, плотно облегающие брюки и замшевые сапоги. В считанные секунды они бесшумно приземлились и вытащили мечи. Они ринулись к эльфам.

Планчет рывком поднял Гитантаса на ноги, и они вдвоем протиснулись в калитку.

Преследовавшие их неракцы не попытались прорваться толпой через узкий вход, а просто перемахнули через стену высотой по грудь. Она их почти не задержала. Хенгриф неторопливо прошел через калитку.

«У меня есть вопросы, и я хочу получить ответы», — твердо произнес оно. — «Вы пойдете с нами».

«Не сегодня, неракцы!»

Хенгриф рассмеялся в ответ на дерзкое заявление Гитантаса. Ревом буйвола эхо этого звука наполнило двор. Он неожиданно стих, когда все вокруг заполнилось светом. Двойные двери храма открылись. В них возник силуэт женщины, ее длинная тень тянулась от колоннады.

«Убирайтесь! Люди войны не могут оставаться на священной земле!»

Хенгриф крикнул издалека: «Ты не отдаешь приказы ни мне, ни моим людям, Са'ида!»

Верховная жрица в сопровождении горстки служителей вышла из света. Она выглядела еще внушительнее Хенгрифа. Строгая и величественная, она не сводила глаз с рыцаря, и по мере приближения широко разводила руки. Казалось, ее белая мантия собирает свет, окружая ее яркой струящейся аурой.

Не отводя от нее взгляда, Хенгриф приказал своим людям взять эльфов. Четверо воинов двинулись вперед, но когда они были всего лишь в пяти метрах, мечи внезапно уплыли из их рук. Неракцы попытались продолжить движение, но какая-то могущественная сила не пускала их. Они согнулись вперед, словно борющиеся с сильным ветром люди, хотя воздух был неподвижен.

Хенгриф положил руку на рукоять меча, но не вытащил свое оружие. В зловещей тишине он наблюдал, как его людей непреклонно выталкивают через двор и в проход в стене. Однако, оказавшись на улице, они сразу выпрямились, невидимая сила больше не толкала их.

«Ты пожалеешь об этом, целительница», — громко произнес Хенгриф. — «Ты нажила врага».

«Смерть всегда была нам врагом! Ступай!»

Рыцарь бросил взгляд на эльфов. «Это не конец», — сказал он им. Он и его люди ушли, погрузившись во тьму за священными стенами.

Какое-то время все молчали. Затем Са'ида послала двоих служителей закрыть ворота храма; лязг железа нарушил оцепенение эльфов. Планчет встал и расправил одежду, отряхивая пыль с колен. Он представился в своей самой дипломатичной манере. Са'ида, нахмурившись, сжала губы.

«Я знаю, кто вы. Этот», — она кивнула на Гитантаса, — «был здесь раньше. Но вы не можете остаться. Это запрещено».

«Да, леди, я знаю, но мы надеялись, что вы можете предоставить нам убежище», — ответил Планчет. — «Солдаты Хана на улицах охотятся на эльфов».

«Не Хана вам нужно опасаться, а последователей Торгана».

Она сделала знак своим помощникам. Двое седых служителей приблизились, получили тихо инструкции и удалились.

Гитантасу, все еще ошеломленному случившимся, пришлось прочистить горло, прежде чем он смог говорить. «Те люди», — наконец спросил он, — «как вы их вытолкали, святейшая госпожа?»

«Вокруг этого священного храма сотканы могущественные защитные заклинания. Никто

не может носить оружие войны в святилище богини». Двое эльфов опустили взгляды на свои мечи. «Не вытаскивайте их», — предупредила она. — «Если вы это сделаете, то будете вышвырнуты, как они».

Седоволосые служители вернулись, каждый неся ворох одежды. Кхурские халаты, по большей части старые и выцветшие, были сложены у ног эльфов.

«Хенгриф близкий друг Хана. Когда тот узнает, что вы здесь, придут солдаты. Прошу прощения, но я не могу предложить вам свое гостеприимство. Вы должны переодеться и уйти», — сказала Са'ида.

Гитантас начал было протестовать, но Планчет оборвал его. Слуга вежливо поблагодарил жрицу и начал перебирать одежду. Его спутник неохотно последовал примеру, сбросив порванную одежду, что была на нем. Они облачились в гебы без рукавов и натянули халаты. Обернутые вокруг голов платки скрыли выдававшие их уши. Закутанные таким образом с головы до ног и под дополнительным покровом ночи, в такой маскировке они выглядели аутентично.

Планчет крепко затянул вокруг талии кушак, слегка поклонился и направился к железным воротам. Гитантас на мгновение замешкался, разрываясь между необходимостью идти за своим товарищем и желанием попытаться узнать больше о неракских рыцарях. Са'ида положила конец его внутреннему конфликту, повернувшись и уводя своих последователей в храм. Двери закрылись, яркий свет исчез, и Гитантас остался в темноте.

«Пойдем, парень», — позвал Планчет. — «Нам далеко идти».

Путешествие по темному городу было нервным, но они добрались до Кхуриноста без серьезных происшествий. Занималась заря, когда они подошли к своему самому большому препятствию, городским воротам, но удача была с ними. Орда торговцев хлынула наружу, стремясь вернуться к своим прилавкам на рынке. Вчерашние беспорядки не лишили их мужества. На самом деле, некоторые говорили о том, каким хорошим должен быть сегодня бизнес, когда любопытная толпа придет поглазеть, где было пролито так много крови. Стража на воротах не удостоила и секундного взгляда эльфов, окруженных шумными пихавшимися торговцами.

Планчет направился прямо к палатке Беседующего. Гитантас последовал за ним, но не раз камердинеру пришлось возвращаться и разыскивать заблудившегося воина, обнаруживая того застывшим, устремив взгляд вдаль и погружившись в раздумья. Планчет и сам был чрезвычайно уставшим и голодным. Ни он, ни Гитантас не ели со вчерашнего утра, до того, как началось это приключение. Он лишь мог представить, как плохо должен был чувствовать себя капитан. Эти события свалились прямо на пятки двух напряженных дней, которые он до этого переодетым провел в столице. Но и речи не шло об отдыхе, еде и питье, пока они не доложат Беседующему.

Небольшая группа придворных чиновников оккупировала зал приемов, но Беседующего здесь не было. Вместо него Мориллон Амбродель собрал вокруг себя взбудораженную толпу. Очень скоро они узнали, что в результате насилия вчерашним утром поток квалинестийцев и сильванестийцев вернулся из Кхури-Хана с колотыми ранами, разбитыми головами, а то и того хуже. Сорок четыре эльфа пропали. Планчет слышал крики: «Что нам делать?» и «Беседующий должен защитить нас!»

Его сильные руки и пронзительный голос раздвинули толпу. Расталкивая квалинестийцев, сильванестийцев и кагонестийцев, Планчет пробрался к Мориллону и спросил, где найти Беседующего.

«Понятия не имею, может, все еще в кровати. Мне кажется, будить его, ваша задача». — Надменный дворянин с отвращением глазел на грязное человеческое одеяние Планчета. — «Где вас носило?»

Камердинер сложил руки и обвел взглядом собравшихся. Некоторые из эльфов были бывшими сенаторами Талас-Энтии. Другие были не из знати, продвинувшиеся благодаря обстоятельствам или голосам своих соседей, избравших их своими представителями перед Беседующим. На всех лицах было выражение мрачной озабоченности.

«Милорд, я провел ночь в городе, бегая и прячась от людей, собиравшихся перерезать мне глотку», — ответил он.

У многих в зале перехватило дыхание. «Хан повернул против нас?» — спросил испуганный сенатор.

Камердинер успокаивающе поднял руки. «Без паники. Похоже, мятеж был поднят последователями кхурского бога Торгана. Когда войска хана прибыли остановить драку, им сказали, что ее начали эльфы. Порядок в городе был восстановлен, но я должен сообщить об этих событиях Беседующему. Ему нужно встретиться с Ханом, чтобы прояснить случившееся».

«Я должен отправиться к Сахим-Хану».

Все головы повернулись. Гилтас стоял в проходе, ведущем в его личные покои. Лорд Мориллон протолкнулся к нему.

«Великий Беседующий, вам не следует идти на поклон к повелителю варваров, вроде Сахима! Пусть он приходит к вам. У вас старшинство, как у правителя самой древней расы...»

«Это его страна, Мориллон. Я отправлюсь к Сахим-Хану так скоро, как он примет меня».

Все разом заговорили, некоторые поддерживали позицию Мориллона, другие — Беседующего. Сквозь этот спор нитью шло пугающее предположение о возможности войны с армией Хана.

Мысли Гитантаса блуждали. Яростные дебаты вокруг него напоминали гул пчел, потревоженных в своем улье. Он был выжат. Он ощущал себя отключившимся, далеким. Затем, неожиданно, его взгляд упал на незнакомца.

На другом конце зала среди топчущихся эльфов неподвижно стояла сутулая фигура. Укрытая тяжелыми слоями рваных коричневых мантий, она была комично неуместна здесь, тем не менее, казалось, никто не замечает его. Вокруг Гитантаса перемещались сенаторы, случайно задевая его, но они и вида не подавали, что наблюдают незнакомца в мантии. Гитантас пристально всмотрелся, но не разглядел выражения лица, только темноту под капюшоном.

Он предупреждающе вскрикнул. Но шум спора поднялся до такого уровня, что он даже не услышал своих собственных слов. Кажется, и другие не слышали его. Он начал проталкиваться сквозь толпу, намереваясь добраться до незваного гостя в капюшоне. Был ли это шпион, оплачиваемый Сахим-Ханом, или еще одна неракская марионетка? Кем бы он ни был, он не должен находиться здесь и подслушивать внутренние эльфийские совещания.

Добравшись до незнакомца, Гитантас выхватил кинжал у сурового вида кагонестийца, избранного представителя своего рода. Обычно чрезвычайно внимательный, диковатый эльф совсем никак не отреагировал на то, что Гитантас похитил его оружие.

Находясь теперь ближе, он заметил, что лицо незнакомца скрывалось в глубине его

капюшона, а руки прятались в рукавах. Гитантас схватил его за запястье. По крайней мере, попытался. Его рука прошла сквозь руку нарушителя, как если бы тот был призраком.

Наконец, незнакомец обратил на него внимание. Капюшон повернулся к Гитантасу, и оттуда раздался тихий удивленный вопрос: «Ты меня видишь? Как это возможно?»

Гитантас снова попытался крикнуть: «Великий Беседующий, шпион!»

Он почувствовал хватку на своем собственном запястье. Рука незнакомца была теперь достаточно твердой, с длинными пальцами и выпуклыми суставами. Его хватка напоминала медвежий капкан, стремительная и крепкая. Гитантас безостановочно протестовал и пытался вырвать руку, но не мог высвободиться.

«Тебе лучше пойти со мной», — прошипел незнакомец.

Наконец, Гитантас мимолетно увидел лицо нарушителя. Оно было темным, точно полированное дерево, с клювом-носом, тонкими губами и глазами, которые никому из эльфов прежде не доводилось видеть. Его глаза были темно-коричневыми — практически черными — от уголка до уголка. Гитантас в ужасе закричал, и крик только усилился, когда он заметил кое-что похуже. Позади фигуры в капюшоне свисал хвост, густой, коричневый, метровой длины.

В этот момент Гилтас отвел взгляд от своих пререкавшихся советников, и его глаза наткнулись на капитана Амброделя. Голова Гитантаса была откинута, рот расслаблен. Он держал левую руку неподвижно поперек груди. Встревоженный, Гилтас призвал обратить внимание на перекошенную позу капитана.

Стоявший перед Гитантасом кагонестийский сенатор обернулся и заговорил с молодым эльфом, пока Гилтас пробирался через комнату. Но Гитантас не отвечал; его глаза оставались закрытыми.

Беседующий приблизился и положил руку на неподвижную руку Гитантаса. Неестественный транс был мгновенно нарушен. Гитантас открыл глаза, пошатнулся назад и упал без сознания на пол.

Планчет стал на колени рядом с ним. «Обморок», — произнес он, приписывая инцидент недостатку еды и напряжению последних нескольких дней.

По указанию Беседующего, Планчет отнес потерявшего сознание эльфа в свободную комнату рядом с личными покоями Гилтаса. Извинившись и велев своим подданным продолжать свою дискуссию во время его короткого отсутствия, Гилтас последовал за ними.

Планчет поместил капитана на койку и снял с него ботинки. Он поднял глаза, когда вошел Беседующий.

«Не думаю, что это было вызвано простой слабостью», — с мрачным выражением тихо сказал Гилтас.

Он мягко поднял левую руку Гитантаса, ту самую, что так неподвижно держал молодой эльф. На запястье виднелись красные отметины, будто крепкие пальцы держали ее мертвой хваткой.

* * *

Энергичной ночной скачкой отряд Вейя-Лу широко обогнул эльфов и оказался между ними и проходом, ведущим в долину Голубых Песков. Обычно пустые предгорья оживились крадущимися разведчиками и поисковыми партиями с обеих сторон, ошупывавшими

незнакомую территорию, с натянутыми до предела нервами в поисках врага. Адала надеялась получить подкрепление, прежде чем снова встретиться с Львицей, но ее послания другим племенам остались без ответа. Когда эльфийскую армию заметили направлявшейся из Кхури-Хана на север, разведчики из Тондун и Микку заверили разведчиков Адалы в поддержке своих племен. К сожалению, те заверения до сих пор так и не породили что-либо более осязаемое. Всадники ни Тондуна, ни Микку не прибыли пополнить силы Вейядан.

Адала игнорировала советы Этоша и Билата подождать еще немного, чтобы дать другим племенам время присоединиться к ним. *Лэддэд* должны понести кару за свои грязные деяния. Их нужно остановить и не дать войти в скрытую долину. Пророчество Оракула ясно предупреждало о грозных беспорядках, если эльфы заявят о своих претензиях на это место. У вождя Вейя-Лу было несколько титулов, одним из малоизвестных был «Защитник Голубых Песков». До настоящего времени это казалось всего лишь древним церемониальным званием. С вторжением *лэддэд* этот титул обретал новый смысл. И все остальное затмевала непоколебимая раскаленная добела жажда мести Вейядан. Кровожадных чужеземцев следовало призвать к ответу за резню в лагере кочевников.

Большинство из Вейя-Лу согласились с обвинением их лидера, что эльфы в ответе за это злодеяние. Лишь немногие, вроде Вапы и Билата, были озабочены недостатком доказательств, связывающих резню с *лэддэд*, но даже они вынуждены были согласиться, что другого объяснения нет. Сахим-Хан, несомненно, был довольно жестоким, но ему не было никакого проку с этого убийства. Кроме того, его армия торчала в столице, присматривая за толпой эльфов и предохраняя от любых внезапных переворотов. Неракские рыцари или заблудшие банды огров или минотавров могли быть в ответе, но их никто не видел в этой местности. Единственными чужеземцами в Кхуре были эльфы, и, вне всякого сомнения, эльфийская кавалерия находилась неподалеку.

Ближе к вечеру был созван военный совет. Окрестные земли не лучшим образом подходили для битвы. К несчастью для лошадей, земля была неровной, покрытой торчащими камнями, давным-давно нападавшими со Столпов Небес. Заросли колючих выюнков делали передвижение еще более опасным. Тем не менее, это следовало сделать. Совет собрался на огромном сланцевом уступе, образовав традиционные линии. Внешнее кольцо образовали старейшие воины, среднее кольцо — военачальники, а внутреннее кольцо — вожди клана.

Этош хотел разделить силы кочевников надвое и укрыть один отряд на одной из сторон прохода. Так как *лэддэд* были привязаны к единственной тропе в долину, яростные кочевники смогут взять их в тиски.

Адала безмолвно выслушала план. Она штопала прореху в пончо из конского волоса, принадлежавшем одному из мужчин Вейя-Лу, у которого больше не было ни жены, ни сестер, чтобы сделать это для него; все погибли в резне. Перевернув одеяние, она проверила ногтем шов и решила, что он крепкий. Когда Этош закончил говорить, она заявила: «Твой план ошибочен. Вейя-Лу не последуют ему».

Он молча выслушал ее решение, но вожди клана спросили, почему она наложила вето на это предложение. Они его одобрили.

«Никогда не разделяйте свои силы перед лицом врага», — сказала она, — «даже если у вас численное преимущество».

Наклонившись вперед, она воспользовалась штопальной иглой, чтобы начертить на песке пару линий. Линии шли под прямым углом друг к другу. «Вот как мы поймем их. Эта часть отряда», — она указала на линию, шедшую с севера на юг, — «первыми нападет на

лэддэд с фланга, а остальные», — линия восток-запад, — «налетят сзади, отрезая им путь к отступлению».

«Словно челюсти пантеры», — произнес Вапа, видя всю смертоносность плана Адалы. Ее стратегия имела то преимущество, что не нужно было разделять кочевников, и при этом эльфов атаквали с двух сторон.

Гварали, старейший воин, был не согласен. План боя Адалы оставлял эльфам два пути для бегства: через предгорья на запад и на север в долину.

«Если они пойдут в любом из этих направлений, их судьба предрешена», — сказала Адала. — «Путь на запад уведет их дальше от их народа в Кхури-Хане, и мы сможем загнать их в Пылающие Пески юга. Там они и сгинут». Она аккуратно сложила заштопанную одежду, положив ее на колени. «Если они отправятся на север, мы загоним их в бутылку».

«Да, но они окажутся в долине!» — сказал Гварали.

«И я попрошу богов покарать их за их богохульство».

В этом месте некоторые люди не из клана Прыгающего Паука, не таясь, рассмеялись. Темные глаза Адалы вспыхнули.

«Вы смеете насмеяться над Ними! Те кто Наверху поместили меня сюда исполнять Их волю, и я буду это делать до самой смерти!»

Гварали, большой похожий на медведя человек с рыжеватой бородой и большим пузом, успокаивающе сказал: «Ну, сестра, как ты можешь так говорить? Тебе являлись Те кто Наверху?»

«Не напрямую, но Их воля очевидна. Моего мужа забрала смерть, поместив меня, Вейядан, во главе моего народа. Кузена моего мужа, Вапу, принц Кхура выбрал, чтобы тот отвел его к Оракулу, предупреждая нас таким образом о намерении лэддэд украсть наши земли и узурпировать богов. Зачем бы еще все это произошло, кроме как чтобы вверить моим рукам защиту наших священных земель?»

«Маита».

Слово, которое пробормотал Вапа, означало «судьба», но с подтекстом предопределенного богами исхода, того, чего не мог избежать ни один из смертных.

Некоторые из старейшин клана все еще были настроены скептически, но вежливо промолчали. Гварали попытался вернуть дискуссию к плану Этоша устроить эльфам засаду, но Вейядан не собиралась уступать.

Внезапно она встала. Обычно это означало конец совета, и мужчины вокруг нее были поражены такими ее дурными манерами.

«Оставайтесь на месте!» — приказала она. — «Я покажу вам свою маита».

Она пробралась сквозь кольца вождей и воинов. Стоя на краю серой сланцевой плиты, она указала на север. Три горных пика, известные у кочевников как Зубы Торгана, образовывали идеальный ряд. Полдня скачки прямо к ним вели к единственному проходу в Долину Голубых Песков. Эти три горы были так высоки, что их вершины были покрыты никогда не таявшим снегом. Небо над ними с прожилками перистых облаков казалось безбрежным, словно море. Солнце почти скрылось за западной грядой. Садающееся солнце погрузило эти три горы в тень, но окрашивало высокие облака и снежные кончики Зубов оранжевым и малиновым цветом.

«Слушайте меня, Те кто Наверху!», — закричала Адала. — «Пришло время для правосудия! Если я Ваш инструмент, дайте всем знать это! Меня не волнует популярность или слава, Могушественные Боги, только Ваша воля и права моего народа». Она широко

раскинула руки. «Покажите мне мою маита. Покажите всем!»

Ее последние слова зазвенели над суровым пейзажем, эхом отразившись от далеких склонов Зубов.

Несколько долгих минут царила тишина, нарушаемая только тихими комментариями нескольких человек позади нее. Затем в ясной шире неба послышался раскат грома.

Мужчины оживились. Они не ожидали услышать или увидеть что-либо. На своем месте позади места Адалы, Вапа склонил голову. Вейядан была Вейядан; он никогда не должен снова сомневаться в ней.

Послышался второй, более громкий, раскат грома, бесконечное число раз отразившись от Столпов Небес. К тому моменту, как стихло эхо, весь совет был на ногах.

Билат прокричал: «Те кто Наверху заговорили! Маита Адалы! Маита Адалы!» Остальные подхватили этот крик, повторяя его как заклинание.

Адала опустила руки и скрестила их на груди. Она тяжело дышала с полными слез глазами. Она верила в свое предназначение, но это проявление божественной благосклонности было ошеломляющим. То, что боги снизошли, чтобы дать такой явный знак перед сомневающимися среди ее собственного народа — это было величайшим моментом ее жизни.

Гварали приблизился, уважительно остановившись в трех шагах от нее. «Вейядан, мы последуем за тобой», — просто сказал он.

В шести милях от них песчаный зверь пробирался среди каменистых уступов, когда уловил запах армии кочевников. Балансируя между двумя каменными вершинами, он медленно повернул свою угловатую голову, приюхиваясь к бризу. Люди, много людей, но ни намек на эльфов. Предгорья сбивали его с толку, ограничивая его обычное поле зрения и запахи. Зверь уже два дня двигался параллельно эльфам, но должно быть ночью обогнал их. Ему следовало вернуться обратно.

Ноги словно из рулонной стали прыжком сняли чудовище с его насеста, и он начал движение. Зверь двигался так быстро, что разрывал воздух, вызывая раскаты грома на своем пути.

В нескольких милях от него Львица, ведшая свой истощенный отряд, тоже услышала этот гром. Она подняла руку, чтобы остановить колонну. Фаваронас, тащившийся в дюжине метров позади, поспешил к ней.

«Ты слышала это?» — спросил он. — «Ты слышала этот гром?»

Они хорошо знали, что означает такой звук среди ясного неба. Она велела своим офицерам выслать на сотню метров фланговых. «Но следите, чтобы они держались в поле зрения колонны», — предостерегла она.

Она смочила платок несколькими каплями воды, затем предложила тыкву Фаваронасу, пока прикладывала влажную ткань к лицу.

«Что мы сможем сделать, если эта тварь снова нападет? Сработает ли волшебный шар во второй раз?» — спросил Фаваронас.

Кериан пожала плечами, связывая волосы сзади влажным платком. Ее знание волшебных артефактов было ограниченным. Она сменила тему. «Есть ли у тебя идеи, почему это существо так упорно преследует нас?» — спросила Львица.

Ученый не знал. Он знал только то, что рассказал ей ранее, что песчаные звери были дикими животными глубокой пустыни, и редкими. Вне всякого сомнения, эта тварь была хищником, но какой вид хищника будет преследовать вооруженных конных воинов

несколько дней и много миль?

«Только двуногие», — сухо сказала Кериан. — «Вот кто, мне кажется, послал этого монстра по нашим следам. Двуногий хищник».

Когда фланговые были на местах, чтобы избежать внезапного нападения или засады, она двинула колонну вперед. Они должны были добраться до Инас-Вакенти за два дня. Все больше и больше она ощущала глупость затеи Гилтаса направить сюда их народ. Даже если окажется, что в долине умеренный климат, она не была их естественным домом, и никогда не будет. Безумные кочевники и кровожадные звери были единственными подходящими обитателями для этих суровых ужасных земель. Эльфам нужны прохладные зеленые леса земель, давших им начало и веками предоставлявших средства к существованию. Без них, не перестанут ли они вскоре быть эльфами?

Как всегда, от мыслей о доме кровь Кериан вскипела. Ей потребовалась вся ее дисциплина, чтобы не отпустить поводья и не направиться безумно галопом в Квалинести, чтобы попытаться освободить эту землю от угнетателей или умереть. Им не место было в Кхуре! Ни пустыня, ни город, ни мифическая долина не были их. Ничего из этого! Им следовало нападать на врагов, осмелившихся вторгнуться в земли их предков!

Гилтас считал, что жизнь более ценна, чем земля. Конечно, Гилтас больше беспокоился о жизни, чем о земле — он родился в королевской семье. Не важно, где он находился, он был Беседующим с Солнцем и Звездами. Он был королем — не важно, где было его королевство.

На протяжении всей своей жизни Кериансерай не знала такой роскоши. Она была бойцом за свою страну и свой народ. Без своей страны или своего народа, что оставалось? Кем она тогда была?

Фаваронас с любопытством наблюдал, как Львица тычками подгоняет своего скакуна. Ее спина была прямой, а подбородок выступал. За время, что он провел с ней, архивариусу довелось узнать эту позу и этот взгляд. Она сдерживала свой гнев. Только две вещи в мире могли привести ее в такую ярость, могли заставить сжаться губы в плотную белую линию: грызущая потеря Квалинести и несогласие с Беседующим. Ему было любопытно, какая из них пожирала ее теперь.

Послеобеденный покой Кхури-Хана сначала нарушили звон сестров и лязг кимвалов. Домохозяйки поднимали шторы, закрывавшие оконные проемы, и высовывались наружу, чтобы выяснить, что за шум. Суукеты, отдохавшие от утренней торговли, сдвигали назад свои шляпы или выходили из-под своих тентов. Предвидя мероприятие, торговцы вином на Большом Сууке вновь открыли свои палатки. Уличные собаки Кхури-Хана, бывшие всегда настороже, принялись лаять.

Звучали низкие удары барабана, два медленных, затем два коротких. Появился квинтет стражей. Их шлемы были криво нахлобучены, застежки доспехов болтались, они ведь тоже спали. Они выстроились в неровную линию и взяли оружие на караул, изобразив, насколько это было возможно солдатами Хана, стойку смиренно. Кто-то приближался — кто-то важный.

Любопытные кхурцы сперва увидели двойную шеренгу из двадцати эльфийских девушек. Каждая была одета в белое до колен шелковое платье и, в качестве уступки палящему солнцу, в намотанный вокруг головы соответствующий шарф. Позолоченные пояса, украшавшие их стройные бедра, искрились, как и обвивавшие их шеи гирлянды золотых листьев. Они несли белые корзины, разбрасывая перед собой их содержимое. Дома это были бы лепестки цветов. Здесь, в Кхури-Хане, это был белый песок, промытый и отполированный до серебряного блеска.

Позади двадцати девушек шли тридцать эльфийских юношей, также одетые в белое. Ладони, ступни и лица были загорелыми от многих лет жизни в пустыне, но руки и ноги были по-прежнему бледными, будто от лесного полумрака. На каждом эльфе был широкий ремень, сделанный из соединенных между собой золотых пластинок. В центре каждой пластинки сверкал огромный плоский драгоценный камень, оливин или аквамарин. Каждый из этих тридцати эльфов вертикально держал покрытый золотом шест. На вершине десяти шестов был золотой символ солнца, на следующих десяти — стилизованная серебряная звезда. Наверху оставшихся десяти был плоский диск из лазурита, на котором были изображены золотое солнце и серебряная звезда одинакового размера. Кхурцы не могли знать, что драгоценного металла на этих штандартах были только тонкие пластинки поверх основания из меди или латуни. Тем не менее, они представляли собой впечатляющее зрелище.

Теперь уже кхурцы всех возрастов высыпали из своих домов, чтобы посмотреть этот дивный парад. Много лет они продавали мясо, муку, одежду и мыло *лэддэд*, и ничто не рассеивало таинственность, как такие простые практические дела. Эльфы, которых они встречали, никак не были похожи на тех, о ком говорилось в преданиях. Они были хмурым немногословным народом с покрасневшими лицами и грязными ногтями. Не то, что великолепное зрелище, шествовавшее сегодня по улице. *Вот это* были эльфы из легенд!

За эльфийскими девушками и носителями штандартов шли музыканты. Четыре пары литавр вышагивали в центре улицы, по бокам от них шли по дюжине одетых в белое молодых эльфов, либо встряхивавших сестры, либо звеневших кимвалами. Ритм был настойчивым, два медленных удара, за ними два быстрых, снова и снова. По пятам за барабанщиками следовали двенадцать загорелых эльфов постарше, одетые в зеленое. Это были кагонестийские дудочники, несшие сдвоенные флейты из серебра и меди. Пока не играя, они шествовали с гордой четкостью, на их плечи свободно спускались темные волосы,

а их головы покрывали кожаные шапочки.

Парад вышел на широкую улицу Салах-Хана, шедшую вдоль западной границы Большого Суука, и дудочники подняли свои инструменты. Над городом пустыни поплыли трели. Эльфийские голоса подхватили, выкрикивая «*Эш! Эш!*» — древнее утреннее приветствие солнцу. Тридцать штандартов, солнца, звезд и их соединения, взмыли в небо.

За дудочниками показались марширующие пятьдесят воинов из стражи Беседующего, во главе с Хамарамисом. Они выстроились в своих лучших доспехах, в шлемах с плюмажем и бриллиантово-зеленых плащах. Грубияны бы обратили внимание на потертости и вмятины на доспехах, что несколько плюмажей были сломаны, но такое несовершенство не умаляло зрелища. Короткий меч каждого воина был вложен в ножны и висел на спине, традиционный способ показать мирные намерения. Каждый солдат в левой руке держал прижатый к груди медный с железом щит, а в правой руке сжимал сделанный из слоновой кости церемониальный жезл с наконечником в виде солнца или звезды.

В последней шеренге этих воинов маршировал бдительный Гитантас. Он был прикреплен к страже Беседующего, так что мог указать на призрака, которого видел в палатке Гилтаса, если это существо снова появится.

Следом за солдатами шла делегация сильванестийцев, во главе с лордом Мориллоном Амброделем. Они были одеты, как веками одевались сильванестийские лорды, в небесно-голубые, солнечно-желтые или звездно-белые мантии в складку. Считая ниже своего достоинства портить впечатление практичными головными уборами, сильванестийцы шли с непокрытыми головами. Позже их постигнет расплата за свою гордость в виде солнечных ожогов и потниц.

Последним следовал сам Беседующий, пешком. Он мог ехать верхом, но так как каждая лошадь в его армии была на счету, он отказался. Путь от Кхуриноста до дворца не был долгим. По крайней мере, не таким долгим, как от Квалиноста до Кхура.

Он не надел свою лучшую мантию — из золотой материи с огненной подкладкой, в которой короновался — а закрывавшее лодыжки простое белое платье, с рукавами по локоть. Вокруг талии была повязана веревка из плетеных золотых полос, шею окружало ожерелье из кусочков лазурита, а каждое запястье украшали золотые браслеты. Он также решил не надевать корону, ни солнечную диадему Квалиности, ни звездный обод Сильванести. Он был Беседующим в изгнании. Ношение короны, не имея дома, казалось Гилтасу верхом высокомерия.

Вокруг него шли четверо привилегированных сенаторов, неся шести, поддерживавшие полог из светлого полотна. Его скудная тень была единственной защитой Беседующего от солнца. Планшет шел у его левого локтя. Где должна была идти его супруга, Гилтас умышленно оставил пустое место, из уважения к Керансерай.

Парад завершали сановники всех видов. Каждый эльф нес какой-то знак, свой или своего поста: жезл сенатора, медальон придворного, свиток ученого, пузырек лекаря и так далее.

Не все наблюдавшие процессию кхурцы были очарованы или изумлены. Некоторые смотрели сердито, некоторые грозили торжественно маршировавшим эльфам кулаками. Только однажды, когда они следовали мимо Большого Суука, в их сторону что-то полетело. Несколько перезрелых фруктов попали в церемониальную стражу. Они не сбили шаг, а солдаты Хана врезались в толпу. Они нашли юных правонарушителей и погнали их прочь, колотя оливковыми палками.

Самый прямой маршрут из лагеря эльфов в Кхури ил Нор вел узкими извилистыми улицами и темными переулками. Большой парад Гилтаса умышленно выбрал другой путь, следуя по самым широким городским улицам, чтобы придать масштаб его блеклому великолепию. В величайшие дни Ситэла или Кит-Канана королевская процессия Беседующего исчислялась бы многими тысячами. Сейчас же она насчитывала менее трех сотен.

Лишь еще один примечательный инцидент случился во время шествия эльфов, возле огромного артезианского колодца Нак-Сафала. Улица Салах-Хана пересекала Храмовый Путь у этого колодца. Самым настоящим образом, это был истинный центр Кхури-Хана, более священный, чем любой храм, более жизненно необходимый, чем дворец или амбар. Никогда за всю суровую историю Кхура этот колодец не пересыхал. Когда на город свалилась Малистрикс, бедные и беззащитные бежали к Нак-Сафалу, зная, что бы ни случилось, они не будут испытывать недостатка в живительной воде. Раздосадованная этим проявлением веры, красная драконица оторвала камень от городской стены и швырнула в колодец. Огромный камень был поглощен белым песком на дне колодца, и лишь единственный угол показался над поверхностью воды. Пять дней Нак-Сафал переливался через край, мягко омывая булыжники площади. По-прежнему зарытый в песке, этот камень среди горожан получил прозвище *Малиш-меккек*, Зуб Малис.

Когда парад Беседующего огибал колодец, Гитантас Амбродель заметил стоявшую у его края фигуру в лохмотьях в капюшоне. Капюшон повернулся к нему, и эльф внезапно ощутил головокружение. В обрамлении гнилой материи показалось лицо странного призрака, которого он заметил в палатке Беседующего прошлой ночью. Неестественные жесткие карие глаза вперились в Гитантаса. Его шаг сбился. Барабаны, дудки, кимвалы звучали где-то далеко. Он ощутил в желудке странное кручение, будто земля неожиданно ушла из-под его ног, и вдруг ему показалось, что он стоит снаружи своего собственного тела, наблюдая, как он шагает плечом к плечу с почетной стражей. Увидеть себя марширующим весьма сбивало с толку. Гитантас начал падать.

Сильная рука поймала его за шею сзади. «Осторожно, парень», — произнес Планчет, удерживая его, — «Помни, где находишься!»

«Он здесь!» — задыхаясь, сказал Гитантас. — «Шпион-призрак, которого я видел в палатке Беседующего! Он у колодца, в коричневых лохмотьях!»

Планчет прищурился от солнца. «Но это не призрак. Я сам его вижу. Ты уверен?»

«Это он...»

Пока Гитантас фиксировал свой взгляд на земле, стараясь восстановить равновесие, Планчет снова посмотрел на грязную фигуру в коричневом. Тот был все еще там, отвернувшись от камердинера. Затем, в течение промежутка от одного удара сердца до другого, он исчез. Планчет моргнул и пристально посмотрел, но сгорбленный человек исчез. Камердинер покачал головой. Не нужно было обладать особым воображением, чтобы сообразить, что тот, скорее всего, был колдуном или магом. Возможно, даже самым таинственным Фитерусом.

«Ты так думаешь?» — спросил пришедший в себя Гитантас, и Планчет понял, что произнес это предположение вслух.

«Возможно», — ответил камердинер, подталкивая Гитантаса обратно на свое место в процессии.

Парад эльфов достиг площади перед Кхури ил Норм, где их уже ожидала дворцовая

стража Сахим-Хана во всех регалиях. Хотя им не доставало грации и стиля эльфов, ханская элита обладала своим собственным варварским величием. Отобранные по росту и телосложению, гвардейцы представляли собой внушительное зрелище в своих высоких остроконечных шлемах, сочлененных нагрудниках и плащах из шкур леопарда. Выстроившиеся в две группы у главных ворот крепости, стражники ударили о землю алебардами и крикнули: «Сахим-Хан!»

Эльфы остановились между группами кхурских солдат. Девушки и носители штандартов отошли в сторону, позволяя приблизиться остальной части процессии. Вскоре визирь Сахима, Зунда, приветствовал Гилтаса у входа во дворец. Реликт со времен дракона, Зунда сохранил за собой место визиря, будучи самым льстивым, самым подобоострастным придворных Кхури-Хана. Спадавшие на плечи кучерявые волосы явно были париком, а ровный черный цвет его искусно завитой бороды явно был следствием использования краски.

«Приветствую тебя, о Свет Эльфийских Наций!» — громко нараспев произнес Зунда, поклонившись так низко, как только позволил его живот. — «Великий Хан Всех Кхурцев, Лев Пустыни, Победитель Драконов, Сахим, сын Салаха, приветствует тебя!»

Гилтас на мгновение опустил глаза в знак признательности. Повинуясь его жесту, вперед выступил лорд Мориллон, чтобы ответить визирю.

«Благородный Беседующий с Солнцем и Звездами, Гилтас, из благородной фамилии, убедительно просит аудиенцию у Великого Хана». Сильванестиец в цветистости речи не собирался уступать какому-то там кхурцу.

«Выдающийся Сахим, Отец Кхура и Источник Справедливости, услышал о вашем приближении. Он просил меня, своего самого ничтожного визиря, сопроводить вас пред его внушающее трепет присутствие».

Все взгляды, за исключением Беседующего, переключились обратно на Мориллона.

Сильванестиец прижал руку к груди и склонил голову, снисходительно улыбаясь. «Милостивый визирь, мы благоговеем перед великодушием вашего Великого Хана. Я, Мориллон Амбрodelь, сын Кенталантаса Амбрodelя и советник Беседующего с Солнцем и Звездами, умоляю вас вести нас, и мы с признательностью предстанем пред присутствие вашего могущественного повелителя».

Все посмотрели обратно на Зунду. Это явно была борьба не на жизнь, а на смерть.

«Мое сердце переполняется, благородный Мориллон! Если бы я должен был погибнуть в этот момент, я бы умер в блаженном довольстве от знакомства с прославленными личностями моего Великого Хана, Сахима, сына Салаха, Беседующего с Солнцем и Звездами и вашим самым благородством! Вы должны проследовать, и его благоприятная аудиенция начнется!»

Зунда немедленно отступил, поклонившись три раза при отходе. Хамарамис отдал приказ, и почетная стража двинулась за ним.

Проходя мимо покрасневшего Мориллона, Гилтас прошептал: «Мне кажется, он победил».

Кхури ил Нор был все еще в плохой форме, хотя восстановительные работы продолжались днем и ночью. Внутренний двор был расчищен от завалов, но восстановленные фасады Нор-Хана и Ханства (личной резиденции Сахима) по-прежнему имели большие секции неглазурованного кирпича и необработанной древесины. Флаг Кхура с парой стоящих на задних лапах золотых драконов свисал с зубчатой стены Большой

Цитадели, медленно колыхаясь в горячем бризе. Он был протрясен когтями Малис, что придавало ему вид вымпела.

Вытянувшиеся стражники открыли тяжелые бронзовые двери. Воздух внутри крепости обладал приятной прохладой. На выходящей к морю стороне дворца огромные парусиновые рукава направляли морской бриз внутрь. Это охлаждало дворец и наполняло его запахом океана.

Нор-Хан был лабиринтом широких залов с высокими потолками и длинных невысоких коридоров. Частично это было сделано умышленно, чтобы запугать незваных гостей, но и также служило отражением изменчивой истории Кхура. Ханы при деньгах строили щедро. В отличие от бедных. Результатом явился сумасбродный дворец, успешно передвигаться по которому могли лишь опытные лакеи и придворные вроде Зунды.

Во время их странствия по залам Планчет заметил, что они во второй раз проходят под одной и той же областью осыпавшейся с потолка штукатурки. Он прошептал: «Сир, они водят нас по кругу».

Гилтас улыбнулся. «Сахим-Хану нужно время приготовить приветствие».

Когда Зунда, наконец, привел эльфийскую делегацию в зал приемов, Сахим сидел на Сапфировом Троне, ожидая их. На нем было роскошное платье из темно-синего шелка; по кайме были вышиты красные и золотые драконы. Его голову венчала красная корона Кхура, а его борода была расчесана и уложена в аккуратные завитки. Он широко улыбнулся, когда Зунда объявил Беседующего с Солнцем и Звездами.

«Брат мой!» — воскликнул он, вставая. — «Чем я обязан такой неоценимой чести?»

Гилтас остановился у подножья тронного возвышения. Он не поклонился. Как наследник двух старейших монархий в известном мире, он имел старшинство перед выскочками вроде Сахима. Однако протокол был не важнее дипломатии, поэтому он нашел способ воздать должное хозяину. Широким махом рук, Гилтас ухитрился выразить дух поклона, не выполняя его.

«Великий Хан, я пришел обсудить с вами нарастающее в вашем городе беспокойство», — произнес он. — «Как вам известно, моя супруга, леди Керансерай, подверглась нападению на Храмовом Пути. Двумя днями позже, толпа кхурцев взбунтовалась на рынках, ища эльфов, чтобы избить и убить».

«Ах, да», — Сахим сел обратно. — «Мне известны эти злоумышленники, и их ищут, чтобы покарать, даже сейчас».

Большинство в эльфийской делегации молча кипели от злости, видя, что их Беседующий вынужден стоять перед Ханом, словно обычный проситель. Со своей стороны Гилтас надел безликую маску, которую он так долго носил во время оккупации Квалиноста Маршалом Меданом.

«Кто эти люди? Преступники?»

«Теперь да!» — сказал Сахим и неприятно рассмеялся. — «Они фанатики, религиозные фанатики».

«Как мой народ задел их?»

«Всего лишь своим существованием, Великий Беседующий. Поклоняющиеся Торгану любят свою страну, но присутствие», — он едва не сказал *лэддэд*, — «эльфов в Кхуре кажется им оскорблением нации и их бога».

Этот обмен репликами между правителями, вежливый на поверхности, продолжался какое-то время. Беседующий пытался получить гарантии, что на его подданных больше не

будут нападать, в то время как Сахим уклонялся от любых обещаний. Планчет воспользовался этим временем, чтобы изучить обитателей тронного зала, тех, кого он мог видеть, не поворачивая головы. Сильнее всего бросалось в глаза отсутствие наследника Сахима. Принц Шоббат уже какое-то время не появлялся на публике. Ходили слухи, что он был совершенно болен. Вдоль стен комнаты выстроилась пестрое собрание кхурцев, горожан и кочевников. Знатных граждан Дельфона и Кортала можно было опознать по их характерным стилям: конические шапки с плоским верхом на дельфонцах и одеяния западного образца на жителях Кортала, территории, расположенной возле неракской границы.

«Некоторые из злодеев фактически уже признались», — произнес Хан, и внимание Планчета переключилось обратно на него. Учитывая используемые в подземельях Хана методы убеждения, его заключенные признаются в чем угодно.

«Они все до единого утверждают, что неприятности начались, когда эльфы заплатили за товары испорченными монетами».

Негромкий разговорный фон в зале стих. Сахим только что обвинил эльфов в распространении монет, изготовленных из менее качественных сплавов, а не из чистой стали, золота, серебра или меди. Тонкие брови Беседующего сдвинулись. Близко знакомые с ним распознали признаки нарастающего гнева.

«Я ничего не знаю об этом», — коротко сказал он.

Сахим наклонился вперед, его лицо выражало озабоченность. «Торговцы в Сууке рассудительны, но многие живут на грани разорения. Потерянный из-за плохих монет дневной заработок может означать голод для их семей. Мне сообщили, что весть о фальшивых монетах достигла сыновей Кровавого Стервятника, и они собрались заставить эльфов-злоумышленников расплатиться настоящим металлом». Он снова откинулся назад, широко разведя руки. «Увы! Они не могли отличить виновных от невиновных, и нападали на всех эльфов, которых нашли. Но будьте уверены, Великий Беседующий, проблема решена. Преступники заплатят своими головами».

Он объявил об этом с тем же непринужденным видом, с каким другой человек пообещал бы оказать небольшую услугу. Свита Беседующего стояла с мрачными выражениями лиц. Сахим, поклявшись наказать бунтовщиков, откровенно возложил ответственность за беспорядки на эльфов, и вызывал Беседующего возразить ему.

Губы Гилтаса тронула слабая улыбка. «Да свершится правосудие Могущественного Хана», — произнес он, слегка наклоняя голову. — «Могу я сделать предложение во имя добрых отношений между нашими народами?» Хан величественно махнул ему продолжать. «Позвольте мне возместить ущерб потерявшим деньги торговцам и семьям людей, которые предстанут пред вашим судом. Я сделаю это из своей собственной сокровищницы».

Заполнявшие пространство вдоль стен люди зашевелились и зашептались. Они не ожидали подобного.

Сахим-Хан, с другой стороны, не мог сдержать искажившую его лицо ухмылку. Он сиял, когда говорил, что великодушные Беседующего не будет напрасным.

«Вежливый грабей!» — думал Гитантас. Стоя на своем месте в рядах почетной стражи, он кипел от несправедливости того, что Беседующий должен платить за бунт, устроенный не эльфами. Сахим был грабителем в той же мере, как если бы держал острие ножа у горла Беседующего и требовал у того кошельки! И Гитантас не сомневался, что каждый кусок стали из так называемой компенсации осядет в карманах Хана.

Чтобы отвлечься от гнева, Гитантас принялся блуждать взглядом. Почетная стража была разделена на две шеренги, стоявшие лицом внутрь в сторону Беседующего. Гитантас находился справа от Беседующего и глядел на кхурцев по правую руку от Сахима, что толпились вдоль северной стены зала.

Рассматривая кхурцев, он надеялся увидеть среди них человека в лохмотьях, но тщетно. Он заметил лорда Хенгрифа. Хотя и облаченный в штатское, неракец было безошибочно узнаваем. Позади него стояли четверо более крупных людей. Как и Хенгриф, они были гладко выбриты и одеты в гражданские наряды. Гитантасу не составило труда понять, кто это были — личные телохранители рыцаря, и скорее всего, те же самые люди, что пытались схватить Гитантаса и Планчета прошлой ночью в Храме Элир-Саны.

Внезапно Хамарамис рывкнул команду. Почетная стража дружно развернулась лицом от трона. Беседующий слегка поклонился, и Хан медленно удалился. Аудиенция была окончена.

Эльфы покидали зал с гордым достоинством, но каждое сердце пылало от стыда, и челюсти у всех были стиснуты. Только Беседующий выглядел спокойным. Он произнес несколько слов своему камердинеру. Гневный румянец на лице Планчета остыл. Он послушно кивнул и удалился от Беседующего.

Снаружи, музыканты, придворные и носители штандартов начали снова выстраиваться. Гитантас занял было свое место в хвосте почетной стражи, но был отозван в сторону.

Планчет сунул ему кхурское платье и прошипел: «Избавься от своих доспехов и надень это. Ты остаешься в городе».

Капитан знал, зачем: отыскать Фитеруса. Расстегивая нагрудник под прикрытием толпы соотечественников, он прошептал: «Что мне делать, если я найду его?»

«Отправь сообщение. Об остальном мы позаботимся». Затем Планчет добавил: «Этим сообщением будет „Орлиный Глаз“. Это будет означать, что ты нашел колдуна».

Гитантас натянул через голову платье. Оно воняло, словно его только что сняли с предыдущего владельца. С натянутой на уши шляпой, и опустив подбородок, чтобы скрыть безволосые щеки, он выскользнул из рядов своих товарищей.

Исследование карманов платья принесло плоды в виде кошелька с двадцатью стальными монетами, осязаемой суммой. Ее должно быть достаточно, чтобы купить нужную ему информацию.

* * *

Один из передовых разведчиков галопом вернулся назад, копыта его лошади громко цокали по каменистой почве. Хотя квалинестиец не произнес ни слова, пока не остановил своего скакуна перед ней, по его лицу было видно, что ему повезло.

«Я нашел проход, Генерал! Вход в долину!»

Он подтвердил идентифицирующие вехи, которые Кериан запомнила по карте Гилтаса. Три покрытые снегом вершины были здесь, выстроившиеся в ряд. Никакие следы не вели внутрь или из прохода.

Кериан испытала облегчение. Она и не думала, что кочевники с ними уже закончили, но, по крайней мере, они не добрались первыми до прохода. Песчаный зверь также не давал ей покоя. Нельзя было сказать, когда эта тварь снова может появиться.

Пока разведчик и его тяжело дышавшая лошадь утоляли жажду, она переключилась на другую важную задачу. Пришло время известить Гилтаса об их успехах. Солнце в вечернем небе было уже низко, но она не хотела ждать до утра, чтобы отправить гонца.

Для возвращения в Кхуриност с составленным ей отчетом она выбрала крепкого кагонестийца по имени Рыжий Ястреб. Запечатанные письма были вложены в кожаный чехол, который кагонестиец повесил на шею. Она протянула ему последнее письмо, плоский сверток, завернутый в промасленную ткань и запечатанный воском.

«Это», — сказала она, — «лично для Беседующего. И ни для кого другого. Остальные послания можно передать Планчету или Хамарамису, но это не должно попасть ни в чьи руки, кроме Гилтаса Следопыта».

Рыжий Ястреб поклялся в точности выполнить поручение. Положив руку в синей татуировке на чехол на шее, он дал обет: «Покуда я жив, я не выпущу его». Никто лучше нее не знал значимость данного диковатым эльфом обязательства.

Когда Рыжий Ястреб скрылся за горизонтом в клубах пыли, она переключила свое внимание обратно на квалинестийского разведчика.

«Веди нас к входу в проход. Мы разобьем там лагерь на ночь».

Колонна двинулась дальше с квалинестийцем во главе.

Вдали виднелись три горные вершины, заслонявшие весь дальнейший путь. Кериан изумленно разглядывала их снежные вершины. Она даже не могла вспомнить, когда в последний раз видела снег.

Когда колонна вошла в устье прохода, последний лучик солнца исчез за западной грядой слева от них. Как только свет исчез, температура резко пошла вниз, заставляя дрожащих всадников кутаться в давно не использовавшиеся плащи. На самом деле, было не так уж холодно, но после пекла Высокого Плато, воздух казался ледяным.

В проходе было тихо. Ветер, обдувавший эльфов с тех пор, как впервые показались Халкистские Горы, стих. Хотя вокруг было больше растительности — карликовых сосен и искривленного можжевельника, колючего кустарника и шипастых алоэ — местность казалась странно безжизненной. Единственным слышимым звуком был стук по гальке копыт их лошадей. Ни птицы не щебетали с деревьев, ни насекомые не жужжали.

Цвета изменились. Для эльфийских глаз пустыня была скучной, целиком желтой, коричневой и серой, и увенчанной вечно голубым неестественно плоским безоблачным небом. У устья Инас-Вакенти палитра пейзажа получила едва уловимые оттенки. Склоны гор мягко окрашивались багровыми и синими тонами. Темно-зеленые сосны высились над более светлым можжевельником. Пятна мхов и лишайников окрашивали камни серебристо-серым или зеленым цветом, интенсивным, как популярный в Кхури-Хане лайм.

Кериан все это не нравилось. Когда долина была всего лишь точкой на карте, у нее было множество причин не хотеть отправляться сюда, и еще меньше — жить здесь. Теперь, когда все это стало реальностью, когда она оказалась здесь, ее неприятие только усилилось. Само это место ощущалось неправильным. Каким-то испорченным.

Не одна единственная заметила это. Фаваронас плотнее закутался в плащ. «Ощущение, словно на кладбище», — пробормотал он, бросая взгляды налево и направо.

Эльфы произвольно замедлили шаг. Они прошли сквозь огненное горнило Высокого Плато, теряя многих в своих рядах из-за кочевников, песчаного зверя, теплового удара и, наконец, когда достигли своей цели, никто не ощущал радости. Никто не улыбался. Как и Фаваронас, все неуверенно осматривались, не упиваясь зрелищем своей сказочной точки

назначения, а внимательно оглядывая ее с подозрением. Разговоры стихли. У всех на лице читалась одна мысль: Что это за место?

«Генерал! Следы!»

Кериан стряхнула похоронное настроение и пустила своего скакуна рысью. Всадники авангарда обнаружили область с отпечатками. Лошади пересекли планировавшийся маршрут эльфов, слева направо. Кериан спешила и присоединилась к разведчикам, став на колени, изучая следы.

«Маленькие копыта. Неподкованные», — обратила она внимание.

«Пони кочевников», — согласился разведчик из диковатых эльфов. — «Множество».

«Как давно?»

Он поднес свое загорелое лицо чуть ли не вплотную к следам, затем поднял пригоршню растоптанной грязи, помял ее и пропустил сквозь пальцы. «Полдня или меньше, но больше часа», — подсчитал он.

Так старались опередить кочевников к проходу, с сожалением подумала она. Кериан поднялась. Фаваронас приблизился, ведя ее лошадь. Он спросил, что они нашли.

«Кочевники», — ответила она. — «Вероятно, те же самые, с которыми мы уже дважды дрались».

«Почему? Мы больше не в их пустыне», — раздраженно произнес архивариус.

«Чтобы не пустить нас в долину». Сумерки наступили и прошли. Над головой появились звезды. Кериан обнаружила, что даже ей с ее острым зрением трудно разглядеть тени впереди. Внезапная дрожь пробежала у нее по спине, и она пробормотала: «Я почти желаю, чтобы они там были».

Волчий вой пронзил воздух. Немедленно ему ответили другие впереди и позади эльфов. Мрачное расположение духа Кериан как рукой сняло.

«Седлать коней!» — крикнула она, вытаскивая меч.

Фаваронас выполнил ее приказ, но не видел необходимости в такой тревоге. Вне всякого сомнения, даже большая волчья стая не станет атаковать колонну вооруженных эльфов.

Львица сердито посмотрела на него. «Это не волки, библиотекарь! Нас атакуют враги!»

Легким галопом приблизились ее офицеры, остальной отряд подтянулся.

«Немедленно стройте своих всадников!» — приказала она.

Нерешительность Фаваронаса внезапно испарилась, когда с темного неба посыпался град стрел. Волчий крик был сигналом кочевников.

Львица с сотней всадников двинулась по покатому склону на восток, разыскивая прячущихся лучников. Земля была изрезана глубокими канавами во время зимних дождей. Кочевники затаились в этих расщелинах, поднимая головы только чтобы выпустить стрелу, и снова ныряя в укрытие. Конным эльфам пришлось низко свешиваться, чтобы рубить саблями врага, но через несколько минут они обратили лучников в бегство. Победно ликуя, они, было, бросились в погоню за бегущими людьми, но Львица позвала их обратно.

Вернувшись к основному отряду воинов, она неподвижно сидела в седле, поднимая голову, напряженно вслушиваясь в малейший шорох. Она поделила свое внимание между севером и югом. Либо с одного, либо с другого направления пойдет основная атака. Она начала понимать замысел кочевников. Практически единственной их тактикой был ложный удар из засады. Волчий вой и град стрел должны были внушить страх, чтобы приковать внимание врага к одному направлению, в то время как основная атака состоится с какой-либо другой

стороны. В данном месте проход был слишком широк для удара с запада; он будет нанесен либо с севера, прямо впереди, либо с юга.

«Будьте начеку», — призвала она. — «Наблюдайте за тенями».

С севера послышался грохот приближающихся лошадей. Львица рассредоточила свой маленький отряд в строй для стрельбы, каждый всадник в двух — двух с половиной метрах от своего соседа. По звуку приближения врага она прикинула, что ей противостоит отряд по размеру чуть больше ее собственного.

Остальные в строю сделали те же самые мысленные расчеты. Взволнованный голос спросил: «Мы будем просто сидя встречать их атаку?»

«Если только вы не собираетесь умереть сегодня ночью», — ответила Львица. Она была уверена, что это был еще один отвлекающий маневр. Основная атака все еще не наблюдалась.

Темная масса всадников появилась на севере. Кочевники были вытянуты в длинную тонкую линию, охватывавшую границы компактного строя эльфов. К счастью, неровная земля не дала кхурцам возможность нанести удар на полном скаку. Им пришлось выбирать путь вокруг трещин в земле и небольших деревьев, затем пробираться небольшими группками по крутым склонам оврагов. Повинуясь твердой руке Львицы, эльфы ждали. Когда первые кочевники добрались до ровного участка, она приказала половине своего отряда атаковать. Началась жаркая схватка, эльфы по частям громили кхурцев по мере их появления. Это эффективно свело на нет численное преимущество кочевников.

Бой продолжался, кхурцы и эльфы крутились и вертелись на земле, а звезды над их головами продолжали свой собственный медленный марш между горными пиками. К Львице приблизился всадник. Он доложил, что большой отряд кочевников приближается с юга.

Она почувствовала какое-то облегчение. По крайней мере, ожидание было окончено. «Сколько?» — спросила она.

«Трудно сказать, Генерал. Три сотни, может, больше».

Она отослала его обратно к его товарищам. Три сотни кочевников против меньше сотни ее солдат, ожидавших их нападения. Даже с учетом преимущества темноты, внушительный перевес.

Окружавшие ее эльфы молча следили за ней. Ветераны, бывшие с ней с дней восстания в Квалинесте, сидели так же неподвижно, как и она. Более молодые воины нервно ерзали. Так как она была Львицей — восхищение ей было на грани поклонения, тем не менее, она была первой среди равных — один заговорил, спрашивая, какими будут ее приказания.

Она обратила на него задумчивый взгляд. «Кто несет наш огонь?» — спросила она.

Определенные эльфы в отряде отвечали за перевозку живых углей в глиняных горшочках. От них каждую ночь разжигались лагерные костры. Молодой эльф не понял, зачем Львица спрашивает об этом теперь, но он ответил после короткой озадаченной паузы: «Наш огонь, Генерал, у сержанта Витиантуса».

Она знала Витиантуса. Сильванестийский доброволец, бывший объездчик лошадей и грациозный наездник.

«Скажите сержанту, мне нужен огонь — много огня». Повернувшись в седле, она указала на рожицу кедров в сорока метрах от них, на правом фланге. «Пусть он подожжет эти деревья».

Молодой эльф отсалютовал и унесся галопом.

«Всем оставаться на своих местах», — приказала Керриан. По ее команде мечи были обнажены и покоились на плечах.

Сержант Витиантус с небольшой группой отделился от отряда и понесся галопом к кедровой рощице. Долгое время ничего не было видно, затем острое эльфийское зрение заметило поднимающийся дым, едва видимый в ночном небе. Сладкий дымок от горящих кедров потянулся над неподвижными воинами. Забился оранжевый язычок пламени. За ним другой.

У основного отряда кочевников, неуклонно приближавшегося с юга, вид огня вызвал потрясение. Передовые силы племени Адалы заколебались, не понимая, что происходит. Адала, сидя верхом на своем осле, увидела колышущиеся языки пламени и пожала плечами.

«Тем лучше. Огонь поможет увидеть *лэддэд* и убить их».

Гварали, которому была оказана честь возглавить атаку, согласился с ней. Пылающие деревья отчетливо высветили размахивавших горящими факелами конных эльфов. Это казалось тщетным поступком. Деревьев было слишком мало, чтобы вызвать пожар, достаточно большой для сдерживания отряда кочевников. Все, чего добились отчаявшиеся эльфы, это лишь осветили свое собственное уничтожение.

Он вытащил меч и издал новый боевой клич: «Маита Адалы!»

Сотни голосов эхом подхватили его, когда Гварали повел своих людей вперед. Они благоразумно не устремились галопом на врага, а поскакали быстрой рысью. Они видели, как разжегшие пожар эльфы удалялись от пылающей рощицы, и, естественно, направились к видимому врагу.

Когда кочевники двигались вдоль кромки пламени, треск горящего дерева и кипящего сока скрыли другие звуки. Вейя-Лу так и не услышали град стрел, опустошивший двадцать их седел.

«Откуда они были выпущены?» — закричал Гварали. Поджигатели были все еще на виду, скача галопом на север.

Никто не мог дать ему ответ. Накатила еще одна волна стрел. Это не был залп наудачу, выпущенный в сторону кхурцев. Каждый снаряд нашел свою мишень; стрелы были точно нацелены. Были поражены даже кочевники, не приближавшиеся к огню и не подсвеченные им.

Ответ пришел к Гварали, словно удар молнии: *Лэддэд* могут видеть в темноте!

Он крикнул предупреждение. Оно эхом пронеслось по рядам, и Вейя-Лу дрогнули. Гварали проревел: «А еще они могут умирать в темноте! Поднять мечи!»

Снова прилетели стрелы, косою проходя по освещенному светом звезд пейзажу, каждая волна сваливала людей и лошадей. Гварали резко натянул поводья, заставив пони встать на дыбы. Он проревел: «Вы оставите неотмщенными свои убитые семьи? Ваши отцы и братья погибли в бою ни за что? Мужчины вы или нет?»

Спины выпрямились, кровь вскипела. Вейя-Лу подняли высоко мечи и изготовились к атаке.

«Верьте в вашу маита, сыновья песков! Следуйте за мной! За ваших богов! За...»

Точно выпущенная стрела оборвала воодушевляющий крик Гварали. Острие глубоко вошло ему в левый глаз. Предводитель кочевников был мертв еще до того, как свалился с лошади.

Львица с удовлетворением наблюдала, как захлебнулась атака Вейя-Лу. Огонь сработал даже лучше, чем она надеялась. Разжегши его на своем правом фланге, эльфы привлекли

туда кочевников. Пламя было недостаточно сильным, чтобы осветить людям поле боя — фактически, близость к нему отобрала и то слабое ночное зрение, что у них было — в то время как эльфы, со своим острым зрением, четко видели всадников кочевников.

Не было времени праздновать. Огонь стихал. Искусанные стрелами эльфов, кочевники, скорее всего, вернуться со всем, что у них есть. Пришло время уходить. Она с лучниками воссоединилась с северной половиной своей армии. И у них были пустые седла. Это не был боем всадников, пробираться на ощупь по оврагам с лучниками наверху.

Согласно карте Гилтаса, проход где-то через милю сужался. Кериан решила, что им следует выдвинуться и стать там.

Шум приближающегося сзади врага нарастал. Сомкнутым строем эльфы направились прямо по центру прохода. Фаваронас держался близко к Львице. С ее удачей и тактическим мастерством, он надеялся, что они еще могут избежать погони кочевников.

Адала спокойно восприняла потерю Гварали. Теперь фланговых всадников вел Билат, брат покойного мужа Адалы. Племянник Гварали, Биндас, занял место своего дяди во главе южного отряда. Поддерживаемые спокойной убежденностью Вейядан, воины Вейя-Лу снова двинулись вперед, жаждая встретиться с *лэддэд*.

На скалистом пике в двух милях от них песчаный зверь поднял голову и принялся к ветру. Его добыча была близка, и в большом количестве. Зуд в его железных когтях скоро будет смягчен эльфийской кровью. Он собрался для прыжка. На его пути были люди, но они не будут помехой. Один стремительный рывок, и все эльфы будут мертвы, затем жжение в его сердце утихнет. Один рывок, и все будет кончено...

Новый запах, принесенный восточным ветром, раздражил его ноздри. Песчаный зверь замер. Запах был знакомым, старые воспоминания, те, которые вызывают дрожь чешуи на спине от страха.

Странная трель прорезала ночь. Высоко наверху темный объект заслонил звезды.

Кериан услышала ее сквозь топот и звон передвижения ее солдат. Едва веря своим ушам, она посмотрела в небо.

«Орлиный Глаз!»

Фаваронас, скакавший немного впереди ее, попытался оглянуться, удерживаясь в седле. «Что?»

«Мой грифон! Это его крик! Я знаю его так же хорошо, как свой собственный голос!»

Она понятия не имела, как здесь мог оказаться Орлиный Глаз, когда она оставила его в Кхуриносте, но зов грифона был безошибочен. Привстав в стременах, она пронзительно свистнула. К ее радости, Орлиный Глаз ответил, уже ближе.

Когда визгливая трель раздалась во второй раз, песчаный зверь рванул. Даже столь сильная жажда охоты на эльфов не могла побороть первобытный страх, внушаемый голосом его естественного врага. Спустившись с холма одним огромным прыжком, песчаный зверь опустил голову, врезался в противоположный склон и немедленно принялся зарываться. Он продирался сквозь пластины сланца также легко, как ребенок копает в песке. Еще до того, как тень грифона пересекла холм, где до этого находился песчаный зверь, он полностью зарылся, замерев как камни вокруг него.

Львица остановилась, а следом за ней и ее воины. Теперь они видели движущийся в небе черный силуэт грифона. Кериан сложила ладони вокруг рта и снова свистнула.

Грифон быстро спустился, маша крыльями, и завис над эльфами. Им было не до этого зрелища; все были слишком заняты, стараясь сдерживать своих брыкавшихся лошадей.

Кериан решила для себя эту дилемму, спрыгнув с седла. Спешившись, она подняла руку и позвала грифона по имени. Орлиный Глаз, полностью игнорируя воцарившийся вокруг него хаос, приземлился рядом с ней и опустил свой крючковатый клюв, сунув его ей под руку, словно домашняя певчая птичка.

«Ах ты, старый монстр», — любовно произнесла она. — «Я тоже рада тебя видеть. Ты как нельзя вовремя!»

Крик нарушил эту сцену встречи. Фаваронас, ведущий неравную борьбу со своей обезумевшей от ужаса лошадью, пронзительно завопил: «Кочевники приближаются!»

Основной отряд кочевников был ясно виден в двухстах метрах от них. Их продвижение с юга временно застопорилось, так как им тоже пришлось бороться с перепуганными скакунами. Второй отряд кочевников на востоке также задержался. Кериан прикинула, что осталось порядка четырехсот кхурцев.

«Строиться! Строиться!» — приказала она, запрыгивая на спину грифона. Через мгновение она уже была в воздухе, мускулистое тело Орлиного Глаза подняло их с захватывавшей дух стремительностью. Кериан повернула его голову в сторону большего (и ближайшего) южного отряда кочевников, крикнув эльфам: «В долину — галопом! Нельзя терять время!»

Ее воины образовали строй для скачки. Хлестнули поводья и шпоры вонзились в бока. Они ринулись на север. Справа от них, второй отряд кхурцев устремился им наперерез. Так как Львице пришлось сначала сосредоточиться на южных кочевниках, восточный отряд начал восстанавливать контроль над своими лошадьми.

Орлиный Глаз так низко пролетел над конными кочевниками, что Кериан могла сапогом сбить с них шапки. Вместо этого она пригнулась к шее своего зверя. Не хватало получить стрелу от остроглазого лучника кочевников. Визгливые крики грифона приводили лошадей в безумие. Их всадники едва ли выглядели более спокойными. Люди на пути Орлиного Глаза валялись со своих скакунов.

Орлиный Глаз заложил вираж, усиленно хлопая крыльями, чтобы набрать высоту, и взмыл над картиной образовавшегося хаоса. Кериан нацелилась присоединиться к своему отступающему отряду. Ракурс с высоты птичьего полета показал ей неприятную ситуацию.

Фланговым кочевникам, во весь опор скакавшим с востока, удалось оказаться перед ее эльфами. Она зарычала от досады; ловушка, которой она опасалась, захлопнулась. Кочевники были впереди и, хоть и смешавшие ряды, позади. Их единственным шансом на спасение была Инас-Вакенти, где у них было бы достаточно места для маневра — и чтобы укрыться.

Она догнала свой уменьшившийся отряд и полетела высоко над ними. «Всем извлечь мечи!» — крикнула она. Чуть больше трех сотен клинков взвились в унисон. «Вперед! Не мешкать! Если люди окажутся на вашем пути, разите их, но не останавливайтесь для боя. Давайте!»

Сапог к сапогу, эльфийский клин ударил лоб в лоб кочевников. Эльфы, опытные ветераны на более высоких, более тяжелых лошадях, прорезали разомкнутый строй кочевников, обмениваясь ударами мечей по мере продвижения. Билат попытался удержать своих людей, как приказала Адала, но эльфам невозможно было помешать. Сам Билат получил резкий удар в висок. Второй удар прикончил бы его, но эльфийский воин проскакал дальше, не задерживаясь.

На южном фронте ведомые Биндасом Вейя-Лу быстро приближались. Их пустынные

пони были закаленными, и страх животных проходил по мере привыкания к странному запаху грифона. Невозмутимый осел Адалы и не поддавался ужасу. Глядя на грифона, Адала объявила, что странный летающий зверь — это знак. Против них восстали чудовища из Бездны, сказала она своим восторженным последователям. Злобные *лэддэд* думали запугать их, но Торган Мститель укрепил правые руки Вейя-Лу и закалил их сердца. Вейя-Лу закричали: «Маита Адалы!» И затем галопом ринулись вперед.

Скача возле Вейядан, Вапа неуверенно косился на грифона. Он узнал в нем ассоциировавшееся с сильванестийцами существо и не вполне понимал, как оно может быть знаком Тех, кто Наверху и чудовищем, призванным *лэддэд* против народа пустыни.

Пожав плечами, он решил, что это как раз еще один пример того, что случается, когда человек отклоняется от четких границ пустыни. Здесь горы пронзают небо, вызывая путаницу.

Грифон вернулся, зависнув на пути отряда кочевников. Адала дернула поводья Маленькой Колючки, останавливая осла. Ее воины тоже остановились.

«Убирайся, чудовище!» — закричала грифону Адала. — «Возвращайся в нечестивые земли своих предков!»

«Это как раз то, что я планирую сделать!» — произнес голос со спины существа, и в Адалу полетел дротик.

Мать Вейя-Лу не тронулась с места. Дротик ударился в землю в нескольких метрах впереди копыт Маленькой Колючки, его железный наконечник на пятнадцать сантиметров вошел в твердую почву. Древяно завибрировало от силы броска. Грифон описал дугу и унесся в ночь.

Из головы отряда кочевников прискакал Этош.

«Вейядан, *лэддэд* входят в долину! Мы потерпели неудачу!»

Гнев, который ощутила Адала, услышав голос *лэддэд*, стих. Ее лицо вновь приобрело свое снисходительное выражение. «Все хорошо, брат. Они вошли в священную долину, но там они и сгинут».

Племя, сказала она, расположится лагерем здесь, блокируя единственный выход из долины. Когда *лэддэд* попытаются сбежать, они будут уничтожены. Она пустила вперед Маленькую Колючку, схватила дротик и выдернула его из земли. Вапа подъехал к ней, пока она изучала оружие.

«Нам не следует оставаться здесь, Вейядан», — сказал он. — «Эта земля нехорошая. Четкие грани стерлись. Неестественные вещи происходят».

«Мы должны остаться. Этого требует наша земля и наша честь». — Она подняла взгляд на него, более высокого на своем пони, и добавила: «Кузен, у меня было новое видение нашего пути. Недостаточно изгнать чужеземцев из долины. Когда с *лэддэд* здесь будет покончено, мы поднимем племена, все племена Кхура, и поведем их в Кхури-Хан. Мы и там тоже покончим с *лэддэд*».

Она протянула ему дротик, и развернула свое животное. Он слегка коснулся наконечника тонкого копья; тот был достаточно острым, чтобы порезать ему палец. Если бы он попал в Вейядан, то легко бы пронзил ее насквозь. Завернув острый наконечник в кусочек защитной ткани, Вапа привязал дротик позади седла. Кочевники не были расточительными.

В четырех милях от них, Львица посадила Орлиного Глаза достаточно далеко впереди своих воинов, чтобы их лошади не сходили с ума. Они натянули поводья. Эльфы и лошади тяжело дышали. Ее офицеры и Фаваронас пешком присоединились к ней рядом с грифоном.

«Они не последовали за нами», — сказала она. — «Я думаю, они опасаются — долины или Орлиного Глаза, не уверена точно, чего».

Фаваронас сказал: «Какая удача, что твой зверь нашел нас. Я думал, время подобных чудес прошло!»

Кериан тоже была удивлена умом грифона. Когда лихорадка боя осталась позади, она поняла, каким странным было появление Орлиного Глаза, оседланным, с оружием, таким как колчан дротиков, на месте. Она несомненно не оставляла его в стойле в таком виде.

Ответ на загадку был спрятан внутри колчана с дротиками. Это был свернутый листок пергамента, послание на котором убедило ее, что чудеса не шли ни в какое сравнение с повседневной силой любви.

Думаю, тебе может понадобиться друг, гласила записка. Она была подписана просто, «Г.»

Са'ида, в окружении напевавших жриц-целительниц, стояла у постели принца Шоббата. Она окунула палец в масло, гревшееся в неглубокой медной кастрюльке, и начертала у него на лбу печать Элир-Саны.

Верховная жрица была с красными глазами и осунувшаяся от усилий. Наступила кульминация трехдневной работы по плетению великого целительного заклинания вокруг помешавшегося принца. Меньшие снадобья и заклинания не смогли восстановить пошатнувшийся рассудок Шоббата, равно как и излечить его слепоту, хотя его дикий бред прекратился, и остановились неконтролируемые судороги. Он напряженный лежал в своей кровати с закрытыми глазами. У Са'иды не оставалось выбора, кроме как применить самое мощное, самое трудное из известных ей заклинаний.

Служители и жрицы работали посменно, новые прибывали во дворец каждые шесть часов, чтобы сменить своих предшественников. Напев без перерыва продолжался три дня. Жглись благовония и фимиам, и искусные рисунки в желтых тонах покрыли стены и пол спальни принца. Рисунки образовывали огромную невидимую воронку, через которую могла струиться целительная сила богини. Шоббат лежал в центре этой воронки, с зажатой в стиснутых зубах толстой полоской кожи, чтобы они не сломались от напряжения.

Напевавшие жрицы приходили и уходили по установленному расписанию, но Са'ида не сходила с места. Она единственная была незаменимой. Три дня и три ночи она не спала. Ей лишь однажды прежде доводилось использовать это великое целительное заклинание, но никто из жриц не знал подробностей; Са'ида никогда не обсуждала это.

Напев неожиданно прекратился.

«Тени болезни, оставьте этого человека!» — торжественно велела она. — «Страждущий, исцелись!»

Долгие три удара сердца никто не шевелился. Казалось, само время замерло в комнате. Затем Шоббат глубоко вздохнул, этот звук эхом разнесся в тишине. Его напряженное тело обмякло. Его глаза открылись. Он несколько раз моргнул, оглядываясь вокруг, словно окружение было ему незнакомо.

«Я умер?» — проскрипел он.

«Еще нет».

Са'ида отошла, чтобы отправить весть Сахим-Хану, что его сын исцелился.

Лежа на кровати, Шоббат поднял к лицу руку. Он и правда, здесь? Он дома, в Кхури-Хане? Пожиривший его рассудок огонь исчез, но воспоминания о том, что он видел в пещере Оракула, остались. Монстры — животные с головами людей и люди с головами животных — вышли из теней и окружили его. Они называли его имя, говоря, что он один из них. И внезапно он понял, что это была правда. Его руки и ноги превратились в тонкие лапы. Сквозь его кожу пробился мех, и во рту он ощутил вкус мертвечины.

Шакал! — кричали на него уродливые монстры. — *Ты один из нас!*

Вошел Сахим-Хан. Облаченный в простой белый геб, без короны на темной голове, он выглядел как любой обеспокоенный отец у постели своего больного ребенка.

«Сын мой», — тихо произнес он. — «Узнаешь меня?»

«Ты мой повелитель, Сахим, Хан Всех Кхурцев», — прошептал Шоббат, крайняя усталость смыкала его веки.

Сахим повернулся к Са'иде, стоявшей между двумя жрицами. Было очевидно, что она тоже крайне устала.

«У вас признательность отца, святейшая госпожа», — сказал он. — «Какую бы цену вы не назвали, я заплачу с радостью».

Их прервал тихий храп Шоббата, и Сахим-Хан протянул руку верховной жрице. Она взяла его под руку и вышла с ним через дверь, что вела в личную гостиную принца. В тишине ряды жриц Элир-Саны отбыли через другой выход.

Гостиная была роскошной, местом проведения множества пирушек принца. Сахим сопровождал верховную жрицу к большому креслу и настоял, чтобы она присела. Слабая от усталости, Са'ида подчинилась. Строгий белый шелк ее церемониального платья резко контрастировал с малиновой, пурпурной и золотой шерстяной парчой кресла.

«Могущественный Хан», — начала она, тут ей пришлось прочистить горло и начать снова. Она очень сильно хотела пить, но сперва следовало позаботиться о других вещах. — «Могущественный, я уверена, что это не обычная болезнь поразила вашего сына».

Брови Сахима нахмурились в зловещем взгляде. «Яд? Проклятие?»

«Нет, сир. Причиной болезни стал он сам». — Рот Сахима открылся, но Са'ида продолжила без паузы. — «Некие деяния принца Шоббата спровоцировали у него приступ безумия».

Его удивление ослабело, и он казался сомневающимся. «Шоббат, конечно, не аскет, но сомневаюсь, что он совершил бы деяние достаточно грязное, чтобы свести его с ума!»

«Не грязное деяние, не нечестивое». — Кресло было глубоким и плюшевым. Са'ида заставляла себя сидеть строго вертикально; малейшее притупление ее бдительности, и она проиграет битву с усталостью, облепившую ее конечности, точно плотный песок. Хан мало сталкивался с кхурскими или чужеземными богами, и он все еще казался убежденным. Она знала, что должна очень тщательно подбирать слова.

«Принц Шоббат увидел вещи, о которых смертным не следует знать», — медленно произнесла она. «Что это могло быть», — она пожала плечами, — «не могу сказать, Могущественный Хан».

Сахим отмахнулся от этих непонятных материй, пообещав обсудить это с Шоббатом, когда тот окрепнет. Если его наследник баловался магией, Сахим быстро излечит его от подобного дурацкого любопытства.

Он вернулся к вопросу оплаты, умоляя святую жрицу назвать свое вознаграждение. Его сундуки были полны стали и золота, благодаря любезности его жильцов, *лэддэд*. Наедине со своими близкими друзьями, Сахиму нравилось хвастаться, что он самый высокооплачиваемый арендодатель в мире.

«Мы не стяжаем богатства в своем храме, Великий Хан. Но есть просьба, которую ты можешь для нас удовлетворить».

Он ухмыльнулся, широко разведя руками. «Поведай мне, возлюбленная богини».

«Положи конец насилию против эльфов».

Он моргнул, захваченный врасплох. «Каким образом тебя касается судьба *лэддэд*?»

Она рассказала ему об интересе Беседующего к Долине Голубых Песков и о миссии Львицы выяснить, пригодна ли для жилья сказочная долина. Когда она закончила, ее голос был едва слышен. Она терпеливо ждала.

Хан удивил ее, взорвавшись смехом.

«Место, где говорят животные, и камни вырастают из земли, точно пальмы?» — Он

фыркнул, цитируя легенды. — «Прекрасно! Пусть идут туда! Это подходящее для них место!»

Его бурная радость заставила Са'иду болезненно вздрогнуть. За ее глазами собиралась очень сильная головная боль. Закрыв их, она прошептала: «Окажите мне эту любезность, Могущественный Хан. Оберегайте *лэддэд*, пока они пребывают здесь. Темные силы собираются вокруг вас, ища способ уничтожить их. Не заключайте с ними сделок».

На этот раз его смех был сардоническим. «Ты имеешь в виду рыцарей? Или заморских быколодей? Да, все эти „темные силы“ разыскивают меня. Каждый желает уничтожить *лэддэд* ради своей собственной безопасности. Я принимаю их дары, если они мне нравятся». Его черные глаза приобрели жесткость, и он больше не был благодарным отцом. В мантии и короне или без, он был Ханом Всех Кхурцев, который стоял теперь, глядя на жрицу сверху вниз. «Но я правлю Кхуром, а не те, другие. Народ Гилтаса может полагаться на мою защиту так долго, пока мне доставляет удовольствие охранять их. Пожалуйста, решайте вопросы со своей богиней, святейшая госпожа, и оставьте политику мне».

Са'ида сухо встала, поклонилась и отбыла.

Хан наблюдал, как она уходит, затем занял кресло, которое она только что освободила. Са'ида была весьма ценна для Кхура, а он был не из тех, кто разбрасывается ценностями, но ее просьба вызвала у него затруднение. Кроме определенного завистливого восхищения стойкостью Беседующего и высокой оценки эльфийских манер, Сахима мало волновала окончательная судьба эльфов. Он не был другом ни неракцам, ни минотаврам. Он хорошо знал, что как только эльфы уберутся, аппетиты его соседей быстро переключатся на Кхур. При всей своей пустынности, земли Сахима граничили со многими жизненно важными районами. Флот с доступом к его побережью сможет доминировать в Балифорском Заливе. Сотни миль пустыни воздвигли грозный барьер против пытавшихся попасть в Нераку с севера минотавров, равно как и против рыцарей, которые лезли с юга в изобильные земли удерживаемого минотаврами Сильванести.

Беседующий с Солнцем и Звездами был временной ценностью, изящной марионеткой, отвлекающей назойливых рыцарей и держащей под контролем быколодей.

Эта история с Долиной Голубых Песков ничуть не беспокоила его. Да, было бы проще присматривать за эльфами под стенами Кхури-Хана, но если они выберут бегство в удаленную горную долину, окруженную худшей пустыней королевства, то это будет вполне приемлемо. Если *лэддэд* обростут жирком в новом месте, тем лучше. С жирной овцы стригут густую шерсть, как гласит пословица кочевников. Возможно, со временем Сахим сможет сделать Беседующего с Солнцем и Звездами настоящим вассалом Кхура. Разве не сделал он это (по большей части) с кочевниками? Эльфы не могут быть более гордыми и надменными, чем пустынные племена. Так что это неракцам и минотаврам нужно быть деликатными! Все будут со страхом произносить имя Сахим-Хана!

Размышления о своих кочевых подданных были для Сахима словно песчинки в чаше изысканного вина. Жалкие фанатики, все они! Они все в большом количестве проскальзывали в город, вели переговоры с негодяем Миноком и выходили, чтобы досаждать и убивать *лэддэд* во имя своего отвратительного бога. Или, может быть, во имя Темного Ордена.

В проходе в спальню принца Шоббата появился слуга. Он держал поднос, уставленный розовой водой, тонким бельем и сладким вином.

«Убирайся; я не вызывал тебя», — раздраженно произнес Сахим.

«Нет, Могущественный Хан. Пожалуйста, простите за это вторжение. Меня вызвали ждать у принца Шоббата, но его нет в комнате. Я подумал, может быть...» Слуга с надеждой оглядел гостиную, пустую, за исключением Хана.

Сахим отпихнул лакея и вошел в спальню. Час был поздний, уже за полночь, и единственными горевшими были три свечи на подставке у кровати — пустой кровати. Смятый в пятнах от пота халат Шоббата валялся на полу. Слуга говорил правду: Принца не было ни здесь, ни в уборной при его комнате.

Хан упер кулаки в бедра. Он думал, мальчик проспал неделю. Куда, во имя Каргата, теперь он исчез?

* * *

Плечи крупного мужчины едва не задевали стены узкого переулка. Четверо спутников были не менее внушительны, и, несмотря на свои размеры, все пятеро передвигались бесшумно, их сапоги из мягкой кожи не издавали ни звука по старой мостовой. На пересечении двух переулков вожак остановился. Он ощупал угол стены перед собой, ища три тайные зазубрины в кирпиче. Обнаружив их, он повернул направо и двинулся дальше. Остальные последовали за ним.

На перемычке над пятой дверью были те же самые параллельные зазубрины. Оставив своих четверых спутников караулить в переулке, вожак вошел без стука и аккуратно закрыл за собой дверь. Он откинул капюшон своего плаща.

«Я здесь», — произнес лорд Хенгриф, его бас громом прозвучал в маленькой комнате.

Комната осветилась, когда отрегулировали тонкую красную линию фитилька лампы. В ее свете показался сидящий за столом принц Шоббат, лезвие его обнаженного кинжала мерцало рядом с лампой. Ее красный отсвет также открыл результат его встречи с Оракулом Дерева. Лицо принца было пепельно-серым. Брови и борода были белыми, и седина прочертила откинутые со лба назад волосы. Когда-то мягкие черты лица исказились, и его глаза пылали из глубоких впалых глазниц.

«Слышал, вы были не здоровы, Ваше Высочество», — сказал Хенгриф.

«Я поправился».

Из того, что видел неракец, это казалось спорным заключением. «Эта встреча неразумна».

«Но необходима».

Рука Шоббата играла с кинжалом, поглаживая проволочную рукоять, но он не сводил глаз с лица рыцаря. «Время для разговоров прошло. Пришло время действовать. Мой отец должен уйти».

Он ожидал какой-либо реакции — по меньшей мере, удовлетворительного кивка — но Хенгриф лишь продолжал стоять, неподвижный, как камень. Шоббат потребовал ответа: «Нерака поддержит меня, когда я окажусь на троне?»

«Орден всегда поддерживает сильных правителей, дружелюбных к его делам».

Пальцы Шоббата сомкнулись на рукояти кинжала, и он швырнул оружие на стол, заставив подпрыгнуть маленькую лампу. «К чему все эти загадки?» — закричал он. — «Не можете просто дать мне короткий ответ, „да“ или „нет“?»

«Разрешите сказать, Ваше Высочество, что вы выбрали не самое подходящее время. Вы

на какое-то время выпали из круговорота, верно? И прямо сейчас ваш отец очень популярен, благодаря тому, как унизил эльфов. Сколько денег он выдал из Гилтаса под предлогом компенсации?»

«Десять тысяч стальных монет».

Приличная сумма, подумал Хенгриф. Маленький триумф Сахима над Беседующим заставил восторгаться им в сууках и тавернах, даже тех, кто знал его как кровавого тирана. Он казнил одиннадцать торганцев, захваченных во время беспорядков; их головы все еще собирали мух на площади перед Кхури ил Нором. Еще Хенгриф знал, что эти покойники были закоренелыми преступниками, отбракованными из городских подземелий. Настоящие виновные купили свою свободу. Минок, верховный жрец Торгана, с по-прежнему висящим над ним смертным приговором Хана, дал Хенгрифу золото, чтобы купить свободу себе и своим последователям.

После обдумывания возможных последствий дальнейшего пребывания торганцев в заключении (и возможных признаний под пытками), рыцарь заплатил взятку. Но предварительно обменял кхурские монеты Минока на неракские. Он хотел, чтобы выпущенные заключенные связывали свое спасение с Орденом, и чтобы эти деньги были потрачены в сууках. Не существовало лучшего посланника, чем деньги.

«...и убить его, пока он спит. Как полагаете?» — произнес Шоббат.

«Очень хороший план», — ответил Хенгриф, с некоторым удивлением обнаружив, что пока он был погружен в раздумья, принц, должно быть, обрисовал свой план убийства отца. — «Когда вы нанесете удар?»

«Скоро. Может не оказаться времени предупредить вас».

«Я понимаю».

Шоббат встал и засунул кинжал обратно в пояс — тот самый, неприятного переплетения вишнево-красного и желто-зеленого цветов. Хенгриф подождал, пока тот закончит, затем, как бы невзначай, поведал новость, с которой пришел. «Ваше Высочество, вы слышали? Эльфы нашли Долину Голубых Песков».

Эффект превзошел все его ожидания. Шоббат резко вздрогнул, даже пошатнулся.

«Как это случилось?» — задыхаясь, произнес он.

«Гилтас послал свою сучку, Кериансерай, отыскать это место. Они добрались до долины три дня назад».

Шоббат с глухим стуком сел обратно. В его ушах звенело предсказание Оракула.

«Как...» — Принц дважды прочистил горло. — «Как вы узнали об этом?»

«У меня много глаз и ушей в Кхури-Хане, даже в лагере эльфов». — Он сложил на груди крупные руки. — «Ваше Высочество, почему эта долина так важна? Что Гилтас надеется найти там?»

Шоббат едва слышал Хенгрифа, его мысли скакали. Предсказанная Оракулом цепь событий началась. Его будущее, сама его жизнь, были на кону. Он постарался справиться со своими эмоциями. Он и так слишком много рассказал Темному Рыцарю.

«Кто знает? Долина необитаема», — пробормотал он. — «Она имеет некое религиозное значение для обитающих по соседству племен».

Хенгриф молча рассматривал Шоббата. Бледный цвет лица принца в мгновение стал еще бледнее, цвета седых прядей в его бороде и волосах. Этот человек — слабак, подумал Хенгриф. Если бы он не был так близок к трону Кхура, рыцари давным-давно отмыли бы от него свои руки. Его до смешного легко было купить. Шоббат даже сильнее своего жадного отца любил

деньги, не только за власть, которую они олицетворяли, но за роскошь, которую можно было на них купить. У Ордена была мысль поставить его марионеточным правителем Кхура, но его поведение все сильнее становилось непредсказуемым и уклончивым. Экспедиция эльфов в Долину Голубых Песков, несомненно, глубоко обеспокоила принца; скорее всего, она бы обеспокоила и начальство Хенгрифа. Но у них было преувеличенное мнение о проницательности Гилтаса, и несомненная мания насчет Львицы. Последнее Хенгриф скорее мог понять, чем первое. Кериансерай много лет была занозой в теле Рыцарства.

Отвечая на вопрос Шоббата, Хенгриф пояснил, что эльфы пересекли Высокое Плато, чтобы добраться до долины, избегая тщательно охраняемых караванных маршрутов в Кортал.

«У них было несколько стычек с племенем Вейя-Лу. Последняя, я полагаю, была полноценным сражением. Потерпев неудачу в препятствовании попадания эльфов в долину, кочевники разбили лагерь у входа и пытаются призвать другие племена помочь уничтожить незваных гостей, когда те будут выходить».

Шоббат в задумчивости теребил бороду. Хотя он мог желать кочевникам всяческих успехов в остановке *лэддэд*, потенциальный хан не мог быть счастлив слышать, что пустынные племена сосредотачиваются. Каждый раз, когда это происходило, ханы теряли свои головы.

Словно восход солнца, но более внезапно, лицо Шоббата прочертила улыбка. Учитывая его красные глаза и мертвенно-бледные губы, это выражение не было очаровательным. И теперь настала очередь Хенгрифа удивляться, хотя он был достаточно опытен, чтобы не показать это.

«Милорд», — спросил принц, — «вы можете общаться с этими далекими событиями, или всего лишь потом получаете о них сообщения?»

Осознавая смысл того, о чем собирался сказать, Хенгриф ответил: «Первое, Ваше Высочество».

«Отлично! Я составлю послание, а вы передадите его кочевникам, которые, вы говорите, собрались остановить эльфов».

Хенгриф слегка поклонился, подумав, что сделает то, что посчитает нужным.

Принц отдал приказ, и из тени вышел лакей, неся кожаный портфель. Шоббат отодвинул бутылки с вином и парфюмом, короткий меч и толстый кошель с монетами, чтобы вытащить пергамент, чернила и перо. Сочиненное им воззвание было коротким и по существу, написанное крупным округлым почерком. Хенгриф легко прочел вверх ногами текст. И снова он был удивлен. Этот амбициозный дурень обладал большим талантом к интригам, чем он себе представлял. В будущем ему следует быть осторожнее с принцем.

Шоббат росчерком подписал документ, туго свернул его и запечатал темным воском. Он вдавил в воск свою печатку и протянул свиток Хенгрифу.

«Вы можете стать спасителем моей страны», — серьезно произнес принц.

«Я бы предпочел стать губителем эльфов», — ответил Хенгриф.

Шоббат оскалился. «Это одно и то же».

«Ваше послание окажется в руках кочевников через три дня, Ваше Высочество».

Шоббат погасил лампу, и двое мужчин вышли разными путями.

«Успешно, милорд?» — спросил ожидавший снаружи лейтенант Хенгрифа.

Хенгриф покосился на закрытую дверь. Как оценить успех в этом водовороте вероломства и лжи? Он все еще был жив, все еще работал на Орден. Это можно было считать определенным успехом.

Он утвердительно буркнул и добавил: «Мне нужно нанести еще один визит. Когда мы доберемся туда, вы со своими людьми можете возвращаться в нашу квартиру».

Пять рыцарей незаметно ускользнули, двигаясь, словно группа теней. Выбравшись из густонаселенного района Хамик, Хенгриф повел их в северную часть города, известную как Хабала. Разрушенная Малис и ее приспешниками, она все еще не была восстановлена. Видь и запахи живых, пульсирующих районов Кхури-Хана закончились, как только они пересекли Истра-стрит и вошли в руины. Хенгриф остановился у разрушенного жилища и отпустил своих людей.

Они колебались. Лейтенант сказал: «Милорд, мы подчиняемся, но... наши жизни связаны клятвой оберегать вас. Не следует ли нам сопровождать вас?»

«Не в этот раз. Ступайте».

Они неохотно повиновались. Хенгриф оставался на месте, пока четверо преданных его воинов не завернули за угол и скрылись из вида. Убедившись, что остался один, Хенгриф двинулся вперед. Здесь не горели ни факелы, ни лампы. Единственным освещением был свет звезд. Тем не менее, он довольно успешно продвигался через разрушенные дома. Он очень хорошо знал дорогу.

На фоне ночного неба одиноко торчала высокая башня. Ее верхние этажи были обрушены красной драконицей, но даже усеченная, башня по-прежнему была во много раз выше любого другого строения в округе. У ее основания груда обломков находилась на месте изящной виллы, когда-то служившей домом самому богатому торговцу финиками Кхура. Его кости гнили где-то под рухнувшими стенами особняка.

Плывшие со стороны моря облака закрывали звезды, погружая развалины в абсолютную темноту. Это было зловещее путешествие по разрушенным участкам, загроможденным обломками скульптур, бульжниками и нанесенным ветром мусором, садам, теперь служившим домом лишь тонким неухоженным финиковым пальмам. Интерьер одного когда-то великолепного, а теперь стоящего без крыши дома был открыт взорам. То, что осталось от его гипсовых стен, было расписано пестрыми пейзажами пустынной жизни, эти картины потрескались и шелушились. Проход среди мусора был едва широким для ноги Хенгрифа. Прюделавший его был намного меньше Хенгрифа.

Он прошел первую метку — пятнадцатисантиметровый квадрат пергамента со знаками, нанесенными красными и черными чернилами. Предупреждение. На разрушенный дом было наложено заклятие тревоги. Если бы на Хенгрифе не было оберега, его охватил бы беспричинный страх.

Добравшись до атриума, с пересохшим фонтаном и заросшим бурьяном садом, он прошел вторую метку. Это был человеческий череп с забитыми глиной глазницами. В каждую забитую глиной глазницу был воткнут гольш полированного малахита, гротескное изображение глаз. Они ими и были. Обитатель разрушенной виллы мог следить за проходом при помощи этих магических глаз. С разрушителями поступали жестко.

Рыцарь наткнулся на одну такую неудачливую душу. У фонтана лежал, вытянувшись, кхурец. Его туловище было разодрано, и тело оставлено здесь в качестве дополнительного предупреждения для неосторожных. Хенгриф по одежде предположил, что это был нищий, пришедший сюда в поисках безделушек на продажу. Больше они ему уже не понадобятся.

У подножия разрушенной башни находилась третья метка. Простая медная табличка из тех, что используются в тавернах по всему городу, была прибита тремя железными гвоздями к двери башни. В меди были процарапаны линии. Они образовывали значок безумия. Любой,

проходящий через дверь без должной защиты, немедленно сойдет с ума.

Хенгриф фыркнул. Возможно, нынешний обитатель виллы как-то раз пришел домой без своих защитных амулетов. Это многое бы в нем объяснило.

Несмотря на повсеместную разруху, большая дверь плавно и бесшумно повернулась внутрь на хорошо смазанных петлях. Внутри сильно пахло мускусом.

«Приветствую!» — Он попытался позвать тихо, но его голос все равно прогрохотал барабанным боем.

Что-то шевельнулось в темноте. Что-то большое. Его рука легла на рукоять меча.

«Фитерус! Это Хенгриф», — сказал он, чувствуя себя отчасти глупо. Его голос трудно было спутать с чьим-либо еще.

Над головой возник квадрат света, когда открылся люк. Хенгриф поднял руку, чтобы заслониться от внезапного сияния. При свете он увидел свернувшегося у дальней стены, в нескольких метрах от него, странного зверя. У того было темно-желтое тело и конечности льва, но длинную шею покрывали мелкие чешуйки бронзового цвета. Но самой выдающейся частью тела была его голова. В обрамлении короткой жесткой гривы рыжеватых волос, она была круглой, как у человека, с человеческими ледяными голубыми глазами, плоским носом и очень широким ртом.

Рот раскрылся в ухмылке, когда Хенгриф крепче сжал рукоять своего меча. По меньшей мере, четыре ряда зубов, один за другим, полированной сталью блеснули в широком рте. Большие глаза пристально не мигая уставились на него. Тут рыцарь понял, что случилось с лежавшим снаружи мертвым нищим.

Из раскрытого люка развернулась веревка с узлами, ее конец упал на пол у ног Хенгрифа. Рыцарь принялся настороженно подниматься. Хорошее место для засады, подумал он.

Когда голова и плечи Хенгрифа показались в комнате наверху, его навалившейся тяжестью окатил жар. Масляные лампы с серебряными отражателями ярко освещали обстановку, но тепло шло от двух больших каминов, расположенных друг напротив друга в большой круглой комнате. В каждом ярко пылал огонь.

Комната была украшена в исключительно традиционной кхурской манере, что сбило бы с толку коренного кхурца. Темно-желтые ковры были уложены пятнадцатисантиметровым слоем, помогая скрыть покоробленный пол. Каждый сантиметр стен был укрыт гобеленами, изображавшими не только кхурские пейзажи пустынь и оазисов, но и заморские виды — варварское великолепие Эргота, сдержанную пышность старой Соламнии, и геометрические узоры Тарсана, выполненные золотым шитьем.

Стульев или столов не было, только шелковые и бархатные подушки, диваны с накидками из пливовой шерсти и дамаста и низкие столики, предназначенные для обедавших на полу. Удушливой атмосфере способствовали свисавшие с потолочных балок драгоценные курильницы; они наполняли воздух тяжелым запахом специй.

Сбросив веревку в люк, хозяин дома вернулся к своему обеду. Гравированный серебряный поднос покоился на диванных подушках рядом с ним. Хенгриф взглянул на его содержимое, и быстро отвел глаза. Какая-то птица, ошипанная, но неприготовленная. Варварство.

«Добро пожаловать, благородный Хенгриф», — произнес Фитерус, делая взмах рукой.

Его бесформенная маскировка исчезла. Сбросив тяжелую драную мантию и толстый серый парик, Фитерус оказался эльфом зрелых лет с пушистыми белыми волосами, бровями,

словно тонкие крылья над светло-кариими глазами, и подбородком, острым, точно нос боевой галеры. Его руки были необычно большими для эльфа, с выступающими суставами и исключительно длинными пальцами, потемневшими за десятилетия смешивания зелий. На нем были длинные белые шелковые брюки и укороченный геб.

«Забавный у тебя сторожевой пес», — сказал Хенгриф, обдумывая, где бы сесть.

«На самом деле, редкое существо. Заморская мантикора. Она обеспечивает мое уединение».

Фитерус указал, что рыцарь мог бы присоединиться к нему, но Хенгриф уселся на низкий столик рядом, убедившись сперва, что тот достаточно крепкий, чтобы выдержать его вес. Он не захотел ни развалиться на подушках на диване рядом с магом, ни сидеть на устланном коврами полу у его ног, словно проситель.

«Новый поворот событий», — сообщил он. — «Принц Шоббат восстановил свой рассудок. Как обычно, он жаждет низложить своего отца, но когда я упомянул, что эльфы вошли в долину, у него едва не случился рецидив. Он так напуган, что хочет поднять пустынных странников, чтобы остановить эльфов». Хенгриф показал письмо Шоббата. «Он дал мне это воззвание, в котором призывает их объявить священную войну эльфам».

«Шоббат — идиот. В нем говорится о чем-нибудь еще?» — Фитерус аккуратно впился зубами в неприготовленную птицу. Кровь стекала по его подбородку, пока он не вытер ее салфеткой.

«Он созывает кочевников сюда, в Кхури-Хан, чтобы уничтожить эльфов в их палаточном городе».

Фитерус замер, затем отложил свой обед. «Не идиот — безумец!»

«Может быть. Он пишет, что его отец предал Кхур, позволяя эльфам оставаться здесь и наполняя свои сундуки эльфийской сталью».

«В эту сделку будет входить и голова Сахим-Хана».

«Уверен, в этом и состоит цель Шоббата».

Фитерус поднял узкий конический бокал из позолоченного стекла и большими глотками выпил вино, словно моряк, только что вернувшийся из долгого плавания. Его пальцы оставили кровавые отпечатки на блестящей ножке. Интересно, подумал Хенгриф, коричневый цвет его ногтей естественный, или он красит их.

«Все равно, идиот», — сказал Фитерус, вновь наполняя свой бокал. — «Сахим популярен. Кочевники не объединятся против него, не сейчас».

«Может быть, если бы у них появился повод», — предположил Хенгриф.

«Это нужно обдумать. Странники не похожи на обычный народ, эльфов или людей. Что радует нас, их раздражает, и что гневит их, для нас будет обыденностью». — Маг откинулся на подушки и добавил. — «Что ты сделаешь для меня, если я окажу тебе эту услугу?»

Я не сверну твою тощую шею, подумал Хенгриф. «Мы не на сууке, эльф. Я здесь не для того, чтобы торговаться. Ближе к делу. Чего ты хочешь?»

Фитерус устроился поудобнее на подушках и закрыл глаза. «На самом деле, пустячок», — пробормотал он.

Хенгриф сомневался. Маг казался невосприимчивым к обычным соблазнам. Насколько знал Хенгриф, у того было лишь два руководящих мотива: ненависть к своей собственной расе и преданность к своим занятиям магическим искусством. Чего бы он ни желал, скорее всего, это должно быть нечто необычное.

«Я хочу то же, что и Гилтас: Долину Голубых Песков».

Этот загадочный ответ заставил Хенгрифа нахмуриться. Он знал, что кочевники северной пустыни относятся к долине как к священной, одновременно принадлежащей богам и запретной для них. Большинство историй, что он слышал в суухах и различных тавернах, были в высшей степени неправдоподобны. В одной о долине говорилось, как о доме для армии каменных солдат, две тысячи лет стоящих неподвижно, но которые пробудятся, услышав определенное волшебное слово. Если сказать неверное слово, они оживут лишь на время, достаточное для того, чтобы убить произнесшего его, а затем вернуться к своему каменному существованию. В других легендах говорилось, что в долине находятся золотой город, раса невидимых драконов или — самая эксцентричная из всех — гробницы мертвых чужих богов.

Зачем вдруг Фитерусу понадобилась Долина Голубых Песков?

Хенгриф неуклюже поднялся. За годы он получил слишком много ран, немало из которых, пока гонялся за Львицей, чтобы долго сидеть, скорчившись, на низком столике.

«Я передам твои слова своим хозяевам», — невозмутимо произнес он. — «Если отбросить сказки и легенды, эта долина представляет собой превосходную оборонительную позицию. Мой Орден, несомненно, не захотел бы, чтобы эльфы обосновались там».

Он бросил взгляд на графин на ковре возле Фитеруса. Маг любил дельфонское вино с цветками куробы, придававшими ему наркотический эффект. Хенгрифу это было не нужно; он лучше еще немного потерпит жажду.

«О, еще кое-что», — мимоходом сказал он. — «У Гилтаса есть агент в городе, который ищет тебя».

Карие глаза мага быстро открылись. «В самом деле? Эльф?»

«Мой шпион в совете Беседующего не уточнил. Может, нанятый кхурец».

«Надеюсь, нет!» — Фитерус потер пальцами подбородок, забыв, что они испачканы в запекшейся крови. Кровавые полосы придали его сухопарому лицу по-настоящему зловещий вид. — «Для моего последнего эксперимента мне нужен полнокровный эльф. Может, мне стоит позволить ищейке Гилтаса отыскать меня».

Хенгриф не жаждал гадать, какие эксперименты может планировать эта мерзкая тварь. Долг исполнен, и он лишь хотел уйти. Он открыл люк и протянул руку. Ему нужны были новые бумажные амулеты, чтобы безопасно пройти сквозь волшебную защиту виллы. Каждый набор оберегов работал особым образом — один раз, когда Хенгриф уходил, и еще раз, позволяя ему войти. Ничего другого Фитерус не предлагал.

К сожалению, Фитерус не был готов дать ему уйти. Вместо того, чтобы сделать новые амулеты, колдун вновь завел разговор о долине, требуя гарантий, что она будет ему дарована. Хенгриф в резкой форме отказался давать гарантии. «Не я принимаю решения», — прорычал он, требуя амулеты.

Внезапно Фитерус издал свист, похожий на птичью трель. В комнате внизу мантикора вскочила на ноги, подошла и стала прямо под проемом. Она смотрела вверх и скалилась. В свое время, Хенгрифу доводилось сталкиваться с бесчисленным множеством ужасных опасностей, но вид этого жуткого, слишком человеческого лица с рядами острых как сталь зубов бросил его в дрожь. Он подумал о выпотрошенном нищем снаружи.

Он перевел взбешенный взгляд на колдуна. Фитерус держал в руке с длинными пальцами бумажные амулеты. «Конечно же, ты можешь идти, если в самом деле хочешь», — радушно заверил его маг. — «Но, может, нам следует сперва обсудить должную оплату моих услуг?»

Планчет поставил перед своим господином накрытое блюдо. Гилтас, обедавший в одиночестве, выжидающе наблюдал, как снимается куполообразная крышка. Снова цыпленок с гарниром из жареных овощей. Планчет предложил ему на выбор вино, гудлундское красное или сильванестийское белое, но Гилтас велел ему приберечь вино до возвращения Керриан.

Беседующий с Солнцем и Звездами в тишине пил воду и ел. Обычно он обедал с придворными, но последние несколько дней, с момента аудиенции у Сахим-Хана, его советники находили различные отговорки, чтобы не присутствовать. Все чувствовали себя униженными, особенно квалинестийцы, так как Гилтас был одним из них. Лорд Мориллон восхвалял дипломатию Беседующего, но даже он находил повод избежать обеда. Так что компанию Гилтасу составлял лишь Планчет, как прислуживающий ему камердинер.

Десять тысяч стальной было выплачено из личной сокровищницы Гилтаса. Конечно же, не вся сумма была стальными монетами. Изрядную часть составляли золотые и серебряные блюда, спасенные из пылающих залов дворца в Квалиносте. Некоторые из этих золотых сервизов относились еще к времени царствования Беседующего Сильверана. В те дни знали, как делать изящные вещи. Золото ковалось до толщины бумаги, и, тем не менее, оставалось жестким и прочным. Сегодня никто уже не мог воспроизвести сплав, использовавшийся золотых дел мастерами Сильверана.

Золотая посуда и изысканные вина были блажью, без которой они могли прожить. Сахим был мерзавцем. Гилтас всегда знал это. Вымогательство из его рук было такой же частью жизни Беседующего, как постоянный жар пустыни. И, тем не менее, Гилтас был готов столь долго искать возможность удовлетворять жадные требования Хана, пока этим сможет покупать больше времени для своего народа. Его гордые советники не понимали этого. Они цеплялись за блистательные воспоминания мирской славы. Эти воспоминания — все, что у них осталось в качестве утешения, когда они засыпают каждую ночь в своих душных палатках, укладываясь в вызывающую зуд постель из шерсти, и упорно трудятся каждый день, чтобы просто выжить.

В Кхури-Хане было спокойно с момента визита Гилтаса. Вооруженные патрули кхурских солдат в большом количестве вышагивали по закоулкам, вгоняя в уныние преступников и поддерживая тревожное спокойствие. Движение внутрь и из города сократилось, хотя, скорее всего, это было лишь временно. Странствующие торговцы были осторожной публикой. Услышав о беспорядках в столице, многие свернули в Дельфон, чтобы продать свои товары. Если ситуация будет оставаться спокойной, если больше не будет волнений, они вернутся. А сейчас же поток кхурцев, входящих и выходящих из Кхури-Хана почти полностью иссяк.

Восстановление городских стен застопорилось, так как караваны с камнем из Кортала, в Халкистских предгорьях, сократились. Сахим тратил большие суммы, чтобы импортировать прочный камень из далеких гор для укрепления оборонительных сооружений. Маршрут между Корталом и Кхури-Ханом проходил по территории племени Вейя-Лу. По какой-то причине, Вейя-Лу оставили свои привычные торговые маршруты. В отсутствие кочевников для руководства караванами, поставки прочного камня в столицу остановились.

Рядом с тарелкой Гилтаса лежали депеши от Керриан. Пыльный высохший курьер

прибыл с отчетами вчера поздно вечером. Кагонестиец положил кожаный чехол лично в руки Беседующему, а затем потерял сознание, свалившись из седла в руки Таранасу. Доставленные им депеши содержали замечательные новости. Вход в Инас-Вакенти был найден.

Однако радость Гилтаса была омрачена другими содержащимися в послании новостями. Отряд Кериан несколько раз сталкивался с вооруженными кочевниками. Она сухо сообщала об этом, как если бы это само собой подразумевалось. Она заверяла его, что им нечего бояться кочевников. Оружие странников было плохим, а их тактика — невнятной. В случае необходимости, она сможет отразить нападение в три-четыре раза большего их числа, чем было сих пор.

Ее слова, имевшие своей целью убедить его, имели прямо противоположный эффект. Это была как раз та ситуация, которой Гилтас опасался больше всего. Он понимал Сахим-Хана, и это делало возможным сотрудничество с этим человеком. Другое дело — кочевники пустыни. Надменными, гордыми, как дюжина сильванестийских лордов, этими кочевниками двигал сложный клубок из набожности и чести. Их глубокая убежденность в своей собственности добродетели делала сотрудничество с ними, в лучшем случае, трудным. Если они решат устроить основательную войну с эльфами, их жизнь в Кхуре станет намного, намного тяжелее. А может и вовсе, невозможной.

Темной стороной натуры Кериансерай, как хорошо знал Гилтас, была ее вспыльчивость. Способна ли она была контролировать себя? Она не должна сражаться с обитателями пустыни. Защищаться, да, но она не могла молотить кочевников, словно Темных Рыцарей или минотавров. Хрупкий мир между кхурцами и эльфами не выдержал бы большого кровопролития. Способна ли Львица провести разведку, не развязав войну?

Должно быть, выражение его лица отразило его внутренний разброд. Стоявший сбоку Планчет поинтересовался, здоров ли он.

Гилтас печально улыбнулся. «Не в этом дело, старый друг. Просто размышляю вместо того, чтобы есть». Он попытался сосредоточиться на обеде, но потерял аппетит. Все, о чем он мог думать, где была Кериан? Что сейчас с ней происходило?

Он не знал, добрался ли в целостности до нее грифон, но уже сомневался в разумности решения послать зверя. Он надеялся, что она мудро будет использовать Орлиного Глаза. Он теперь целыми днями судил себя за это поручение. Кочевники сражались, чтобы защитить свою землю; он мог это понять. Вооруженный отряд чужеземцев вошел на их территорию, и они пытались вытеснить его. Возможно, он мог бы отправить дипломатов вместо ученых. Возможно, ему следовало попытаться нанять гидами кочевников. Возможно, ему не следовало поручать это своей вспыльчивой жене.

А еще он знал, что не мог поступить иначе. Кериансерай была генералом его армий, его крепкой правой рукой. На протяжении темных дней ужасного путешествия по Пыльным Равнинам и Жгучим Землям, когда тысячи его соплеменников умерли, сила Кериан поддерживала его, поддерживала их всех.

Планчет потребовал его внимания. Гилтас увидел, что камердинер стоял у двери, беседуя со слугой. «Сир», — сказал Планчет, — «Лорд Мориллон желает видеть вас. Он говорит, что это не терпит отлагательства».

«Пусть войдет». Несколькими днями ранее Гилтас проинформировал своих ближайших советников, включая Мориллона, о миссии Кериан, что она ищет Инас-Вакенти, и что он надеется, что эта легендарная долина может стать новым домом для их народа.

Впервые Мориллон прибыл без своей обычной свиты прихлебателей. Он выглядел мрачным. «Великий Беседующий, я принес вести».

«О Кериансерай?»

«Частично, сир. Город гудит от новостей о прибытии леди Кериансерай в долину».

«Уже?» — Удивленно прокомментировал Планчет. — «Быстро расходятся новости».

«Это не все», — добавил Мориллон. — «Ходят слухи, что произошла большая резня.

Сотни кхурских женщин и детей из племени Вейя-Лу были убиты в лагере, много миль к северу отсюда. Некоторые говорят, что это сделал отряд леди Кериансерай».

Гилтас так быстро вскочил, что его стул опрокинулся. «Подлые торганцы лгут!»

«Согласен, Великий Беседующий, но кхурцы могут решить думать иначе».

Это было несомненно. Непроверенная, история с резней могла воспламенить Кхур от края до края. Беспорядки в сууках показались бы пустяками в сравнении с возмущением кхурцев этим случаем.

Мориллон нетерпеливо спросил: «Сир, что нам делать?»

«Я отправлюсь к Сахим-Хану, изложу ему свои соображения. Как только он увидит, что нам нечего скрывать, он защитит нас».

«А если нет?» — резко спросил Планчет.

«Он должен». — Гилтас помедлил. — «Сколько воинов в лагере?»

«Около тридцати тысяч».

«Планчет, приведите их в состояние готовности. Однако, никаких фанфар. Предупредите их по-тихому».

Камердинер поспешил прочь, чтобы доставить приказ своего сеньора. Беспокойство Мориллона только усилилось.

«Великий Беседующий, битва — не выход», — сказал он. — «Хан может выставить в два раза больше войск. И еще больше, если призовет племена пустыни!»

Гилтас покачал головой. «Нет, он не призовет кочевников. Он боится их сильнее, чем нас. И я согласен: битва — не выход. Мы должны выяснить правду об этой резне, если она в самом деле имела место, и доказать Хану и его людям, что мы не в ответе за нее».

«Но что, если... что, если мы не сможем доказать это?»

Прижав кулак к губам, Гилтас усиленно думал. Он не верил, что Кериан могла убить невинных женщин и детей, но кто знает, что могло произойти в далекой пустыне. Если произошло сражение, если невинные были убиты, если доказательства невиновности эльфов под сомнением. Слишком много если!

«Мы должны начать приготовления к отбытию».

От заявления Беседующего краска схлынула с лица Мориллона. «Отбытию? Куда?»

«Туда, где сейчас леди Кериансерай. Сзовите совет. Я хочу, чтобы провели инвентаризацию всех запасов еды и воды. Я хочу составить экстренный план эвакуации Кхуриноста по первому приказу».

Он говорил о том, чтобы сорвать с мест сотню тысяч душ. Потрясенный, Мориллон мог лишь кивать, пока Беседующий продолжал осыпая его приказами.

«Нам понадобятся повозки. Сделайте их как можно больше. Если недостаточно животных, чтобы тянуть их, используем свои силы. Если мы не можем изготовить достаточно повозок, используем волокуши». Путешествие в Инас-Вакенти будет очень долгим, очень суровым, пояснил он.

«Великий Беседующий, не спешите!» — прервал его Мориллон. — «Давайте обсудим

это! Сахим-Хан — не друг племенам пустыни. При соответствующей мотивации он защитит нас, если кочевники нападут!»

Улыбка Гилтаса была горькой. «Возможно. Но что, если вы ошибаетесь? Что, если он откажется защищать чужеземцев — чужеземцев *лэддэд* — от своего собственного народа? В мире не хватит денег, чтобы купить у Хана безопасность, если слишком много его собственных людей поднимется против него». Улыбка исчезла. «У нас должен быть план на случай непредвиденных обстоятельств. Мы можем предложить заплатить больше за его защиту. Так много стали соблазнить его и купит нам время. Позаботьтесь об этом, милорд. Лично. Немедленно организуйте аудиенцию. Сегодня же».

Мориллон поспешил исполнить распоряжение Гилтаса. Словно в потревоженном муравейнике, в Кхуриносте закипела бешеная активность. Скучные запасы были подсчитаны, долго хранившееся оружие извлечено. Если изгнанникам придется бежать, каждому здоровому эльфу потребуется взять в руки оружие, чтобы защитить свои жизни и свою свободу.

Долина Молчания соответствовала своему названию. Через час после рассвета Львица со своими воинами скакала по плоской воронкообразной долине, в которой было чрезвычайно тихо, ни дуновения ветерка, ни крика птиц. Воздух был теплым, но далеким от жаростного пекла пустыни снаружи, и влажным. Другое название этой местности — Долина Голубых Песков — также было подходящим. Почва под копытами их лошадей была светло-синие-зеленой, странного оттенка между малахитом и ярь-медянкой. Она также вносила свой вклад в тишину. Казалось, мягкая почва поглощала звук их передвижения.

Чтобы избавить лошадей от ненужного стресса, Керриан отправила Орлиного Глаза в одиночестве ввысь, а сама пристроилась позади Фаваронаса. Архивариус хотел было поменяться местами — в конце концов, она была командующей армиями — но Керриан отмахнулась от его предложения. Свободно балансируя даже без стремян и седла, она изучала окружающую обстановку.

Они проезжали мимо редких кедров, сосен, и наполовину погруженных в песчаную почву валунов. Высокие горы еще долго после рассвета укрывали в тени дно долины, что, по всей видимости, и объясняло цеплявшиеся за низины клочья тумана.

«Ну, библиотекарь, что думаешь?» — спросила Львица.

«Кажется безжизненной», — ответил Фаваронас. — «Ни птиц, ни насекомых, даже нет каких-нибудь распутившихся цветов».

Он был прав. Местность плотно укутывала абсолютная тишина. Уже через несколько миль этот эффект начинал раздражать. Было легко представить, как долину стали избегать. Любопытные кочевники, проникая так же далеко, пугались и убегали, унося с собой рассказы об этой жуткой тишине. За многие годы эти истории, вероятно, обрастали подробностями с каждым рассказом.

Если атмосфера была тревожащей, то ландшафт становился все красивее и красивее, по мере того, как долина открывалась им. Серые Халкистские пики на востоке приобрели синевато-серый оттенок, как только солнце взошло над ними, заглядывая в долину и омывая золотистым светом западную гряду. Появились островки травы, не коричневой или серой пустынной флоры, а знакомые зеленые ростки, первые, увиденные ими с тех пор, как они покинули родные земли. Присутствие травы не просто вызывало ностальгию. Где растет трава, мог бы жить домашний скот. Где мог бы жить домашний скот, могли бы жить эльфы.

Как только солнце появилось над восточными горами, температура поднялась, но не выше приятного тепла. Львица и Фаваронас подъехали к широкому неглубокому ручью, петлявшему по дну долины. Его укрывала тень двух небольших ив, их тонкие ветки не шевелились в неподвижном воздухе.

Керриан соскользнула с лошадиного зада и присела на корточках на плоском булыжнике у края воды. Не обращая внимания на предупреждение Фаваронаса, она погрузила в ручей ладони и поднесла их к губам.

«Вести, значит принимать риски», — сказала она, криво улыбнувшись, а затем выпила.

Ему не было нужды спрашивать, хороша ли вода. Его лошадь погрузила нос в мерцающий поток и шумно принялась пить. В считанные минуты весь отряд последовал примеру. Свежая вода была словно дар богов. Та вода, что они везли с собой, была теплой и на вкус отдавала кожами и тыквами, в которых ее перевозили; колодезная вода Кхури-Хана

была пресной и безвкусной. Эта вода была ледяной и имела отчетливый и приятный минеральный привкус.

Орлиный Глаз спустился в дюжине метров сбоку, вошел в поток, погрузил свою пернатую голову и принялся пить. Утолив жажду, зверь выбрался на восточный берег и лег поспать среди рогоз и высокой травы. Вскоре его голова была уже под крылом, и он храпел, словно кипящий котелок.

Хорошенько освежившись, Львица позволила своим воинам задержаться у ручья, купая лошадей и омывая пыльные лица и ноги. Фаваронас сидел на нависавшем над ручьем сером камне и угольным стержнем делал наброски на клочке пергамента. Львица наблюдала, как под его умелой рукой план долины обретает форму.

Нарисовав длинную извилистую кривую речушки, он спросил: «Как мы назовем этот ручей?»

«Ты рисуешь карту. Назови по своему усмотрению».

После небольшой паузы, он сказал: «Река Львицы». И написал это.

«Река Беседующего — было бы более уместно».

«Ты сказала, что я могу назвать по своему усмотрению».

Она пожала плечами и стянула сапоги. Прохладная вода была благословением для горевших усталых ног.

Менее чем через четверть часа их отдых был неожиданно прерван. Воздух вздрогнул от какого-то далекого сотрясения. Звук взрыва не последовало; была единственная ударная волна, вызвавшая короткое, но очень мощное сотрясение воздуха и земли. Лошади испуганно шарахнулись. Фаваронас уронил свой угольный маркер. Кериан вскочила.

«Песчаный зверь?» — дрожащим голосом спросил Фаваронас.

Кериан натягивала сапоги. «Проклятье! Милый пейзаж, чистая вода, и мы начали вести себя, словно фермеры на ярмарке!» Они были на неизведанной территории, а она даже не расставила пикеты!

Эльфы быстро восстановили свою обычную бдительность. Кериан приказала двадцати всадникам разведать местность впереди. Другой отряд из двадцати воинов она отправила назад к входу в долину, на случай, если кочевники (или кто-либо еще) побороли свой страх и решили последовать за ними. Вооруженные луками фланговые выдвинулись от основной колонны, чтобы предупредить об опасности.

После того, как ее воины были приведены в боевой порядок, Львица почувствовала себя спокойнее. Фаваронас, однако, стиснул обеими руками свою карту и испуганно озирался, ожидая нападения на них полчища злобных тварей.

«Успокойся», — сказала она ученому. — «Не думаю, что на этот раз это снова песчаный зверь; взгляни на Орлиного Глаза». Грифон оглядывался вокруг, но не казался особо взволнованным.

Она вскочила в седло свежей лошади. «Наверное, это всего лишь эхо обвала в горах».

Он удивленно посмотрел на нее, а затем медленно кивнул. Они все были так настроены обнаружить что-то потустороннее в этой долине, что не рассматривали более простые объяснения. Тем не менее, он обрадовался, когда она отправила Орлиного Глаза в небо. Не повредит, если за ними будут присматривать острые глаза грифона.

Они перешли вброд недавно нареченную Реку Львицы. Их встретили разведчики, сообщившие, что обнаружили явную тропу за полем вросших в землю булыжников. Оставив архивариуса с основным отрядом, Кериан рысью направилась вперед, чтобы взглянуть.

За бульжниками трое эльфов, сидели на лошадях по центру широкой тропы, покрытой толстым слоем наносного песка. Четвертый копал руками, стоя на коленях. Когда Львица приблизилась, он сообщил: «Мостовая!»

Она перебросила ногу через шею лошади и прыгнула на землю. И точно, под десятисантиметровым слоем сине-зеленой почвы он обнаружил каменную брусчатку. Был отчетливо виден ровный шов между двумя блоками. Расчистив большую область, они обнаружили еще камни и кое-что гораздо интереснее — глубокую борозду в дороге. Они и прежде видели такие борозды. Это была колея, проделанная колесами, проходящими год за годом по одному и тому же участку мостовой. Она слегка понижалась в сторону речки, которую они только что форсировали.

«Кто-то называл эту долину домом», — сказала Львица. Вопрос в том, был ли тут все еще кто-нибудь?

Она вновь оседлала лошадь и выслала вперед разведчиков. В ее предостережении быть внимательными, в самом деле, не было необходимости; очень короткая передышка, которой они наслаждались у ручья, была окончена. Все были настороже. Когда Фаваронас двинулся вместе с основным отрядом, он на наброске карты сделал пометку о мостовой.

Мощная дорога вела на север, в сердце Инас-Вакенти. Эльфы следовали по ней медленно, осторожно, не встретив ничего необычного до полудня, когда галопом вернулся разведчик с новостями. Они приблизились к каменным развалинам, очень старым и очень большим каменным развалинам.

Континент был усеян руинами, от Балифора до острова Санкрисст. Когда Керриан убегала от оккупировавших ее страну Темных Рыцарей, она часто укрывалась в развалинах в западной части Харолисовых гор, реликтах времен до Великого Катаклизма. Выросшая вдали от цивилизации, она обладала скудными познаниями в древней истории. Большую часть того, что она знала, ей поведали легенды у лагерного костра о прекрасной обреченной расе Ирда, близнецах Ситасе и Кит-Канане, упадочнической империи людей Эргота. Еще более странные легенды рассказывали о королевстве Истар, где царила магия, пока с неба не рухнула огненная гора и не уничтожила этот город. Где когда-то стоял прославленный обреченный Истар, теперь кружил водоворот Кровавого Моря, недалеко от этого места.

Львица выслала еще фланговых, чтобы прочесать дорогу по обе стороны. Она держалась тропы, ведя вперед основной отряд. Все получаемые ей рапорта были негативными. Не встречалось никакой добычи, двуногой или четвероногой. Ни кролик или птица не пересекали им путь. Редко стоявшие кедры и сосны казались безжизненными.

Раздраженная отсутствием прогресса, Львица решила воспользоваться видом сверху. Она спешила и прошла несколько метров вперед, высвистывая Орлиного Глаза. Грифон появился, скользя над верхушками деревьев, чтобы приземлиться перед ней. Она надела через голову натянутый лук и вскочила в крошечное седло.

«Продолжайте следовать по дороге», — велела она своим офицерам, и затем грифон с эльфом ринулся в небо.

После многих лет кхурской жары, омывавший ее лицо поток умеренного воздуха был словно бальзам. Несомненно, климат здесь был лучше, чем в Кхуриносте. Возможно, Гилтас был в чем-то прав.

Ее охватил испуг. О чем она думает? Обменять свое право по рождению на немного комфорта? Никогда! Да, эта долина была приятнее душного песчаного карьера у стен Кхури-Хана, ну и что? Она не была ее родиной. Не была, и никогда не станет.

Она переключила свое внимание на разворачивающуюся под ней местность — заросли деревьев, ежевики, обширные плантации высокого мясистого алоэ. Не удивительно, что фланговые ничего не увидели. Она забыла, как сильно ограничивает видимость настоящая листва.

Показались верхушки развалин. С этого расстояния они выглядели как торчащие над деревьями шпили из белого или серого камня. Не колонны в обычном понимании, они не имели борозд или граней, лишь простые суживающиеся шпили. Когда она подлетела ближе, показались остатки стен, их размеры изумляли. Каждый каменный блок был не менее трех метров в длину и высотой с всадника. В некоторых местах стена поднималась до высоты девяти метров, каждый массивный блок был аккуратно установлен на верхушку другого массивного блока. Циклопические камни несли видимые доказательства шлифовки и обработки разумными руками.

Орлиный Глаз медленно по спирали спускался вниз. Он приземлился неподалеку от впечатляющей высоты участка стены. Эльф с грифоном осматривали развалины, когда прибыла остальная колонна.

Разговоры стихли. Все благоговейно уставились на таинственные монументы, гадая, кто и как давно их возвел. Отсутствие украшений придавало камням вид огромной невообразимой древности.

Фаваронас заметил кое-что еще. На камнях совершенно не было лишайников. Все булыжники и каменистые выступы, что они видели в долине, были плотно укутаны мхами и лишайниками. На руинах же ничего не было. Камни стояли голыми и чистыми на фоне синего неба и сине-зеленой почвы.

«Тебе прежде доводилось встречать подобную каменную кладку?» — спросила Кериан.

Фаваронас покачал головой. «Но, судя по их размерам, возможно, это была работа огров».

Она с трудом могла в это поверить. Огры строили свои жилища в грубой манере; они не тратили усилий на резьбу или обработку камней. Никто из эльфов не мог вспомнить о расе, огров или кого-либо еще, которая могла перемещать такие огромные блоки. Двое солдат измерили один из самых крупных каменных блоков у подножья стены; он был девять метров в длину и три с половиной метра в высоту.

Впереди и справа послышались крики и свист, квалинестийский зов крупного рогатого скота. Многие из лучших разведчиков Кериан прежде были пастухами коров. Она взлетела, оставив Фаваронаса с остальными тарашиться на развалины.

Грифон направился прямо к паре огромных менгиров, все еще накрытых массивной перемычкой. С прижавшейся к его шее Кериан, зверь пролетел сквозь проем, задев кончиками крыльев колонны по обеим сторонам. Он издал низкую трель, прозвучавшую так самодовольно, что она не могла сдержаться от смеха.

Дорога, по которой они следовали к развалинам, продолжалась дальше, окруженная с обеих сторон стеной. Разведчики появлялись и исчезали среди деревьев справа от Кериан. Они пешком гнали кого-то. Она могла лишь видеть мелькавшее в кустах светло-коричневое пятно.

Убегавшая фигура на мгновение показалась полностью. Это была антилопа, горной породы с изогнутыми назад неразветвленными рогами. Она спикировала, крикнув той остановиться, и антилопа обернулась, чтобы взглянуть вверх. Она мельком увидела большие коричневые глаза, прежде чем ноги антилопы запутались в лианах, и она

растянулась в густом подлеске. Квалинестийская погоня начала сходиться к этому месту.

К тому времени, как Львица приземлилась и подбежала туда, где упало животное, там уже ничего не было, кроме путаницы оборванных лиан. Двое разведчиков, спешившись, исследовали листву. Существо исчезло. Она помогла им, но было очевидно, что животное такого размера не могло здесь прятаться. Пройдя по следам от лиан обратно, они нашли отпечатки крошечных копыт. По крайней мере, они были реальными.

Подъехали остальные разведчики и пояснили, как они изначально вспугнули антилопу. Они проезжали мимо тонкой полоски алоэ и низкорослых сосен, когда животное внезапно выскочило позади них. Соскучившиеся по свежему мясу, эльфы начали погоню.

«Она выскочила *после* того, как вы прошли?» — спросила Керриан.

«Готовы поклясться», — сказал один из разведчиков-кагонести, зная, что это выглядело нелогичным.

Ни одно дикое животное, спрятавшись и избежав обнаружения, не будет потом испытывать свою удачу, выскакивая до того, как уйдут охотники. Так же сложно было поверить, что эти умелые разведчики могли пропустить взрослую антилопу в первой точке.

Кагонестийский разведчик прижал руку к сердцу и поклялся: «Ее там не было, Генерал. Я проехал прямо через то место. Там не было антилопы. Клянусь».

«Мы долго были в открытой пустыне», — пробормотала она, качая головой. — «Может, солнце напекло нам мозги».

Они не засмеялись. Молчаливая тяжесть атмосферы долины оказывала влияние даже на ветеранов-кагонестийцев. Все настороженно оглядывались, словно в неуверенности, что еще может внезапно выскочить у них из-под ног. Керриан, которая опустила на колени, чтобы изучить отпечатки копыт, быстро поднялась и сделала им замечание за их безрассудство.

«У нас и так достаточно проблем, чтобы создавать себе новые. А в следующий раз вы будете рассказывать мне, что это животное было призраком!»

Они выглядели потрясенными тем, что она посчитала все шуткой; Керриан могла бы прикусить свой язык. Подтягивалась оставшаяся колонна, так что она покинула разведчиков и направилась отправить ввысь Орлиного Глаза.

Голоса стихли, как если бы эльфы проходили через священное место. Когда прибыл Фаваронас, пешком, Керриан сидела на низком участке стены. Она жестом указала ему присоединиться. Он осторожно коснулся камня, словно ожидая обнаружить тот горячим. Удовлетворенный, он присел.

Она рассказала об ускользнувшей от них добыче. «Она выглядела как антилопа, но чем бы ни являлась на самом деле, она исчезла прямо у нас на глазах».

Он не казался удивленным, услышав это. «Старые хроники говорят о странных силах, действующих здесь. Те манускрипты, что я читал, не указывают на явные опасности. Конечно же», — добавил он, скривившись, — «понятность — не их сильная сторона».

Они вдвоем поразмышляли о странном отсутствии живой природы. Кроме призрачной антилопы, они совсем больше не видели ни животных, ни даже насекомых. Прошел день с тех пор, как они пили из Реки Львицы, и никто не сообщил о каком-либо недомогании, так что с водоснабжением проблем не было. Было ли что-то еще враждебное для жизни в Долине Молчания?

Керриан знала, что Гилтас был бы чрезвычайно расстроен, если бы его план переселения эльфов провалился. Она сожалела о разочаровании, которое он ощутит, но, в то же время, ее вновь охватила досада на него. Он казался убежденным, что еще не настало время для

освобождения их земель предков. Но если долина окажется неподходящей для их народа, тогда что? Они так и будут вечно торчать в Кхуриносте, запертые в своих жалких палатках, полагаясь на милость хана людей?

«Интересно, кто мог построить эти огромные монументы?»

Голос Фаваронаса отсек ее нараставший гнев. Архивариус покинул свой насест на стене и принялся исследовать стену, двигаясь дальше.

«Прекрасный вопрос, Господин Архивариус», — сказала она, складывая руки на груди. — «Сколько вам понадобится времени, чтобы выяснить?»

Он посмотрел на обширный луг каменных развалин и чуть заметно покачал головой. «Я не знаю, с чего начать. Это зависело бы от того, что бы мы обнаружили. Я не вижу явных намеков на личность строителя».

«Но кто-то воздвиг эти менгиры, кто-то могущественный. Полагаю, давно умерший и давно сгинувший».

«Первое, да», — пробормотал он. — «Последнее, возможно, нет».

«Что ты имеешь в виду?»

«Ты сама затронула эту тему, заговорив об исчезнувшей антилопе». — Она посмотрела на него непонимающе, и он добавил. — «Призраки. Души мертвых все еще могут бродить среди развалин».

Очевидно, ее диковатые братья были не единственными, чьи мысли двигались в данном направлении. Они все позволяли этой таинственной долине и ее массивным каменным часовым играть шутки с их разумом. Пренебрежительно фыркнув, она спрыгнула со стены и дружески шлепнула архивариуса по плечу.

«Постарайся выяснить, кто это построил, Фаваронас. И не волнуйся; мы можем уйти в любое время, когда понадобится».

Она знала, что последнее, скорее всего, являлось ложью. Снаружи долины, скорее всего, собралось неизвестное число вооруженных кочевников, поджидая возвращения эльфов. Выбраться из Инас-Вакенти может оказаться еще более трудной задачей, чем было попасть сюда.

Вернулись разведчики. Они сообщили, что развалины тянулись на многие мили — казалось, им нет конца — и они так и не обнаружили признаков каких-либо живых существ.

Был уже ранний вечер, а они продолжали идти без остановки с прошлой ночи, так что Львица решила разбить лагерь прямо здесь, среди развалин. Воины были рады отдыху, но Фаваронас явно нервничал по поводу выбора места для лагеря. Тем не менее, в этой странной долине любое место было вероятно так же хорошо (или плохо), как и любое другое.

Еще один курьер, на этот раз квалинестиец, был отправлен в Кхуриност. Львица знала, что ему понадобится прикрытые наступавшей ночи, чтобы проскользнуть мимо расположившихся снаружи долины кочевников, так что времени для сочинения подробного отчета не было. Посланнику было передано спешно написанное письмо, в котором она благодарила Гилтаса за присылку Орлиного Глаза, обещала хорошенько использовать грифона против их врагов, и изложила сухие факты о природе долины.

Они разбили лагерь в тени возвышавшегося на двенадцать метров валуна песчаника. Пока воины ухаживали за лошадьми, раскатывали постели и собирали хворост для костров, Фаваронас принялся обустриваться у основания высокого монолита. Он пристроил навес из сосновых веток, затем развел небольшой костерок. Подкормленное сухими веточками

можжевелика, пламя отправило в безоблачное небо сладкий аромат. Получив огонь и уют, архивариус раскрыл свой футляр с манускриптами и принялся читать. Он внес изменения в свой набросок карты и на отдельных клочках пергамента сделал заметки для Беседующего о том, что они видели в долине.

Кериан устанавливала свою собственную палатку — в нескольких метрах от костра архивариуса, так как дала себе поручение присматривать за ним — когда вернулись фуражиры. Они принесли лишь неприятные вести. Дичи здесь не было.

«Вы ничего не нашли поесть? Совсем ничего?» — спросила она.

«Несколько горьких корешков и семена сосны, Генерал», — ответил один. Другой добавил: «Я даже не видел комаров или мух в этой долине».

«Кхур — королевство мух и тому подобных вредных насекомых. Почему их здесь нет?»

«Отчего-то они исчезли», — пробормотал Фаваронас.

Кериан обернулась. Он сидел у своего костерка, поглощенный бумагами. Она попросила его пояснить свой комментарий. Он поднял взгляд, слегка моргая, пока его глаза фокусировались на ней после близко поднесенного к лицу манускрипта. Она повторила вопрос.

«Я не могу назвать то, что не имеет названия», — нелюбезно ответил архивариус и вернулся к своим исследованиям.

Он бормотал себе под нос, слишком тихо, чтобы Кериан уловила слова. Она сдалась пытаться разобрать ход его мыслей и направилась пройтись среди своих воинов.

Выбранное ей для лагеря место было пересечением двух широких дорог, одна шла с северо-востока на юго-запад, другая пересекала ее под прямым углом и шла с северо-запада на юго-восток. Нанесенная дождями за годы грязь заполнила слегка осевшие полотна дорог, но немного покопав, они установили, что те были покрыты той же крупной брусчаткой, что и дорога, приведшая эльфов сюда от Реки Львицы.

Высокие стены Халкистских гор обусловили ранний приход заката в долину. За несколько часов до того, когда свет постепенно угаснет в пустыне снаружи, их лагерь накрыли сумерки. Холод, казалось, выпрыгнул из-под земли, и эльфы могли наблюдать свое собственное дыхание. Ключья тумана в низменностях сливались в единое целое.

Кериан велела развести в центре лагеря, являвшемся также центром перекрестка дорог, большой костер. Фуражиры в изобилии обнаружили валежник сосны, кедра и ветки пихт, хотя и не нашли хорошей твердой древесины, и к тому моменту, как первые звезды замигали на небе, яркое пламя уже посыпало к ним на воссоединение искры. Свет костра придавал окружающим их развалинам вид еще более зловещий, более странный. На приличном расстоянии от лагеря были выставлены сменные конные патрули. Каждому эльфу был выдан рог, чтобы трубить, и назначен характерный сигнал. Если что-то случится, Львица будет точно знать, какой часовой поднял тревогу.

Она проверила, как там архивариус. Какой бы страх Фаваронас ни испытывал от пребывания в долине, тот не помешал ему заснуть. Однако, очевидно, он решил не спать в своей пристройке, и задавал храпака в палатке Львицы.

Она со своими офицерами вновь разожгли небольшой костерок архивариуса у основания огромного валуна и устроились на ужин.

«Генерал, теперь, когда мы отыскивали Инас-Вакенти, сколько мы тут будем оставаться?» — спросил один квалинестец.

Она пожала плечами, проглатывая порцию бобов. «Я не вижу причины оставаться. Мы

отправимся назад завтра».

У всех на лицах отразилось изумление. В соответствии с той информацией, что она им дала (которую она, в свою очередь, получила из карты Гилтаса), долина в длину была не меньше дюжины миль. Разве им не стоило исследовать дальше? Тут могут таиться не обнаруженными ими опасности, или другие развалины, или...

«И что насчет кочевников? Клянусь своим мечом, держу пари, они поджидают нас».

Это произнес Глантон, один из немногих оставшихся в живых офицеров королевской армии Квалинестии и младший брат Планчета, камердинера Беседующего. Глантон был настолько же словоохотлив, насколько молчалив Планчет, и Кериан не сомневалась, что он захочет развить эту тему, поэтому она опередила его.

«Мы тихо выскользнем, как можно дальше избегая кочевников».

Боец по натуре, Львица предпочла бы пробиться наружу, сметая с пути фанатиков. Но ее эльфов было слишком мало. Если единственный бой пойдет не так, может быть потерян весь отряд, а ей было поручено доставить Гилтасу лично правду о долине. Инас-Вакенти не была новой родиной для их изгнанного народа. Да, мягкий климат и живописный пейзаж, но что-то здесь было враждебным для животного мира. Она не верила в высказывания архивариуса о призраках, тем не менее, нельзя было отрицать полное отсутствие живых существ.

«Мы поскачем на восток, к горам, и поищем другой выход», — сообщила она. — «Должно быть что-то — козлиная тропинка, оленья тропа, хоть что-то». Она криво улыбнулась своим бобам. «Всем животным пришлось куда-то уйти».

«Другого пути наружу нет».

У границы света костра, в проеме палатки Кериан, стоял Фаваронас. Львица с офицерами уставились на него.

«Я до малейших деталей изучил карту Беседующего», — сказал он, приближаясь. — «Древний картограф был очень точен, и он не изобразил другого пути наружу».

Кериан спросила: «Тогда куда ушли все животные? Они вымерли?»

Фаваронас согласился, что не знает ответа на этот вопрос. Он сел между ней и Глантоном, принимая тарелку бобов и ломоть плоского кхурского хлеба. Так как, по-видимому, ему больше нечего было сказать, воины завели разговоры о своих стычках с кочевниками, анализируя тактику и воинское мастерство Вейя-Лу. Все согласилось, что если бы у кочевников было оружие получше, они могли бы здесь сейчас не сидеть.

Вдали прозвучал рог. Беседа оборвалась, офицеры напряженно вслушивались. Звук был долгим, колеблющимся — сигнал, назначенный сильванестийскому разведчику по имени Камтантас. Его район патрулирования был на северо-востоке, дальше по той же дороге, что они следовали после переправы.

Задули еще два рога, и Львица вскочила на ноги.

«Кочевники?» — спросил Фаваронас, роня тарелку с бобами.

«Нет», — ответила она, сосредоточив свое внимание в сторону этих звуков. — «Северо-восток, из глубины долины. Другие два сигнала от часовых по обеим сторонам от Камтантаса».

Она указала на двух своих командиров, велев им со своими солдатами сопровождать ее. Глантону следовало остаться и защищать лагерь. Воины бросились выполнять поручения.

«Ты тоже, Фаваронас. Ты со мной».

Он подпрыгнул, с пепельным в тусклом свете лицом. «Что? Я не воин! И я не могу ехать

на этом твоём звере!»

«Тебе и не нужно. Я отправлюсь на лошади». Орлиный Глаз спал, привязанный внутри угла каменной стены. Он сегодня много часов провел в воздухе и заслужил хороший отдых.

Львица взяла Фаваронаса за руку и потянула его за собой. «Прошу прощения, но мне может понадобиться твое знание долины». Когда он продолжил испуганно протестующе лепетать, она резко развернулась и прокричала ему в лицо: «Фаваронас! Ты мне нужен! И я защищу тебя!»

Спустя несколько минут сорок эльфов, ведомые Львицей, за спиной у которой сидел ее компаньон поневоле, легким галопом скакали по дороге к позиции Камтантаса. Долину Молчания освещали лишь звезды, сверкавшие, словно тысяча бриллиантов на покрывале из черного шелка. Справа от Кериан прозвучал еще один тревожный рог, затем другой. Шедшие подряд сигналы показывали, что источник тревоги удалялся от нее и ее маленького отряда. Она поднажала. Добравшись до назначенной Камтантасу позиции, Кериан поняла, что случилось что-то очень плохое. Его лошадь была мертва, ее брюхо было распорото.

«Извлекь мечи!» В прохладной тьме взмыли сорок клинков. «Первый отряд, налево; второй, направо! Не терять из вида соседей. Шагом, вперед!»

Она чувствовала, как отчаянно дрожал Фаваронас позади нее, его руки слегка держались за ее талию. Ей не была чужда жалость. Он и в самом деле не был воином. Несмотря на это, и смерть помощников, он не тормозил их во время тяжелого перехода. Теперь он шел с ней в бой — возможно и неохотно, но без скулежа. Она резко велела ему перестать беспокоиться о протоколе и держаться крепко. Его дрожащие руки сдавили ей талию.

Они медленно двигались вперед. Вскоре стало ясно, что ее приказ не выпускать друг друга из вида было невозможно выполнить; воинам приходилось объезжать участки стен и монолиты.

Что-то мелькнуло между двумя высокими валунами, и Фаваронас закричал. Он увидел лишь силуэт, но тот было большой — крупнее лошади. Когда он выдал из себя это предупреждение, ее озарило понимание.

Резко разворачивая лошадь, она прокричала: «Песчаный зверь! Отходим! Отходим!»

Ее слова сопровождалась хором криков поблизости, за которыми последовала подлинная какофония из рогов. Она пустила лошадь галопом. Фаваронас взвизгнул, когда его швырнуло назад, но не ослабил хватку.

«Присоединяйтесь ко мне, на дорогу! Присоединяйтесь ко мне!»

Сорок эльфов стеклись к своему генералу. Некоторые подтвердили их опасения. Они видели пресмыкающееся чудовище. Были натянуты тетивы. Лошади шарахались и храпели. Они чувствовали запах песчаного зверя.

И тут он выскочил на них, с невероятной ловкостью и скоростью передвигаясь зигзагами среди древних камней. Скрипнули луки, запели тетивы, и стрелы устремились к чудовищу. И все как одна отскочили.

Львица прицелилась в глаз монстра, но тот передвигался столь быстро, что ее стрела пронеслась сквозь пустоту. Песчаный зверь атаковал эльфов, размахивая из стороны в сторону своей рогатой головой. Бешеная паника лошадей мешала их всадникам избегать бросков зверя. Лошади и эльфы падали за землю. Чудовище яростно набросилось на одну барахтавшуюся пару. Все это время от его бронированной шкуры отскакивали стрелы.

«Как нам убить эту тварь?» — в отчаянии закричала Кериан.

Одна лошадь, храбрее своих собратьев, внезапно лягнула кровожадного зверя. Когда подкованные железом копыта попали прямо ему по глазам, чудовище попятилось, врезавшись в менгир. Пяти с половиной метровый монолит качнулся.

Уцепившийся за спину Кериан Фаваронас увидел это, и ему в голову пришла идея. «Генерал, глядите!» — крикнул он, стуча ей по плечу боковой поверхностью руки. — «Камень шатается! Если мы опрокинем его!..»

Она начала отдавать приказы еще до того, как он закончил. Пока большая часть отряда сдерживала чудовище на месте, четырнадцать эльфов, спешившись, собрались с другой стороны камня, чтобы столкнуть его.

Атакующие наступали, выпуская стрелы в голову песчаному зверю. Твари приходилось моргать каждый раз, как стрела летела ему в глаза. Зажатая у монолита, она мотала головой из стороны в сторону и недовольно визжала в ярости.

«Давайте!» — крикнула Кериан.

Четырнадцать эльфов бросились на шатающийся шпиль. Тот слегка поддался, и песчаный зверь любезно сделал шаг вперед, когда почувствовал, как холодный камень слегка подтолкнул его в спину. Атакующие удвоили свои усилия, и песчаный зверь попятился, толкая камень назад и еще больше расшатывая его.

«Еще раз!»

Эльфы забрались на плечи своих товарищей, чтобы добраться до наклонившегося камня. Со стонами, хрипом и не прекращавшимися проклятиями они толкали монолит. Бирюзовая почва у его основания вспучилась и начала подниматься. Монумент падал.

«Назад! Назад!»

Пешие и конные эльфы бросились в разные стороны. Внезапно избавившись от назойливого дождя стрел, песчаный зверь лягнул передней лапой. Со своей двойной ношей, лошадь Львицы замешкалась на фоне остальных. Железные когти хлестнули лошадь по бокам. Лошадь и всадники свалились в одну кучу.

Огромный камень продолжил свое неумолимое падение. Песчаный зверь почувствовал опасность, но слишком поздно. Сужавшийся шпиль грохнулся ему на бедра, придавив к земле и хороня его под тоннами камня. Зверь издал пронзительный вой.

Эльфы вскарабкались на монолит, добавляя свой вес к тяжести на лапах твари. Пока та рычала и царапала камень, они наносили яростные удары по более мягкой коже под лапами. Несколько мечей сломались, но при этом достаточно проникли, чтобы вызвать кровотечение. Мечась в муках, которых никогда не знал, песчаный зверь могучим усилием выгнул спину, сдвигая колонну и эльфов, и высвободился. Волоча переломанную заднюю часть туловища, он убежал, продвигаясь на несколько метров за раз при помощи мощных передних лап. Жажда убивать эльфов имела более низкий приоритет, чем первичная потребность — жить.

Ее воины отыскивали Львицу, оглушенную, но невредимую. На ней растянулся Фаваронас; архивариус был без сознания.

«Генерал, мы одолели его! Он убегает!» — закричали они, отодвигая в сторону Фаваронаса и помогая ей встать.

Эти слова проникли сквозь туман в ее голове. «Что? Идите за ним! Не позволяйте ему спастись!»

Конные эльфы прищипорили своих скакунов. Кериан попросила новую лошадь. Пока за ней отправились, она стала на колени у Фаваронаса. Из его носа тонкой струйкой текла

кровь, но глаза были открыты. С ее помощью, он сел, держась обеими руками за голову.

«Мы не умерли?» — пробормотал он.

Она усмехнулась. «Разве я не сказала, что защищу тебя? Я даже позволила тебе приземлиться на меня!»

На лице Фаваронаса застыло мрачное выражение, когда его взгляд устремился ей за спину. «Посмотри туда!»

Из глубокой дыры, оставленной опрокинутым монолитом, исходил рой крошечных огоньков. Они плавали и носились в ночном воздухе: голубые, белые, красные и дымно-оранжевые. Голубые огоньки поднимались быстрее остальных и исчезали один за другим. Белые и красные огоньки опускались на землю и гасли, словно упавшие на мокрую траву угольки. Оставались лишь оранжевые искорки, кружа и поднимаясь.

Львица сделала несколько шагов к огонькам, но Фаваронас предупредил: «Держись подальше! Не прикасайся к ним!»

«Что это такое?»

«Я не знаю, но они удерживались колонной. Их не собирались выпускать странствовать!»

Привели лошадь для Кериян. Морщась от накопившихся ран, Львица вскочила на нее, сказав Фаваронасу: «Наблюдай за этими штуковинами. Скажешь, что происходит». Она пришпорила лошадь и поскакала за песчаным зверем.

Кружившие оранжевые огоньки отделились группами по два и три, и последовали за ней. Фаваронас и пешие воины предупреждающе закричали, но она уже была слишком далеко, чтобы услышать.

Жгучая боль позволяла песчаному зверю развить скорость лишь чуть больше, чем у скачущей во весь опор лошади. Сломанные в левом бедре кости терлись друг о друга. Порезы от мечей в нежном суставе его левой задней лапы пылали.

Огромной, как его муки, и даже сильнее, была пылающая в его груди ярость. Жажда мести толкала его вперед. Следовало стократно причинить подобную боль тому, кто направил его сюда. Если будет необходимо, он пересечет весь мир, чтобы уничтожить ответственного за эти страдания.

Его правая задняя лапа за что-то зацепилась. Ненадолго остановившись, чудовище завалилось вперед, зарываясь мордой в дерн. Прежде чем оно смогло подняться, засвистели еще веревки, охватывая его рогатую голову и передние конечности. Каждая петля туго затягивалась, та, что охватила его шею, так сильно сдавила, что оно не могло сделать вдох. Затем существо почувствовало, как его тянут сразу в четырех направлениях.

Кериян прискакала галопом, чтобы увидеть фантастическую сцену. Песчаный зверь был повержен, мечась в своих узах. Раненый и сбитый с толку, он не смог порвать державшие его веревки прежде, чем добавились новые. Его метания вздымали комки сине-зеленой почвы и сильнее открывали его раны. Кровь струилась свободно. Еще петли охватили его шею. Его глаза вываливались из орбит по мере того, как нарастало давление на его горло.

Пока ее лошадь тормозила юзом, она с изумлением наблюдала, как мимо нее пронеслись оранжевые огоньки. Не останавливаясь, они проплыли к мучавшемуся зверю. Они зависли в нескольких метрах над ним, сверкая, словно кварц в свете костра, пока их число все нарастало, а затем в унисон упали. Когда они коснулись твердой плоти песчаного зверя, местность озарила беззвучная вспышка белого света. От порыва холодного ветра у Кериян перехватило дыхание. Веревки резко опали, отчего тянувшие их лошади рванули

вперед и едва не сбросили своих седоков.

К всеобщему изумлению, песчаный зверь исчез.

* * *

Вапа остановился у полога палатки Адалы. «Вейядан, у меня для тебя еда».

«Входи, кузен».

Он поднырнул под горизонтальный брус и стал перед ней на колени, стараясь не рассыпать содержимое крошечной тарелки, что он нес. Только спелые оливки, хлеб и рис, все холодное, но она не прокомментировала скудный рацион.

Прошли два дня с тех пор, как *лэддэд* бежали в Долину Голубых Песков. Адала установила свою палатку прямо там, где стояла, и остальные воины кочевников разбили лагерь вокруг нее, перевязывая свои раны и хороня своих мертвых. Они будут оставаться здесь до возвращения эльфов.

Проблема была в том, что у них не было достаточно припасов для долгой стоянки. У кочевников лишь были те еда и вода, что оказались при них во время сражения, и ничего больше. Сражаться налегке и необремененными было их традицией; затяжная осада была не их стилем. Основная масса их припасов была потеряна при нападении на семейный лагерь.

Немедленно возник дефицит. В большинстве кхурских лагерей у каждой палатки был свой собственный очаг, но сейчас у кочевников было так мало топлива, что лагерные огни разжигались по одному на пять палаток. Традиционно, они жгли коровьи или козьи лепешки, но они находились далеко от своих стад. Вода была драгоценной, а пища скудной.

Адала не разводила огня, хотя любой из ее воинов с радостью отдал бы ей свое топливо. Она сидела в своей палатке и шила по своему собственному проекту, единственным ее освещением был свет звезд, который она собирала в установленное в открытом дверном проеме вогнутое серебряное зеркало.

«Никаких признаков врага», — доложил Вапа. Она кивнула, но не подняла взгляд. Кончики ее пальцев были исколоты и красные от раздражения, неизбежное следствие долгого шитья при таком слабом освещении.

Он ждал, что она прекратит шить и поест. Когда прошли несколько долгих минут без каких-либо намеков на это, он решился задать вертевшийся у него в голове вопрос. Она поест, когда поест.

«Маита, как долго мы пробудем здесь?»

Соплеменники недавно добавили это к ее титулам. Больше не говоря «Маита Адалы», они называли ее самой Судьбой.

«Мы будем оставаться здесь, пока *лэддэд* не выйдут». — Она перевернула тяжелый прямоугольник ткани и принялась шить с другой стороны. — «Или пока нам не велит идти».

«Велит кто?»

«Те, кто Наверху. Я всего лишь Их орудие».

Нахмурившись, Вапа вышел. Лагерь, через который он возвращался в палатку Биндаса, недавно назначенного военачальником Вейя-Лу, был темным и мрачным. Младшие военачальники племени взяли привычку собираться здесь, не в последнюю очередь из-за того, что покойный дядя Биндаса, Гварали, никогда никуда не отправлялся без серьезных запасов пшеничного пива. Вожди сидели вместе в абсолютной темноте, потягивая пиво из

крошечных латунных чашек и тихо обсуждая сложившуюся ситуацию. Уже пошли разговоры о том, чтобы покинуть устье долины. Им не нужно болтаться здесь, говорили несогласные. Все, что им нужно делать, это охранять обратный маршрут в Кхури-Хан, и они непременно поймут *лэддэд*, когда те попытаются вернуться к своему народу. Пищу, воду, медикаменты и другое снаряжение можно было бы получить торговлей, если только они оставят это место и продолжат движение. Это было традиционно для них. Сидеть здесь в тени Столпов Небес было несвойственно, и опасно.

«Вейядан знает, что делает», — настаивал Вапа. — «Те, кто Наверху выбрали ее, чтобы очистить нашу землю. Вы сомневаетесь в ней?»

Никто этого не произнес, но зачатки этого мнения были столь же очевидны в темной палатке, как был очевиден аромат варева Гварали.

Разговоры переключились на стратегию. Какой способ был наилучшим, чтобы поймать и разгромить неуловимых эльфов? Их длинноногие лошади были сильными и быстрыми, хотя и не такими выносливыми, как пустынные пони. Доспехи *лэддэд* не пробивались любимым оружием кочевников, луком. Даже у их мечей клинки были длиннее, чем у членов племени.

«Неракцы в Восточных Дебрях скачут с копьями», — сказал Биндас. Он служил наемником в армии Рыцарей во время недавней большой войны. — «Они пронзают любой металлический доспех на скаку».

«Чтобы сделать копьё, тебе нужно твердое дерево», — заметил другой ветеран-наемник.

«Мы можем выменять их».

«До того, как *лэддэд* выйдут?»

И дальше в таком же духе. Повышались голоса и проявлялись вспышки гнева по мере того, как опустошались пивные запасы, и озвучивалось недовольство. Те немногие из младших военачальников, кто бывал за пределами Кхура, предлагали вести войско в долину, чтобы отыскать эльфов.

Командиры постарше были шокированы. «Ваше преступление будет ничуть не меньше, чем их!» — произнес один из них.

«Где написано, что мы не можем входить в долину?» — сказал молодой военачальник. — «Это традиция, да, но почему? Что делает это место таким священным?»

Вапа прочистил горло. Многие закатили глаза; кузен Вейядан был известным любителем поговорить.

«Когда Те, кто Наверху сотворили мир, они все по очереди вдавили руку в новую землю, оставив отпечаток. Каждый бог сказал: „Это мое место. И чтоб никто не осквернял его“. Шло время, стихии и различные катаклизмы стерли следы большинства этих мест. Но Долина Голубых Песков осталась в том виде, в котором была, когда боги создали ее. Это их место, не наше, и не *лэддэд*».

На какое-то время воцарилась тишина, нарушаемая только стуком латунных чашек и звуками наливаемого пива. Биндас осушил последние капли из своей чашки и поставил ее. Он просил извинения у собравшихся, собираясь предложить им всем отправиться спать, когда над лагерем раздался странный металлический звук. Все поспешили из палатки, присоединяясь к остальным обитателям лагеря, также собравшимся снаружи, чтобы выяснить, что происходит.

Звук повторился, и они обнаружили его источник. На гребне холма в шестидесяти метрах от них, на фоне звездного неба, всадник на вставшем на дыбы коне дул в рог. Были

натянуты луки, но Биндас запретил кому-либо пускать стрелу. Враг вряд ли провозгласил о своем приближении медным рогом.

Всадник галопом спустился по каменистому склону холма, лавируя между кустами можжевельника и большими камнями, в центр лагеря. Как раз к палатке Адалы. Вейядан вышла как раз вовремя, чтобы попасть в облако пыли, поднятое, когда черный конь остановился юзом. Его всадник был одет в свободные одежды, не светлых тонов, как у традиционного геба, а алые, казавшиеся практически черными в свете звезд. На его голове был капюшон. Он был худым, с бледным лицом чужеземца. Он казался небольшого роста, но, возможно, всего лишь из-за того, что его конь был таким большим, не меньше восемнадцати ладоней в холке.

«Кто здесь командует?» — спросил он. Голос был мужским и довольно молодым. — «Вы понимаете меня? Кто ваш вождь?»

«Я». — Адала сделала шаг вперед. — «А кто ты?»

«Я принес вам послание от Шоббата, принца Кхура!» — Он сделал паузу, явно ожидая ответной реакции. Когда Адала никак не отреагировала, он добавил, еще громче, — «Принц призывает людей пустыни Кхура спасти свою страну!»

«Этим мы и занимаемся».

Адала подобрала свой геб и приблизилась. Она остановилась довольно близко к внушительному коню и посмотрела на его облаченного в алое всадника. — «Я — Адала, Вейядан племени Вейя-Лу, избранный вождь этих людей. Этот конь — не из Кхура. Как и ты. Кто ты?»

«Гонец, и ничего больше. Я родился за горами. Теперь я служу Кхуру. У меня воззвание от принца Шоббата. Вы примите его?»

«Почему кхурский принц нанимает чужеземца, чтобы передать свой призыв?» — спросила Адала.

Гонец вытащил из своего ремня маленький свиток. «Мой конь могучий и быстрый. Я пришел в Кхури-Хан за работой».

Адала пожала плечом, и пробормотала старую поговорку: «Крыса во дворце остается крысой».

Всадник швырнул свиток к ее ногам. «Здесь воззвание принца Шоббата. Прочитайте его, и узнайте правду. Или мне нужно прочесть его для вас?»

Оскорбительный намек остался без ответа. Адала подняла свиток и протянула его стоявшему рядом с ней Биндасу. Военачальник сломал печать и прочитал вслух обращение.

«Да будет известно, я, Шоббат, законный принц Кхура, прикладываю руку к этому посланию.

Возлюбленные сыны Кхура: чужеземная чума, которую мы давно терпим, теперь угрожает нашей древней земле. Пять лет *лэددэд* обитали среди нас, ведя свой чужеземный образ жизни и распространяя свои чужеземные идеи. В Кхури-Хане их стали покупать сердца, а их ересь туманит разумы. Мой отец, Хан Всех Кхурцев, Сахим, поддался соблазну денег *лэددэд*.»

Кочевники уже подумывали, что это правда. Слышать это от наследника Сахима было откровением. Повсюду слышался шепот, и были видны широко раскрытые глаза.

«Храмы Кхури-Хана стали нечистыми. Сахим-Хан позволяет *лэددэд* ходить, куда те пожелают, и игнорировать законы и обычаи Кхура. Как верный сын Кхура», — Биндас иронично фыркнул, прочитав эту фразу, — «я не могу больше выносить эту измену».

«Довольно», — сказала Адала. — «Чего он хочет?»

Биндас минуту молча читал, затем связал середину и конец цветастого послания. «По этой причине я молю всех людей пустыни, у которых в сердцах истинная душа Кхура, скакать к Кхури-Хану и уничтожить здесь чуму *лэддэд*».

Ветер заставлял дрожать пламя масляных ламп. Огромный конь, которому явно было не по душе большое скопление людей, окружавших его, фыркал и стучал копытами. Все молчали.

«Ну, какой ваш ответ?» — наконец спросил посланник.

Адала разглядывала коня, игнорируя вопрос его наездника. Женщина Вейя-Лу смело подняла руку. Даже вытянув руку, она не доставала до головы коня на горделиво выгнутой шее. Конь мог откусить ей пальцы одним коротким движением зубов. Вместо этого, он перестал нервно переминаться и опустил голову, чтобы Вейядан могла погладить его по щеке. Сильнее нагнув голову, конь ткнулся носом ей в руку.

Всадник был удивлен покорностью своего скакуна. Он дернул поводья, поднимая голову своего коня обратно вверх. «Вы собираетесь дать ответ?» — спросил он.

Адала заговорила, но не с ним. Она повернулась, при этом черное платье обвилось ей ноги, и объявила: «Посланник-чужеземец и его большой конь — это знаки. Мы отправимся в Кхури-Хан. Мы поднимем племена. Все дети пустыни примут в этом участие. Это наш долг — очистить Кхур».

Глядя на север, в сторону темноты на месте Зубов Торгана и входа в долину, она добавила: «Пусть *лэддэд* сгинут в своем тщеславии. Те, кто Наверху позаботятся о богохульниках».

Полтысячи воинов Вейя-Лу подняли руки над головами и закричали в унисон: «*Маита Адала! Маита Адала!*»

Шум был таким большим, что конь курьера в тревоге попятился. Лишь мастерство и сообразительность всадника удержали его в седле. Его задача была выполнена, и он не испытывал желания задерживаться. Он пришпорил своего черного коня и галопом унесся прочь.

Воодушевившись, кочевники побросали в костры все тщательно запасавшееся топливо. Пламя взметнулось, посылая в небо брызги искр. Вместе с ним нарастал и речитатив соплеменников.

Скача прочь, неракский курьер еще долго мог наблюдать свет костров кочевников. И еще дольше он слышал их ревуший напев.

Хенгриф, ожидавший верхом в миле от этого места, тоже слышал их. Искры упали на трут. Все, что оставалось, лишь наблюдать, как разгорается большой костер.

Врата Кхури-Хана были закрыты и заперты. Не было ни предупреждения, ни шквала рогов или суеты стражников. Железные решетки, некогда сдерживавшие приспешников Малистрикс, просто опустились на место. Зубчатые стены, обычно патрулируемые солдатами Хана, опустели.

Это было не то развитие событий, которое ожидал Гилтас. Последние полтора дня, с тех пор как пришла весть о предполагаемой резне в лагере кочевников, толпы кхурцев, вооруженных палками, ручным инструментом и камнями несколько раз выходили из города, чтобы нападать на Кхуриност. Самая большая из этих групп состояла из тысячи людей, но каждый раз их без труда заставляли повернуть назад Планчет, Хамарамис и эльфийская стража. Палатки на периферии лагеря были изодраны и сожжены, но разгневанные кхурцы ни разу не проникали глубоко в Кхуриност. И вот теперь городские ворота были закрыты.

Беседующий и большинство его советников стояли на свободном пространстве перед королевской палаткой. Это место было самой высокой частью Кхуриноста, хотя и не сильно возвышалось. Вечернее солнце было позади них. Его оранжевые лучи искрились на глазурированных плитках и желтых куполах Кхури-Хана, омывая окрестности обманчиво приятным и мягким свечением.

«Что задумал Сахим-Хан? Он пытается защитить нас от своего народа, или что?» — пробормотал Гилтас.

Никто из его советников не знал. В группе отсутствовал лорд Мориллон. Тот находился в городе, ища аудиенции у Хана. Планчет, только что вернувшийся из инспектирования повреждений, нанесенных внешнему кольцу палаток, снял шлем и вытер лоб тряпкой.

«Может, хочет отсечь нас от воды», — сказал он.

Он озвучил то, в чем сам нуждался, но его предположение было вполне логичным. Каждая каплю воды в Кхуриност приходилось приносить из города. Если Сахим-Хан откажет им в доступе, следующие ближайшие колодцы находились в оазисе Винг, в тридцати милях к северо-востоку, два-три дня для пешего хода эльфам. Могли повториться ужасы переселения в Кхур пятилетней давности, и ежедневно. Гилтасу нужны были альтернативы. Он вызвал обратно Хамарамиса и, совместно с ним и Планчетом, обсудил, как исправить ситуацию.

«Нам следует штурмовать город», — предложил Хамарамис. — «Люди оставили нам лестницы по всему Кхури-Хану».

Леса, возведенные для восстановительных работ на стенах, оставались во многих местах.

Планчет покачал головой. «Сахим-Хан должен знать это. Он не дурак».

Беседующий изучал Кхури-Хан сквозь латунную подзорную трубу. Ее рубиновые линзы, отполированные в гильдии резчиков драгоценных камней Квалиноста, позволяли ему наблюдать за улицами Квалиноста с высоты дворца. Теперь они открывали усталым опаленным солнцем глазам Беседующего кхурские оборонительные сооружения. Ему претила идея нападать на Кхури-Хан. Они пять лет жили здесь в относительном мире и безопасности. У них нет настоящей вражды с Кхуром. Если они сейчас начнут штурмовать город, то им придется приложить все силы для победы. Поражение означает полное уничтожение. Их было слишком мало, чтобы быстро сокрушить людей, так что война в

пустынном королевстве затянется. Если вмешаются неракцы или минотавры, катастрофа поглотит и эльфов, и кхурцев.

«Возможно, это не Хан закрыл ворота», — сказал Планчет. Он беспокоился о своем молодом друге Гитантасе, который не вернулся в эльфийский лагерь. Возможно, Гитантас засветился на этом задании, и ворота закрылись по наводке мага Фитеруса.

Хамарамис напомнил им о фанатичных последователях Торгана, а Планчет сказал, что они не должны забывать о неракских эмиссарах, которых видели в Кхури ил Норе. У кхурцев были давнишние связи с Темными Рыцарями, и многие из солдат Сахим-Хана были наемниками у них на службе.

«Мы готовы двигаться?» — спросил Беседующий, продолжая наблюдать через подзорную трубу.

«Нам не хватает нескольких сотен повозок», — ответил Хамарамис. — «Не хватало лесоматериалов для их постройки, и нет времени закупить древесину. Так что, мы строим волокуши».

Диковатые эльфы часто перевозили таким образом товары и имущество. Простые волокуши требовали лишь двух длинных палок и натянутых между ними парусины либо шкур. Их могли тащить лошади, ослы и даже сильные козлы. Их полозья не застрянут в море песка снаружи Кхури-Хана.

Хмурый Хамарамис убыл продолжать приготовления. Он был против ухода, и его неприятие лишь открыто нарастало с каждым днем. Он предпочитал остаться и напасть. Захватим город, спорил он; будем вести переговоры с кхурцами из-под укрытия их собственных каменных стен.

Что этот храбрый и прямой план игнорировал, так это то, что как только город будет их, эльфы окажутся в ловушке. Племена кочевников соберутся и будут драться до последней капли крови, чтобы выбить их, и нельзя было игнорировать неракцев. Рыцари несомненно вмешаются, ворвавшись в Кхур как освободители. Последняя надежда эльфийских наций будет похоронена прямо в выстроенной ими самими каменной темнице.

Ответ, непреклонно верил Гилтас, лежит в отыскании нового места для проживания. Эльфам нужны барьеры из расстояния и негостеприимных пустошей, чтобы оберегать их от внезапного появления врагов. Только тогда они смогут вырасти и восстановить свою силу.

На него упала тень, и Гилтас поднял взгляд. Планчет открыл холстяной зонт, чтобы укрыть его в тени.

«Интересно, где сейчас леди Кериансерай?» — произнес камердинер, предлагая ему влажную тряпку.

Гилтас прижал ткань к горлу и ко лбу. «Надеюсь, в каком-либо прохладном месте».

Он получил от нее очень короткое донесение, спустя два дня после первого. Кериан со своими воинами вошла в долину. Ее климат был мягким и влажным, но они не нашли признаков жизни. Насколько они могли видеть, долина была усеяна странными каменными развалинами. Она собиралась проникнуть в центр долины, осуществляя свою исследовательскую миссию, а затем вернуться.

Гилтас едва понимал, как относиться к этому немногословному отчету. Он не содержал деталей от архивариуса, Фаваронаса, и поднимал больше вопросов, чем давал ответов. Подходила Инас-Вакенти для их народа или нет? Был ли там источник свежей воды? Какая-либо дичь? Что было такого странного в тех развалинах? Они несли на себе доказательства того, что были построены древними эльфами, как гласили некоторые из легенд?

Львица поблагодарила его за присылку Орлиного Глаза. Но ее обещание «хорошенько использовать его против наших врагов» было не особо дипломатичным.

Конечно, она находилась в условиях стресса, но разве ее отчетам следовало быть такими туманными и бесполезными? Не позволила ли она своим личным чувствам взять верх? Она была настроена решительно против его планов переселения в долину. Как и остальные воины в окружении Беседующего, Кериан предпочитала решать свою собственную судьбу в сражении. Хоть он и понимал это, он не мог позволить втянуть свой народ в войну. Из-за этого ему приходилось контролировать собственную жену. Ставки были слишком высоки.

Он снова вытер лоб, глядя в небо. Солнце было безжалостным. Кхуриност за день исчерпает свои запасы воды, если Кхури-Хан будет оставаться недоступным.

«И гораздо важнее», — сказал он, — «где сейчас лорд Мориллон? Нам нужно, чтобы эти ворота были открыты!»

* * *

Лорд Мориллон говорил те же самые слова Сахим-Хану в саду на крыше королевской крепости. Огромные навесы, сотканые из тростника, накрывали сад. В лучшие времена среди папоротников и ив били фонтаны, дополняя обстановку музыкой падающей воды и позволяя выращивать более нежные растения. К настоящему моменту водопровод еще не был починен, поэтому зелень ограничивалась небольшими кустами и цветами в горшках, которые слуги заносили внутрь в самое жаркое время дня. Несмотря на запустение, из сада по-прежнему открывался превосходный вид на город.

«Если наш народ не впустят, Великий Хан, он будет вынужден штурмовать город ради воды».

«Атаковать Кхури-Хан?» — громогласно воскликнул Сахим. — «Кровь заструится по городским стенам, если это случится!»

Сильванестийский дворянин кивнул, учтиво произнеся: «Ваше Величество мудр. И в самом деле, потечет кровь, эльфийская и человеческая».

Медоточивый Зунда шагнул вперед и произнес нараспев: «Велико снисхождение моего повелителя, Сахима Много-Благословенного! Его терпение подобно выдержке богов! Он слышал об ужасных злодеяниях, учиненных против его пустынных детей, и, тем не менее, он милосерден. Он по-прежнему не поднимает руку на *лэддэд*, так как гарантировал им безопасность. Слово Сахим-Хана подобно удару молнии, непреклонно и неизменно!»

Учтивые дипломатичные сильванестийцы никогда не скрипели зубами от разочарования, но лорд Мориллон был близок к этому. Он произнес — в восьмой раз с момента прибытия во дворец — что не было никаких доказательств, что резня имела место, и уж тем более, что ее совершили эльфы. «Если бы Могущественный Хан принял моего короля, Беседующего с Солнцем и Звездами, он бы узнал, что этот рассказ лжив».

«Люди пустыни славятся в этих местах своей правдивостью», — произнес Зунда. — «Это для них столь же необходимо, как вода и соль».

«Я могу лишь повторить: Нет доказательств, что леди Кериансерай или любые другие эльфийские воины причинили вред хотя бы одному кочевнику. Никто не предоставил малейших доказательств, что случилось злодеяние. А если он и было, Великому Хану следует взглянуть куда-нибудь в другую сторону в поисках виновных — возможно, в сторону

Нераки».

Лорд Хенгриф также присутствовал на крыше. Представитель Темных Рыцарей стоял в нескольких шагах, среди толпы других иностранных сановников, над которой возвышались его голова и плечи. Его темное лицо было невыразительным, словно маска, даже когда сильванестийский дворянин назвал имя его страны.

«Истина будет установлена», — объявил Сахим. — «Я верю в волю богов».

На самом деле, Сахим-Хан верил лишь в Сахим-Хана. Как всегда, его мысли были заняты обдумыванием, как лучше воспользоваться сложившейся ситуацией. Угроза Мориллона драться за воду могла оказаться полезным рычагом для выбивания дополнительных денег из Нераки. Сахим поискал в толпе Хенгрифа, только чтобы обнаружить, что воин с бычьим голосом выскользнул незамеченным. Такое умение было выдающимся для такого крупного человека — выдающимся и тревожащим.

«Могущественный Хан, ворота?» — произнес сильванестийский лорд.

Настойчивый змей. Сахим вынужден был признать это. Рядом с круглым Зундой в парике, Мориллон выглядел опрятным, невозмутимым и элегантным.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Сахим откинулся на спинку трона — не тяжелого, бесценного Сапфирового Трона, никогда не покидавшего зал аудиенций — и расправил свою шитую золотом белую мантию. Усевшись таким образом, он оказался на голову выше стоящего эльфа. Он по максимуму воспользовался своим преимуществом, свысока глядя на Мориллона.

«Зунда, сколько до заката?»

«Один час, Могущественный Хан», — быстро ответил визирь. Ему давно пришлось научиться держать в голове множество разнообразных фактов, даже тех, которые его повелитель легко мог узнать сам, просто оглянувшись через плечо на садящееся солнце.

Сахим минуту в тишине обдумывал ответ, затем рявкнул: «Командир Стражи!»

Больше всего удовольствия доставила мгновенная вспышка удивления на лице Мориллона. *Лэддэд* не был столь самоуверенным, как казался.

Генерал Хаккам вышел вперед. Лязгнув доспехами, он склонил колени перед своим повелителем. «Командир, возьмите столько войск, сколько понадобится, и очистите городские ворота от всех недовольных», — сказал Хан. — «Если они будут сопротивляться, предайте их мечам!»

На обветренном лице Хаккама отобразилось еще больше удивления, чем у эльфа, но он немедленно подтвердил приказ. Прежде чем он поднялся, чтобы уйти, Сахим снова заговорил.

«Однако ворота останутся закрытыми».

Казалось, вся толпа задержала дыхание. Никто не мог понять, что задумал Хан. По выражению лица Мориллона было ясно, что он тоже в растерянности.

«Как вы, несомненно, должны помнить, милорд», — произнес Сахим, — «эльфам не допускается находиться в городе после наступления ночи. Хан Кхура не может подвергать риску свои оборонительные сооружения. Ворота будут немедленно очищены от недовольных и бунтовщиков, и будут открыты как обычно — завтра с восходом солнца».

Генерал Хаккам ушел.

Мориллон выразил свою признательность. В его словах не было ни следа иронии.

«Справедливость — краеугольный камень власти хана», — сказал Сахим, позволяя проявиться своему веселью. Это выражение было не из приятных. «Торговцы в сууках

должны вести торговлю. Уверен, им не хватает их покупателей- *лэддэд*». — Он поднес руку к губам, как если бы ему внезапно пришла в голову мысль. — «Вам лучше предупредить своего Беседующего. Поддержание достаточного количества солдат на воротах, чтобы сдерживать бунтовщиков, будет опустошать мою казну. Мне, конечно же, придется ввести новый налог».

Благоговейная тишина воцарилась в саду на крыше. Дыхание Мориллона внезапно показалось громким. Потребовалось все его дипломатическое умение, чтобы не закричать. «Какой налог, Могущественный Хан?» — спросил он.

«Впредь, все входящие в Кхури-Хан для торговли должны будут уплатить входной налог». — Он бросил взгляд на Зунду. — «Один золотой с головы». Визирь опустил глаза и едва заметно кивнул.

Сумма была нелепой, непомерной, и ложилась главным образом на эльфов, которые часто входили с целью торговли. Сильванестийский апломб Мориллона оставил его. Его рот широко открылся. Сахим, посмеиваясь, заверил его, что налог временный, пока солдаты не смогут вернуться в свои казармы.

Мориллон сухо поклонился. «Я передам слова Великого Хана Беседующему с Солнцем и Звездами. Ваше Величество примет Беседующего, чтобы обсудить дело о бездоказательной резне?»

Сахим великодушно махнул рукой. «Мне не нужны подтверждения, милорд. Мне более чем достаточно слова Беседующего с Солнцем и Звездами».

Бледный, со сжатыми губами, Мориллон быстро вышел, игнорируя пристальные взгляды неотесанных придворных Сахима. Еще один так называемый налог! Во второй раз Хан оскорбил Беседующего на глазах у Мориллона. Сильванестиец всю жизнь служил Звездному трону, и его терпению почти пришел конец. Сахим-Хан не знал, что с этого дня он приобрел в лице лорда Мориллона заклятого врага.

Проходя через внутренний двор цитадели, идя так быстро, что его маленькой свите приходилось чуть не бежать, чтобы не отставать, Мориллон заметил двух разговаривающих людей. Лорд Хенгриф и принц Шоббат были увлечены беседой в тени у стены. То есть, Шоббат с воодушевлением говорил. Хенгриф лишь слушал, скрестив на груди руки.

Глаза рыцаря повернулись, случайно встретившись взглядом с Мориллоном, и бесстрастное выражение лица изменилось. Оно было таким мимолетным, что Мориллону трудно было его классифицировать. Было ли это признание? Невольное уважение? Темный Орден, при всех своих интригах, был намного более благородным противником, чем алчный вероломный Сахим. Возможно, в этот краткий миг рыцаря и эльфа объединило понимание, что оба они смертельно устали от Кхура и его правителя. Назревали перемены. Трудно было сказать, со стороны неракцев или эльфов, но текущий курс больше не мог продолжаться.

Очень красноречивый взгляд. Мелькнув небесно-голубым шелком, Мориллон вышел через ворота и исчез. Хенгриф продолжал задумчиво глядеть ему вслед.

«... было доставлено!» — говорил Шоббат, повышая голос. — «Ваш курьер справился, как я велел?»

Хенгриф кивнул, и принц требовательно продолжил: «Ну, он вернулся? Я хочу расспросить его о реакции кочевников».

Рыцарь не ответил. Он все еще размышлял о сильванестийском дворянине. Лорд Мориллон был прорехой в доспехах Беседующего. Гилтас слишком доверял ему, чересчур полагаясь на своего советника, но Хенгриф распознал тип Мориллона. Тот был из тех эльфов, что дадут погибнуть своей нации, при этом тщательно следя за соблюдением

протокола и этикета. Керриансерай и квалинестийцы были намного более опасны. Они бы давно пришли к заключению, что среди них есть шпион. Мориллон же все еще пребывал в неведении.

«Вы не слушаете!»

Хенгриф сосредоточил недобрый взгляд на нетерпеливом принце. «Нет, не слушаю. Я буду слушать, Ваше Высочество, когда вы успокоитесь и начнете говорить рационально».

Шоббат задрожал. Он не привык к такой наглости, еще меньше чем к нахождению на жаре. Пот выступал у него на лбу. Белки глаз были покрыты паутиной крошечных красных сосудов. Он красил волосы в привычный темный цвет, но на ярком солнце эта чернота приобрела слабый зеленоватый оттенок.

«Мне нужно знать, что происходит», — произнес он, стараясь говорить спокойнее. — «Кочевники идут?»

«Кто может сказать, Высочество? Ваши пустынные сородичи, точно волки, свирепые и дикие. Я живу здесь два года, и не начал понимать их».

Шоббат, рожденный и выросший в Кхуре, тоже не понимал кочевников, но не собирался сознаваться в этом Хенгрифу.

Сменяя тему, рыцарь поведал ему о соглашении его отца очистить все городские ворота от смутьянов.

«В самом деле? Все ворота, вы сказали?» — Принц прижал кулак к нижней губе. Если солдаты Придворной Стражи были посланы ко всем девяти воротам Кхури-Хана, во дворце не могло остаться их много.

«Осторожнее, Высочество. Ваши мысли читаются у вас на лице».

Шоббат выдавил из себя беззаботный смех и ладонью смахнул пот со лба. «Не знаю, что вы имеете в виду. Я просто страдаю от жары. Мне следует вернуться внутрь, чтобы избежать перегрева».

Хенгриф поклонился наследнику Кхура. «Доброго здоровья Вашему Высочеству».

Шоббат удалился. Когда-то принц казался смехотворным, но Хенгриф начинал задумываться, не недооценивал ли он его. Ситуация двигалась к развязке, и довольно быстро. В депешах Хенгрифа в Джелек делался упор на безотлагательность. Он чувствовал, что Орден должен быть готов выступить в любую минуту. Когда разразится кризис, судьбу эльфов решит не тот, кто ударит первым, а тот, кто нанесет удар самым решительным образом.

Он отправил шесть тщательно зашифрованных многословных депеш в Джелек через пограничный город Кортал. Шесть депеш за столько же недель, а ответа все еще нет. Если бы Хенгриф был подозрительным, он бы мог подумать, что его сообщения не доходили. Или того хуже, может Реннольд игнорирует его?

Странный звук достиг внутреннего двора цитадели. Искаженный кирпичными каньонами Кхури-Хана, шум напоминал биение волн о скалистый берег. Хенгриф знал, что к чему. Это были звуки столкновения.

Прибыли его четверо телохранителей, уже верхом, ведя его лошадь. «Милорд!» — крикнул его человек по имени Голдорф. — «У городских ворот идет бой!»

Хенгриф вскочил в седло. «Сахим-Хан приказал своим войскам очистить ворота. С кем дерется его стража?»

«С торганцами».

Хенгриф не смог скрыть удивление. Жрецам Торгана платили неракцы, а он не просил

их блокировать город. Тогда кто? Его темные глаза сузились. Он подозревал вмешательство в события руки принца Шоббата.

«Ну, давайте взглянем, как сражаются люди Сахима», — сказал он, сгребая поводья в один большой кулак.

Он со своими телохранителями галопом направился прямо к западным воротам, которые были напротив эльфийского лагеря. Они расшвыривали кхурцев налево и направо. Малый Суук быстро начал пустеть, когда над рынком зазвенели звуки фехтования. А вид конных неракцев лишь ускорил процесс.

Эти ворота среди горожан были известны под именем «Наковальня Малис», потому что красная драконица немало врагов раздробила об их прочную железную решетку. Когда прибыли стражники Сахим-Хана, сторожка ворот казалась незащищенной, но как только они нарушили строй, чтобы открыть ее, сверху посыпались камни и бревна, бросаемые засевающими внутри кхурцами. По каждой из сторон зубчатой стены был направлен отряд, чтобы в унисон штурмовать ворота и запереть нападавших в ловушке. К сожалению, фанатики оказались вооружены не только обломками кирпичей; они продемонстрировали мечи и копья, и в узком пространстве парапета стражникам Сахима пришлось вести настоящий бой. Вскоре земля вокруг сторожки оказалась усеяна телами. На большинстве из них были гебы кочевников, но и хватало облаченных в пластинчатые доспехи королевской стражи хана.

Хенгриф остановил свою лошадь на некотором расстоянии, чтобы понаблюдать за непредвиденным сражением. Его люди почтительно замерли позади него. Какое-то время молчавшие, вскоре телохранители начали комментировать ход боя и выкрикивать советы перехитренным стражникам.

«Бейте их по ногам! Гражданских это пугает — не давайте им сбежать!»

«Посмотрите на их щиты, болтающиеся на запястьях точно букетик цветов в руках леди. *Поднимите* щиты, вы, пастухи! Берегитесь остриев копий!»

«Держу пари, вам бы не помешала сейчас пара десятков лучников, верно?»

«Заткнитесь», — прорычал Хенгриф, и телохранители умолкли, едва качая головами, глядя на шоу.

Внизу стражники пробились через хилую баррикаду вокруг ворот. Перемахнув через наполненные обломками кирпичей корзины, они быстро спустили торганцев на землю. В считанные часы остальные восемь ворот также были очищены от «мятежников».

Хенгриф увел своих людей обратно в город задолго до этого. Рыцарю было чем еще заняться грядущей ночью.

* * *

Гитантас выгнул спину, потянувшись. Он прятался в углу обвалившейся стены на месте когда-то прекрасной виллы. Он полдня наблюдал за разрушенным домом сквозь щель в стене. Он начал чувствовать себя как на задании кендера.

Снова переодетый в человека, он прятался в винных лавках и дешевых гостиницах, ища подсказки о местонахождении неуловимого мага Фитеруса. Он не узнал ничего стоящего внимания, пока не подслушал, как торговец жалуется своим товарищам на полученный им специфический заказ.

«Я торговец домашней птицей», — громко декламировал торговец, — «а не охотник. Кто заказывает дюжину живых голубей? Никто не ест таких нечистых птиц!»

Коллеги немилосердно высмеивали его. Очевидно, он не в первый раз получал такой заказ и не в первый раз жаловался на него.

«Тогда почему ты не отказался?» — язвительно заметил один из его коллег.

«Из-за денег!» — вставил другой.

За столом раздался хохот, к которому присоединился и торговец птицей. Деньги и в самом деле были хорошие, достаточно хорошие, чтобы побудить его не только достать презренных голубей, но и доставить их в разрушенный северный район города. Он остановился здесь, чтобы подкрепиться, прежде чем отважиться отправиться в то проклятое место. Его товарищи согласились, что Харбола служила домом для привидений — а то и того хуже.

Здесь в разговор мягко встрял Гитантас. Представившись дельфонцем на мели, он предложил доставить голубей. Торговец цыплятами был рад сбавить это поручение кому-нибудь другому. Он заплатил Гитантасу две серебряные монеты — оскорбительная плата, которую эльф принял с раболепной признательностью — а затем дал ему указания и предупредил.

«Помни, оставь клетки снаружи стены старого сада. Не приближайся к дому».

«Зачем столько суеты? Это же развалины, верно?»

«Просто сделай так, если тебе дорога жизнь!»

Гитантас учел предупреждение. Он поместил птиц в клетках, где ему было велено, а затем занял позицию в одном из разрушенных флигелей, чтобы посмотреть, кто заберет их. Он был уверен, что это будет Фитерус. Развалины особняка были отличным местом для мага-ренегата. И Гитантасу доводилось слышать отвратительные истории о темных магических ритуалах, включающих принесение в жертву животных, например, голубей.

Местность постепенно поднималась от позиции Гитантаса к самой вилле. На закате тени разрослись, словно темное море, поглощая сперва сад, а затем обветшалый дом. Нагревавшиеся весь день камни отдавали ночью свое тепло, так что у Гитантаса было уютное местечко для наблюдения за корзины с голубями. На самом деле, чересчур уютное. После стольких часов бездействия он начал кивать.

Шуршание щебенки выдернул его из сна. Сжав эфес меча, он посмотрел сквозь трещину в стене. Корзина из прутьев была там, где он ее оставил, ее птичье содержимое спало.

Он снова услышал небольшой поток потревоженной кладки. Кто-то передвигался по развалинам. Низкое хриплое рычание проникло в его убежище, а затем послышался слегка высокий голос, сиплый от старости.

«В чем дело, Талон? Незваные гости?»

Голос раздался позади него, слева от входной двери виллы, в разоренном саду. Со всей возможной скрытностью, наследственной и приобретенной тренировками, Гитантас привстал из своего согнутого положения и заглянул через низкую стену. Фитерус находился от него не далее, чем в десяти метрах. Он стоял в профиль, в тяжелой мантии с капюшоном, брошенной на сутулые плечи. Одна рука с длинными пальцами держала тонкий сверкающий поводок. На другом конце поводка находился ходячий кошмар.

Монстр стоял на четырех лапах, как у льва, и его тело было покрыто густыми темно-желтыми волосами. У него была длинная шея с гладкой бронзового цвета чешуей. Которую венчала голова с жесткой рыжей гривой, отвратительная пародия на эльфийское или

человеческое лицо с плоским носом и ртом во много раз крупнее, чем у людей. Ряд за рядом, серебристые металлические зубы наполняли зловещую улыбку твари. Ее хвост хлестал вперед, как у кошки.

«Вот что происходит, когда я ослабляю свою охрану, чтобы получить новых птичек; кто-то этим пользуется». — сказал Фитерус. — «Очень хорошо, Талон. Найди нарушителя». Он отпустил тонкий поводок.

Гитантас нырнул вниз. Он слышал, как лапы чудовища погружались в россыпь камней, когда оно прыжками двинулось прочь от своего хозяина.

«Кем бы ты ни был, тебе лучше бежать. Когда мантикора найдет тебя, эта встреча будет не из приятных».

Гитантас собрался, сделал глубокий вдох и перемахнул через стену. Он приземлился на широко расставленные ноги и направил свой клинок на мага в мантии. Тот нервно оглянулся. Мантикоры не было в поле зрения.

«Именем Беседующего с Солнцем и Звездами, сдавайся!»

Фитерус казался удивленным, но лишь мгновение. «А, теперь вижу. Эльф, прячущийся в человечесьем обличье. Это объясняет замешательство Талона. Как зовут тебя, Рак-Отшельник?»

Гитантас ответил, как раз в тот момент, когда мантикора прыжками вернулась по дорожке. Гитантас ринулся вперед и приставил лезвие меча к шее Фитеруса.

«Держи эту тварь подальше, или я отрежу тебе голову!»

Фитерус щелкнул пальцами. Чудовище немедленно остановилось, словно сдерживаемое невидимыми узами. Усевшись, оно уставилось на них круглыми холодными голубыми глазами, скалясь своим неестественно большим ртом. Горячее дыхание, вонявшее падалью, омывало лицо Гитантаса.

«Я веду тебя к Беседующему, чтобы судить за твои преступления», — сказал эльф.

«Не думаю». Гитантас сильнее нажал плоской стороной клинка. Фитерус весело рассмеялся, добавив: «Да, хороший клинок, и уверен, ты знаешь, как им пользоваться. Но еще не пришло время мне встречаться с Гилтасом Следопытом».

С этими словами он просто исчез. Как или куда, Гитантас даже не мог предположить, просто в один момент он сжимал просторную мантию мага; и в мгновение ока его рука оказалась пуста. Его меч, больше ни во что не упирившийся, упал на землю.

Мантикора прыгнула.

Гитантас вовремя подобрал меч, чтобы не подпустить чудовище. Его острие прочертило по яркой чешуе, но не проткнуло ее. Он быстро отступил, держа свое оружие направленным на зверя. Тяжело дыша, мантикора медленно наступала.

Гитантас заметил Фитеруса. Маг теперь стоял высоко на веранде на краю разрушенной виллы. Рядом с ним стояла корзина с голубями. На его лице не читалось волнения, лишь холодное любопытство. Вероятно, он хотел посмотреть, как его мерзкий домашний питомец разделается с вооруженным и ловким незваным гостем.

Гитантас нанес рубящий удар по глазам мантикоры. Чудовище не двинулось с места, отбив лапой лезвие. Гитантас отступил и нанес укол в лапу. Острие проткнуло ее от покрытой мехом внешней части до подошвы с подушечками. Потекла темная кровь. Зверь взвыл, так широко раскрыв рот, что эльфу показалось, что его голова сейчас оторвется и упадет. Голос чудовища был высоким и пронзительным.

Мантикора снова атаковала. Гитантас сделал пируэт в сторону, но когти зверя зацепили

его кхурское платье. Он упал, приземлившись спиной на разрушенную кладку, и меч вылетел у него из рук. Когти чудовища скользнули поперек его груди. Надетая под платьем кольчужная рубашка не позволила ему оказаться выпотрошенным, точно рыба, но от такого удара у него перехватило дыхание.

Взбешенная неудачной попыткой пустить кровь, мантикора била эльфа, словно играющий с мышью домашний кот. Гитантас от ударов катался по заросшей сорняками земле, пока не оказался возле большой финиковой пальмы. Сбросив шляпу и изодранное платье, эльф подобрал несколько булыжников размером с кулак и швырнул в тварь. Они с глухим стуком ударяли ей в грудь, вызывая ворчание, но едва замедлили мантикору. Гитантас повернулся и побежал, шлепая кхурскими сандалиями.

Он ловко перепрыгивал через разрушенные заборы и стены, но ему приходилось огибать более крупные преграды. Его противник просто пер напролом сквозь все, попадавшееся ему на пути, тем самым неуклонно нагоняя эльфа. Когда Гитантас запрыгнул наверх большой кучи каменных обломков, чудовище было так близко, что он ощущал ногами его дыхание. Эльф рванулся и перепрыгнул через кучу.

Мантикора врезалась в груды обломков, но куча была слишком плотной, чтобы проломиться сквозь нее. Издав совсем человеческий крик разочарования, чудовище стало на дыбы, оперлось лапами на верхушку кучи и заглянуло через нее. Разочарование сменилось злобным торжеством, и монстр ухмыльнулся. Его добыча оказалась в ловушке!

Гитантас стоял, упершись спиной во внешнюю стену поместья, построенную таким образом, чтобы окружить виллу и превратить ее в миниатюрную крепость. Целые секции были разрушены, но эта, к его несчастью, оказалась той частью, добрых двадцати метров длиной, что устояла. Пятиметровой высоты, с гладко оштукатуренной поверхностью, она не давала опоры для рук даже ловкого и высокомотивированного эльфа.

С явным наслаждением и ужасающей неторопливостью, мантикора вскарабкалась на груды обломков. Она не сводила бледно-голубых глаз с лица Гитантаса, и эльф не отводил взгляда, опасаясь, что если он отвернется, чудовище нападет.

Внезапно мантикора застыла, подняв правую переднюю лапу. Гитантас ничего не услышал и не почувствовал, но чудовище явно что-то заметило. Оно выждало несколько долгих секунд, подергивая хвостом, мигая и пристально вглядываясь вверх, а затем продолжило продвижение.

На веранде Фитерус тоже что-то почувствовал. Он выпустил голубя, которого гладил, подошел к краю балкона и уставился в ночь.

Внезапно землю и воздух сотрясла сильная вибрация. Постепенно Гитантас различил новый звук: тяжелые шаги и звук волочения чего-то увесистого. Он приближался справа, из той части поместья, которую он не обследовал.

Пока он пытался понять, что это за звуки, мантикора начала странно вести себя. Сосредоточив все внимание в направлении приближающихся шагов, она съежилась, вжавшись животом в группу камней, будто пытаясь стать меньше. Она раздвинула тонкие губы и зашипела, точно перепуганная кошка. Волосы у нее на загривке стали дыбом.

Тяжелые шаги и волочащийся звук приближались, принося с собой металлический запах крови. Теплый ветер нес зловоние разложения, словно от охваченной гангреной большой раны. Мантикора громко завывала, а затем ринулась прочь, держась близко к земле.

Гитантас осторожно последовал за ней. Он заметил свой меч, слабо блестящий среди камней. Тот был довольно далеко, и мантикора, уходящая или нет, находилась между ним и

оружием.

Он прикидывал свои шансы добраться до него, когда из темноты показалось нечто. Сперва эльф подумал, что это мантикора, но туша этой твари была слишком большой, как минимум в три раза крупнее смертельного питомца Фитеруса. Он разглядел пару зеленых глаз, каждый не менее двадцати пяти сантиметров в диаметре, с большими вертикальными черными зрачками, и громадное лицо в окружении рогов. Гитантас закричал.

На его крик пришел ответ. Фитерус подбросил в воздух небольшой шар. Тот взорвался, заливая окрестности ярким белым светом. Свет был болезненным для Гитантаса, но терпимым. В его лучах он, наконец, понял, с чем столкнулся, хотя едва мог поверить своим глазам.

За время ссылки в Кхуре молодой эльф старался узнать все, что мог, о подстерегавших его народ здесь опасностях. Он никогда не думал увидеть песчаного зверя. Особенно посреди города.

К счастью, казалось, он не особо интересовал тварь. Опустив голову, чтобы защититься от яркого света, песчаный зверь продолжал двигаться в сторону развалин виллы. Кто-то ранил его. Зверь тянул себя вперед передними лапами, волоча безжизненно заднюю часть туловища. В месте сустава левой задней лапы зияла огромная гноящаяся рана.

Эльф и не думал убегать. Его задачей было доставить Фитеруса к Беседующему; едва ли он мог сделать это, оставив мага на милость этого чудища. Фитерус, неповоротливый в своей мешковатой маскировке, спускался по каменным ступеням веранды.

«Талон!» — пропыхтел маг. — «Атакуй!»

Мантикора примчалась галопом по усеянной обломками земле, воля хозяина победила ее ранний страх перед песчаным зверем. Последние несколько метров она проделала огромными прыжками, и на третьем мантикора вскочила песчаному зверю на спину, обвив лапами чешуйчатую шкуру. Покрывавшая горло песчаного зверя зеленовато-золотистая чешуя сопротивлялась зубам мантикоры, но питомец мага не прекращал попыток.

Песчаный зверь мотал рогатой головой из стороны в сторону, надеясь сбросить противника. Мантикора взобралась выше и вцепилась передними лапами в нижнюю челюсть зверя. Разинув пасть, она принялась раздирать горло зверя. Песчаный зверь прекратил попытки избавиться от своего мучителя. Опустив голову, он с разбегу врезался в ближайшую целую стену. Кирпичи разлетелись в разные стороны, и мантикора, наконец, была сброшена. Она перевернулась, снова оказалась на ногах, и вновь прыгнула. С быстротой молнии, голова песчаного зверя повернулась, пасть раскрылась, и он схватил мантикору в прыжке. Мантикора неистово взвыла высоким голосом, но лишь на мгновение. Челюсти песчаного зверя сомкнулись на ее шее. Тошнотворный хруст, и человеческого вида голова упала на землю.

Фитерус добрался до арены битвы. Маг протянул левую руку в направлении взбешенного песчаного зверя и произнес цепочку таинственных слов. Невидимый удар отбросил песчаного зверя на несколько метров, но и все. Металлические веки сузились, из глотки раздалось горловое рычание, и зверь вновь двинулся вперед.

«Ты лишь злишь его!» — крикнул Гитантас. — «Отвлекай его, и я помогу тебе справиться с ним!»

Голова мага в капюшоне повернулась к нему. «Да, возможно, ты тоже сможешь оказаться полезен».

Фитерус произнес слово, и светящийся шар над головой погас. Гитантас, весь

сосредоточившийся на том, чтобы добраться до своего меча, к изумлению, внезапно не только оказался погруженным в темноту, но и какая-то невидимая рука оттащила его назад. Он запротестовал, безуспешно молотя руками в попытках освободиться от удерживавшей его силы. Фитерус подождал, пока он окажется практически в пределах досягаемости лап песчаного зверя, а затем отпустил эльфа. Отвлекая таким образом зверя, маг пустился в бегство. Он скрылся в темноте.

Гитантас не терял времени. Как только волшебная сила отпустила его, он метнулся в сторону, перекатился, вскочил и побежал. Облаченный лишь в кольчужную рубашку, леггинсы и сандалии, он был безоружен и беспомощен. Решив доставить Фитеруса к Беседующему, ему придется озаботиться передачей весточки о местонахождении мага. Если выживет!

Позади себя он слышал приближение твари. По мере продвижения песчаного зверя летели обломки кладки, трещали финиковые пальмы, и разлетались на куски полуразрушенные стены. Его точность была жуткой. Либо он очень хорошо видел в темноте, либо каким-то другим способом ощущал присутствие Гитантаса.

Эльф обернулся посмотреть, где преследователь. В этот краткий миг песчаный зверь прыгнул на него.

Из-за раны прыжок вышел коротким, но одна из передних лап прочертила по кольчуге. И снова доспех спас Гитантаса от смерти, но даже этого легкого касания металлических когтей оказалось достаточно, чтобы прорезать кольчугу, точно парусину.

Песчаный зверь потерял равновесие. Он грохнулся на землю и покатился по короткому спуску.

Пока чудовище барахталось в каменистом заросшем сорняками месте, бывшем когда-то выложенным камнем прудом, Гитантас прилагал все силы к спасению. Он вскарабкался на остов сторожки и прыгнул внутрь. Камни под его ногами поехали, и он приземлился неуклюже, порезав ногу об острую глыбу известняка.

Сдерживая стон боли, он прислушался к звукам преследования песчаного зверя. Вместо них Гитантас слышал людские голоса, мужские голоса. Внутри него вспыхнул крошечный уголек облегчения. Возможно, солдаты Сахим-Хана слышали шум в Хабале и пришли разобраться.

Снова в небе над виллой вспыхнул огонь. Но не волшебный шар, это была пылающая стрела. Ее свет выхватил песчаного зверя, старательно отгрызающего свою собственную раненую лапу и кое-что еще: пятеро конных людей. Они легким галопом въезжали через пролом во внешней стене виллы. У одного из них было зажатое подмышкой длинное копьё. Остальные были вооружены мечами и луками. Их доспехи были неракскими, не кхурскими.

Гитантас не собирался прятаться в безопасности, пока другие сражаются с этим кошмаром. Он пошарил среди развалин сторожки и нашел кусок свинцовой трубы, корродированный, но тяжелый. С этим импровизированным оружием в руке, он выскользнул наружу и стал ждать приближения всадников.

Песчаный зверь оставил попытку отделить свою раненую лапу и затащил себя на груды щебенки, ожидая приближающихся всадников. Он тяжело дышал, его ноздри выпускали в прохладный ночной воздух облака белого пара.

Пятеро всадников поравнялись с Гитантасом и проскакали мимо. Тот, что в центре, несший копьё, был лордом Хенгрифом, эмиссаром Темного Ордена в Кхуре. Пятерка атаковала раненого песчаного зверя. Копьё Хенгрифа пронзила его сломанное бедро.

Чудовище взревело от боли и извернулось, перекусив древко копья, но оставив в теле его наконечник. В воздухе мелькнула одна из передних лап, и упала лошадь. Она и ее всадник были искромсаны; и больше не поднялись.

Описав круг, Хенгриф извлек двуручный меч. Гитантас представить не мог, как можно управляться таким оружием одной рукой, да еще сидя на лошади, но крупный рыцарь орудовал мечом с привычной легкостью. С охранявшими его фланги тремя выжившими людьми, он галопом понесся прямо на песчаного зверя. Хенгриф приподнялся в стремях и махнул мечом, вложив весь свой вес и силу, чтобы по эфес вогнать клинок позади плеч чудовища. Его люди выпустили стрелы в голову зверя с расстояния в несколько метров. Прежде чем песчаный зверь задрожал и рухнул как подкошенный, две стрелы пронзили его глаза. Земля содрогнулась от удара, едва не сбив с ног приближающегося Гитантаса.

Хенгриф, спешившись, прислонился к ребрам песчаного зверя. Он навалился вперед на рукоять меча, который все еще держал обеими руками. Его глаза были закрыты, голова склонена, и Гитантасу показалось, что он не дышал. Эльф прочистил горло, чтобы заговорить.

«Ш-ш-ш», — произнес Хенгриф. — «Сердцебиение стихает».

Пришло понимание, и Гитантас вздрогнул. Рыцарь не восстанавливался от сильного удара при приземлении, он слушал, как ускользает жизнь твари. Молодой эльф ничего не сказал, ощущая присутствие сидевших вокруг него на лошадях трех других темных рыцарей.

«Вот и все». — Кряхтя, Хенгриф извлек свой меч из тела чудовища. Вытерев клинок клочком кожи, он искоса бросил оценивающий взгляд на Гитантаса. — «Это убийство принесло бы больше удовольствия, если бы зверь был полон сил. Как ты ухитрился ранить его, эльф?»

В изодранной в клочья маскировке, выжатый страхом и боем, Гитантас не имел сил для того, чтобы хитрить. «Это не я», — прямо ответил эльф. — «Он явился в таком виде».

Рассеянный кивок, затем Хенгриф сказал одному из своих людей: «Голддорф, это копье слишком легко сломалось».

«Время поджимало, милорд. Мне пришлось импровизировать».

«Что с Фитерусом?»

Этот вопрос был обращен к Гитантасу. Эльф сказал правду: маг исчез, когда появился песчаный зверь.

«Я знаю тебя», — сказал Хенгриф, сужая глаза. — «Я видел тебя прежде. Ах, да! Ты был в почетной страже Беседующего, когда у него была аудиенция у Сахим-Хана».

Гитантас был всего лишь одним из пятидесяти эльфов почетной стражи. Впечатленный памятью рыцаря, но стараясь не показать этого, Гитантас наклонил голову, подтверждая свою личность.

«Итак, ты пришел сюда за Фитерусом? Тебе трижды повезло, эльф. Повезло, что ты не попался стражникам мага, повезло, что тебя не слопал этот его мерзкий питомец, и повезло, что мы справились с песчаным зверем».

Хенгриф отправил своих людей к развалинам виллы. «Я тоже пришел за магом», — сказал он. «Он следовал своим собственным курсом, поднимая кочевников против эльфов и Хана, посылая эту тварь убить драконицу Кериансерай. Интересно, чем все это закончилось». — Он покачал головой. — «У Фитеруса становится привычкой так поступать. Появляться и исчезать без предупреждения».

«Ты отправил своих людей убить мага?»

Хенгриф не ответил, но в этом и не было необходимости. Гитантас сомневался, что рыцари преуспели бы. Фитерус не походил на засиживающегося там, где угрожала опасность.

Эльф терял силы, покачиваясь на ногах, изнуренный, испытывающий жажду, раненый в бою с мантикорой и песчаным зверем. Ему казалось, он все эти дни только и был уставшим или раненым или испытывающим жажду. Возможно, это длилось годы, все годы его изгнания. Было глупо не спланировать лучше, не захватить с собой еду и воду. Он не ожидал, что Фитеруса придется так долго ждать. И уж точно он не ожидал, что придется сражаться с мантикорой с человеческой головой и раненым разъяренным песчаным зверем.

Гитантас обнаружил, что Хенгриф разговаривал с ним. Он понятия не имел, что сказал человек. Хуже того, он совершенно забыл о присутствии неракца, забыл обо всем, кроме окутавших его миазмов апатии и лишений. Он заставил себя распрямить поникшие плечи и крепче сжал свинцовую трубу.

«Я ухожу», — заявил он. — «Не пытайся остановить меня».

На лице рыцаря возникла волчья улыбка. «Возвращайся к своему народу, эльф, прежде чем упадешь там, где стоишь, и какая-нибудь из других тварей Фитеруса отобедает тобой».

Прежде, чем он ушел, честь кое-чего потребовала от Гитантаса. «Лорд Хенгриф», — с официальной четкостью сказал он. — «Вы спасли мне жизнь. Благодарю».

«Сегодня, да. Не жди подобного исхода в следующий раз».

Хенгриф оседлал коня и легким галопом направился вверх по холму в сторону виллы.

Гитантас пошел в противоположном направлении, начиная длинный путь обратно в Кхуриност. Мир и в самом деле был безумным местом, если темный рыцарь Нераки спасает солдата Беседующего от смерти от рук подлого колдуна-эльфа.

Напевая, чтобы синхронизировать свои усилия, группа эльфов навалилась на веревки. Деревянная рама оторвалась от земли, слегка поколебалась, а затем поднялась ввысь, под силой тянувших веревки воинов.

«Легче! Легче вы!» — призвала Кериан. Если бы они потянули слишком быстро, рама бы рухнула прямо на них.

Ранние сумерки опустились на Инас-Вакенти. В свете факелов эта сцена напоминала кошмарный сон. Все солдаты отряда Львицы скопились вокруг отверстия, открывшегося, когда они опрокинули монолит на песчаного зверя. Некоторые верхом, другие — пешие, но каждый был вооружен и находился в готовности. Причиной их возросшей осмотрительности можно было считать их сокращающееся количество.

С исчезновения песчаного зверя прошли две ночи. Первоначальная клятва Львицы покинуть долину быстро, после этого происшествия была отложена. Она решила, что они останутся еще на день, чтобы поискать неуловимое чудовище. Они не нашли его. Вместо этого пропали несколько ее воинов. Все были конными часовыми, несшими в одиночку стражу по периметру лагеря. Затем, сразу после полудня нынешнего дня, исчезли еще пять эльфов. Эти пятеро были пешими фуражирами, искавшими корешки и орехи, не далее чем в двадцати метрах от местонахождения опрокинутого монолита. Когда они не вернулись, были организованы поиски. Они не выявили следов борьбы, ни следов на земле, ни разбросанного имущества. Эльфы просто исчезли, вместе со всем, что было при них.

Так как Фаваронас был ближе всех к тому, чтобы считаться экспертом по долине, Кериан спросила его, что, ему кажется, случилось.

«Генерал, я не знаю», — ответил он, дрожа от страха, ставшего его постоянным спутником.

Глантон сказал: «Вы упоминали „странные силы“, действующие в долине. Что вы имели в виду?»

«То, что сказал. Странные, неестественные вещи происходят здесь. Я сам...» — Фаваронас замолчал на полуслове, покраснев в смущении. У Кериан не было времени на тонкость чувств. Она настояла, чтобы он ничего не скрывал, и Фаваронас признался, что сам видел привидения, как раз прошлой ночью. Он описал их как белые фигуры, смутно напоминающие эльфов, проплывающие по каменным развалинам.

«Клочья тумана!» — насмешливо произнес Глантон.

«Нет, они двигались против ветра», — настаивал архивариус.

Львица властным жестом рубанула воздух. «Фаваронас, мы здесь не для того, чтобы собирать истории о призраках! Я хочу знать, кто забирает моих солдат!»

«Я не знаю! Может», — он неопределенно махнул в сторону упавшего монолита, — «та же сила, что унесла песчаного зверя?»

После этого разговора, так как других предположений, чтобы проверить, больше не было, Кериан решила исследовать отверстие под каменным шпилем. Брошенные в него камни показали, что дно находится, по меньшей мере, в шести метрах внизу. Глухой звук их падения позволяли предположить наличие какого-то зала.

К моменту, когда солнце скрылось за западными пиками, деревья были срублены, очищены и крепко связаны в раму, к которой крепились веревки, опущенные в отверстие.

Кериан намеревалась спуститься сама, но ее офицеры и слышать не хотели об этом. Никто не сомневался, что она была готова сделать все, что может потребовать от своих воинов, но Глантон напомнил ей, что она не может позволить себе роскошь подвергаться такому риску. Как генерала армии Беседующего, ее жизнь была слишком ценной, чтобы рисковать без необходимости.

Наконец, было решено, что Глантон спустится в отверстие. К ужасу Фаваронаса, его назначили сопровождать Глантона.

«Я? Почему я?» — спросил архивариус, с лицом, бледным даже в свете костра.

Кериан ответила: «Ты — ученый. Внизу может оказаться что-то тебе знакомое».

Эта формулировка была явно неудачной. Фаваронас побледнел еще сильнее при словах «внизу может оказаться». В итоге, Кериан отстегнула свой собственный меч и закрепила ножны у него на поясе. «Если увидишь каких-либо призраков, дай им отведать стали. Если они из плоти и крови, то почувствуют ее». — Она улыбнулась. — «А если они не из плоти и крови, то не смогут причинить тебе вред».

Он не выглядел убежденным.

К ручкам небольшого круглого щита, который должен был служить платформой, привязали пару прочных веревок. Глантон с Фаваронасом взобрались на нее, крепко держась за веревки. Сопровождаемых взглядами всего отряда, их опустили в отверстие. Оно было лишь немногим шире щита, на котором они стояли.

Когда их ноги погрузились в черноту проема, Фаваронас произнес: «Скажи мне еще раз, зачем мы это делаем?»

«Чтобы найти ключи к исчезновению наших товарищей», — решительно ответил Глантон. — «И чтобы выполнить приказ Беседующего узнать все, что можем, об этой долине. Разве тебе не любопытно?»

«Больше нет».

Их головы скрылись под поверхностью. Они вошли в отделанную камнем квадратную шахту. Воздух быстро становился холоднее. Всего лишь в двух с половиной метрах под землей, их дыхание превратилось в белый пар.

«Все в порядке?» — позвала Львица, ее голос слышался откуда-то очень далеко.

«Мы могли бы зажечь свет!» — сказал Фаваронас, повышая голос.

Глантон заверил его, что факелы будут сброшены вниз, после того как они достигнут дна.

«Кажется немного запоздалым».

«Нет смысла возвещать о нашем прибытии».

«Возвещать? Возвещать кому?» — Голос Фаваронаса сорвался на визг.

Их щит-сиденье, слегка царапавший стены шахты, вышел в открытое пространство. Они несколько раз качнулись взад-вперед и затем стукнулись о твердую почву.

«Отойди», — сказал Глантон. Поднеся ладони ко рту, он крикнул: «Факел!»

Пылающий факел с треском полетел в шахту. Там, где он отскакивал от стен, на них сыпался дождь искр. Фаваронас взвизгнул и отскочил, но Глантон ловко поймал одной рукой падающий факел. За ним последовал второй. Фаваронас и не пытался повторить поступок воина; второй факел ударился о землю и погас.

Пол по щиколотки был в плотной белой дымке. Она была холодной и влажной, но не похоже, чтобы причиняла им вред. Глантон поднял второй факел, зажег его от своего и протянул архивариусу.

«Милостивые предки», — выдохнул Фаваронас, держа высоко факел. — «Что это за место?»

Впереди и позади них тянулся туннель, строго на северо-запад и юго-восток. Потолок слегка изгибался аркой, и был достаточно высоким, чтобы оба эльфа могли стоять прямо. Возглас благоговейного ужаса Фаваронаса был вызван стенами прохода.

Стены туннеля были покрыты, от пола до потолка, наиболее прекрасной из когда-либо виденных эльфом росписей. Она изображала ландшафт, в таких мельчайших деталях и реалистичных цветах, что они почти ждали, что деревья сейчас закачаются под ветром, почти ощущали запах цветов, и практически слышали плеск извивающейся на пейзаже серебристой реки. Потолок был ясно голубым, с легкими белыми облаками. Кто изобразил такую прекрасную перспективу? И почему похоронил под землей?

Глантон потянулся коснуться стены, но Фаваронас перехватил его руку.

«Нет», — прошептал он. — «Не притрагивайся ни к чему!» Глантон кивнул, мрачно соглашаясь.

Они медленно пошли по туннелю, густой туман колыхался от движения их ног. Подол мантии Фаваронаса потемнел от влаги. На ботинках Глантона заблестела роса.

Пока они восторгались раскрывающимся произведением искусства, Глантон обратил внимание на странность. Не было изображений живых существ. Пейзаж был прекрасным и разнообразным, но не содержал ни людей, ни животных.

«Как и долина наверху», — сказал Фаваронас. Он нахмурился, уставившись на стену справа. — «Это выглядит немного знакомым».

Не для Глантона. Родившийся и выросший в Квалинесте, он хорошо знал его города, леса и поля. Этот нарисованный ландшафт не напоминал ни одно из виденных им мест.

«Выглядит старше, чем Квалинесте, и более...» — Глантон подыскивал правильное слово. — «Более правильным. Словно сад повелителя».

Фаваронас неожиданно остановился. «В нашем отряде есть сильванестийцы?»

«Да. И что?»

Ученый указал на серебристо-голубую реку, змеившуюся на пейзаже на правой стене. — «Им следует взглянуть на это. Я думаю, что это Тон-Талас».

«Ты уверен?»

«Не совсем, нет; я никогда не был в Сильванесте. Но она соответствует описаниям, которые я читал».

«Могло это место быть создано древними сильванестийцами?»

Фаваронас не был уверен. На развалинах над ними не было каких-либо идентифицирующих знаков, к тому же они не несли и намека на утонченность, свойственную постройкам сильванестийцев. Каменная кладка была монументальной, но скорее грубой, намного больше напоминавшей людскую работу, чем эльфийскую. И, тем не менее, если он прав, нарисовавший этот пейзаж, по крайней мере, бывал в центральной части Сильванесте.

Глантон внезапно больно схватил своего спутника за руку. Напуганный архивариус громко взвизгнул. «Что? Опасность? Где?» Он попытался вытащить одной рукой меч Львицы.

Хватка воина стала еще крепче. «Тихо!» — прошипел он. — «Смотри!»

Далеко в туннеле, в темноте за границей света факелов, что-то шевелилось. Отчасти вертикальное, оно приближалось к ним.

Меч Глантона уже был у него в руке. Фаваронас ухитрился высвободить из ножен свой позаимствованный клинок, но Глантон прошептал: «Ничего не предпринимай, пока я не скажу».

Решительно кивнув, Фаваронас шагнул ближе к воину.

Приближающийся силуэт был маленьким, меньше полутора метров высотой, и неопределенной формы. Он напоминал завернутую в прозрачно-серое фигуру. Не неся света, она двигалась уверенно, с постоянной скоростью. Испускаемое фигурой очень тусклое свечение, скорее слабое, чем фосфоресцирующее, и бледная аура отражались в дымке, остававшейся непотревоженной ее перемещением.

Пот тонкой струйкой стекал по шее Фаваронаса. Он так сильно был потрясен, что не мог твердо удерживать меч. Никогда больше, молча поклялся он; никогда больше он не покинет свой архив. Даже ради Беседующего с Солнцем и Звездами он не покинет снова свои любимые манускрипты — если выживет, чтобы вернуться к ним!

Казалось, призрак не обращал внимания на двоих эльфов. Проходя между ними, с опущенной головой, оно задело ногу Глантона. Он ничего не почувствовал. Не было видно никаких ног; привидение соединялось с обрамлявшим туннель туманом.

Звук, похожий на вздох, проскрежетал по отделанному камнем проходу. Встревоженный, Глантон метнул в привидение свой факел. Пылающий сосновый сук без какого-либо сопротивления пролетел сквозь него, но призрак, похоже, поднял голову и обернулся. Он посмотрел на эльфов.

Оба потрясенно вскрикнули. Фаваронас выронил свой факел, и тот погас. Одновременно с этим, призрак исчез.

«Удивительно!» — воскликнул Фаваронас, когда Глантон снова зажег его факел. — «Кошка! А может оцелот, или...»

«О чем ты бормочешь?»

«Та штуковина! Длинная шея, заостренные уши, белые усы — и все же женская особь! Невероятно!»

Глантон несколько секунд стоял, разинув рот, уставившись на архивариуса, а затем ровно произнес: «У тебя галлюцинация. Ничего общего с тем, как оно выглядело».

Воин видел стройную фигуру в свободной мантии, со свисавшим на спину капюшоном. Голова была широкой и круглой, как у людей, без утонченности костной структуры эльфов. Она имела бледные волосы, пустое незаконченное лицо и пустые черные глазницы.

Несмотря на охвативший его страх, у Фаваронаса сработал инстинкт ученого, и, похоже, он собирался стоять в холодном тусклом туннеле, сравнивая и обсуждая их совершенно разные впечатления от призрака. Глантон положил этому конец, взяв ученого за руку и потащив его вперед.

«Подожди! Мы движемся дальше?» — сказал Фаваронас, широко раскрыв глаза.

«Не далеко. Еще пятьдесят шагов, а затем вернемся и сообщим, что видели».

Фаваронас жаловался на деспотичность этого решения. «Почему пятьдесят? Почему не двадцать? Почему бы не повернуть прямо сейчас? Это нелогично. С какой стати?»

Глантон игнорировал это бурчание, решив, что это просто способ, которым Фаваронас справляется со страхом. Хотя и не переставая бормотать, архивариус также продолжал двигаться вперед, выставив перед собой меч, хотя и сильно дрожащей рукой.

Они прошли не больше тридцати шагов, и туннель привел их в зал. Примерно в три раза шире и в два раза выше туннеля, его стены были свободны от нарисованного рельефа. Вдоль

одного края располагались множество каменных цилиндров, каждый примерно метра длинны и десяти-двенадцати сантиметров толщины, сложенных друг на друга, точно дрова. Противоположная сторона была покрыта голой белой штукатуркой.

Странные цилиндры влекли Фаваронаса, словно магнит. Он поднял один. Тот был тяжелым, сделанным из мягкого скользкого камня вроде талька или гипса. Вдоль его оси было проделано отверстие. Предмет во всех отношениях напоминал...

«Свиток?» — спросил Глантон, поднеся ближе факел.

«Никто никогда не делал книги из камня», — возразил архивариус. Тем не менее, сходство было поразительным.

По его предложению, они решили взять несколько цилиндров с собой. Фаваронас бросил свой факел и положил по паре свитков на сгиб каждой руки. Глантон также взял четыре, но нес их все в одной сильной руке, чтобы мог держать факел.

Эльфы шли назад по длинному туннелю к входу, когда услышали, как на поверхности протрубили тревогу. Сгибаясь под ношей, которую несли, воин и ученый поспешили к поджидавшему их веревочному подъемнику. Воины наверху кричали им поспешить. Они шагнули на щит-платформу, и начали подниматься. Когда они приблизились к поверхности, прозвучали еще горны.

Глантон сбросил на землю свои четыре цилиндра, как только выбрался из отверстия. «Где неприятности?»

«Мы увидели огни среди развалин, вон там!» — Диковатый эльф указывал на северо-восток. — «Львица отправилась на разведку».

Она оставила позади лишь достаточно эльфов, чтобы охранять дыру и вытянуть обратно двоих исследователей. Остальная часть ее сократившейся команды ускакала галопом вместе с ней. Как только Фаваронас оказался в безопасности снаружи дыры, Глантон оставил с ним воина и приказал остальным седлать коней.

Сидя на земле, Фаваронас следил, как они галопом уносились прочь. Единственный оставшийся с ним эльф также глядел вслед своим удаляющимся товарищам, выражение его лица красноречиво говорило о его желании.

«Ступай с ними», — сказал Фаваронас, махнув рукой. — «Со мной будет все в порядке».

Воин покачал головой. «Ты останешься один».

Архивариус вздохнул. «Неприятности, что бы это ни было, там, не здесь».

Не особо больше настаивая, эльф ускакал.

В свете окружавших дыру факелов Фаваронас изучил один из цилиндров. Глифы были высечены в мягком камне. В колышущемся свете чувствительные кончики пальцев дали ему больше представления об их форме, чем могли дать глаза. Письменность была эльфийской, по крайней мере, символы были эльфийские, древний язык, встречавшийся в Сильваносте на монументах, дворцах, храмах и общественных зданиях. Он произнес вслух слоги, которые нащупали его пальцы.

«Ба-Лаф-Ом-Тас, Хок-Сем-Ас».

Это звучало бессмыслицей. Возможно, какой-то древний диалект. Но очевидно это подтверждало предположение, что давным-давно эту долину населяли эльфы Сильванести. Что же насчет привидения в туннеле внизу? Что это было, и почему оно ему казалось кошкой, а Глантону — человеком без лица?

В миле от него Львица галопом неслась сквозь высокие монолиты и кедры. Впереди

была ее добыча — пара мерцающих зеленых огоньков, летящих над землей на высоте седла. Позади нее растянулись несколько ее воинов, стараясь не отставать. Другие разбились на маленькие отряды, преследуя разные огоньки.

Она была убеждена, что эти огоньки являлись всадниками из плоти и крови, несущими прикрытые колпаками фонарики, чтобы завлечь эльфов в засаду. Вот что, должно быть, случилось с ее пропавшими воинами. Местное племя людей играло в смертельную игру, и она собиралась положить этому конец сегодня ночью.

Двойные зеленые огоньки замедлились. Она натянула поводья, не желая влетать в подготовленную ловушку, и подождала следовавших за ней солдат. Как только они догнали ее, она приказала им растянуться по бокам широкой цепью, а затем иноходью направила свою лошадь вперед.

Зеленые огоньки отступали, поддерживая одну ту же дистанцию между собой и ней. Выехав из рощицы можжевельника, она мельком заметила темные фигуры рядом с двумя огоньками.

Львицу охватило ликование. Она была права! Там были люди!

Она закрепила поводья на луке седла и натянула лук. Через мгновение она послала стрелку в сторону правого огонька. Снаряд не промахнулся. Огонек яростно затрясся, а затем замер. Левый огонек поспешно удалился, оставив своего товарища позади. Крякнув от удовольствия, она освободила поводья и легким галопом направилась вперед.

Ее стрела воткнулась в ствол тонкого дерева, и один из огоньков был нанизан на древко. Размером с кулак, зеленый огонек быстро угасал. К тому моменту, когда она выдернула стрелу и поднесла поближе, чтобы изучить, огонек погас. Руками в перчатках она не нащупала ничего постороннего на древке.

Крики фланговых всадников известили ее, что был обнаружен другой огонек. Она поскакала к ним. Вдали показалась изогнутая серая стена. Рядом поджидал отряд конных эльфов. Кериан заметила среди них Глантона.

Она окликнула его: «Как поползали под землей?»

«Как в ночном кошмаре колдуна, генерал, но сейчас, кажется, мы поймали в ловушку незваного гостя».

Он указал на стену позади себя. Массивной толщины, ее верх находился на уровне глаз конных эльфов. За ней не было видно никаких строений.

Кериан высвободила ноги из стремян. Подобравшись в седле, она прыгнула на верхушку стены. Глантон и остальные восемь эльфов присоединились к ней на широком каменном заборе.

Стена образовывала идеальный круг, окружая мощеную область, сорока метров в поперечнике. В центре брусчатки располагалась приподнятая платформа, десяти метров в поперечнике и метра в высоту. Огромные клинья из серого камня были подогнаны таким образом, чтобы образовать круглую площадку. Над ней дрейфовали, точно листья, гонимые осенним бризом, четыре мерцающих огонька: зеленый, красный, желтый и голубой.

Кериан спустилась на брусчатку внутри стены.

«Наша добыча ускользнула и оставила эти блуждающие огоньки, чтобы задержать нас», — сказала она. — «Я собираюсь взять один, чтобы изучить».

«Подожди! Мы не знаем, что это!» — Предупредил Глантон, собираясь спрыгнуть и последовать за ней.

Она велела им оставаться на месте и продолжила идти.

Когда она приблизилась к центру платформы, огоньки прекратили свое бесцельное блуждание и начали окружать ее. Все быстрее и быстрее они вращались по стягивающемуся кругу. Вспомнив о том, как исчез песчаный зверь, когда огоньки коснулись его, Керриан не стала дожидаться неизбежного. Она бросилась плашмя на живот. Огоньки столкнулись над ней и исчезли в беззвучной зеленой вспышке.

К тому моменту, когда подбежали Глантон и остальные, она уже сидела. «Ну, эта загадка решена», — произнесла она, принимая протянутую помочь ей встать руку Глантона.

Львица подумала, что, скорее всего, огоньки ответственны за таинственные исчезновения в рядах ее воинов. Куда и зачем были забраны эльфы, тем не менее, оставалось неизвестным, но она больше не могла рисковать, продолжая поиски.

«Мы выбираемся из долины. Немедленно».

* * *

Скачка в Кхури-Хан станет легендой. После того, как отбыл посланник принца Шоббата, люди Адалы поспешно свернули лагерь и начали путешествие на юг, к городу Великого Хана. Облака, редко видимые в глубокой пустыне, нагонялись с моря, сверкающими белыми дюнами вздымаясь в небе. Жар пустошей заставлял облака скручиваться и переплетаться, образуя на земле фантастические узоры из света и тени. Мало кто из кочевников сталкивался с тенью, пересекая пылающие пески. Они скакали, обратив лица к небу, наблюдая зрелище со смесью восхищения, благоговения и немалого страха.

Адала пересекала ветреные пустоши, покачиваясь на спине флегматичной преданной Маленькой Колючки, дремля, когда свечение солнца становилось слишком интенсивным. Хмурившиеся облака для нее были знаменем грядущих событий. Она видела в них закипающие гнев и гордыню *лэддэд*, поднимающиеся из их лагеря, чтобы попытаться запугать детей пустыни и отвратить их от священного замысла. Как и массы облаков, бахвальство *лэддэд* было впечатляющим, но несостоятельным.

В двух днях пути от Долины Голубых Песков, сразу после восхода, разведчики принесли весть, что с запада приближается большой конный отряд. Пустынные воины по тревоге отвязали свои луки и щиты, строясь для отражения атаки. Военачальники Адалы и вожди клана собрались вокруг нее, положив на плечи извлеченные из ножен мечи.

Вапа, сидя позади Билата, предположил, что *лэддэд* услышали о приближении Вейя-Лу и вышли из Кхури-Хана встретить их, вдали от уязвимого лагеря.

«Десять тысяч извинений, о Вейядан!» — сказал один из разведчиков. — «Приближающиеся к нам не *лэддэд*, а люди».

Билат заерзал в седле. «Солдаты Сахим-Хана?»

«Они несут знамя с тремя зубцами с изображением скорпиона на желтом поле».

«Штандарт Микку», — подсказал Вапа. Он много путешествовал и знал штандарты каждого племени и клана. Микку находились далеко от своих привычных мест, но они тоже были кочевниками, братьями Вейя-Лу, Кхурцев, Тондунцев и остальных.

Заралан, вождь клана Черного Коня, озвучил общее мнение, когда сказал: «Они вторглись на нашу территорию».

«Мы вышвырнем их!» — пообещал Биндас, молодой и горячий.

«Нет. Мы здесь не для того, чтобы проливать нашу собственную кровь», — ответила

Адала. Она обратилась к разведчикам. — «Как они далеко?»

«Были в четырех милях, когда мы впервые заметили их. Теперь уже меньше, Маита».

Она подняла практически пустой бурдюк и выжала в рот теплую струйку. За время пребывания у Долины Голубых Песков, у Вейя-Лу практически иссякли запасы воды, и у Адалы сильнее всего.

«Я встречу с ними», — сказала она.

Вожди яростно запротестовали. Если Микку пришли драться, Вейядан может быть схвачена или убита, прежде чем ее войско сможет защитить ее. Она не обращала внимания на все их доводы.

«Братья или враги, Микку не поднимут на меня руку».

Они не стали возражать ей из уважения. Заралан предложил ей взять эскорт для защиты. Даже маленький эскорт лучше, чем ничего.

Адала слабо улыбнулась. «Я выбираю Вапу».

Словоохотливый философ, который даже сейчас шепотом объяснял находившимся рядом с ним вождям кланов привычки в одежде и еде племени Микку, услышал свое имя и прервал монолог.

«Вейядан? Вы хотите взять меня?»

«Да, кузен. Поскачешь со мной на встречу с Микку».

Это было не то, что имел в виду Заралан. Он сказал это вслух, заверив Вапу, что это не из неуважения.

«Нет необходимости унижаться», — сказал Вапа, направляя коня сквозь ряды вождей кланов и военачальников. — «Я отдам жизнь за Вейядан».

Он остановил лошадь бок о бок с Маленькой Колючкой. Адала заметила прорехи в полях его шляпы, возможно проделанные стрелами *лэддэд*, и нахмурилась. Бедному Вапе, неженатому и без матери и сестер, некому починить одежду.

«Напомни мне зашить их», — сказала она, щелкнув рукой по полям его шляпы.

По ее приказу, армия кочевников должна была оставаться в укрытии на северной стороне высокой дюны, чтобы их огромное число не напугало приближавшихся Микку. Преклоняясь перед мудростью ее логики, военачальники поскакали обратно к своим воинам. Вожди кланов остались.

«Мне это не нравится», — сказал Биндас. — «Микку знают закон пустыни. Им не следовало незваными вторгаться в наши земли».

«Почтенный Вождь, будь мужественен. Какова бы ни была их цель, Микку такие же, как мы. В их душах обитает пустыня, и Те, Кто Наверху говорят с их сердцами. Верь в мою маита. Она ведет меня дальше».

Говоря так, Адала похлопала Маленькую Колючку хлыстом по боку. Хлопая ушами, осел перевалил через гребень дюны, Вапа держался близко сзади.

Биндас повернулся к Билату, Заралану и другим вождям, которые дольше знали Адалу. «Эта женщина полагает, что держит в руках судьбу?» — спросил он.

«Позвольте сказать, Вождь Биндас, все наоборот. Не Адала Вейядан держит судьбу, а Судьба держит Адалу».

Красноречие, достойное Вапы, но произнес эти слова Билат, брат погибшего мужа Адалы.

Адала с Вапой вскоре увидели шеренги одетых в темное Микку, скачущих по высушенной солнцем равнине. В отличие от северных кочевников, которые передвигались

разомкнутым, испытанным временем, строем, Микку были развернуты на кавалерийский манер в четыре четкие линии, на расстоянии двух корпусов лошади друг от друга. На них было изрядно металлических доспехов, знак благосклонности, оказываемой им Ханом. Вапа наблюдал за их медленной поступью сквозь мерцающий утренний туман, ранние лучи солнца сверкали на их медном и железном снаряжении. Он прокомментировал, что в их доспехах должно быть жарко и тяжело.

«Когда мы доберемся до города, ты можешь начать мечтать о такой ноше», — ответила Адала. Она знала, как само собой разумеющееся, что на *лэддэд* и солдатах Сахим-Хана еще больше доспехов.

Одинокую пару и несколько сотен всадников разделяла большая плоская поверхность, продуваемая горячим ветром с юга. Адала натянула поводья Маленькой Колючки, останавливая его на краю возвышавшегося над равниной песчаного гребня. Вапа остановился рядом с ней.

«Подождем здесь».

Сложив руки на луке седла, Вапа кивнул, его бледные глаза бросили мимолетный взгляд в небо.

«Хороший день», — сказал он.

Несмотря на раннее утро, жара была изнуряющей. Они оба натянули полупрозрачные маски от пыли, чтобы защитить глаза от иссушающего южного ветра. Странные облака возвышались над землей, поднимаясь так высоко, что их нижняя часть была серой от недостатка солнечного света, в то время как их вершины заря окрасила в оранжевый цвет. Тем не менее, Вапа имел в виду не погоду. Он говорил об ощущении этого дня и о своей радости от святости их цели. Маита Адалы росла. Большой мир вскоре почувствует ее мощь.

Их заметили. Микку остановились, изучая две конные фигуры, зависшие над ними на гребне, а затем продолжили движение. Четыре шеренги всадников превратились в две, когда Микку растянулись по фронту. В пятидесяти метрах они остановились.

«Так много мечей, чтобы схватить одного мужчину, одну лошадь, одну женщину и осла». — произнесла Адала. — «Чего они опасаются?»

Философ рядом с ней ответил: «Мы все чего-то боимся. Орудующие мечами, часто напуганы сильнее всех».

Девять всадников из центра строя Микку двинулись вперед, а остальные остались ждать. Этим девяти внушительную демонстрацию нарушил сыпучий песок поверхности гребня. Кони по колени тонули в нем, с большим усилием вытягивая подкованные ноги. Вапа улыбнулся, это выражение скрыла закрывавшая лицо противопылевая маска, когда ему стала ясен полный смысл логики Адалы. Остановившись здесь, они получили моральное преимущество, встречая Микку с более высокой позиции, но она также предвидела и тактическую выгоду. Микку потеряли импульс и достоинство, с трудом карабкаясь по подвижному склону.

В двадцати метрах от них девять всадников остановились. В центре находился кочевник в наиболее высоком и ярком шлеме из всех, когда-либо виденных Вейя-Лу. Золотистые рога тянулись от полированного стального лба, изгибаясь вверх и назад, как у пустынной антилопы. На их кончиках трепетали прямоугольники блестящего золотого шелка. Боковины и заднюю часть шлема защищала тяжелая кольчужная бармица.

«Я — Шаккан, военачальник Микку», — произнес воин в рогатом шлеме. — «Кто вы?»

Прежде, чем ответить, Вапа бросил взгляд на своего вожда. Адала сдвинула

противопылевую маску, открывая Микку свой пламенный взор. Она слегка кивнула Вапе.

«Приветствую, братья пустыни! Мир вам и вашим родным!» — воззвал он, а затем представил себя и Адалу.

«Вы здесь одни, Вейя-Лу?» — спросил Шаккан.

«Верующий никогда не одинок», — ответила Адала. — «Разве не так?»

Военачальнику явно не понравилось получить вопрос на вопрос. Он грубо произнес: «Нам сказали, что Вейя-Лу покинули свои границы. Это так?»

«Мы ходили к Долине Голубых Песков, но теперь вернулись. Зачем вы здесь?»

«Так как Вейя-Лу ушли, мы направляемся в Кортал, чтобы наняться сопровождать караваны».

«Вы не можете».

Вапа вздрогнул от неучтивости неожиданной команды Адалы. Толстые брови Шаккана взметнулись.

«По какому праву ты останавливаешь нас, женщина?»

Адала подняла глаза к небу. «Я требую по праву божественной маиты. Те, Кто Наверху избрали меня вести всех людей пустыни к Кхури-Хану, чтобы очистить нашу землю от чужеземного разложения. Вы можете присоединиться к нам».

После мгновения потрясенного молчания, Шаккан откинул голову и засмеялся. Он так долго и заливисто смеялся, что у него по щекам потекли слезы.

«Ты либо сумасшедшая, либо величайшая женщина Кхура», — произнес он, вытирая глаза. — «Ты мне нравишься! Ты замужем?»

Впервые за много лет Адала оказалась в замешательстве. Когда она восстановила самообладание и призналась, что вдова, шестеро людей Шаккана окружили ее с Вапой, а двое других ускакали, чтобы подтвердить присутствие остального племени Вейя-Лу.

Шаккан ухмыльнулся. «Я полагал, предстоит скучное путешествие. Услышав, что Вейя-Лу исчезли, я подумал, что это из-за войны или мора. Теперь ты говоришь о богах, разложении и маите. Ты слишком долго была на солнце. Отойди. Мне не улыбается причинить вред душевнобольной».

Адала не сдвинулась. «Мы совершаем бросок к Кхури-Хану. Присоединяйся к нам или примешь участие в бесчестье предательства своей нации».

Его дружелюбные манеры испарились. «Ты у нас в руках. Не создавай проблем, или прольется кровь. У меня за спиной все Микку».

«Вы поднимите руки на своих сестер и братьев пустыни?»

«Любой, угрожающий Микку, не брат — или сестра — мне».

Раскат грома напугал лошадей. Вапа посмотрел вверх. Тучи стали тяжелыми и темными. Среди них вспыхивали молнии. Ему было за пятьдесят, и он лишь раз в жизни прежде видел дождь, во время визита в Дельфон двадцать два года назад.

Адала не обращала внимания на надвигающуюся бурю. «Я избрана Теми, Кто Наверху сделать то, что должно быть сделано, Шаккан из племени Микку. Я не могу отказаться, так же как ты не можешь противиться мне, не рискуя навлечь на себя гнев богов. Это моя маита».

«Ты глупая курица».

Шаккан приказал своим воинам схватить Адалу. Едва эти слова сорвались с его губ, как оглушительный раскат грома прокатился над ними. Лошади заметались и встали на дыбы, и люди с трудом пытались успокоить их. Только Маленькая Колючка, чьи глаза были

защищены от ветра и солнца вышитым капюшоном, стоял безмятежно.

Пошел дождь, жирные капли вздымали крошечные фонтанчики пыли, ударяясь о землю. Микку, сплошь молодежь, никогда прежде не видели дождя. Они начали переговариваться. Услышав, что они используют слово «маита», Шаккан гневно выхватил меч.

«Идиоты! Вы полагаете, безумная баба вызвала дождь? Схватить ее! Немедленно!»

Ветер хлестал их, гоня теплый дождь прямо в лица. Вапа отвернул морду лошади от порывов. Один из Микку, думая, что он собирается сбежать, ткнул мечом в Вапу. Он бы пронзил ему бок, если бы не вмешалась Адала. Она поймала лезвие рукой и оттолкнула. Разозленный, что ему помешали, Микку дернул меч назад, прямо по раскрытой ладони Адалы. Она зашипела от боли.

Шокированный, Вапа завопил. Он стянул шарф и крепко обмотал им ее раненую руку.

Дождь усилился. Прямо над головами гремел гром, и сверкали молнии, ослепительные вспышки и оглушительные раскаты практически не прекращались. Для лошадей Микку это было уже чересчур. Животные попятились и помчались прочь, унося своих всадников вниз по склону к основному отряду воинов. Остался лишь Шаккан, его рогатый шлем тускло мерцал в сером свете, проходящем сквозь толстые тучи. Он с ненавистью посмотрел на пару перед ним.

«Вдова или нет, твоя жизнь окончена!» — закричал он. — «Вот твоя маита!»

Он высоко занес клинок, чтобы разрубить невозмутимую Адалу от головы до пояса. Не раньше, чем меч достиг высшей точки, еще один разряд молнии скользнул с неба. Он ударил в меч Микку, сжигая стальное лезвие и руку военачальника.

Этот удар опрокинул всех. Адала упала на песок и откатилась, чтобы на нее не свалился падающий осел. Когда ее сознание прояснилось, она подползла по склону к Вапе. Тот был оглушен, но невредим.

Там, где прежде находился Шаккан, теперь была дымящаяся воронка в песке. Адала подползла к краю и заглянула вниз. То, что она увидела, было ужасно. Лошадь и человек были мертвы, сильно обожженные. Большая часть меча Шаккана оплавилась и стекла на его руку, точно воск свечи. Его плоть под доспехом была угольно черной. Шлем исчез, о чем Адала тотчас же сильно пожалела, так как его отсутствие обнажило причиненный лицу невероятный ущерб.

Она отвела взгляд от гротескного зрелища и обратила внимание, что песок вокруг Шаккана изменился. Он больше не представлял собой свободные белые гранулы. Кратер, в котором тот лежал, походил на чашу из необработанного стекла сине-зеленого цвета. Адала это тотчас же напомнило о тайной долине. Не был ли сине-зеленый оттенок ее почвы вызван таким же огнем с небес?

Капли дождя шипели и превращались в пар, ударяясь о сожженный труп и стекловидный кратер. Остальные Микку медленно собирались вокруг, спешиваясь и уставившись в кратер. Так велик был ужас на их лицах, когда они смотрели на Адалу, что Вапа был уверен, что они немедленно изрубят ее. Игнорируя глубоко укоренившийся запрет касаться Вейядан, он с неистовством подполз к ней и накрыл ее тело своим.

«Прочь, все вы, пока Те, Кто Наверху, не сразили и вас!» — закричал он обнажившим мечи Микку.

Вапа неправильно истолковал намерения воинов. Они не собирались поднимать свое оружие на Адалу. Вместо этого, все опустились на колени, взывая к ней простить их, клянясь служить ей, заверяя в своей вере в силу Тех, Кто Наверху.

Адала попыталась встать. Когда она заерзала под ним, Вапа покраснел от смущения и поспешно отодвинулся. Она села, расправляя свое черное платье.

Снова оказавшись на ногах, она оглядела коленопреклоненных Микку. «Вы будете верить в мою маиту?» — спросила она их. — «Последуете ли туда, куда я поведу, и будете ли сражаться лишь за чистоту Кхура?»

Все, как один, они поклялись.

Вапа отправился за своим скакуном и ослом Адалы. Дождь ослаб, а к тому моменту, когда Вапа вернулся, совсем прекратился. Он не только привел животных. В руке Вапа бережно держал шлем Шаккана. Высокий золотистый рогатый шлем улетел на много метров. Он выглядел совершенно нетронутым молнией, что уничтожила его владельца.

Пока Вапа дивился этому и любовался сверкающим великолепием шлема, отправленные за гребень разведчики Шаккана вернулись галопом. Их преследовали всадники Вейя-Лу. Адала, ведя за собой Маленькую Колючку, поспешила вмешаться. Микку и Вейя-Лу оказались разделены, когда Вейядан стала между ними.

«Над Шакканом свершилось правосудие», — провозгласила она. — «Микку выбрали присоединиться к нам».

Уже поклявшиеся Адале воины поведали своим братьям предшествовавшие важные события. Разведчики едва могли поверить рассказу, но дымящийся кратер и их мертвый военачальник не оставляли места спорам.

Раздались приветственные возгласы Вейя-Лу, к которым присоединились и Микку. Адала кивком поблагодарила их за поддержку, а затем попросила Вапу подать руку. Он помог ей взобраться на Маленькую Колючку. Ее лицо и руки были розовыми от ожога молнией, брови и ресницы полностью исчезли. Вапа заботливо спросил, как она себя чувствует.

Тучи разошлись, позволяя прорваться столбам утреннего солнечного света. Южная равнина была испещрена этими колоннами золотистого света. От сохнувшей земли поднимался пар. Адала глядела на эту картину и лишь сказала: «Твоя шляпа в печальном виде, кузен. Сними ее, и я быстро зашью прорехи, пока не вернулось солнце».

Так она и сделала. Целитель смазал и перевязал ее раненую руку, затем Адала непрерывно трудилась над рваной шляпой, пока они с Вапой спускались вниз по склону. Вейя-Лу вереницей потянулись за ними. Микку благоговейно наблюдали за ними, а затем пристроились в хвосте строя. Весть о кончине Шаккана распространилась, и все больше и больше Микку присоединялись к процессии. Ряды отряда Адалы выросли с пяти сотен до более чем пяти тысяч.

Когда солнце взошло над Кхури-Ханом, городские ворота, как и обещал Хан, открылись. Однако, солдаты у западных ворот, подняв железные решетки и открыв внутрь огромные деревянные двери, открыв рты, с ужасом смотрели на то, что им открылось с другой стороны.

Дорога, пыльная и занесенная песком, шла под уклон от Наковальни Малис к внешнему кольцу палаток эльфов. Многие из них были порваны во время недавних беспорядков, но за ними простирался обширный эльфийский лагерь. Эльфы сновали, словно шершни вокруг потревоженного гнезда. На дороге лицом к Кхури-Хану выстроились десять тысяч эльфийских копейщиков и лучников в изрядно поношенных доспехах.

Кхурские солдаты вечером накануне имели кровавые стычки с безумными фанатиками, а теперь они уставились на ряды готовой нанести удар эльфийской кавалерии в сорока метрах от них.

Долгое время ни одна из сторон не двигалась. Солнце встало над Кхурманским морем. Надуваемые с моря высокие кипы облаков тихо проплывали над головами, покрывая землю причудливыми движущимися тенями. Известие о изготовившейся эльфийской кавалерии достигло Кхури ил Нора, и Сахим-Хан отправил генерала Хаккама выяснить намерения *лэддэд*. Предупреждение лорда Мориллона о том, что эльфы будут штурмовать город, было у всех на уме, и ни у кого на языке.

Хаккам, еще мальчиком служивший носителем щита у отца Сахима, был плотным раздраженным человеком. Его доспехи были слишком тесными, и немилосердно натирали шею и талию. Он все время получал невозможные или противоречащие приказы от Сахим-Хана, а потом на него обрушивался гнев повелителя, когда все происходило не так, как тот желал. Из-за этого, Хаккам все время пребывал в дурном настроении.

Лицом к городским стенам, с утренним солнцем, светившим им в глаза, эльфы едва ли пребывали в лучшем настроении. Таранас командовал десятью тысячами всадников, разбитых на эскадроны по пятьдесят, как в старой сивланестийской армии. Под потертыми шлемами и выбеленными солнцем плащами они были голодными и исхудавшими, и готовыми скакать на любого врага, которого им прикажут уничтожить.

Беседующему поступило сообщение, что ворота открылись. Набросив старое белое шелковое платье (большая часть золотой вышивки была спорота, так как была слишком ценной, чтобы просто оставлять ее в качестве украшения), Гилтас поспешил к восточной границе Кхуриноста с Планчетом по пятам.

«Нет вестей от лорда Мориллона или капитана Амброделя?» — спросил Гилтас.

Планчет покачал головой: «Нет, сир. У них могло не быть возможности добраться до нас, пока ворота были закрыты».

Необъяснимое исчезновение одного из советников Беседующего лишь усиливало напряжение в эльфийском лагере. Гилтас знал, что оставался лишь шаг до вспышки конфронтации. Вид многочисленной кхурской стражи на городских воротах был искрой, которая не нужна была данной напряженной ситуацией.

Они добрались до тесных рядов всадников, и Планчет закричал: «Дорогу Беседующему! Дайте пройти!»

Всадники колотили своих скакунов в один бок или другой, чтобы дать Беседующему

пройти между ними. Со спутанными волосами, потом, текущим под ввалившимися глазами, Беседующий с Солнцем и Звездами направлялся к передовой шеренге. Когда последняя линия всадников расступилась перед ним, он оказался на мощеной дороге перед городской стеной. Зубчатая стена была густо усеяна кхурскими куполообразными шлемами. Пока Гилтас смотрел на них, их число прибывало.

«Кто-нибудь выходил или говорил с вами?» — спросил он ближайшего всадника.

«Никто, Великий Беседующий».

Обеспокоенный отсутствием своего советника, Гилтас, тем не менее, был рад видеть, что ворота открыты. Возможно, Мориллон добился успеха. Возможно, он выйдет в любой момент, если только Хан не открыл ворота по своим собственным, возможно гнусным, причинам.

«Что ты об этом думаешь?»

Планчет изучил городскую стену налево и направо, прежде, чем ответить. «Они кажутся столь же удивленными видеть нас, сколь мы видеть их».

Гилтас согласился. Если Сахим-Хан намеревался напасть, его войска ринулись бы немедленно, не собираясь на стенах и тараща глаза полчаса.

«Найди мне глашатая», — сказал он. — «Посмотрим, не можем ли выяснить, что происходит, без кровопролития».

Планчет предложил пойти самому, и Гилтас согласился. Лицо Планчета было известно кхурцам, и он нес бремя благосклонности Беседующего. На нем был местный геб, подходящее облачение для этой задачи. Нет смысла выглядеть как воин, когда нужен дипломат.

Привязанный к копыю клочок ткани образовал вполне сносный белый флаг. Когда Планчет оседлал коня, Гилтас взял его лошадь за уздцы.

«Выясни их намерения, и подчеркни, что наши — мирные», — сказал он. — «Убедись, что наш народ по-прежнему имеет доступ к городским колодцам». Угроза жажды уже нависла над палаточным городом. «Не упоминай Мориллона — пока не нужно».

Планчет кивнул и неспешной рысью двинулся по поднимающейся дороге. Ветер шипел над северными дюнами. Добравшись до места, где дорога выравнивалась, он остановил лошадь. Облака разошлись, и его осветил луч солнца. Гилтас приободрился. Это было хорошим знаком.

Конный эльф ждал, беззащитный и одинокий, пока кхурцы не выслали своих собственных всадников. Спустя пять долгих минут из ворот выехал квинтет вооруженных солдат. Со стремени одного из всадников свисал пурпурный с золотом вымпел.

Кхурцы медленно приближались, словно опасаясь вероломства. В один момент Планчет отмахнул от лица кусачую муху, и кхурцы замерли. Он понял, что они были очень напуганы.

В центре квинтета, с внушительного вида кавалеристами по бокам, скакал коренастый человек с толстой шеей и свекольно-красным лицом. Когда кхурцы приблизились, Планчет узнал его.

«Приветствую, генерал Хаккам!» — обратился он. — «Мир вам!»

«И вам, Планчет из Квалиноста», — громко произнес желчный генерал. — «Что, во имя Каргата, здесь происходит?»

«Я собирался задать вам тот же вопрос. Городские ворота были закрыты для нас со вчерашнего дня. Колодцы Кхури-Хана — наш единственный источник воды. Мы начали испытывать жажду».

«И только поэтому вы построили свою армию?»

Еще почему? «Генерал, последние два дня на нас нападали шайки. Были сожжены палатки и избиты наши граждане, некоторые довольно серьезно. Мы не знали, что может появиться из города в следующий раз».

«Сыновья Кровавого Стервятника причинили много неприятностей, вам и могущественному Сахим-Хану. Поэтому много их было отправлено на встречу с их предками».

«То есть, город открыт для нас?»

«У меня нет других приказов».

Свежий порыв ветра, пахнувший морем, омыл переговаривающихся. Флаг перемирия в руке у Планчета захлопал на ветру. Обернувшись в седле, он высоко поднял флаг и помахал им скоплению эльфийских воинов, с молчаливой настороженностью следивших за ними. Когда Планчет повернулся обратно, Хаккам и его эскорт держали руки на рукоятках мечей.

«Я просто предупредил наших солдат, что все в порядке», — спокойно сказал Планчет.

«Кто там едет?»

Два эльфийских всадника отделились от шеренги тяжелой кавалерии и легким галопом направились к Планчету и Хаккаму. Не потребовалось много времени, чтобы узнать Беседующего и единственного воина эскорта, генерала Таранаса. Когда они подъехали, Планчет пояснил ситуацию.

«Благодарю вас, генерал», — сказал Хаккаму Беседующий. Он протянул тощую руку. — «Вы хорошо справились со своими обязанностями».

Без особого энтузиазма генерал пожал руку Беседующего. Гилтас заверил его, что ответит своих воинов, а затем добавил: «Еще одно. Мой советник, лорд Мориллон, не вернулся прошлой ночью. Он в городе?»

«У него была аудиенция у Сахим-Хана, а затем он покинул дворец».

«Он в порядке?»

Хаккам нахмурился. «Почем я знаю? Он покинул дворец. Вот все, что я знаю».

Коротко кивнув, Хаккам развернул свою лошадь. Планчет был потрясен невоспитанностью человека, бесцеремонно повернувшегося спиной к правящему Беседующему!

Луч света, так долго освещавший Планчета и Гилтаса, наконец, погас. Гилтас поднял взгляд на вздымающиеся облака. Он нахмурился. В воздухе над городом, казалось, повис какой-то тонкий предмет. Нет, не повис. Он двигался, падал.

«Стрела!» — крикнул Планчет.

Он ринулся заслонить Беседующего, но снаряд падал с такой высоты, что его траектория была практически отвесной. Широкий наконечник пронзил нижнюю челюсть Гилтаса и ударил в основание шеи, справа.

Воцарился ад. Таранас не дал Гилтасу упасть на землю, поймав его за плечи и удержав. Стражники Хаккама вытащили мечи и пустили своих лошадей короткими кругами, высматривая, кто пустил стрелу.

В передних рядах эльфийских воинов поднялся крик. Они видели, как упала стрела и ужасный итог ее падения. За криком последовал выросший вдоль шеренги лес мечей. Неровным строем, так как задние ряды еще не узнали, что случилось, эльфы ринулись вверх по холму на защиту своего монарха.

Гром приближавшихся эльфов вынудил эскорт Хаккама пришпорить лошадей в сторону

города. Толстошей генерал проревел: «Вернитесь, негодяи! Стойте на месте!» Один остановился. Остальные направлялись прямо к закрывающимся городским воротам.

«Что за вероломство?» — закричал Планчет, рывком высвобождая ноги из стремян и спрыгивая с лошади. Беседующий завалился на шею своей лошади.

«Я не отдавал такого приказа!» — возразил Хаккам, также спешиваясь.

Они с Планчетом сняли Беседующего с лошади и осторожно опустили на дорогу. Стрела все еще торчала у Гилтаса в шее.

«Ее выпустили не мои люди», — произнес Хаккам. — «Это не кхурская боевая стрела».

«Тогда, что это?» — спросил Планчет.

«Охотничья стрела. Мои люди не пользуются такими».

Гилтасу повезло, что снаряд не был боевой стрелой. Прочно насаженная, с квадратным или треугольным железным наконечником и кожаным оперением, боевая стрела глубоко вошла бы в худое тело эльфа. Охотничий же снаряд, небрежно сделанный, с плоским широким наконечником и белым оперением из голубиного пера, попала Гилтасу в ключицу и остановилась. Рана была опасной, но при бережном уходе, не смертельной.

Волна кричащих эльфийских воинов галопом приблизилась к коленопреклоненным фигурам на дороге. Горстка остановилась, но большинство продолжили движение, направляясь к городским воротам.

Их гневные крики донеслись до уха ослабевшего Гилтаса. Где-то глубоко внутри себя он нащупал неизвестный источник сил. С побелевшим лицом, он попытался встать. Планчет, удерживая его, попросил Беседующего лежать смиренно.

«Прекрати это», — сквозь стиснутые зубы сказал Гилтас.

Решив, что причиняет Беседующему боль, Планчет почувствовал, как к слезы подступили к глазам. Он прошептал: «Прошу прощения, сир, но вам следует лежать смиренно. Пожалуйста, не двигайтесь».

«Нет, Планчет! Останови воинов! Не дай им вступить в сражение! Я приказываю!»

Таранас услышал приказ Беседующего. Он схватил со своего седла трубу и подал сигнал «Возвращение». Ему пришлось повторить призыв четыре раза, прежде чем все несущиеся всадники услышали его и обратили внимание. Передовые застыли в считанных метрах от городской стены.

В перерывах между сигналами трубы Хаккам кричал своим собственным солдатам. «Стоять! Любому пустившему стрелу я оторву башку!» — ревел он. Никто из кхурских солдат не пустил стрелу и не метнул копье в эльфов. Люди и эльфы смотрели друг на друга в обоюдном замешательстве и смятении, пока эльфы не развернулись и не поскакали галопом обратно к Таранасу.

Из Кхуриноста сквозь толчею воинов спешили целители. Когда они прибыли, Беседующий сидел, склонив голову, по его белому губу растекалось алое пятно. Первым добравшимся до него целителем была кагонестийка с огрубевшими ладонями и темными татуировками на лице и руках.

«Стрелу нужно вытащить», — тотчас же сказала она.

Планчет мрачно кивнул. «Я сделаю это».

«Кто-то должен крепко держать его. Если он будет слишком много двигаться, может разорвать артерию».

Хаккам, находившийся ближе всех, стал на колени позади Беседующего и обхватил его за плечи. «Я держу его».

Эльфы были удивлены, но Беседующий пробормотал: «Благодарю вас, генерал». Взгляд переместился на бледное лицо Планчета, и Гилтас прошептал: «Действуй, друг мой».

Камердинер обхватил пальцами скользкое от крови древко стрелы и прошептал: «Простите меня».

Единственным мощным рывком он вытащил стрелу. Кагонестийская целительница, не мешкая, посыпала рану свертывающим кровь порошком и крепко перевязала куском ткани. Слишком поздно она поняла, что не предложила Беседующему стиснуть зубами кожаную прокладку. Она извинилась, но он не ответил.

«Он потерял сознание», — сказала целительница.

Гилтас поднял голову. «Еще нет». — Он слабо улыбнулся Планчету. — «Разве она не гордилась бы мной? Я не проявил слабость».

Планчет понял, кто эта «она». Он мужественно ухитрился улыбнуться в ответ. «Да, сир. Да, гордилась бы».

Были сооружены импровизированные носилки, и Беседующего с Солнцем и Звездами осторожно положили на них. Четверо воинов взяли за углы и направились обратно в Кхуриност, оставив Планчета и Хаккама на месте.

«Таранас, рассредоточьте солдат», — сказал Планчет. Генерал начал было протестовать, но Планчет оборвал его: «Продолжайте патрулировать, но отмените кавалерии боевую готовность!» Таранас отсалютовал и ускакал.

Когда эльфийская кавалерия начала разъезжаться, Планчет протянул окровавленную стрелу Хаккаму. «Этот лучник такой же враг Кхуру, как и нам», — произнес эльф.

Хаккам крепко стиснул стрелу. «Не беспокойтесь. Я прослежу, чтобы она вернулась владельцу». Его намерения были совершенно ясны; стрела, скорее всего, «вернется» острием вперед.

На крыше в трех милях от них принц Шоббат опустил свой лук. Он едва мог поверить такой сверхъестественной точности. Никто не мог послать стрелу так далеко, и еще менее вероятно было попасть при этом в цель.

«Невероятно», — прошептал он.

«Магия — искусство творить невероятное», — ответила фигура в лохмотьях в капюшоне позади него.

* * *

Львица переправила свой сокращавшийся отряд через ручей, которому Фаваронас дал ее имя, и они расположились на ночлег. Завтра они покинут Инас-Вакенти, как она надеялась, навсегда. Здесь было слишком много неизвестностей — никаких животных (за исключением тех, что, казалось, исчезли перед ними), необычайно могущественные огоньки и бесчисленные исчезновения. Эта долина не была убежищем для их народа — изгнанника. Гилтасу придется понять это.

Возвращение к ручью под молочным пологом звезд и облаков было жутким. Никаких стрекочущих в кустах сверчков; никаких зовущих с деревьев козодоев; никаких скачущих из ручьев лягушек. Было лишь мягкое цоканье копыт их лошадей. Наиболее нервны из воинов были за то, чтобы продолжать движение, не разбивать лагерь, но было уже далеко за полночь, и лошади, как и всадники, устали. Лучше пуститься в путь с зарей, особенно если

им придется пробиваться сквозь кхурских кочевников.

Кериан чувствовала, что было достаточно безопасно разбивать лагерь, как только они оказались по другую сторону ручья. Массивные каменные развалины подступали довольно близко к ручью, а странные явления стали происходить, лишь когда они пересекли его по пути туда.

Они расположились биваком на южном берегу, привязав лошадей и рухнув на свои скатки, даже не установив палатки. Прежде, чем лечь спать, Кериан обошла лагерь. Она заметила, что Фаваронас развел небольшой костер (единственный во всем лагере) и сел, скрючившись, подле него. У него на коленях был один из каменных цилиндров, которые они с Глантоном нашли в туннеле.

Глантон рассказал ей о той странной экспедиции, но узнать, что Фаваронас делал со своим призом, могло вполне подождать до утра. Она засыпала на ходу. Перебросившись несколькими словами с эльфами, несшими первую стражу, она раскатала свое одеяло под можжевельником и легла. В считанные секунды она заснула.

Кериансерай не часто снились сны. По крайней мере, она обычно не помнила, чтобы ей снились какие-то сны. Обычно ее ночи проходили в борьбе между тревожной бдительностью и абсолютной усталостью, где усталость чаще всего одерживала победу. Как-то она сказала Гилтасу, что жизнь в бегах от Ордена приучила ее спать, держа один глаз открытым. Он подумал, что она шутит, но ее старые товарищи могли подтвердить, что Львица спит с одним распахнутым веком, балансируя на тонкой грани между сном и бодрствованием.

Не сегодняшний случай. Кериан глубоко заснула. Затем ей начал сниться сон. Похожий на явь.

Она находилась в лесу, густом лесу, зеленом и холодном. Под ногами был толстый мох, и слабые лучи солнца пробивались сквозь покров листвы. Воздух был чудесным, полным запахов растительности. Слабый бриз дразнил ей лицо. Протянув руку, она ощутила податливость листьев. Это были листья ясеня, узкие и заостренные. Кериан находилась в ясеневом лесу, вроде диких земель вдоль границы Сильванести.

В эту идиллическую картину вторглись две фигуры. Одна была гоблином с длинным крючковатым носом, заостренным подбородком и болезненным серо-зеленым цветом лица. Другую она лишь мельком увидела сквозь листву, но та выглядела как сильванестийский эльф, одетый в шелковое зеленое платье, больше уместное на городских улицах, чем в чаще леса.

Гоблин произнес: «У них гнездо вот в этом».

«Ты уверен?» — спросил его спутник.

«О, да. Я видел, как она вылезала прошлым вечером».

Следуя непоследовательной логике сна, Кериан больше не стояла в лесу, а была засунута в дупло дерева. Она не обращала внимания на тесноту. Это был дом. Его стены были гладкими и сильно пахли мускусом. Отверстие над головой вело наружу, как и дыра напротив нее.

Дом затрясся. В дыре показалось лицо гоблина. Он ухмылялся, обнажив кривые желтые зубы.

«Осторожнее», — сказал эльф внизу. — «Я не хочу, чтобы она пострадала».

Лицо гоблина исчезло, и он протянул внутрь руку. Длинные паучьи пальцы подбирались к горлу Кериан.

Она не стала ждать, пока ее схватят. Стремительная, словно атакующая гадюка, она распрямилась и прыгнула на незваного гостя. Она была тонкой, не более шестидесяти сантиметров в длину, но когти и зубы ее были острыми. Они впились в щеку и левый глаз гоблина. Тот с визгом рухнул на спину, увлекая за собой Кериан.

Они упали на землю. Он рывком оторвал ее и с силой швырнул о ствол ее дома-сосны. Она оглушенная лежала на спине, всеми четырьмя лапами вверх.

Гоблин собирался прикончить ее, пока она была не в состоянии защищаться. Он высоко занес свой нож, но какая-то рука перехватила сзади его запястье.

«Я тебе не за это плачу».

Это был эльф. У него было вытянутое лицо, заостренный подбородок и светло-карие глаза. Платье из бледно-зеленого шелка складками свисало с его узких плеч. Его светлые волосы были пострижены на старинный чашеобразный манер. Его руки были крупными для эльфа, с длинными пальцами и шишковатыми суставами.

«Взгляни, что она со мной сделала!» — завизжал гоблин. Кровь текла из его разодранного глаза и щеки.

Эльф просто снял с талии маленький мешочек и потряс им. Звон денег ни с чем нельзя было спутать. Он отсчитал тридцать стальных монет в руку гоблину.

Гоблин схватил Кериан за горло и сунул в грязный джутовый мешок. Последствия удара медленно проходили, и она могла прогрызть себе путь наружу, но не сделала этого. Эльф с гоблином разговаривали о ней, и эльф дал ей имя: куница. С этим словом нахлынул вал воспоминаний.

Покрытая коричневым мехом, с белой шеей и грудкой, она была более ловкой, чем белка, быстрее молнии. Она скакала с ветки на ветку, карабкалась вверх-вниз по деревьям с грубой корой, лежала в засаде среди зеленых веток, поджидая неосторожную белку. Рывок, хват когтей, и зубы погружаются в горло грызуна. Кровь. Восхитительная. Теплая. Она кралась по верхушкам деревьев, разоряя гнезда в поисках яиц и птенцов, спускалась на землю, чтобы пробраться в кроличьи норы. Она была хозяйкой сумеречного леса. Даже пантера и медведь не могли состязаться с ней в свирепости, в убийствах.

Кериансерай знала, что спит, но все было таким подробным и реальным, что ее собственные воспоминания, казалось, растворялись в воспоминаниях куницы.

Следуя странному течению сна, время начало сокращаться, пролетая быстро, и, при этом, не давая ощущения скоротечности. Сильванестиец был магом. Он десятилетиями трудился над методикой, которая бы превратила дикую куницу в подобие него. Он отнес куницу в свою избушку на краю леса и приступил к длительному трудоемкому процессу. Казалось, все шло хорошо. Куница становилась молодой девушкой, несомненно, с внешностью эльфийки, со светло-кариими глазами и черными волосами. Он учил ее культурным манерам, но она никогда не теряла до конца свои хищнические инстинкты или звериный аппетит. Он этому потворствовал. Он многое узнал из ее общения с прирожденными эльфами и людьми.

Когда ей было за двадцать, она начала меняться. Ее истинно сильванестийские черты смягчились и утолщились, придавая ее вид полуэльфа. Когда у нее на ногах снова появился мех, маг понял, что трансформация снова провалилась. Так много раз он делал это заклинание, пытаясь найти правильную комбинацию, но каждый раз терпел неудачу, рано или поздно.

Однажды ночью пришли солдаты из Дома Защитников и арестовали мага. Кериан

оказалась закованной в глубоком подземелье в сердце Сильваноста. Там она встретила других похожих на нее, существ, терявших свою эльфийскую внешность. Но хотя заклинание мага не смогло сделать их эльфами, оно и не давало им полностью вернуться к их животному виду.

Таким существам не могли позволить оставаться в Сильванести, поэтому их изгнали. Закрытые повозки отвезли их далеко от родных земель в Долину Молчания, где полусущества выпустили, предоставив их самим себе.

В ночном небе над новым домом Кериан были три луны — белая, кроваво-красная и третья, черная, которую, она знала, Двунogie не могли видеть своими слабыми глазами. Но она видела ее.

Она также видела, как что-то падает с темной луны. В тот момент, когда она узнала стрелу, та попала ей в основание шеи. Она упала на землю. У нее из горла хлынула кровь.

Что за вероломство? — крикнул далекий голос. Затем множество криков: *Беседующий! На Беседующего напали!*

Она резко проснулась. Кериан лежала на своей походной постели, и она узнала ночное небо над собой. Она была Кериансерай, диковатым эльфом, воином, супругой Гилтаса, а не той полуживотной мерзостью.

Перекатившись на ноги, она увидела Фаваронаса. Он сидел в нескольких метрах на корточках на краю воды спиной к ней и пил из сложенных чашечкой ладоней. Она встала и позвала его по имени.

Он едва не свалился в ручей головой вперед. Она в два длинных шага покрыла расстояние между ними, схватила сзади за платье и подняла на ноги.

«Фаваронас, у меня был дурной сон!» — сказала она. — «И не только! Предчувствие».

Он был захвачен врасплох. Всегда здравомыслящая Львица говорит о предчувствиях?

Более ранняя часть ее сна, как она была животным, которому придали вид эльфа, терялась в сбивающем с толку сумбуре ощущений. Кериан опустила эту часть, описав лишь концовку, ужасающе четкое видение, как Гилтаса поражает стрела.

Фаваронас, много читавший об исторических предчувствиях несчастья, не думал, что такие вещи случаются в настоящем. На его лицо явственно читалось сомнение.

«Это случилось!» — настаивала она. — «Или случится. Я не знаю точно. Но я чувствую это!»

«Итак, что ты будешь делать?»

Она провела пальцами по спутанным пропитанным потом волосам. Что она могла сделать? Гилтас был ее возлюбленным супругом. И более того, он был Беседующим, королем, которому она клалась служить и защищать. Она хотела бы полететь к нему, чтобы убедиться, что с ним все в порядке.

Полететь!

«Орлиный Глаз! Он сможет за полдня доставить меня в Кхуриност!»

Грифон был привязан в двадцати метрах от лошадей, ближе тропе, ведущей к устью долины. Кериан повернулась в ту сторону. Фаваронас схватил ее за руку.

«Генерал, вы не можете покинуть своих воинов посреди ночи из-за какого-то сна!»

Она выдернула руку и сердито посмотрела на него, но знала, что он прав. Так же прав, как и ее уверенность, что Гилтас серьезно ранен, возможно, даже умирает, пока они стоят здесь и спорят. Трудная задачка, но Львица не славилась своей нерешительностью.

«Поднимайте лагерь!» — сказала она. — «Разбудите всех!»

Фаваронас поспешил выполнить приказ, зовя спящих воинов и тряся их за плечи. Кериан поступила так же. В считанные минуты весь отряд был разбужен и практически приведен в боевую готовность.

Глантон, с взлохмаченной головой, протер глаза и спросил: «Что-то случилось?»

«Да, я немедленно должна вернуться в Кхуриност!»

«Всадники седлают коней...»

«Нет времени». Стараясь говорить спокойно, она сказала: «Я отправлюсь одна, на Орлином Глазе. Все остальные отправятся в Кхуриност без меня».

Она поведала им свой сон, как прежде рассказала Фаваронасу. Воины знали ее как прагматичную, не дающую волю фантазии. Если Львица считает, что ей было послано предупреждение насчет Беседующего, они не будут оспаривать ее уверенность. Однако они явно были приведены в замешательство содержанием ее сна и тем, что она покидала их.

Она сжала плечо Глантона. «У меня нет выбора. С вами все будет в порядке. Избегайте Высокого Плато. Воспользуйтесь более легким маршрутом по караванной тропе из Кортала». На обратном пути они уже не так опасались шпионов. Тем не менее, она предупредила: «Никому не говорите, где были».

Фаваронасу она сказала: «Если бы я могла, то взяла бы тебя с собой, но Орлиный Глаз не потерпит кого-то еще у себя на спине».

Он заверил ее, что не обижается, что остается тут. Было жизненно необходимо, чтобы он неповрежденными получил свои манускрипты, записки и странные каменные цилиндры. Несомненно, он не смог бы нести их, носясь по небу на спине грифона.

Кериан была не из тех, кто теряет время. Она наполнила в ручье два бурдюка, взяла заплечный мешок с небольшим запасом еды и попрощалась со всеми. Потрясенные воины выпрямились и отсалютовали своему командиру.

Прежде чем двинуться по тропинке к Орлиному Глазу, она повторила Глантону приказ, что он с остальными должен в сохранности добраться домой. Если они столкнутся с кочевниками, то должны постараться ускользнуть, не ввязываясь в бой.

«А когда вы вернетесь, я всем куплю нектар», — воскликнула она и ушла.

Фаваронас с Глантоном стояли бок о бок, долго глядя вслед, уже после того, как ее поглотила темнота. Воин ворчал себе под нос, размышляя о возможности проделок кочевников или чудных снов, навеянных действующими в долине силами.

«Что-то здесь не так», — сказал он.

Фаваронас думал о том же, но они слышали крик грифона в воздухе и понимали, что слишком поздно для предчувствий.

* * *

По улицам Кхури-Хана пронесся слух, что король *лэддэд* был ранен, некоторые говорили — убит. Эльфы отозвали своих солдат, но надолго ли? Несомненно, была пролита кровь. О том, кто несет за это ответственность, мнения разделились. Многие кхурцы считали, что это Сыновья Кровавого Стервятника пытались убить Беседующего. Другие полагали, что тут приложил руку Сахим-Хан.

У Сахима была своя собственная теория. Городские ворота, очищенные его солдатами, держались открытыми большими отрядами королевской стражи. Кхури ил Нор был

запечатан, как гробница. По всему городу были подняты флаги тревоги, призывавшие на дежурство всех солдат. Генерал Хаккам принес стрелу, все еще окрашенную кровью Беседующего, во дворец, и были вызваны все изготовители луков и стрел в городе. Если найдется изготовитель стрелы, вскоре станет известен ее владелец.

В Нор-Хане, за самыми толстыми в Кхуре стенами, бушевал Сахим-Хан. Как это случилось? Кто пытался разжечь войну с *лэددэд*? Первыми подозреваемыми были торганцы, которых он поносил как кичливых невежественных дикарей.

Его капитаны собрались подле него. Его нынешняя жена сидела на своем месте позади Сапфириного Трона. Вокруг нее сгрудились семь самых младших детей Хана, напуганные, но молчаливые. В отдалении принц Шоббат прислонился бедром к буфету, лениво поедая виноград из серебряной чаши.

Зунда, который в напряженные моменты мог говорить столь же кратко, как и любой нормальный человек, произнес: «*Клэددэд* нужно направить эмиссара. С заверениями в доброй воле Хана».

«Я продемонстрирую им добрую волю! Я украшу зубцы городских стен трупами всех людей с красной татуировкой!»

«Могущественный Хан, ситуация может не требовать таких мер».

«Ты отправишься к *лэددэд*, Зунда! Возьми Са'иду и всех жриц Элир-Саны. Если Беседующего можно спасти, Святейшая Са'ида может сделать это».

Старый визирь поклонился и повиновался. Любое другое действие в этот момент, скорее всего, стоило бы ему головы.

Как только визирь отбыл, Сахим вызвал одного из своих капитанов, худошавого, похожего на волка, парня, по имени Ватан.

«Собери сотню людей, и отправляйтесь в Храм Торгана», — велел Сахим. — «Арестуйте всех — жрецов, служителей, слуг, всех их. Если обнаружите Минока, убейте негодя на месте».

Он отвернулся, сделал паузу, и ему пришла в голову лучшая идея. «Нет, Ватан. Доставьте Минока ко мне. Живьем. Его люди будут покладистее, если у меня в руках будет их вождь. Я лично допрошу его, и мы узнаем, кто еще замешан в этом заговоре».

Ватан убыл. Впервые с созыва этого чрезвычайного собрания, Сахим сел, тяжело опустившись на трон. Его солнечно-желтая мантия тяжелыми складками легла вокруг него. Он заметил Хенгрифа на периферии толпы, и махнул рыцарю подойти.

Природная невозмутимость Хенгрифа еще сильнее окрепла за время его пребывания в Кхуре. Когда Сахим спросил его мнение о только что отданных приказах, Хенгриф не сказал, *я думаю, что ты грубый и жестокий дурак*, а вежливо ответил: «Могущественный Хан быстро мыслит, а действует еще быстрее».

Сахим улыбнулся. «У меня были хорошие учителя. Что твой Орден делает с повстанцами?»

«Вешать нераскаявшихся и низлагать остальных — вот наш обычай».

«Лучше было бы повесить их всех!»

Хенгриф принял кровожадный совет Сахима с видимым удовольствием. Для него пришло время ввести в действие смелый план. Он поднял в руке кожаный футляр для донесений и объявил, что у него конфиденциальное послание от его Ордена.

В улучшившемся расположении духа, после того как отправил Зунду и Ватана выполнять их соответствующие поручения, Сахим отпустил свое перепуганное семейство,

капитанов и придворных лизоблюдов. Осталась лишь горстка его личных гвардейцев. Принц Шоббат был среди последних убывших, он отбросил пустую виноградную веточку, прежде чем выйти через двойные двери.

«Итак, что желает поведать Повелитель Ночи?»

После нескольких недель без вестей от Ордена, Хенгриф решился на опасный подлог. Он подделал набор инструкций, якобы посланных ему Реннольдом. Если его догадка верна, все будет хорошо. Если же он выберет неверный курс, то, несомненно, поплатится головой. Его хозяева могут простить неудачу, но не случившуюся от их имени.

Он открыл кожаный футляр и вытащил пачку листков. Он сделал вид, что просматривает бумаги, прежде чем прочистить горло и начать громогласно читать: «Его Величеству, Сахиму, Хану Всех Кхурцев, приветствие...»

Громкий шум прервал декламацию Хенгрифа. В зал внезапно снова вошел Шоббат, во главе двадцати стражников.

«Что это значит?» — потребовал ответа Сахим. — «Неужели *лэددэд* ...»

«У меня новости, Могущественный Хан. Я узнал личность изменника в нашем городе, автора всех наших неприятностей, устроившего заговор против короля *лэددэд*».

Довольный, Сахим сказал: «Превосходно, сын мой! Превосходно! Кто же это?»

Шоббат продолжал идти, пока не остановился на одной линии с темным рыцарем. Солдаты замерли в двух шагах позади принца. «Предатель, сир, это лорд Хенгриф».

Мгновение никто не двигался. Казалось, никто не дышал. Короткое, как удар сердца, длинное, как вечность. Затем, практически все пришли в движение.

Бумаги выпали из руки Хенгрифа. Восемь стражей Хана вытащили мечи и ринулись на него. Так же как и эскорт Шоббата. Так как он находился при дворе, Хенгриф был вооружен лишь кинжалом, но он незамедлительно выхватил его и набросился на Шоббата. Принц отступил, нащупывая свой собственный меч.

Только Хан оставался неподвижен. Он сидел на своем золотом троне, наблюдая.

Хенгриф нанес Шоббату рубящий удар сверху. Принц неуклюже парировал, его ноги поскользнулись на полированном полу. Он побелел. Сахим отмахнулся от собиравшихся вмешаться солдат. Он хотел посмотреть, как его сын преуспеет против опасного Хенгрифа.

Ответ был, как он вскоре понял, не обнадеживающим. Шоббат не был дуэлянтом. Его отец, сам по себе грозный воин, потребовал, чтобы принц прослужил восемь лет в кхурской армии. Шоббат провел это время, изучая стрельбу из лука и игру в кости, но не фехтование.

Рыцарь наносил серии широких круговых ударов. Шоббат пятился, пока не наступил пяткой на край своего платья. Он упал. Рыцарь стал над ним, презрительно улыбаясь.

«Даже этого ты не можешь!» — произнес он.

Внезапно из его груди показался окрашенный кровью кончик меча. Ухмылка Хенгрифа застыла. Он оглянулся на проткнувшего его стражника.

«Сейчас!» — Закричал Шоббат. — «Все, атакуйте!»

Стражник вытащил свой клинок. Несмотря на рану, Хенгриф развернулся, бросая папку для бумаг в лицо этому человеку, но еще девять клинков атаковали его. Рыцарь воткнул свой кинжал в живот другого стражника и вырвал меч у того из рук. Наконец, у Хенгрифа было настоящее оружие.

Он с трудом поймал два клинка и отбросил их в сторону. Рыцарь нанес колющий удар ближайшему кхурцу в горло; тот поднырнул. Клинок прошел под вытянутой рукой Хенгрифа, глубоко врезаясь тому подмышку. Чертыхнувшись от боли, он устоял и нанес удар

напавшему на него человеку, отделив тому нижнюю челюсть от лица.

Рыцарь отбивался от колющих и режущих ударов с трех сторон, в то время как кхурцы старались окружить его. Он сразил четвертого нападавшего, когда тот сделал слишком сильный выпад, и Хенгриф поймал его за запястье. Резко опустив клинок, он едва не отделил руку этого человека у локтя. Стражник рухнул на пол, крича и сжимая раненую руку. Он откатился.

Двери тронного зала резко распахнулись. Появилось еще больше солдат. Они не атаковали, а застыли, пораженно уставившись на открывшееся их глазам ужасное зрелище. Оскалив зубы, шипя от боли, мокрый от собственной крови и крови нападавших, высокий Хенгриф был истинным воплощением ассасина.

Шоббат крикнул вновь прибывшим окружить неракца и убить его. Голос принца прорвался сквозь их шоковое состояние. Они атаковали.

Хенгриф был опытным воином, но ему было не спастись. Тем не менее, он прижался спиной к стене и продолжал сражаться. Еще двое кхурцев пали от его меча. Кафельный пол вокруг него стал скользким от крови. Его раны пылали, а правая рука ослабела от кровопотери. В одну из наиболее успешных контратак он отбросил полдюжины из namного большего числа солдат. Во время этой кратковременной передышки Хенгриф привалился к стене. Он обратил свой пылающий обсидиановый взор на Шоббата. Принц стоял рядом с тронном своего отца, их обоих защищала стена разъяренных солдат.

«Думаешь, ты победил?» — задыхаясь произнес Хенгриф, все еще глубоким и выразительным голосом. — «Ты забыл, с кем имеешь дело. Изменник, ты ненадолго переживешь меня!»

Шоббат фыркнул: «Я не боюсь твоего Ордена. Верные кхурцы защитят трон».

«Не моего Ордена, дурак! Бойся *лэддэд!*»

Побледнев, Шоббат крикнул: «Прикончите его!»

Словно медведь, на котором повисла стая волков, Хенгриф сражался с отчаянной свирепостью обреченного. Он покалечил еще троих нападавших, прежде чем двое вооруженных алебардами кхурцев проткнули его с противоположных сторон. Их уцелевшие товарищи присоединились к ним, навалившись на древки алебард, и Хенгриф был отброшен и пригвождён к стене.

Его жизнь утекала. Он осел вперед, все еще удерживаемый в вертикальном положении пронзившими его тело наконечниками оружия. Его глаза потускнели. Меч выпал из безжизненных пальцев.

Стражники издали победный крик. Они выстроились в должном порядке перед своим монархом.

«Отрубить ему голову, Великий Хан?» — спросил один из них.

На всем протяжении кровавого сражения Сахим-Хан с показным спокойствием восседал на своем троне, впитывая каждый аспект боя. Он не был уверен, что Хенгриф был изменником, но здесь было не место подвергать сомнению обвинения его сына. Хан встал, расправил свою желтую мантию и направился взглянуть на мертвого рыцаря.

«Нет», — сказал он. — «Вытащите его тело на площадь перед дворцом. Повесьте плакат, чтобы все узнали о его предательстве».

Солдаты выволокли Хенгрифа за пятки и бросили во дворе перед дворцовыми воротами. Один направился на поиски материалов, чтобы выполнить приказ Сахима и сделать табличку. Остальные уставились в небо, плотно заполненное медленно плывущими

вздыхающимися облаками. Они никогда прежде такого не видели.

«Что это значит?» — спросил один.

Другой, тайный последователь Торгана, ответил: «Те, Кто Наверху, гневаются! Они хотели бы видеть эту землю очищенной от скверны».

Громкий булькающий визг придал выразительности пророчеству солдата. Он не был похож ни на одну из известных в Кхуре птиц. Глубокий и мощный, он был чем-то средним между львиным ревом и пронзительным криком орла. Второй крик сопровождался пронесшимся по улицам города освежающим порывом ветра. Солдаты во дворце могли проследить за его продвижением по поднимаемым им клубам пыли. Они отвернулись и прикрыли лица, когда тот пронесся по площади с запада на восток, подметая мостовую и раскачивая все еще прикрепленные к стенам дворца длинные и узкие леса. Стойки поддались, и доски обрушились. Затем, так же быстро, как и появился, ветер стих.

* * *

В Кхуриносте странный визг вытащил эльфов из-под навесов из плетеной травы, укрывавших узкие улочки лагеря. В отличие от кхурцев, многие эльфы узнали этот крик. Его издал сильванестийский грифон.

Планчет вышел из палатки Беседующего. Он, несомненно, узнал этот крик, хотя едва мог поверить, что слышит его в данный момент. Издавший его был так высоко, лишь силуэт на фоне накатывающихся белых облаков, что даже острый взгляд Планчета не мог разглядеть, нес или нет грифон всадника.

На другой стороне площади эльфийка старалась успокоить своего плачущего ребенка, их обоих напугал переполох над головой. Планчет подошел и доброжелательно заговорил с ней.

«Не бойся», — сказал он. — «Это всего лишь грифон».

«Я подумала, кхурцы пришли убивать нас», — прошептала эльфийка.

«Они нам не враги», — заверил ее Планчет. Он пожал ее руку и потрепал за подбородок плачущего ребенка. — «Наш Беседующий не позволит причинить нам вред».

Эльфийка явно не видела, как Гилтаса ранее внесли в его палатку, практически без сознания. Его рана нагноилась, и лихорадка охватила его худошавое тело. Прямо сейчас он мало способен был что-то гарантировать, но Трон Солнца и Звезд обладал властью, простиравшейся далеко за пределы находившегося на нем смертного эльфа. Упоминание Планчетом имени Беседующего, точно могущественного талисмана против зла, успокоило мать и дитя, и он смог оставить их в намного лучшем расположении духа.

Он потерял грифона из вида. Он поспешил обратно в палатку Беседующего, чтобы рассказать тому о том, что видел.

В покоях Гилтаса находились целители, придворные и командиры, готовые сделать все, что от них потребуется.

«Великий Беседующий!» — обратился Планчет, становясь на колени у кровати. — «Вы слышали зов грифона?»

Затуманенные лихорадкой голубые глаза медленно повернулись к лицу камердинера. «Ты слышал его? Я думал, я брежу», — прошептал Гилтас.

«Нет, сир. Он действительно был».

«Она здесь?»

«Не знаю. Я потерял животное из вида, но вскоре мы все узнаем».

Гилтас облизнул пересохшие губы, и Планчет поднес маленькую чашку с водой ему ко рту. Сделав несколько глотков, Гилтас спросил о лорде Мориллоне.

К сожалению, сильванестийца не нашли. Планчету пришлось доложить, что они опасаются худшего.

Эльфийский целитель наклонился и зашептал ему на ухо. Камердинер кивнул. «Сир, прибыл визирь Зунда с жрицами Храма Элир-Сань».

«Святейшая Госпожа Са'ида? Говорят, она сведуща в своем ремесле. Впустите их».

Планчет обернулся передать приказ, но случилось нечто странное. Внезапно воздух вырвался из палатки, яростно увлекая за собой крышу. Изношенное полотно порвалось, открывая огромную дыру в небо. Слуги в тревоге закричали.

Прямо над палаткой Беседующего в высоких облаках возникло аккуратное круглое отверстие. Казалось, точно гигантский палец проткнул хмурое небо прямо над центром Кхуриноста. Вокруг отверстия образовался вихрь, затягивая в себя полосы облаков и опускаясь на палатку Беседующего.

Едва завыл ветер, Планчет выкрикнул приказания. Целители стали на колени вокруг постели Беседующего, прикрывая его своими телами. Воины сформировали квадрат, лицом наружу, обнажив мечи.

Лишь несколько секунд спустя после того, как был впервые замечен, вихрь опустился на палатку Беседующего, раздирая ее на части. Стены и потолок обрушились. Эльфы оказались похоронены под массой ткани. Вытянув над головами руки, верные гвардейцы Беседующего удерживали крышу над ним и прикрывавшими его целителями.

Задыхаясь под толстым полотном, Планчет не мог видеть, но лишь слышал воцарившийся хаос. Эльфы кричали, был слышен топот. Он осторожно проткнул полотно кончиком меча и проделал небольшое отверстие. Никто не запротестовал, так что Планчет расширил его.

«Милостивые предки!» — выдохнул Планчет.

«Что там?» — спросил Гилтас, отталкивая закрывавших его целителей.

«Не что, Великий Беседующий — кто!»

Львица распутывала обрушившуюся палатку. Орлиный Глаз еще даже не коснулся земли, а она уже соскочила с его спины и побежала к мужу. На ней были лишь изодранные лохмотья белья, и она была мокрой с головы до ног. Она пробралась сквозь изумленную стражу и целителей, упала на колени и обхватила руками мужа.

Гилтас снова и снова произносил ее имя, пока Планчет поддерживал его за спину. Несмотря на сочившуюся из щек и шеи свежую кровь, его голос был радостным от облегчения.

«Кериансерай, как? Как, во имя всех древних богов, ты очутилась здесь?»

«Прилетела. Ты прислал Орлиного Глаза, так что я вернула его». — Ее голос дрожал почти так же, как его. — «Я проделала весь путь от Долины Голубых Песков».

Она осторожно опустила его обратно на сильное плечо Планчета. «Стрела!» — сказала она, опытным глазом изучая его рану. — «Я знала!»

«Откуда вы знали, леди?»

Кериан покачала головой в ответ на вопрос Планчета. «Неважно. Кто это сделал? Кхурцы? Неракцы?»

Камердинер признался, что они еще не знают.

С помощью Кериан, Планчет уложил Беседующего на постель, а затем отправился приготовить для нее еду и питье. И одежду, хотя и не сказал этого вслух.

Пока они были относительно одни, Гилтас взял ее руку. «Ты выглядишь восхитительно», — прошептал он, полными слез глазами рассматривая ее сверху донизу.

Она состроила гримасу, внезапно засмущавшись. «Наверху мы попали в шторм, в торнадо. Мне повезло, что на мне осталась хоть какая-то одежда!»

«Только Львица может прибыть домой верхом на урагане», — поддразнил он. — «Твои воины неподалеку?»

Она покачала головой, нараставшее смущение проявилось в мрачных морщинах. «Нет, они только покидали Инас-Вакенти, когда мне пришлось оставить их».

Кратко, так как ее горло, в самом деле, пересохло, она описала приключившееся с ними в долине — призрачные огни, каменные развалины, исчезновение песчаного зверя и многих ее воинов, а также абсолютно отсутствие какой-либо жизни.

«Гил, там и мухи не живет. Оставь ее призракам и блуждающим огонькам».

Во время ее рассказа, каким бы он ни был кратким, Гилтас начал сдаваться результатам ранения и лихорадки, равно как и шоку от ее появления. Он едва держался в сознании.

«Не может быть все», — пробормотал он, и ей пришлось наклониться, чтобы расслышать, что он произнес затем. — «Мы должны покинуть это место».

Его веки сомкнулись, и он заснул.

Планчет вернулся с кувшином пальмового вина в каждой руке. Стража и слуги приступили к возведению новых опор для крыши палатки. Кериан взяла кувшин с вином и поднесла к губам.

Планчет проинформировал ее об исчезновении лорда Мориллона. Она сделала легкомысленный комментарий, но его измученное заботами лицо было очень мрачным. «Его нашли, леди», — продолжил он. — «В пустыне за северными городскими воротами. С перерезанным от уха до уха горлом».

Наступил рассвет, кочевников нигде не было видно. Глантон отправил всадников прочесать ущелье, но, похоже, Вейя-Лу ушли. Сосновые рощицы и заросли можжевельника на склонах обступавших проход холмов были пусты. Отчетливая цепочка отпечатков копыт на дне ущелья вела на юг. Путь из Инас-Вакенти был свободен и чист.

Как и приказала Львица, отряд эльфов возьмет курс на запад, не на юг, откуда они пришли. Рано или поздно, они выйдут на караванную дорогу из Кортала в Кхури-Хан. Так как эта дорога обходила котел Высокого Плато, она в некотором смысле была более безопасным маршрутом, но несколько дней им придется ехать, удаляясь от своих товарищей в Кхуриносте и приближаясь к неракской границе. Тем не менее, Глантон был согласен с умозаключениями своего командира, что это было лучшим вариантом. Чувствуя себя слегка голыми без окружения гор, деревьев и призрачных развалин, эльфы снова двинулись прямо в открытую пустыню.

Одним из последних завершенных ими заданий, прежде чем покинуть Инас-Вакенти, стало сооружение небольшого раскладного столика для Фаваронаса. Тонкие планки желтой сосны были скреплены вместе, образовав поверхность, на которой архивариус мог писать и читать, находясь в седле. Отверстие вверху по центру доски соответствовало луке его седла. Это придавало столику устойчивость и не давало соскользнуть с двигающейся лошади. Фаваронас укоротил стремяна и поместил доску на согнутых коленях. Таким образом, он мог работать над отчетом Беседующему, даже когда они находились в движении.

В отсутствие кочевников, с которыми можно было бы сражаться, Глантон вскоре заскучал и вновь занял место в строю рядом с Фаваронасом, отвлекая его разговором о долине. Глантон полагал, что под руинами имеется целая сеть туннелей. Он был уверен, что разгадка тайны развалин кроется под землей. Если бы время позволяло, он бы добился у Львицы разрешения продолжить поиски вглубь обнаруженных ими ходов, чтобы отыскать следы их пропавших товарищей и дополнительные свидетельства прошлых цивилизаций.

«Вы полагаете, наши пропавшие воины находятся в туннелях?» — спросил Фаваронас.

«Где же еще?» — убеждал Глантон.

«Когда вовлечена магия, нет ограничений, куда их могли забрать. В другую долину, или даже к самим звездам».

Раздражительный ответ Фаваронаса заставил разговорчивого воина умолкнуть, но лишь ненадолго. Глантон сменил тему, расспрашивая, выяснил ли ученый что-либо о странных каменных артефактах, которые они достали из подземной комнаты.

Архивариус вздохнул. «Не слишком много», — признался он. На каждом из восьми каменных цилиндров сбоку была выгравирована короткая надпись. Фаваронас был убежден, что когда-то это были настоящие книги, но были обращены в цельный камень.

«Я расшифровал ярлыки, по крайней мере, частично. Это не, как я сперва думал, забытый диалект древнесильванестийского. На самом деле, каждый слог является сокращением от более длинного слова или фразы. Первый маркирован как „Ба-Лаф-Ом-Тас“, что означает „Балиф, Владыка Тон-Таласа“, а „Хок-Сем-Ас“, как мне кажется, расшифровывается как „Посредине Между Жизнями“».

«Что это означает?»

«Хотел бы я знать». — Архивариус вспомнил разговор за обедом у Беседующего, в ночь

накануне начала их путешествия. Картограф Ситэлбасэн тогда сказал, что самый отдаленный аванпост древнего эльфийского королевства, Врата Балифа, предположительно находился внутри или рядом с этой долиной.

Глантон оглянулся через плечо на удалявшиеся от них три горы, Зубы Торгана. «Вы думаете, эти камни — развалины того аванпоста? Вы думаете, их построили сильванестийцы?»

«Не обязательно». — Неопределенность явно огорчала архивариуса. — «Но я начинаю думать, что долину посещали последователи генерала Балифа, вероятно после Первой Войны Драконов, три с половиной тысячи лет назад. Из древних преданий нам известно, что Балиф покинул Сильванести, то ли впад в немилость, то ли из-за проклятья, и, в конце концов, помог основать государство кендеров в Балифоре. Некоторые источники утверждают, что он и сам стал кендером, но доказательств этой теории не существует». Он вздохнул. «Многие важные записи остались в храмах Сильваноста, тщательно охраняемые. Другие были потеряны в Первом Катаклизме».

«Возможно, в этих цилиндрах хранится *правдивая* история Балифа!» — воскликнул Глантон.

Фаваронас плотнее закутался в геб, будто ощутив озноб, несмотря на жар пустыни. «Может быть. Мне на ум пришла другая возможность, но она, в самом деле, слишком пугающая, чтобы рассматривать ее».

Глантону пришлось подтолкнуть ученого, напомнив тому о долге перед Беседующим, прежде чем тот продолжил. И то, Фаваронас украдкой оглядывался по сторонам, чтобы убедиться, что никто не подслушивает.

«Ты много знаешь об истории нашей расы?» — спросил он.

Образование Глантона не особо выходило за пределы чтения, письма и элементарной математики. Он признался в недостатке эрудиции.

Фаваронас кратко описал основание Сильваносом Золотоглазым, первым Беседующим со Звездами, первого эльфийского государства. Эльфы заявили свои права на землю, что однажды станет Сильванести, а тогда была населена могущественными драконами.

Произошел конфликт, Первая Война Драконов, в которой Балиф привел к победе своих всадников на грифонах. Триумф был не только Балифа. Боги магии прислали на помощь эльфам троих магов. Эти маги были вооружены пятью могущественными драконьими камнями. Балиф вместе с магами устроил для драконов ловушку, заманив их туда в последней битве, а затем заключив их души в драконьи камни. Пустые тела драконов были трансформированы в горный хребет, и стали частью Халкистских гор; и они по-прежнему являются частью этих гор.

Как и все эльфы, Глантон знал, что Сильванос основал государство, носившее его имя. Но эта история, захватывающая даже в кратком изложении, заставила его слушать, открыв рот.

«Что случилось с драконьими камнями?» — спросил он.

«Позволь процитировать „Хронику Сильваноса“» — Это была та книга, которую требовалось выучить наизусть каждому честолюбивому архивариусу.

«Победоносный Облачный Легион лорда Балифа унес захваченные души драконов на север, в самую глубь гор. Там располагался колодец Немис-Отам, самая глубокая расселина в мире, и в него лорд Балиф бросил души сотни драконов».

На тот случай, если Глантон не полностью проследил ход его мысли, Фаваронас

добавил: «Точное местонахождение Немис-Отам сегодня не известно, но я подозреваю — я боюсь! — Инас-Вакенти когда-то как раз и была Немис-Отам».

Глантон был поражен. Если Фаваронас был прав, под поверхностью этой долины находится величайшая в мире концентрация магической силы, захваченные души сотни драконов, и благоговейное уважение этого места кочевниками было полностью оправданным.

Одна драконица, всего одна, грозная зеленая драконица Берил, уничтожила армию, состоявшую из тысяч эльфов. Даже умирая, она принесла гибель эльфам. Рухнув с неба, она так сильно подмяла город Квалиност, что земля провалилась, и туда ринулись воды реки Белая Ярость. Практически все выжившие в сражении утонули. Была убита сама мать Беседующего, Королева-мать Лорана, и, насколько было известно, это место по сей день оставалось затопленным. Гниющий труп драконицы все еще находился на дне образовавшегося озера, заслуженно дав ему имя *НалисАрен*, Озеро Смерти.

Глантон выжил в той битве. Не проходило и месяца, чтобы он вновь не вспоминал во сне те ужас и отвагу, свидетелем которых был. Хорошо зная то опустошение, которое принесла одна зеленая драконица, он едва мог вообразить те разрушения, которые могут причинить сотня подобных существ.

Видя его ошеломленное лицо, Фаваронас напомнил, что это была лишь теория, и она не объясняет наличие развалин, исчезновение антилопы, которую видела Львица или того странного призрака, что прошел мимо Глантона и Фаваронаса в туннеле. До сих пор единственным твердым фактом, который архивариус выжал из этих свитков, было то, что кто-то, и в немалом количестве, раньше населял долину, и они были как-то связаны с доблестным обреченным Балифом. Заглавия остальных семи цилиндров были не менее таинственными, чем первого. Он расшифровал их как «Подсчет племени», «Средний порядок обучения», «Возведение столпов» и «Сон Первого».

Он подумал, что это странно, что на корешках двух из восьми случайным образом выбранных цилиндров упоминается «середина». Судя по контексту использования, он чувствовал, что оно относится к группе людей, а не к какому-то месту.

«Что бы это ни значило», — сказал ученый, — «признаю, что я рад навсегда оказаться подальше от той своеобразной долины».

Глантон покачал головой. — «Это может оказаться не навсегда. Беседующий надеется, что долина станет нашей новой родиной». Игнорируя потрясенное выражение лица Фаваронаса, воин добавил, что считает, что долина, с ее потайным входом, изобилием воды и системой туннелей была бы для них прекрасным пристанищем.

«Мы просто должны решить несколько ее загадок», — закончил он решительно.

Фаваронас ответил: «Люди могут оказаться правы насчет этого места. Там могут быть загадки, которые нам не следует тревожить».

«Как насчет нашего народа? Не только тех тысяч прозябающих в этом мерзком лагере у стен Кхури-Хана, но сотен тысяч под иггом захватчиков? Мы забываем о них и выбираем легкий путь вечного изгнания?»

У Фаваронаса не было ответа. Глантон был преданным воином. Он находил мужество в невзгодах и благородство в войне. Как мог архивариус, по меньшей мере, вдвое старше его, сказать гордому солдату, что его идеалы ошибочны?

Он не мог. Вместо этого, Фаваронас мысленно поклялся продолжить изучение цилиндров. Должен был существовать способ добраться до внутреннего текста, если таковой

вообще был.

Движение на запад прошло без происшествий. Когда опустились сумерки, воины разбили лагерь прямо у вершины широкого усыпанного гравием холма. Они не встретили никаких признаков кочевников. Пустыня к западу от гор выглядела столь же безлюдной, как Долина Молчания.

Они взяли с собой из долины воды с избытком, но порции еды становились все меньше. Во время фуражировок в долине они нашли только кедровые орехи и ягоды. Это бесплодие вызвало множество комментариев среди эльфов. Многие из них прежде были скотоводами или фермерами, а некоторые — садовниками в великом городе Квалиносте. В эльфийских землях садовники были не чернорабочими, а творцами, приравняваемыми к скульпторам, поэтам или художникам. Они не могли предложить разумных причин отсутствия дичи и съедобных растений в долине. Двуногие охотники не бродили по ее тропам; в ней было с избытком воды; ее климат был мягким. Во многих местах почва была песчаной и бедной, не говоря уже о ее странном цвете, но у нагорий в земле должно было быть больше минералов. Здравый смысл диктовал, что долина должна была кишеть жизнью. Почему же она была такой тихой и пустой?

Фаваронас сформулировал ответ, но не поделился им с остальными, не желая быть втянутым в долгую дискуссию. Призрачные огни в развалинах притягивались лошадьми, всадниками и даже кровожадным песчаным зверем. Он полагал, что по прошествии долгого времени блуждающие огоньки очистили долину от животной жизни, вплоть до мух. Куда всех забрали, он не мог сказать, но Беседующий должен обдумать эту опасность, прежде чем привести сюда на поселение всю нацию.

На востоке появились облака, высокие и плотные. Обычно воздух пустыни был такой сухой, что никакие облака не могли проникнуть так далеко от моря, так что их появление вызвало много комментариев, пока эльфы обустроивались в лагере. Когда под этими облаками засверкали вспышки молний, эльфы знали, что наблюдают нечто экстраординарное, но даже это не могло надолго удержать усталых воинов от сна.

Фаваронас поздним вечером трудился, пытаясь раскрыть секрет каменных цилиндров. Он набрал сухой пустынной травы и развел небольшой огонь рядом с зарослями лебеды, чьи серовато-зеленые листья послужили ему ужином. Он положил один из цилиндров в костер, но огонь никак не подействовал на того. Фаваронас пытался лить воду, затем масло, на цилиндры, чтобы размягчить их, но снова потерпел неудачу. Края цилиндров имели рисунок тугой спирали. Больше всего они напоминали обычные пергаментные свитки, обращенные в камень, возможно, под воздействием времени или магии. Если первое, то может оказаться возможным разделить книги при помощи механического воздействия, но если была вовлечена магия, его усилия были тщетны. Беседующему потребовалось бы найти опытных магов, чтобы раскрыть оберегаемые цилиндры.

Где-то после полуночи Фаваронас заснул перед расставленными перед ним цилиндрами. Его костер притух до мерцающих углей.

Его разбудил тихий хруст шагов. Он провел в долине слишком много жутких дней и ночей, чтобы игнорировать подобные звуки.

«Кто здесь?» — прошипел он. Скорее всего, этот шум был безобидным, и был вызван одним из солдат Глантона. Фаваронас снова окликнул, начиная нервничать и сердиться. У этого парня могло бы хватить вежливости ответить!

Он бросил пригоршню сухой травы на угли своего костра. Распустились языки пламени.

К его потрясению, от которого сильно забилося сердце, они высветили стоявшую в метре от него завернутую в плащ фигуру. Фигура сделала шаг назад, стараясь держаться в темноте.

Фаваронас закричал, быстро вставая. Глантон дал ему булаву Вейя-Лу, так как она не требовала особого опыта в обращении. Он схватил ее. Ученый был напуган, но, несомненно, от крика воины проснутся и защитят его.

Странно, но никто не явился. Воины вокруг него оставались неподвижными. Несмотря на его не прекращавшиеся крики, он слышал их храп и глубокое дыхание. Они продолжали безмятежно спать.

Закутанный в плащ незванный гость присоединился к нескольким одетым таким же образом фигурам у подножья холма. Фаваронас различил четыре отчетливых очертания, и заметил движение много больших в глубоких складках ночи. Вместо того чтобы пуститься в бегство, эти четверо приблизились и окружили его.

Он взмахнул булавой, крикнув им держаться подальше. Окруженный врагами со всех сторон, он вертелся юлой, отчаянно стараясь держать их всех в поле зрения.

«Незнакомец».

От этого шепота он развернулся и оказался лицом к лицу с одним из четверых.

«Верни то, что ты взял».

Фаваронас сразу же понял, о чем шла речь: каменные цилиндры. «Кто вы?» — спросил он.

Тонкие руки откинули темный капюшон. Показалось красивое лицо молодой эльфийки с глазами и волосами цвета залитого солнцем золота.

Остальные трое открыли лица, тоже оказавшись эльфийскими девушками. У одной были волосы и глаза цвета черного оникса; другая была цвета меди, а четвертая — серебристо-белой. Все четверо были прекрасны с безупречной молочно-белой кожей и малинового цвета губами, но выражения их лиц были мрачными.

«Верни то, что ты взял», — повторила девушка с золотистыми волосами.

Фаваронас опустил булаву. «Эти реликты важны для нас», — ответил он. — «Не могли бы вы поделиться ими?»

Все четверо в унисон сдвинулись на шаг к нему. Золотые Волосы снова повторила свой приказ, а другие эхом вторили ей.

Они не были фантомами. В отличие от полупрозрачного призрака, которого он повстречал в туннеле, эти эльфы были из плоти и крови. Даже при скудном освещении он видел оставленные в их волосах расческами следы, слышал шуршание их платьев, видел, как их тонкие сандалии вдавливаются в скрипучий песок.

«Пожалуйста, мы не собирались ничего красть», — сказал он, обращаясь к Золотым Волосам. — «Я — архивариус, эксперт по документам. Эти цилиндры очень старые, и я бы хотел прочесть их. Вы — эльфы; вы должны знать, как эти цилиндры могут быть важны для нашего народа. Вы знаете, как открыть их?»

Она расстегнула и сбросила плащ, являя обнаженную плоть. Остальные последовали ее примеру. Прежде чем Фаваронас смог осмыслить происходящее, одна из девушек прыгнула на него сзади. Другая выхватила булаву из его руки, а третья ударила ему сзади под колени, опрокидывая на землю.

Он с такой силой ударился о землю, что звезды у него над головой исчезли в потоке боли. Огромный вес опустился ему на грудь. Когда в голове, наконец, прояснилось, он увидел сидящую у себя на груди золотоволосую эльфийку. Выглядевшая такой легкой, что

сильный бриз мог бы качать ее, она оказалась очень тяжелой. Фаваронас едва мог сделать вдох под сокрушительным весом ее тела. Он взмолился о воздухе.

Она наклонилась вперед, сжимая руками его голову. Когда она приблизилась, ее красивое лицо исчезло. Вместо ослепительно привлекательной эльфийской девушки Фаваронас оказался лицом к лицу с волком, с золотистыми глазами и такого же цвета шкурой.

«Верни то, что ты украл!» — прорычал волк.

Он не понимал, почему эти существа просто не взяли каменные цилиндры и не ушли. Они определенно одержали победу над ним. Он не мог шевельнуться и едва мог дышать.

«Заберите их!» — прохрипел он. — «Почему вы просто ... не заберете их?»

«Тебе не будет покоя, пока не вернешь то, то взял!»

Говоря так, волк высоко занес лапу. Фаваронас не успел набрать воздуха, чтобы закричать, прежде чем когти распороли ему горло.

* * *

В Кхури-Хане сохранялось тревожное спокойствие. Облака цвета сланца собирались над городом все выше и выше до тех пор, пока вовсе не перестали уноситься ветром. Впервые на памяти старожиллов пустынное солнце полностью исчезло. Кхурцы и эльфы изнемогали от зноя, несмотря на неожиданную тень. Ни малейшего дуновения ветерка, и жара стала удушающей. Пролились короткие непредсказуемые потоки дождя. Все промокли, от одежды шел пар, вызывая дискомфорт.

Убийство лорда Мориллона раздуло костер страха и недоверия, уже тлевший после покушения на жизнь Беседующего. Не было никаких улик, связанных с его смертью. Никаких доказательств, указывающих на кого-либо конкретно, но в Кхуриности считали, что Мориллона лишили жизни фанатики — торганцы.

Сахим-Хан был согласен с этим мнением. Его свирепый капитан Ватан с сотней элитной дворцовой стражи зачистил Храм Торгана. Всю общину жрецов уволокли в цепях, вместе с прятавшимися в храме двумя дюжинами оборванцев-кочевников и горсткой запуганных слуг. Верховного жреца Минока не нашли.

Эльфы держались близко к своим палаткам. Они видели заговор каждый раз, когда на городских улицах появлялось больше пары кхурцев. Планчет с Таранасом быстро организовали водосбор для всей колонии. Вместо рядовых граждан на закупку живительной влаги направили воинов. Даже без их коней и одетых в обычное платье, воинов можно было безошибочно узнать по тому, как они стояли и приглядывали за своими товарищами.

Во время одной из своих экспедиций Гитантас Амбрodelь узнал о смерти лорда Хенгрифа. По возвращению из города он разыскал Планчета. Вместе с камердинером находился Хамарамис, командир стражи Беседующего.

«Труп Хенгрифа лежит во дворе дворца», — мрачно сообщил Гитантас. — «С плакатом, на котором написано „Предатель“».

«Подходящий конец для Темного Рыцаря», — высказал свое мнение Хамарамис.

«Он спас мне жизнь той ночью в развалинах виллы», — продолжал настаивать капитан. — «У него могла быть на уме гнусная цель, но правда в том, что он спас меня. Он казался благородным человеком». Хамарамис фыркнул, и Гитантас упрямо добавил: «Он

достоин лучшего, чем кормить мух!»

Планчет понимал. Он подошел к стоящему у стены палатки Беседующего сундуку и достал из одного из его ящичков маленький мешочек. Он бросил его Гитантасу.

«Подкупи стражников и заberi останки. Позаботься, чтобы он получил достойные похороны».

С высоко поднятой головой, под неодобрительным взглядом Хамарамиса Гитантас отбыл, чтобы вернуть долг Темному Рыцарю Нераки.

«Тем деньгам могло бы найтись лучшее применение».

Двое эльфов повернулись к Львице, стоявшей в дверном проеме спальни Беседующего. У нее под глазами были темные круги. Она провела на ногах всю ночь, ухаживая за раненым мужем.

«Их можно было использовать для того, чтобы найти убийцу Мориллона, или безвольного фанатика, пытавшегося убить Беседующего», — сказала она.

Планчет налил чашу неразбавленного вина и протянул Львице. «Это может быть один и тот же человек», — спокойно произнес он. — «За исключением нового игрока, список наших врагов сокращается. Сахим-Хан, несмотря на свою жадность, продемонстрировал, что не он наш истинный враг, а лорд Хенгриф мертв».

«Кто же остается?» — спросила она.

«Маг Фитерус, например. Мы не много знаем о нем, но он пытался убить капитана Амброделя, ускользнул от неракцев и все еще на свободе».

«Как насчет верховного жреца торганцев?»

Планчет покачал головой. — «Пешка в игре, не игрок, мне кажется. Сахим-Хан уже много дней охотится на него. Он не осмелится показать свое лицо в Кхури-Хане».

«Принц Шоббат?» — предположил Хамарамис.

Здесь Планчет нахмурился и не ответил. Наследник кхурского трона был для эльфов загадкой. Он мало занимался делами государства и проводил большую часть времени, надзирая за восстановлением дворца или развлекаясь. Ходили слухи, что он был причастен к гибели Хенгрифа, но эльфы с трудом могли в это поверить. Никто в Кхури-Хане серьезно не воспринимал избалованного, любящего развлечения принца в качестве угрозы.

Кериан протянула пустую чашу, и Планчет снова наполнил ее.

«Госпожа, как дела у Беседующего?» — тихо спросил Хамарамис.

«Он спит. Лихорадка усиливается каждую ночь и стихает днем».

Планчет сказал: «Целый корпус целителей из Кхури-Хана ждет, чтобы помочь ему».

«Люди достаточно сделали для Беседующего!» — резко ответила Кериан. Выражение ярости на ее лице держалось лишь несколько секунд, затем вернулась привычное бесстрастное опустошение. — «Наш народ может позаботиться о нем».

Хотя она не испытывала неприязни к Са'иде или к Храму Элир-Саны, Кериан так была потрясена вероломным нападением на Гилтаса, что не позволила бы приблизиться к нему кому-нибудь из людей. Эльфийские мудрейшие, в отсутствие ресурсов своей родины, испытывали трудности в контроле его лихорадки, но Кериан настояла, чтобы только эльфы лечили Беседующего.

Она допила, а затем вернулась в полутемную комнату, где спал Гилтас. Было тепло, но терпимо, жара разгонялась медленно вращавшимся у его кровати вентилятором из пальмовых листьев. Тот приводился в действие сильными руками мальчиков, вращавших ручку, расположенную в смежной комнате. Так велико было их желание помочь своему

Беседующему, что большинство приходилось силой отправлять отдохнуть, и позволить другому занять его место.

Вдоль затемненной периферии комнаты шепотом консультировались друг с другом целители. Раздраженная их бормотанием, Керриан приказала очистить комнату.

Она села на свою сторону веревочной кровати, стараясь не перекрывать легкий ветерок от вентилятора. При слабом освещении она видела пот на лбу и вокруг рта Гилтаса. Его дыхание было медленным и ровным, но слегка хриплым. Его глаза были закрыты. Когда она коснулась его щеки, то почувствовала пылающий внутри него жар.

«Я нашла долину, Гил», — тихо сказала она. «Она оказалась прямо там, где и сказал твой библиотекарь, но, боюсь, там нам не место. С ней что-то не так, какое-то проклятие», — она скривилась от столь безграмотного слова, но не смогла подобрать другого, — «лежит на этом месте. Какая-то сила уносит живых существ, включая наших солдат. Мы так и не нашли, куда они исчезли. В Инас-Вакенти совсем нет животного мира, даже ящериц или мух. Я знаю, это место очаровывает тебя, и мы, несомненно, можем отправить других исследователей, чтобы изучить ее, но эта долина не может быть убежищем для нашего окруженного врагами народа».

Он не шевельнулся. Она взяла его руку. Несмотря на пот у него на лице, рука была сухой и горячей, как песок снаружи. Она приблизила лицо вплотную к его лицу, желая, чтобы он очнулся, поправился, услышал.

«Ты должен отказаться от дурацкой идеи, что мы можем обрести новую родину. У нас есть дом. На самом деле, даже два дома. Наш священный долг и наша судьба вернуться и вернуть их. Вот что нам следует сделать, что мы *должны* сделать!»

Она поняла, что сжимает его руку. Отпустив ее, Керриан встала и начала расхаживать по комнате, словно пойманный в клетку ее тезка.

«Знаешь, в палатках говорят обо мне. Говорят, что я оставила своих воинов, чтобы прийти домой к тебе. Я не могу это отрицать, но не буду извиняться за это. Я прилетела сюда, чтобы быть рядом с тобой».

Она прекратила ходить.

«Гил, нам нужно выбираться отсюда. Как только Сахим-Хан высосет из нас все наши сокровища, он продаст нас Рыцарям, или быколлюдям, или еще кому из полудюжины желающих истребить нас группировок. Или кочевники с торганцами объединятся против нас, и избавят его от неприятностей. Что нам тогда делать?»

Он не ответил, лишь лежал, медленно дыша. Находясь в двух метрах от нее, с таким же успехом он мог быть на другом краю континента. Ее мужа здесь не было. Он ушел туда, куда она не могла добраться. Страх, разочарование и беспокойство сдавили ей сердце. Она не могла больше просто сидеть, уставившись на него.

Прихватив свой шлем и португую с кресла у кровати, она вышла. Добравшись до зала приемов, она отправила целителей обратно.

«Вылечите Беседующего», — коротко сказала она.

В абсолютной тишине она проследовала большими шагами мимо Хамарамиса и Планчета, мимо ожидавших молчаливых групп придворных, мимо верных слуг ее мужа. На площади снаружи огромной палатки она встретила вызванный ею отряд. Один из воинов держал поводья ее лошади. Она, не касаясь стремени, вскочила в седло.

Львица в сопровождении сорока вооруженных воинов в доспехах ускакала в сторону Кхури-Хана.

Гилтас внезапно вздохнул и открыл глаза.

«Сердце мое», — задыхаясь произнес он. Целители ринулись к нему, подумав, что Беседующий жалуется на орган в своей груди, но он имел в виду другое. «Я слышал тебя», — тяжело дыша, продолжил Гилтас. — «Вернись, сердце мое!»

Но Кериан уже ушла.

* * *

Вода от недавних дождей окрасила стены развалин виллы из белого известняка. Случайные семена, давно дремавшие в почве, пустили ростки, покрывая посыпанные галькой дорожки и бывшие сады обилием ворсистых зеленых ростков.

Львица слышала полный отчет Гитантаса о его приключении с Фитерусом и монстрами мага. Когда она и ее всадники добрались до развалин виллы, в центре которых была разрушенная башня, она отправила двадцать эльфов отыскать туши песчаного зверя и мантикоры, а сама с двадцатью оставшимися осталась обследовать территорию поместья, пытаясь найти подсказки к возможному местонахождению мага.

Облака над головой висели неподвижно, и воздух между груд булыжника и опрокинутых колонн не шелохнулся. В атмосфере было тяжелое выжидательное ощущение надвигающейся грозы. Это заставляло нервничать эльфов и их лошадей.

Мертвых чудовищ было довольно легко отыскать. Обезглавленная мантикора распростерлась на груде булыжника. Ближе к вилле подобным же образом растянулся разлагающийся труп песчаного зверя. Эльфам пришлось повязать поверх носов платки, чтобы просто приблизиться к его телу.

Кериан вошла через парадный вход поместья. У нее под ногами валялись обрывки пергамента. Она наколола один кончиком меча и подняла, чтобы прочитать. Он выглядел опаленным. Каждая строчка чернил рукописи была обуглившейся. Ее навыки чтения были ограниченными, но Кериан узнала завитки и узор волшебного символа. Хрупкий пергамент развалился. Его фрагменты, кружась, упали на пол.

Один из воинов окликнул ее. Он обнаружил в разрушенной башне кабинет волшебника. Кериан вошла в башню через большую дверь, которая бесшумно повернулась внутрь на смазанных петлях. Интерьер освещался лишь слабым дневным светом через открытую дверцу люка над головой. Она приставила лестницу, которую они наспех сколотили из найденных в доме деревяшек, и поднялась в бывшую резиденцию Фитеруса.

Круглая комната была заполнена коврами, гобеленами и бесчисленными подушками. Дневной свет проникал сквозь тонкие трещины в стенах башни. Кроме переизбытка убранства, все, что они обнаружили, это лишь еще обрывки хрупкого пергамента, ошейник и поводок мантикоры, и пустую клетку из ивовых прутьев.

Один из эльфов нагнулся, всматриваясь в тени. Внезапно он разогнулся, чертыхаясь.

Кериан подошла. «Что там?»

«Мертвые птицы!» Шесть обычных голубей, бич торговцев по всему Кхури-Хану, лежали мертвыми на коврик. Их обезглавленные тельца образовывали четкую линию.

Кериан заметила приземистую урну в углу. Узнав в ней кхурский сосуд для масла, она подняла его и потрясла. Тот был наполовину полон. Она отослала своих воинов. Когда они спустились по лестнице, Львица начала лить бараний жир на толстый ковер. Отшвырнув

пустую урну, она сгребла в кучу на пропитанном маслом ковре обрывки пергамента. При помощи кремня и огнива она высекла сноп искр на маленькую щепотку трута. Вскоре побежал первый красный язычок. Когда она присоединилась к остальным эльфам, из люка уже валил дым.

Снаружи Кериан заметила, как первые языки пламени вырываются из окон виллы и поняла, что дело сделано. Она не только отнимала у врага его крепость, она посылала ему четкое послание: Львица начала кампанию против него, и не будет никакой пощады.

В садах другая половина ее отряда обвязала дюжину веревок вокруг туши песчаного зверя. Гангренозная рана на его бедре принесла Кериан огромное удовлетворение. Может, Хенгриф и сразил зверя, но она со своими воинами замедлила его, так что Хенгриф смог завершить начатое. Если бы он повстречал песчаного зверя как они в первый раз, у нее не было сомнений, что тот убил бы рыцаря также легко, как и ее отважных воинов.

Привязав зловонную тушу к своим протестующим лошадям, эльфы ожидали ее следующего приказа.

«Следуйте за мной», — велела им Кериан.

Отряд покинул Хабалу и въехал в Кхури-Хан. В хвосте процессии шесть всадников волокли за собой безжизненное тело песчаного зверя. Кхурцы из открытых окон и дверей реагировали с ужасом, когда разлагающиеся останки тащили мимо их домов, оставляя след из крови и кусков плоти. Некоторые визжали, многие проклинали *лэддэд*, когда те шествовали мимо них.

Ехавший рядом с Львицей воин спросил: «Генерал, зачем мы?..»

«Это подарок Сахим-Хану», — невозмутимо ответила она.

Эльфы сохраняли строй, но все гадали, не было ли это самоубийственной поездкой. Известно было, что хан людей убивал за много меньшие оскорбления.

Массивная туша заставляла их держаться широких оживленных улиц. Те вели их сквозь сердце Кхури-Хана. К тому моменту, когда они обошли стороной Большой Суук, позади них собралась толпа. Львица не обращала внимания на враждебных рассерженных кхурцев и размеренно продолжала движение.

Весть об их приближении опередила их, и когда они добрались до ворот Кхури ил Нора, те оказались крепко запертыми перед ними. Кериан велела своим солдатам подтащить гниющего песчаного зверя прямо к воротам и обрезать веревки.

Сверху из-за зубцов башни кхурский офицер прокричал: «*Лэддэд*, что вы делаете? Вы не можете оставить это здесь!»

Она сняла шлем. Несмотря на облачное небо, ее золотистая голова сияла, словно залитая солнцем.

«Я — Кериансерай, супруга Беседующего с Солнцем и Звездами», — возвестила она своим лучшим командным голосом. — «Это подарок Сахим-Хану с моими поздравлениями. Вызовите его».

Внезапно офицер рассмеялся: «Никто не вызывает Хана Всех Кхурцев!»

«Скажи ему, что это касается резни в лагере кочевников и его ручного колдуна, Фитеруса».

Упоминание злодеяния взбудоражило толпу позади эльфов. Раздались сердитые выкрики и угрозы. Эльфийские воины, и так напряженные, обхватили пальцами рукояти мечей и с трудом сдерживали своих норовистых лошадей. Только Кериан сохраняла невозмутимость. Она высоко восседала на своей гнедой, распрямив спину и не сводя глаз с

кхурского офицера.

Возможно, его убедила ее спокойная настойчивость, а может, рычащая толпа позади нее, но офицер исчез с башни. Некоторое время ничего не происходило. Прогредел далекий раскат грома. Привлеченные падалью мухи досаждали всем. «Нечестивцы!» — кричала толпа. — «Вышвырнуть убийц!»

Наконец, двойные ворота распахнулись. Толпа смолкла. Снова пророкотал гром.

Двойная колонна кхурских солдат, по двадцать человек, строем вышла из ворот. Позади них шел не Сахим-Хан, но Хаккам, командующий ханской армией. Солдаты остановились, а Хаккам продолжил движение между шеренгами, приближаясь к Львице.

«Леди Кериансерай», — произнес он. Он скривился на тушу. — «Смотрю, вы охотились».

«Нет, генерал. Слово стервятник, я лишь подобрала то, что уже было мертво. Сахим-Хан идет?»

«Конечно, нет. Скажите мне то, что должно быть сказано».

Почувствовав, что добила все, чего могла, Львица скрестила запястья на луке седла и наклонилась вперед к нему.

«Эта зловонная туша — все, что осталось от песчаного зверя. Мне кажется, они водятся у вас в глубокой пустыне». Хаккам признал, что так и есть. «Он был убит несколько ночей назад лордом Хенгрифом. Знаете этого человека?» — с сарказмом спросила Кериан.

Поддерживая ее тон, Хаккам ответил: «Воин великой отваги. Но интриган не из лучших».

«Этот зверь был убит в Хабале, на территории виллы, уничтоженной Малис. Этот зверь прибыл туда из Долины Голубых Песков, где пытался убить меня со всем моим отрядом».

Ее слова снова заставили толпу заволноваться и заворчать. Кериан повысила голос, чтобы быть услышанной. «Сперва, я подумала, что он наткнулся на нас случайно, но после первого нападения, тот преследовал нас на протяжении пятидесяти миль открытой пустыни. Одной ночью, мы прошли мимо мирного лагеря племени Вейя-Лу по дороге в долину. Мы не причинили им вреда. Преследовавший нас песчаный зверь, должно быть, вырезал их после того, как мы прошли».

Воцарилась абсолютная тишина. Жужжание мух казалось очень громким.

«Когда мы сразились со зверем в последний раз, мы ранили его, и он бежал». — Она благоразумно обошла тему блуждающих огоньков и мгновенного перемещения песчаного зверя весом в одну тонну из Инас-Вакенти в Кхури-Хан.

«Спросите себя, генерал Хаккам, спросите себя, как я спросила, почему эта тварь, раненая, в агонии, оказалась на территории разрушенного поместья в вашем городе?»

Он сложил на груди мускулистые руки и вежливо произнес: «И почему?»

«Она вернулась к своему хозяину, колдуну Фитерусу, который жил в этом разрушенном поместье. Обезумевшая от боли, она напала на одного из моих воинов, который следил за магом. Удачное появление лорда Хенгрифа положило конец ее кровожадному буйству».

Хаккам еще минуту сверлил ее взглядом, сузив глаза в раздумье, затем медленно приблизился к мертвому зверю. Его гниющая шкура была едва видна под шевелящимся ковром мясных мух. Хаккам был закаленным пустынным воином и не передернулся от отвращения.

«Какие у вас доказательства?» — спросил он поверх жужжания и гула занятых работой насекомых.

«Доказательства — это мои слова, и доказательства — это логика. Я не убиваю невинных. А песчаный зверь убивает, и убил».

«А этот колдун, о котором вы говорите?»

«На свободе в вашем городе, возможно, даже теперь во дворце у Хана. Найдите его, генерал. Задайте ему вопросы».

Она подняла руку в перчатке, и, как один, ее эскорт развернул своих лошадей. Толпа почти в тысячу кхурцев заполнила дальнюю часть площади. Львица проскакала сквозь строй своих воинов и решительно направилась в сторону людской стены. Когда кхурцы поняли, что она не собирается отворачивать, они поспешили убраться с ее пути. Остальные эльфы последовали за ней.

Рассерженный Хаккам сплюнул на мостовую и оглянулся на Кхури ил Нор. Он надеялся, что его суверен получил добрую порцию душка от этого подарка Львицы. Приказав, чтобы гниющую тушу вывезли, он направился с докладом к Хану.

Сахим-Хан ожидал во внутреннем дворе. Он потребовал разъяснений. Генерал сделал краткий доклад о причинах, побудивших Львицу притащить мертвого монстра к дворцу.

Выражение на лице Хана было странным, нечитаемым даже для его давно служившего генерала, но голос был твердым, когда он ответил: «Это серьезное оскорбление трону Кхура. Я пожалуюсь Беседующему».

«Могущественный Хан, Беседующий лежит в своей палатке тяжелораненый», — напомнил ему Хаккам. — «Пока он лежит там, Кериансерай правит *лэддэд*».

Генерал отсалютовал и был отпущен. Он быстро удалился, чтобы скрыть слабую улыбку на лице. Поэтому и пропустил тихий задумчивый смешок хана.

Сахим был заинтригован доводом Кериансерай. *Лэддэд* ловко избежали ответственности за резню. Тупоголовые кочевники могли все еще считать, что это сделали эльфы, но этот рассказ в считанные часы облетит город, и горожане подумают иначе. В наши дни песчаные звери практически стали легендой, так редко их видели, но каждый кхурец знал рассказы об их свирепости. В старину песчаный зверь в одиночку время от времени задирает стадо в две сотни коров или овец за одну ночь. В тех местах, где эти чудовища прежде обитали в больших количествах, отрядам кочевников приходилось воздвигать деревянные ограды, чтобы защищать свои ночные лагеря. И даже в этом случае, многие их соплеменники погибали. Чтобы песчаный зверь оказался здесь, внутри городских стен, это и в самом деле было чудом.

«Ловко проделано, леди», — подумал Сахим, заходя обратно в цитадель.

К досаде, его мысли переключились на Фитеруса, и всякая тень веселья исчезла. Он быстро терял терпение с этим жалким магом. Махинации Фитеруса обходились трону Кхура намного дороже, чем стоили его услуги. С этим следовало что-то делать. И побыстрее.

На некотором удалении, наверху крепости, практически там, где он выпустил ту изумительную стрелу, Шоббат наблюдал, как убыли эльфы, и кхурские солдаты уволокли мертвого песчаного зверя. Запах разложения достигал его даже на такой высоте. Он отвернулся, поднеся к носу надушенный кусок ткани.

«Сильно воняет, не правда ли?»

Шоббат вздрогнул. Фитерус был здесь, где его мгновением ранее еще не было.

«Я не посылаю за тобой!» — с трудом выдавил принц.

«Мне хотелось хорошей точки обзора представления». — Маг в капюшоне подошел к краю балкона и заглянул вниз, положив на перила свои длинные пальцы. —

«Отвратительное создание. Хотел бы я знать, каким образом оно попало из пустыни в город. Несомненно, кто-то должен был заметить, как оно прошло через открытые ворота».

«Кажется, оно за одну ночь добралось сюда из Долины Голубых Песков», — сказал Шоббат, потирая руки. Они были необъяснимо холодными. — «Оно пришло прямо к тебе. Это ты призвал его?»

«Конечно же, нет. Глупая тварь хотела убить меня. Этот инцидент потребует кое-какого изучения».

«Фитерус, не приходи сюда снова. Это слишком опасно для меня».

Капюшон отвернулся от общего плана. «Да, так и есть», — согласился Фитерус, и затем исчез.

Ноги Шоббата дрожали. Он плюхнулся на скамейку из песчаника у него за спиной. Маг вышел из-под контроля, появляясь и исчезая из дворца по своему хотению. С этим следовало что-то делать. И побыстрее.

Тем не менее, у него были все основания чувствовать себя уверенно. Эльфы добрались до долины, но не остались там. Конечно, это бы отменило пророчество Оракула. Он избавился от Хенгрифа, который сперва подкупил его, а затем шантажировал этой взяткой.

Воспоминание о смерти Хенгрифа вызвало слабую улыбку. В некотором смысле это была репетиция смещения его отца. Убийство за закрытыми дверьми было не лучшим вариантом. Оно будоражило конкурентов и давало изменникам возможность прикрываться совершением правосудия. Лучшие заказные убийства совершались на публике, в присутствии верных сторонников. Многие из стражников Сахим-Хана уже получали плату от Шоббата. И будут еще больше. И тогда Шоббат нанесет удар.

Скоро.

Фаваронас вздрогнул и проснулся.

Образ уродливых созданий из его кошмара все еще явно стоял перед глазами, и все тело болело, словно он боролся с легионом нападавших. Он прожил триста шестнадцать лет, и вот теперь спал в пустыне, бегал от кровожадных кочевников и шастал по туннелям с привидениями. Любимые залы Квалиноста были далеко, во времени и расстоянии. Как он скучал по своей старой жизни там! Размеренное течение времени в королевской библиотеке, запах древнего пергамента, пыль времен, скопившаяся на мудрости веков. Он опасался, что все это потеряно навсегда.

Мучимый сильной жаждой, он медленно сел и потянулся к лежавшему рядом бурдюку с водой. Стягивавший горловину хомут представлял собой кольцо полированной жести. Он являлся хоть и небольшим, но превосходным зеркалом. В этой зеркальной поверхности он мельком заметил в своем отражении нечто, от чего перехватило дух.

Поперек его горла пролегли четыре глубоких параллельных царапины.

Он вскрикнул, выронив кожаный бурдюк и схватившись за горло. Рана не болела, но он почувствовал застывшие на ней комочки свернувшейся крови. Это не было сном! Кровожадные меняющие облик существа были реальностью. Ему нужно было немедленно рассказать об этом Глантону.

Солнце едва выглянуло из-за невыразительного горизонта. Его свет был слабым, так как небо было в слоях перистых белых облаков. Карабкавшегося вверх по холму к палатке Глантона Фаваронаса привлек этот вид. Он не наблюдал затянутого облаками неба с тех пор, как прибыл в Кхур. Казалось, что собирается дождь. Он оглянулся на свою скатку, чтобы убедиться, что пергаменты были закрыты.

Один из каменных цилиндров был развернут.

Фаваронас рванул обратно вниз по склону, позабыв про свою потребность найти Глантона. Приглушенный солнечный свет неровно окрашивал книгу. Он коснулся страницы. Та была холодной, более плотной, чем натуральный пергамент, но больше не каменной. На ощупь это была толстая кожа, обычно используемая в качестве обложки, а не для страниц с текстом. С превеликой осторожностью он развернул скрученную страницу. Та была покрыта текстом, выполненным умелой рукой переписчика, медно-коричневыми чернилами на желтой коже. Слова были написаны на том же сокращенном эльфийском, как и ярлыки на каждом цилиндре. Он не мог просто прочитать содержимое, а должен был бы расшифровывать аббревиатуры.

Он порылся в своих скудных запасах в поисках чернил, пера и бумаги. Он должен транскрибировать текст, записать его, а расшифровкой озаботиться позже.

Пока он был поглощен делом, солнце продолжало свое медленное восхождение, фильтрованный оранжевый свет перемещался по его скатке. Когда этот свет упал на второй и третий цилиндры, они также размягчились в удобочитаемые свитки, туго свернутые страницы с тихим шелестом развернулись. Сердце Фаваронаса глухо билось в груди. Что здесь происходило? Цилиндры и прежде попадали под солнечный свет, но не раскрывались. Может, это из-за того, что облака экранировали обычно интенсивный солнечный свет? Или это было из-за первого света зари? Могло ли это быть как-то связано с его сном, который не был сном?

Прямо сейчас это не имело значения. Загадочные книги были открыты!

Вокруг него сустились воины. Скучная трапеза была приготовлена и съедена. Лошади были напоены и накормлены. Всякий раз, когда мимо проходил один из воинов, архивариус старательно прикрывал от взгляда открытые свитки. Не зная, почему, он ощущал необходимость хранить при себе это событие.

Когда солнце поднялось еще выше, сквозь разрывы в облаках потянулись лучи более сильного света и упали на свитки. Один за другим, те снова свернулись, становясь белыми и твердыми, снова превращаясь в камень. Фаваронас попытался остановить этот процесс, прикрывая книги, но трансформация была неумолима. Едва ли час спустя после того, как он заметил, что открылась первая книга, все они снова были камнем. Он умудрился скопировать лишь треть первого тома.

«Доброе утро!»

Архивариус вздрогнул, словно застигнутый любовник. Пришел Глантон, неся на плече свое снаряжение. «Что?» — поднимая глаза, произнес Фаваронас. — «А, да. Доброе утро».

Глантон прищурился, глядя на него: «Вы ранены? Что это за отметины у вас на шее?»

Фаваронас поднес руку к горлу: «Это? Ничего. Перевернулся на камне, когда спал, и поцарапался».

Глантон не видел подобных камней поблизости от скатки Фаваронаса, но если архивариус Беседующего не хотел говорить о своих проблемах, Глантон не стал настаивать.

«Мы скоро выходим. До караванной дороги два дня. Я хочу держаться подальше от самого Кортала. Слишком много неракских шпионов».

Фаваронас кивнул. Чего он хотел больше всего в настоящий момент, так это чтобы Глантон занялся своим делом, чтобы он мог начать переводить текст, который скопировал с первого открывшегося свитка. Он сослался на головную боль и попросил, чтобы его оставили в покое, пока отряд не отправится в путь. Ничего не подозревая, Глантон пожелал ему скорейшего выздоровления и ушел.

В лагере становилось все более шумно, по мере того, как воины чистили лошадей, седлали их и укладывали свое снаряжение. Фаваронас перекусил мешочком сушеных овощных чипсов с чашкой воды и попробовал понять, что он записал.

Текст, как и ярлыки, представлял собой строчку за строчкой сокращения, без пробелов, знаков пунктуации, заглавных символов, и лишь небольшое дерганье пера переписчика разделяло слоги. Кто бы стал делать ценные записи в такой сложной манере? Тем не менее, если каждый слог представлял собой слово на древнеэльфийском, он должен был смочь прочесть весь документ. Но это займет какое-то время. Первая строка гласила *нэт. хэт. ом.бар. сем. хок. вед.* *Нэт* могло означать что угодно, начиная со слова «петух» (*нэти*), до глагола, означающего «обезглавливать» (*нэткар*).

К тому времени, когда отряд был готов выступить, Фаваронас перевел четыре строчки, да и те лишь приблизительно. Книга, над которой он трудился, очевидно, была третьим томом более длинной работы. Она начиналась с середины фразы, что не было необычным для документов древних времен: «... он повелел [нам?] воздвигнуть камни в виде части священной звезды [или узора?], что была похоронена небесными силами. [?] может усилиться в этом месте...» Следующие несколько слов он не смог разобрать, затем: «Многие были слабы и вернулись [или изменились] к тому времени. Работа продвигалась медленно. Многие умерли, и их души разгуливали по ночам, удерживаемые могуществом [или местом?], которое пытались контролировать».

Теперь Фаваронас и в самом деле почувствовал, как подступает головная боль. Частокол двусмысленных слов раскрывал свои секреты так медленно, что он понимал, что перевод цилиндров потребует недель непрерывного труда. Он не смог бы надолго сохранить их тайну в Кхуриносте.

А зачем вообще хранить их тайну? Он дрожащей рукой поднес к губам чашку с водой. Ответ был ужасающе ясен. Могущество. В его мозгу зарождалась пугающая теория: что под развалинами похоронены легендарные драконьи камни, что за столетия, прошедшие с того времени, как были похоронены драконьи камни, в долине выросла тайная колония. Колония, посвятившая себя обузданию их запретного могущества. Он представил, что эти руины были всем, что осталось от громадной магической деятельности, направленной на то, чтобы колонисты могли вставить кран в драконьи камни, создать подобие водяного колеса и мельницы, и использовать мощь струящегося потока.

Был ли воплощен замысел? В истории не сохранилось записей о подъеме величественного города магии в Инас-Вакенти. Те несколько строк, что прочел Фаваронас, подсказывали, что колонисты умерли быстрее, чем могла быть закончена их работа. Кем они были, и почему они умерли? Тот факт, что их хроники были написаны на усеченном сильванестийском, придавало вес теории, что те были эльфами, но никакой Беседующий со Звездами не потерпел бы такого противозаконного предприятия. Может быть, это было финальным ответом на загадку Инас-Вакенти. Строители развалин были окружены и, возможно, перебиты по приказу Беседующего со Звездами.

О, как страстно он желал получить доступ к древним архивам Сильваноста. Какие тайны должны они содержать!

Он жалел, что ответил Глантону так, как должен был. Глантон был хорошим солдатом, но рамки этого открытия были вне его понимания. Он мог рассказать новости другим воинам, и он бы захотел передать Львице все, что они обнаружили. В Долине Молчания не было места мечам и солдатам. Ее следовало изолировать, со строго ограниченным доступом, и позволить находиться внутри только мудрейшим из мудрецов и магов.

Конечно же, Фаваронас не относил себя ни к тем, ни к другим. Но разве не было как раз задачей архивариуса восстановить утерянные записи, пока ищутся доказательства в анналах двух древних королевств? Кто лучше него распутает секреты Инас-Вакенти?

Фаваронас многое вынес из трудностей этого путешествия. Он больше не был всего лишь любящим пиво библиотекарем. Проведенное с Львицей время научило его необходимости решительных действий. Вдохновленный таким образом, теперь он спешил. Он завернул цилиндры в скатку, добавил к ним свои записи и немного провизии, что у него было, и стянул веревками получившийся узел. Он положил драгоценную ношу у подножья холма, на большой участок мягкого песка. Затем стер свои следы и вырыл яму, достаточно большую, чтобы поместиться в ней вместе с тюком, если подтянуть колени к подбородку. Замотав кушаком лицо, чтобы защитить глаза, нос и рот, он забрался в яму и полностью зарылся в ней.

На мгновение, вес давящего на него теплого песка вызвал приступ паники. Повернув голову набок, он обнаружил, что может достаточно свободно дышать. Кушак фильтровал воздух от песка. Сосредоточившись на содержащихся в цилиндрах, которые он прижимал к груди, удивительных знаниях, Фаваронас заставил себя успокоиться. Это был правильный поступок. У него должно быть время, чтобы расшифровать содержащиеся в цилиндрах знания. Он принялся ждать.

«Фаваронас! Фа-ва-ро-нас!»

Он слышал, как Глантон и остальные солдаты звали его. Он ощущал вибрацию от стучащих рядом копыт. Пот скапливался во впадине его шеи, но Фаваронас не отвечал.

В конце концов, окрики стихли, хотя это заняло больше времени, чем он представлял себе. Его глодало чувство вины. Голос Глантона звучал очень озабоченно. Он, похоже, несколько часов не прекращал поиски, но, хотя ноги архивариуса пару раз дернулись, порываясь покончить с этим планом, он сдержался. Фаваронас остался там, где был.

По мере того, как медленно тянулся день, песок нагревался, но необычный слой облаков не давал ему становиться невыносимо горячим. Фаваронас задремал, несколько раз просыпаясь в ужасе, когда ему снилось, что его похоронили заживо, или в его яме оказались те ужасные прыгающие пауки.

В конце концов, жар песка ослабел. Он не слышал уже несколько часов ничего снаружи, и решил, что теперь можно безопасно выйти. Попытавшись разогнуть колени, он не смог это сделать. Работая руками, Фаваронас выкарабкался на свободу.

Солнце было еще высоко, но до заката оставалось лишь около часа. Боль ножами пронзила его ноги. Прошла целая вечность, но, наконец, он смог распрямить их и встать.

Возвращение в Инас-Вакенти будет долгим, но ночь была лучшим временем для пешего пересечения пустыни, если вообще, было такое время. Он подхватил котомку с цилиндрами и припасами.

Внезапно на него нахлынуло ощущение одиночества, ощущение его собственной незначительности на фоне безбрежной пустыни. Он также почувствовал, как поднимается страх. Очень немного требовалось, чтобы этот страх распустился паникой, а паника убьет его. Он должен мыслить ясно и осторожно. Фаваронас стиснул руками котомку, с удовольствием ощущая тяжесть свитков.

«Я узнаю все!» — заявил он. — «Я изучу все, чему они могут научить меня!»

Набравшись храбрости, он взял по левую руку опускающийся шар солнца и пустился на север по каменистому песку и нанесенным ветром дюнам.

* * *

Порывы ветра хлестали море палаток, хлопая крышами и заставляя дрожать туго натянутые растяжки. Сразу после заката по Кхуриносту промчался ливень, и от мокрых палаток в прохладном ночном воздухе струился пар. Никто не спал. Эльфы собирались в узких переулках или сидели группами у огня на открытых площадках. Разговоры были о нараставшей вокруг них опасности — покушении на жизнь Беседующего, убийстве лорда Мориллона, нападении кхурских фанатиков на городские ворота. Мориллона многие уважали, Беседующего все любили, а еще, никто в Кхуриносте не выживет, будучи отрезанными от водоснабжения.

Ворота снова были открыты, но разговоры неминуемо возвращались к тому, что это может так же легко случиться опять. Половина эльфов считала, что необходимо штурмовать Кхури-Хан и обезопасить колодцы. Другая половина чувствовала, что пора уходить. Куда точно им идти, было предметом большого спора.

Пока Гилтас спал, Кериан потратила немного времени на себя. Генерал Хамарамис, будучи привередливым, обладал одной из лучших ванн в Кхуриносте. В настоящий момент

его палатка была незанята, так как он со своими войсками приглядывал за кхурцами, так что она улизнала, чтобы принять такую необходимую ванну. Долгие дни в пустыне оставили ей ощущение сухости, грязи и выжатости мочалки. Хуже того, от зловония от контакта с тушей песчаного зверя не помогало ее обычное быстрое омовение в тазу с водой. Запах разложения пропитал ее всю, до кончиков волос. Если она не отмоеся побыстрее, ей казалось, она уже никогда не отмоеся.

Ванна Хамарамиса была самодельной конструкцией, представлявшей собой палаточные кольца, поддерживавшие тяжелые брезентовые бока, но в данный момент для Керриан она была роскошнее золотых, серебряных и фарфоровых конструкций дворца в Квалиносте. Она притащила воды из латунного бака снаружи палатки генерала, даже не озаботившись подогреть ее. В любом случае, благодаря кхурскому климату, та была практически такая же теплая, как кровь.

Давно преследуемая врагами, Львица была слишком осторожна, чтобы раздеться донага, и осталась в нижнем белье. Прежде, чем залезть в ванну, она тщательно вычесала плотную инкрустированную песком копну своих волос. Песок и мельчайший гравий каскадом сыпались на пол при каждом движении расчески.

Ванна не была для нее достаточно длинной, чтобы вытянуться во весь рост. Оказавшись внутри, она согнула колени и откинулась назад, погрузив голову и волосы. Чистая вода тут же стала серой.

Старый генерал презрительно относился к мылу, как к проявлению изнеженности, предпочитая скрестить губкой. Керриан поглядела на висевшую на гвозде в палатке кремово-коричневую губку и решила, что та выглядит настолько грубой, что ей можно строгать доски, и обошлась клочком ткани в качестве мочалки.

Она распрямила ноги, откинулась на спинку ванны и закрыла глаза. В палатке было тихо, за исключением порывов ветра снаружи и стука какого-то металлического предмета, колышавшего бризом. С трудом она выкинула все мысли из головы и позволила тишине и благодатной влаге совершать свою успокаивающую магию. Она задремала.

«Выглядит здорово».

Она не вздрогнула, так как слышала, как он входит, и узнала его прихрамывающую походку, но была удивлена увидеть его.

Выглядевший более чем болезненным, Гилтас прислонился к деревянному дверному косяку. Он надел геб, одеяние без рукавов висело свободно, не стянутое ремнем. Оно пузырилось поверх повязки на его правом плече. На плечи был накинут домашний халат. Тростью ему служил обломок черенка от лопаты.

«Поверить не могу, что ты на ногах», — сказала она.

«Для меня это тоже шок», — ответил он, слабо улыбаясь. Без предупреждения, он начал сползать по косяку. Керриан молнией выскочила из ванны, подхватив Гилтаса прежде, чем тот упал на пол.

Мебель Хамарамиса, как и сам генерал, была весьма скромной. Керриан опустила Гилтаса на короткую необитую скамью и стала рядом, глядя на него сверху, положив руки на бедра, капая на ковер.

«Тебе не следовало вылезать из кровати. Ты разбередишь рану».

«Она зажила». — Керриан выглядела удивленной, и он добавил, — «Верховная Жрица Са'ида довольно опытная».

«Я отдала приказ, чтобы ее не подпускали!»

Он был поражен. — «Почему?»

«Тебя ранил человек. Хватит нам их услуг!»

Гилтас закашлялся, весь содрогаясь. «Ты бы так не говорила, если бы это было твое плечо», — проскрежетал он. Но, конечно же, она бы говорила то же самое.

Раздраженная, к тому же не желая ругаться с ним, пока он был так слаб, Керриан решила закончить принимать ванну. Прихватив жесткую морскую губку Хамарамиса и забравшись обратно в ванну, она принялась скрести ноги и ступни, пока ее муж наблюдал за ней.

Наконец, тяжелая тишина и его мрачное выражение лица переполнило чашу терпения. «Что бы это ни было, просто скажи это!» — произнесла она, с плеском швыряя губку в ванну.

«Я пытаюсь подобрать слова». — Его голос был спокойным, но в каждом слоге сквозила озабоченность. — «Ты оставила свой отряд в Долине Голубых Песков?»

«Да».

«Керриан, это чревато».

Она кивнула: «Это не было решением, которое я приняла с легкостью. Но Глантон — компетентный офицер. Он приведет своих воинов, и Фаваронаса, домой».

«Не в этом дело». — Он сделал паузу, затем заговорил, явно с трудом выдавливая из себя слова. — «Командиру не следует покидать своих солдат!»

«Я думала, ты мертв или умираешь! И я не нуждаюсь в том, чтобы ты учил меня, как быть командиром!»

«По всей видимости, нуждаешься! Мое здоровье было совершенно не при чем. Твоей первой обязанностью было находиться со своими воинами. Оставление их самих на себя могло быть истолковано как трусость».

Эти слова заставили Львицу вскочить, вызвав водопад через края ванны. «Как ты смеешь! Никто не называет меня трусом, даже ты!»

Он откинулся, слегка задыхаясь, напряжение и эмоции собирали свою дань.

«Ты не трус, Керриан. Я знаю это. Но твое недавнее поведение было безрассудным и опасным. Мне сказали, что ты притащила гниющий труп песчаного зверя к дверям Сахим-Хана».

Мрачно кивнув, она согласилась.

«Зачем?» — спросил он.

Она всплеснула руками. «Как доказательство, конечно же! Меня обвинили в истреблении безоружных женщин и детей. Я обнаружила, что, скорее всего, за это ответственен песчаный зверь, возможно, по указанию этого изменника, Фитеруса. Если бы я просто рассказала эту историю Сахим-Хану, он бы мог не поверить мне или мог проигнорировать меня. Предъявив свое доказательство народу Кхури-Хана, я сразу же положила конец этой лжи».

«Ты крайне оскорбила чувство собственного достоинства Сахим-Хана».

«Меня не волнует его чувство собственного достоинства!»

Она выжала воду из волос и шагнула из ванны. Когда Керриан снова посмотрела на своего мужа, его лицо было абсолютно спокойно, морщины на нем видимо стали в два раза глубже, чем прежде, а взгляд был опущен в пол. Беспokoясь, она протянула ему руку, собираясь помочь вернуться в кровать.

«А мое чувство собственного достоинства тебя волнует? Ты не подчинилась самым строгим моим приказам».

Она уронила руку. «Каким приказам?» — спросила Кериан, искренне озадаченная.

«Не сражаться с кхурскими кочевниками».

«О чем, во имя Хаоса, ты говоришь? Они напали на нас!»

«Тогда тебе следовало уклониться от них». — Он стукнул по ковру тростью.

«Они знали, куда мы направлялись! Как я могла, в самом деле, одновременно уклоняться от них и вести твою бессмысленную экспедицию!»

Он с трудом выпрямился. В глазах не было гнева, только глубокая печаль.

«Кериансерай, я люблю тебя больше жизни», — прошептал он. Ее нараставший гнев улетучился. «Но я должен делать то, что лучше всего для эльфийской нации», — добавил он. — «Твои поступки продолжают провоцировать наших врагов и раздражать наших союзников. Ты последовательно совершаешь импульсивные опрометчивые поступки в то время, когда малейшие нюансы наших деяний могут означать жизнь или смерть».

Его осанка стала прямой, и в это мгновение ее муж исчез. Теперь к ней обращался Беседующий: «Ты снимаешься с командования моими армиями».

Если бы он вытащил клинок и нанес удар, и то не поразил бы ее сильнее. Она в шоке уставилась на него, пока он продолжал.

«Я верю, что со временем ты поймешь, почему я должен принять такое решение, поймешь, в каком постоянно нарастающем политическом напряжении мы находимся. Таранас возглавит кавалерию. Хамарамис сохранит командование моей личной стражей. Ты можешь служить в любом отряде, в котором пожелаешь, или можешь подать в отставку».

С этими словами он неуклюже повернулся и, тяжело опираясь на импровизированную трость, хромя, вышел.

В нескольких метрах, в коридоре, ведущем в главную комнату палатки, поджидал Планчет. Когда появился Беседующий, Планчет в три длинных шага покрыл расстояние между ними.

От монарха требовалось много печальных решений. Только что сделанное им было самым наихудшим. Гилтас повернул к Планчету посеревшее лицо в испарине и прошептал: «Сделано. Отведи меня домой».

* * *

Вода на коже Кериан высохла. Она не знала, сколько времени прошло, но когда, наконец, пришла в себя, то сидела на ковре, прижавшись спиной к ванне. Ее нижнее белье было жестким и сухим.

Уволена. Она была уволена. Собственным мужем!

Сколько лет она служила в армии, сражаясь с врагами своего народа? Сколько она пролила крови и дралась с противниками более многочисленными, более сильными, более беспощадными, чем она? Она побеждала и терпела поражения, много раз, но всегда продолжала борьбу. Она никогда не успокаивалась. А теперь она была отправлена в отставку, вышвырнута, унижена.

Гилтас ошибался. Она совершала ошибки, она признавала это, но ее поведение не было безрассудным, оно было *верным*. Если их народ хочет выжить, им нужны храбрые и решительные действия, а не мягкие слова и увиливание. Инас-Вакенти была тупиком, столь же опасным для эльфов, как жар пустыни и набеги кочевников. Возможно, их народ еще не

достаточно силен, чтобы вернуть Сильванести и Квалинести, но вряд ли они станут сильнее на этом унылом поле палаток, существуя на милость варваров. И стать сильнее, пересекши смертоносный котел Высокого Плато лишь затем, чтобы столкнуться с смертельными загадками Долины Голубых Песков, они тоже не могли.

Нет. Эльфы снова должны взять управление судьбой эльфов. Если Гилтас и его мягкотелые советники не понимали этого, кто-то должен показать им путь. Они цеплялись за воображаемую жизнь, думая, что протокол и старшинство имеют значение, думая, что вежливость и компромисс обеспечит безопасность их народу. Кому-то нужно заставить их осмыслить реальность.

Первый шаг к спасению эльфийской расы был прямо здесь. Они должны захватить Кхури-Хан и использовать его в качестве своей базы для нанесения ударов за пределы Кхура. Гилтас всегда с неохотой конфликтовал с Сахимом, потому что хан людей предложил эльфам убежище, когда они были в беде, но за это убежище пришлось заплатить слишком высокую цену — и Кериан думала не только о стали и серебре. Жизнь, которую им пришлось вести, выпрашивая у людей объедки, иссушала сердца и души их народа. Сахим-Хан был лжецом, интриганом и жадным бандитом. Он не заслуживал уважения, и еще меньше пощады.

С Кхури-Ханом в руках, у эльфов появится доступ к морю. Могут быть экспропрированы или построены корабли, и Львица со своими бойцами сможет совершать набеги на побережья Сильванести и Квалинести. Можно было захватить корабли их бывших завоевателей, и устроить конные набеги на прибрежные города. В Южном и Восточном Коурраине были острова с умеренным климатом, которые не устоят перед решительным нападением. Новая эльфийская нация станет нацией мореплавателей, копя могущество и богатство до того дня, когда вернет свои исконные земли.

Этот день настанет. Стиснув кулаки, Кериан поклялась себе, что он настанет, и не в каком-то туманном отдаленном будущем, а скоро. Очень скоро.

Кериан встала, поспешно натянув свою грязную одежду. Было件нятно, что разговор с Гилтасом и его советниками будет бессмысленным. Она расскажет свою идею воинам. Как и она, они понимали реальности жизни. С ними за ее спиной, Гилтасу придется прислушаться к ней. Он должен был увидеть логическую безукоризненность ее плана.

Снаружи было абсолютно темно, по переулкам гуляли порывы ветра, туда по одному, затем обратно — уже по другому. Облака над головой озарялись розовыми вспышками. Странное зрелище заставило Кериан остановиться, не смотря на пылавший в груди жар замысла. Молнии были белыми или голубоватыми. Даже в богами проклятых пустошах Кхура молнии не были красными.

Продвигаясь по изогнутым дорожкам к казармам воинов, Кериан никого не встретила. Тем не менее, быстро поняла, что была не одна. В сотне метров от палатки Хамарамиса она мельком увидела двигавшиеся позади тени. Отточенное годами бегства чутье предупредило ее. Когда в следующий раз вспыхнула алая молния, Кериан внезапно обернулась. Она никого не увидела, но не сомневалась, что ее преследовали — и больше чем один.

Она расстегнула ножны.

По переулку ветер гнал дым с кухонь. Над головой проносились маленькие черные силуэты, издавая слабый скрип. Она лишь один раз еще видела в Кхуре летучих мышей, в ту ночь, когда ее осыпало листьями ясеня. Недавние события вытеснили из ее памяти то пророчество. Теперь воспоминание вернулось с полной силой.

Кериан продолжила свой путь по улице, создавая столь много шума, сколь только могла, чтобы не вызвать подозрений. Выйдя на перекресток трех улиц, она метнулась вправо и рванула по извилистому проходу, делая большие шаги и приземляясь лишь на кончики пальцев. Старый кагонестийский трюк, чтобы оторваться от преследователей.

Она пробежала достаточно долго, чтобы сбилось дыхание, а затем нырнула за палатку торговца тканями, полог которой был закрыт на ночь. Над головой продолжали проноситься летучие мыши, лавируя между брезентовыми крышами. Когда они унеслись, опустилась тишина. До ее ушей не доносилось звуков погони. Кериан вышла из своего убежища, чтобы продолжить путь, и ее босые ноги ступили на мягкие зеленые листья.

Не глядя, она знала, что это были листья ясеня.

Свежий воздух дразнил ее спину. Обернувшись, она посмотрела назад на изогнутую улочку. Перекрывающиеся края матерчатых крыш лениво хлопнули, а затем снова успокоились. Порывы ветра заставляли палатки надуваться и опадать, словно дышали какие-то огромные животные. Все, за исключением одной. Одна палатка не прогибалась — потому что кто-то прижался к ней.

Кериан встала устойчивее и взялась обеими руками за рукоять меча. Ей не пришлось долго ждать.

Четыре фигуры выскочили из темноты. Вожак держал закрытую лампу и, увидев Кериан, приоткрыл задвижку. Яркий свет ослепил ее, так что она сделала выпад и выбила медную лампу. Та приземлилась на песок, замерцала и продолжила гореть, но уже не так ярко.

Сделав этот выпад, она услышала, как нападавшие, один за другим, извлекли мечи. Первый, который держал лампу, нанес в ее сторону колющий удар, сильно наклонившись вперед, стараясь достать Кериан. Она парировала его клинок и ударом кулака в нос отшвырнула нападавшего. Второй атаковал ее, острием вперед. Она по широкой дуге нанесла встречный удар. Их клинки встретились, и сила ее маха вырвала меч из руки врага. Завершая дугу, она отбила в сторону клинок первого атакующего, и достойно ответила, погружая тому через ключицу острие меча глубоко в грудь. Фонтаном хлынула кровь.

Нападавшие были сильными и быстрыми. Одеты в гебы, они носили серые тканевые маски, полностью скрывавшие головы. У них были мечи в сивланестийском стиле, но это ничего не значило. Местные ремесленники научились делать такие клинки, чтобы продавать их эльфам, которые были равнодушны к кхурским мечам без гарды. Мастерские находчиво зажгли страсть к оружию лэддэд у юношей Кхури-Хана.

Сдерживая их, она позвала на помощь. Но никто не откликнулся. Эта часть Кхуриноста выглядела пустынной. Львица могла рассчитывать только на себя.

Она подхватила выпавшую лампу и использовала ее в качестве щита, отбивая кончики мечей. Один из троих оставшихся ее противников подошел слишком близко, и Кериан треснула его лампой. Нападавший упал, но его крепкая голова разбила резервуар с маслом. Лампа потухла. Она бросила ее, и ее пустой руки коснулся клинок. Он оставил глубокий порез на тыльной стороне ее левого запястья.

Звук быстрых шагов подсказал ей, что, наконец, кто-то приближался. Ее надежда на помощь быстро умерла, когда Кериан увидела, что на вновь прибывших надеты серые капюшоны. Сократившееся было до двух число нападавших, теперь увеличилось до восьми.

Она, выставив меч, бросилась на стену палатки. Прорезав плотную ткань, Кериан нырнула головой вперед в отверстие.

Палатка использовалась в качестве хранилища. Глазам Керриан предстали лишь корзины и мешки. Она обежала их, прорезала противоположную стену и снова оказалась снаружи, на параллельной улице.

Над ней танцевали багровые молнии, и ветер волнами порывов играл в переулках. Палатки дрожали. Где-то поблизости упало металлическое ведро и покатилося, лязгая, влекомое прихотью ветра.

По издаваемому ими шуму Керриан поняла, что ее нападавшие разделились. Одни направились через проделанные ей в палатке отверстия, пока другие обегали палатку, чтобы перехватить Львицу. Она не видела славы или смысла в том, чтобы умереть сейчас, так что бросилась наутек. Ее рука кровоточила, оставляя на песке отчетливый след. Теперь ее мог выследить даже гоблин.

Сзади приближались одиночные быстрые шаги. Когда они достаточно приблизились, Керриан бросилась лицом вниз, так что убийца пробежал поверх нее. Она мгновенно вскочила и пронзила его. Тот рухнул на колени. Она стала перед ним и сорвала капюшон с его головы.

Это был эльф, сильванестиец!

Поставив босую ногу ему на грудь, Керриан толкнула его и опрокинула на спину. Приставив острие меча ему к горлу, она крикнула: «Почему ты это делаешь? Кто тебя нанял?»

Нападавший корчился в агонии. Его товарищи быстро приближались сзади. Керриан повторила свой вопрос, пустив клинком ему кровь.

«Принц!» — проскрежетал он. — «Принц Кхура!»

Потрясенная, она опустилась на песок рядом с умирающим эльфом. Она взяла его за шею и тянула вверх, пока они не оказались нос к носу.

«Почему? Почему Шоббат хочет моей смерти?»

«Ради трона своего отца».

Это не имело смысла, но эльф уже был не в состоянии отвечать на какие-либо еще вопросы.

Остальные члены отряда наемников были уже рядом. Керриан подхватила меч мертвого эльфа. В неестественном свете раздуваемых ветром факелов и багровых молний, Львица прошла сквозь оставшихся наемных убийц точно коса сквозь сено. Один из ее первых учителей был мастером боя на двух мечах, который он всегда превозносил как наилучший способ ведения поединка по сравнению с другими. Секрет, говорил он, заключался в том, чтобы позволить противнику парировать, а затем нанести контрудар, пока его клинок был занят. Этой ночью она провела финальный тест тех уроков.

Наемники были ловкими и умелыми бойцами, но никогда прежде не сталкивались с воином, подобным Львице. Один за другим они пали, заколотые или зарубленные одним из ее кружащихся вихрем клинков. Никто не бежал. Их инструкции были четкими.

Последний сражался лучше остальных, прочертив кровавую линию на ее правой руке, и другую, на левой щеке, прежде чем она пробила и пронзила его обоими мечами одновременно.

Наемник осел, и она отпустила мечи, дав его мертвому телу увлечь их на землю. С минуту она стояла, покрытая их и своей собственной кровью, дыхание вырывалось хриплыми глотками, а затем силы оставили ее ноги. Керриан рухнула на колени, а затем упала лицом вниз на окровавленную утрамбованную землю.

Кавалерия провела бесплодные часы, прочесывая дюны в поисках Фаваронаса. Озабоченный, но не имевший возможности задерживаться дольше, Глантон возобновил поход на юго-запад.

Солнце уже касалось западных дюн, окрашивая золотистыми сумерками безбрежную пустыню, когда Глантон въехал на вершину песчаного гребня и увидел караванную тропу в Кортал. Эта тропа всегда была оживленной, заполненной длинными караванами работающих мулов, навьюченных корзинами с товарами, или стадами коз и лохматых пустынных овец. Сотни кхурских кочевников каждый день курсировали по караванному маршруту, перевозя товары с юга на север и обратно. Торговля никогда не прекращалась, даже в самые ужасные дни последней войны.

Сегодня тропа была пуста. Насколько далеко Глантон мог видеть в обоих направлениях, ничто не двигалось, кроме ветра, несущего потоки песка по утрамбованному полотну дороги.

Инас-Вакенти казалась наиболее изолированной областью в мире. После ее пустоты, Глантон был бы рад даже компании грязных людей. Вместо этого он обнаружил, что их изоляция продолжается.

Он спустился с гребня на дорогу. Годы интенсивного движения погрузили ее на полметра вглубь. Со спины лошади он мог сказать, что не только сегодня никто не проходил по ней, но и что никто не проходил по ней вот уже несколько дней. Ветер пустыни, неизменный, как дыхание, стер все, за исключением нескольких отпечатков. В другой день здесь бы совсем не осталось следов.

Кортал поразило какое-то бедствие? Война, чума, песчаные бури — на ум приходило множество вариантов.

На гребне показались остальные участники похода. Глантон свистнул и махнул им рукой спускаться. Из пяти сотен всадников (и трех ученых), покинувших Кхуриность вместе с Кериансерай, осталось едва три сотни. По правде говоря, Глантон ощущал самую последнюю потерю, Фаваронаса, острее всего, потому что архивариус исчез, будучи под его опекой.

Подъехал его заместитель, квалинестиец по имени Ариматан. Глантон окликнул его: «Похоже, мы одни в этом мире. Что думаешь об этой странной ситуации?»

«Кочевники ушли», — ответил лаконичный Ариматан.

«Да, но куда они ушли?» — Но прежде, чем Глантон произнес это, ему на ум пришел страшный ответ.

«Построиться в колонну по двое!» — рявкнул он. — «Всем, у кого есть луки, надеть тетивы! Держать их наготове!»

Эльфы повиновались, но озадаченными взглядами задавали ему вопрос.

«Кочевники покинули свою территорию! Они бы так поступили лишь при самых зловещих обстоятельствах. И куда бы они направились? Кхури-Хан! Они должны были направиться в Кхури-Хан!»

Он подгонял своих эльфов, пока все не были готовы. Весь отряд пустился рысью по караванной дороге.

Тревога узлом сдавила грудь Глантона. Он мог ошибаться, но не думал так. У него было

ужасное предчувствие. Кочевники, решившие прогнать со своей земли чужеземцев, больше не довольствовались борьбой с маленьким исследовательским отрядом Львицы. Они собрали вместе свой народ и направились в Кхури-Хан, чтобы нанести удар по источнику *лэддэдской* заразы, чтобы уничтожить Кхуриност.

* * *

Шоббат сидел в тяжелом кресле из красного дерева, разглядывая элегантный кубок. Серебро было выковано до толщины бумаги. Чаша была маленькой, размером с детский кулак и, с определенных углов, полупрозрачной, позволяя увидеть находящийся внутри изысканный янтарного цвета нектар. Требовались чрезвычайная осторожность и сосредоточенность, чтобы обращаться и пить из такой деликатной чаши. Каждый из этих кубков был уникальным, изготовленным эльфийским ремесленником, которому законом предписывалось создавать лишь один такой сосуд раз в десять лет. С приходом *лэддэд* в Кхур, Шоббат приобрел шестнадцать таких драгоценных сосудов. Он испортил четыре, прежде чем научился держать их. Эти так называемые облачные чаши были среди его наиболее ценного имущества, реликты исчезающей культуры, которая больше никогда не поднимется, если он преуспеет.

Ни один из его наемных убийц не вернулся. Это его тревожило. До такой степени, что Шоббату пришлось поставить облачную чашу на находившийся подле него столик. В его нынешнем состоянии волнения он бы, несомненно, сдал хрупкую ножку и смял воздушную красоту чаши. Так как *лэддэд* скоро должны были вымереть, ему требовалось сохранить те из их произведений искусства, которые он считал привлекательными.

Несомненно, прошло достаточно времени, чтобы его наемники выполнили свое задание. Неужели так трудно было убить одну женщину?

Хотя Шоббат и задал этот вопрос самому себе, он знал ответ: в случае с Львицей, на самом деле, весьма непросто.

Множество безрезультативных лет рыцари Нераки тратили средства, чтобы схватить или убить ее. Вот почему Шоббат нанял сильванестийцев для этой задачи. Эти отдельные эльфы не были преданы Кериансерай. Они не уважали ее прошлые заслуги, как квалинестийцы, и, как и большинство тех, кто когда-то жил в роскоши, не слишком приспособились к своему настоящему бедственному положению. Шоббат всего лишь добавил много стали к их собственному чувству дворянской избранности. Как эльфы, они обладали хитростью и умом, чтобы добраться до Львицы. Он полагал, что это будет изящное решение щекотливой проблемы. Каждый охотник знает, что лучший способ поймать шакала — воспользоваться помощью обученного шакала.

Шоббату не нравились эльфы. Даже в изгнании они смердели чопорным превосходством и высокомерием. С другой стороны, он не ненавидел их. Ненависть была тем недостатком, который могли себе позволить лишь подчиненные. Король должен быть выше таких низменных чувств, чтобы те не загуманивали его разум. Нет, уничтожение эльфов было всего лишь необходимым действием, если он собирался перехитрить пророчество Оракула. Они должны были уйти, вот и все.

Это не было убийством, а всего лишь государственной необходимостью. Монархи — равно как и будущие монархи — не совершают преступлений. Эльфы представляли собой

помеху на его пути к трону Кхура. Он одолел так многих других: совавшего повсюду свой нос Хенгрифа, от которого смердело почти так же, как от *лэддэд*, верховного жреца Минока (его никто даже не найдет), и того скользкого интригана *лэддэд*, Мориллона. Убрать его было спонтанным решением. Шоббат понял, что Хан слишком часто прислушивался к Мориллону, чтобы позволить тому жить. Слишком часто его умный язык расстраивал тщательно продуманные планы Шоббата.

Он удостоверился, что дворянина *лэддэд* нашли. Его смерть посеяла сомнения в авторитете Сахим-Хана и сомнения в его лояльности. Шоббату не удалось убить короля *лэддэд*, но даже его ранение принесло большую пользу. *Лэддэд* обвинили в этом преступлении торганцев, в то время как Сыновья Кровавого Стервятника обвиняли Сахим-Хана в исчезновении своего верховного жреца. Все были в изрядном смятении и, в должный момент, Шоббат выйдет вперед, чтобы восстановить порядок и снова вернуть славу Кхуру.

Лишь еще двоим требовалось умереть, прежде чем Шоббат выступит против своего отца. Одним была принцесса *лэддэд*, а другим — этот скользкий колдун Фитерус. Шоббат знал, что сложнее всего будет справиться с магом. Фитерус приходил и уходил, словно дым сквозь дымоход, затрудняя тем самым возможность отравить или заколоть его. Возможно, лучший способ избавиться от мага — воспользоваться магией.

Ночь подкралась, точно трусливая дворняга, боящаяся быть замеченной. Слуги Шоббата давно удалились, оставив своего хозяина в одиночестве в его гостиной в восточной стороне королевской цитадели. Принц провел какое-то время, размышляя, как бы он перестроил личные покои хана, заняв этот пост. Его отец наслаждался приобретением богатства, характерная черта, свойственная и Шоббату, но у Сахима не было вкуса, не было чувства стиля. Его покои были нагромождением имущества, разбросанного без какой-либо заботы об упорядочивании или эстетике.

Почему же ни один из нанятых им клинков не вернулся с новостями об успехе или провале? Возможно, Керансерай ухитрилась избежать смерти. Шоббат рассматривал наихудший из возможных вариантов, что она обнаружила, что ее замаскированные противники были эльфами, и заставила одного из них раскрыть, кто нанял его. Как она тогда поступит? Она могла бы пойти к своему мужу — не за защитой, а чтобы получить одобрение своего сеньора на свою месть. Но Гилтас все еще был очень болен. Керансерай запретила Святейшей Са'иде даже повидать его.

Шоббат находился в наиболее защищенном месте Кхура. Он уже уничтожил могущественного неракского рыцаря. Ему не стоило особо опасаться одной женщины *лэддэд*, даже такой свирепой, как Львица. За исключением ее варварской выходки с песчаным зверем, Керансерай сидела сиднем в эльфийском лагере с момента ранения своего мужа.

Он вытянул руку, чтобы почувствовать кончиками пальцев вес кубка. Затем поднес его ко рту. Никто никогда не касался облачной чаши губами. Вместо этого, Шоббат придержал ее на волоске от открытого рта, и позволил слабой струйке нектара течь из чаши ему в горло.

* * *

Кериан не вернулась в палатку Беседующего. Раненая, она продолжала двигаться в изначальный пункт, то место, частью которого себя ощущала. Анклав воинов. Почти

половина армии находилась в поле, патрулируя пустыню в окрестностях Кхуриноста. Остальные были поражены, когда она, пошатываясь, появилась среди них, бледная и истекающая кровью. Они усадили ее на стул и вложили ей в руку глиняную чашу с вином из заизюмленного винограда. Один из эльфов опустился подле нее на колени и принялся перевязывать порезы от меча.

«Кхурцы устроили заговор против нас!» — заявила она, описывая, как едва спаслась от наемных убийц. Она не упомянула, что нападавшие были сильванестийцами; более важным было то, кто нанял их. — «Они убили лорда Мориллона, пытались убить Беседующего, и дважды пытались лишить жизни меня!»

«Что нам делать, командир?» — спросил квалинестийский ветеран.

Она открыла было рот, чтобы отдать приказ, а затем со стуком хлопнула его. Пригубила сладкого вина, а затем сказала: «Я больше не командующий армией. Беседующий снял меня».

Удивление не лишило их дара речи. Многочисленные воины потребовали сказать, почему.

«Мне было сказано, что мои проступки заключались в следующем: я покинула свой отряд в походе, чтобы лететь к мужу. Я дралась с кочевниками, которые напали на меня первыми». — Кериан подняла голову и пристально посмотрела на окружавших ее эльфов. — «Я, которая сражалась изо всех сил, чтобы спасти расу эльфов от уничтожения! Я продолжаю сражаться! Если вы последуете за мной, мы сможем спасти свой народ!»

Ее призыв встретил смешанную реакцию. Давно находившиеся на службе воины, не важно, сильванестийцы или квалинестийцы, считали идею подрыва власти Беседующего глубоко тревожащей. Другие, молодые бойцы, не знавшие другого лидера, кроме своей Львицы, не были столь нерешительными. Поднялись двое, затем шестеро, затем десяток, клянущиеся последовать за Львицей, куда бы она ни повела. В считанные минуты почти половина присутствовавших воинов поддержали ее.

Обращаясь к остальным, Кериан сказала: «Я знаю, вы желаете сохранить верность Беседующему. Это ваш выбор. Но знайте: он одержим мечтой переселить эльфийский народ в скрытую долину в Халкистских горах, место, из которого я только возвратилась. Говорю вам, в этой долине нам не место. Она полна странной магии, стоившей нашему отряду дюжины воинов. И там нет дичи: ни оленей, ни кроликов, ни даже насекомых или птиц».

Она сделала паузу, наблюдая, как эльф трудится над ее рукой, а затем добавила: «Есть единственный истинный дом для нас, дом, в котором мы родились! Клянусь посвятить свою жизнь освобождению этих домов от захвативших их иноземных угнетателей. Беседующий», — она с трудом сглотнула, — «сдал родину. Он думает, мы сможем жить счастливо в крошечной чужеземной долине, находясь в безопасности лишь милостью кхурского Хана и наших соседей за горами, неракских рыцарей!»

Ее взволнованная прочувственная речь сподвигла многих упорствовавших поддержать ее, но несколько воинов по-прежнему хранили молчание. Они встали и направились к выходу общей палатки воинов. Несколько молодых эльфов двинулись их остановить, но Кериан остановила их взмахом руки.

«Пусть идут», — сказала она. — «Они честные воины. Они должны следовать зову своих сердец».

«Они отправятся к Беседующему!» — запротестовал один из поддержавших ее.

«Они и должны. Ему необходимо знать, на чем мы остановились».

Офицеры разошлись поднимать своих спящих солдат. Да если некоторые из тех переметнутся, Кериан полагала, что у нее будет от семи до восьми тысяч эльфов. Это заставит Гилтаса колебаться. Одно дело собираться арестовать нескольких мятежников, совершенно другое — задержать восемь тысяч закаленных воинов.

К тому времени, как верноподданные Кериан собрались в северной части Кхуриноста, рассвело. С юга появилась колонна всадников, направляясь прямо к ним. Это был ведомый Таранасом ночной патруль. Он ошибочно принял отряд Кериан за свою утреннюю смену.

Настолько кратко, насколько могла, Кериан объяснила, что порвала с Гилтасом. Она не пыталась приуменьшить свои собственные провалы, а изложила всю историю.

Таранас выслушал молча, а когда она закончила, произнес: «Это неправильный курс, командир. Ты разделяешь армию, а разделенное войско — ослабленное войско».

Наиболее пылкие из поддерживавших ее принялись выкрикивать вызовы Таранасу, желая знать, верит ли он, что их судьба — вновь обрести потерянные земли.

Прежде чем тот смог ответить, из Кхуриноста появилась третья колонна всадников, и направилась к ним. Во главе них был старый Хамарамис при полном параде. С ним были офицеры, которые первыми отказались остаться с Кериан.

Приблизившись, Хамарамис позвал: «Леди, немедленно отдайте мне свой меч! Это приказ Беседующего!»

Он использовал ее титул вместо звания, заставив Кериан слегка вздрогнуть. Некоторые из пожилых эльфов, естественно, имели склонность предпочитать ее титул, но подобное отличие в данный момент имело особенное значение, подчеркивая, что Гилтас уволил ее.

Оправившись, она улыбнулась мрачной и опасной улыбкой. — «Если Беседующий хочет мой меч, ему придется попросить об этом лично».

«Леди, пожалуйста, не провоцируйте бой», — тихо попросил Таранас.

«Тогда не дерись со мной, Таранас. Присоединяйся ко мне».

Небо над ними по-прежнему было облачным, но на горизонте с востока пролегла узкая полоска чистого неба. Сквозь эту чистую полоску сиял диск поднимавшегося солнца, заливая пустыню розовым светом. Этот блеск заставлял облака выглядеть на контрасте еще более темными.

«И что будет?» — спросила она. — «Наши клинки рядом, эфес к эфесу, или напротив, острое к острiu?»

Вмешался эльф из отряда Таранаса, привлекая ее внимание к городу. Зубцы на стенах Кхури-Хана оцетинились сигнальными флагами. В тот момент, когда эльфы оглянулись посмотреть, со стороны города послышалось громкое бляенье бараньих рогов, означая общую тревогу.

«Кхурцы думают, мы собираемся атаковать!» — прорычал Хамарамис.

«Так и следует нам поступить», — резко ответила Кериан. — «Возьмем город. Сделаем его базой, из которой начнется наша кампания».

Старый генерал, вдвое старше ее, уставился на Кериан из-под своего помятого позолоченного шлема. «Леди, вы сошли с ума», — трезво сказал он. — «Совсем».

Это собрание снова было прервано. Тройка эльфийских разведчиков галопом неслась со стороны западной пустыни, низко припав к своим коням.

Прежде чем они добрались до основной массы кавалерии, один из всадников соскользнул со своего коня. Его спина была утыкана стрелами. Двое других продолжали приближаться.

Они ворвались прямо в центр трех сил, собравшихся на небольшой возвышенности к западу от Кхури-Хана. Несколько смущенные присутствием трех старших командиров, они салютовали Львице.

«Командир! Приближается армия кочевников!»

Хамарамис собирался проинформировать их, что он, а не Львица, командует, но их новости не дали этим словам сорваться с губ. Испуг был всеобщим и громким. Лишь Львица не выглядела встревоженной.

«Сколько и где?» — резко спросила она.

Один из разведчиков доложил, что порядка десятка тысяч кочевников приближались с запада. Они находились не более чем в десяти милях.

Собравшись, Хамарамис вызвал гонцов. Одного отправили доставить новости Беседующему. Трое других поскакали через Кхуриность, предупреждая всех подряд жителей.

«Как теперь поступить?» — потребовала ответа Кериан. Лошадь Львицы начала вставать на дыбы, почувствовав ее возбуждение. — «Следуйте за мной, и мы остановим кочевников прежде, чем они доберутся до палаток!»

«Они могут быть не враждебны», — произнес Хамарамис, хотя и сам не верил в это. Последний раз такое значительное сосредоточение кочевников собиралось в Кхуре, чтобы помочь Салах-Хану против орд Малис. Кхурские племена не скапливались в таком количестве с какой-либо иной целью, кроме войны.

Из рядов эскорта Хамарамиса выступил Гитантас Амбродель. Капитан был все еще в повязках от встреч с мантикорой и песчаным зверем.

«Командир, мне сходить за Орлиным Глазом?» — спросил он, повышая голос, чтобы быть услышанным среди непрерывного блеяния рогов в Кхури-Хане.

«Нет времени для этого». — Кериан посмотрела на запад, откуда приближались десять тысяч кочевников. «Просто обрежьте его привязь», — добавила она. — «Он сам меня найдет».

Он поспешил прочь, а она развернула лошадь. «Генерал Хамарамис, враг близко. Вы можете арестовать меня позже. Прямо сейчас нам нужно вести сражение».

Она пришпорила лошадь, а ее сторонники хлынули за ней. Эльфы из ночного патруля позади Таранаса сломали ряды и последовали за ними без приказа. Две сотни воинов Хамарамиса заерзали, жаждая присоединиться к своим товарищам. Некоторые стали просить позволения поскакать за Львицей.

Хамарамис сказал: «Беседующий с Солнцем и Звездами убедительно желает избежать войны. Вот его приказания. Я повинуюсь своему Беседующему».

Развернув коня, Хамарамис поскакал вниз по склону низкой дюны обратно в Кхуриность, полный тревоги. Первые два ряда его воинов последовали за ним, но остальные оставались на месте, бросая отчаянные взгляды то на исчезающую Львицу, то на своего отважного старого командира. Наконец, кто-то громко хлопнул поводьями и рванул за Львицей. Большинство других присоединились к нему, оставив Таранаса, Хамарамиса и пару дюжин или около того всадников за спиной.

Утренняя заря омывала мучительное выражение на лице Таранаса. «Я тоже хочу пойти», — прошептал он.

«Так же, как и я». — Хамарамис расстегнул шлем и стянул его. Солнце едва взошло, а он уже вспотел. — «Но быть солдатом, означает больше, чем жаждать битвы. Это значит, что ты подчиняешься приказам своих законных командиров. Если же нет, ты не больше чем

варвар».

Он вернул на место шлем. С гордо поднятой головой старый воин направился обратно к своему Беседующему. За ним последовали четырнадцать воинов. Генерал Таранас еще несколько секунд боролся со своей совестью, а затем ускакал с горсткой остальных присоединиться к Львице. Сегодня он был варваром.

* * *

Адала пристально разглядывала Кхури-Хан с гребня к северо-западу от города. В приглушенном свете облачного нового дня он выглядел чуть больше чем грязное коричневое пятно посреди песков пустыни, но это был первый настоящий город, который она когда-либо видела. За несколько дней до своего прибытия она отправила в Кхури-Хан шпионов, чтобы выяснить, чем заняты Сахим-Хан и лэддэд. Принесенные ими новости были очень тревожными. Лэддэд приходили и уходили по своему хотению, в то время как солдаты Хана осквернили Храм Торгана и арестовали его святейших жрецов. Этим святейшим обвинили в нападении на двоих лэддэд, нападении, скорее всего совершенном ворами или нищими. Для собравшихся с Адалой вождей и военачальников это звучало, словно чужеземцы отдавали приказы Сахим-Хану.

«Что нам делать, Вейядан?» — спросил Хагат, вождь Микку.

В неподвижном воздухе бородатые мужчины обильно потели. Даже живущие всю жизнь в пустыне нуждались в бризе. Адала собрала волосы в длинную косу и перекинула ее вперед через плечо. Это лишь немного позволяло охладить шею.

«Я буду говорить с ханом *лэддэд*», — объявила она.

Все были шокированы. Какой может быть смысл в разговоре с чужеземными захватчиками?

«Их шеи уже на плахе. Если *лэддэд* поклянутся покинуть нашу родину, я позволю им уйти».

«А как насчет резни наших родителей, жен, детей?» — вскричал Биндас.

С опаленными бровями и ресницами, лицо Адалы выглядело суровым и бесстрашным. «Винные не уйдут. Их жизни — часть нашей цены. Если хан *лэддэд* отдаст этих убийц наших людей, то его народ может уйти с миром, но они должны убраться из Кхура!»

Биндас спросил, кому следует пойти с ней на встречу с эльфами. Адала предложила отправиться всем вместе. Она чувствовала, что для вождей и военачальников племен будет лучше услышать, что скажут чужеземцы, и как она ответит им.

Процессия выдвинулась, сопровождаемая на флангах всадниками, державшими копьё с перевернутыми кувшинами для воды на наконечниках, традиционный для кочевников символ перемирия. По приказу Адалы все держали мечи в ножнах, а луки ненапрянутыми. Сама она, как обычно, была безоружна.

Во время их обсуждения гремел гром. Когда они добрались до вершины длинного гребня, извилистая молния вспыхнула прямо над отрядом Адалы, немедленно сопровождаемая раскатом грома. Лошади рванулись, но беспокойная орда кочевников издала одобрительные крики. Те, Кто Наверху снова явили свою милость! Все могли ее видеть. Огонь с небес следовал за Вейядан и не причинял ей вреда.

Небольшой патруль эльфийской кавалерии видел, как со стороны пустыни показался

двигавшийся рысью отряд кочевников. Этот патруль еще не слышал о приближении орды кочевников, но этот небольшой отряд перед ними насторожил их. Один из эльфов узнал символ перемирия и пояснил капитану значение перевернутых горшков на копьях эскорта.

«Отправьте донесение лорду Планчету», — хладнокровно произнес капитан. — «Передайте ему, что несколько кочевников наносят нам дружественный визит». Он повернулся к курьеру: «Подчеркните слово *дружественный*».

Солнце встало позади чистой полосы неба на восточном горизонте и сразу же скрылось в облаках. Несшийся галопом курьер попадал и выскакивал из нехарактерной измороси. К моменту въезда в Кхуриност лошадь с наездником исходила клочьями пара.

Беседующий со своими ближайшими советниками собрались в круглом зале для аудиенций в его починенной палатке. Различные курьеры один за другим передавали новости. Весть о бунте Кериансерай вызвала гул среди советников. Когда к этому добавилось известие о прибытии десяти тысяч кочевников, страсти, в самом деле, накалились. Гилтас отправил приказ Кериан остановить свое наступление на кочевников и вернуться в Кхуриност, но у него не было уверенности, что она выполнит этот приказ.

Промокший курьер доставил новости, что предводители кочевников желают встретиться с Беседующим с Солнцем и Звездами, и что они несут символ мирных переговоров.

При этих известиях в комнате стало тихо. Гилтас сказал: «Я встречу с ними».

«Великий Беседующий, нет!» — вспыхнул Планчет. — «Это не разумно и не безопасно. Позвольте мне отправиться вместо вас». Оправившийся от лихорадки и раны, Беседующий все еще был слаб, и ему было тяжело ходить или стоять продолжительное время. Видеть предводителя эльфов в таком состоянии могло поощрить кочевников.

Гилтасу пришлось неохотно согласиться с доводами своего старого друга.

* * *

Не было времени организовывать внушающую благоговейный ужас демонстрацию эльфийской силы. За дни своего маскарада Гитантас Амбродель достаточно узнал о кочевниках, чтобы сказать Беседующему, что не будут уважать Планчета, если тот покажется в одиночку или в слишком простом виде. Так что для камердинера Беседующего был подобран грациозный белый конь. С эскортом, включавшим сотню конных воинов и капитана Амброделя, Планчет выехал из Кхуриноста. Сперва он должен помешать Львице. Переговоры будут бессмысленны, если она устроит атаку.

Он обнаружил ее, ведущую восемнадцать тысяч воинов, больше половины эльфийской армии, вдоль гребня к северо-западу от Кхури-Хана. Ее импульсивный бросок замедлился до шага, по мере того, как ее отточенное тактическое чутье брало верх. Она выслала многочисленных разведчиков и ожидала их возвращения, когда ее догнала делегация Планчета.

«Леди, именем Беседующего с Солнцем и Звездами, я приказываю вам вернуться в Кхуриност со всеми вашими всадниками!» — произнес Планчет.

«Я теперь отвечаю перед более высокой властью, чем Беседующий», — ответила она, натягивая поводья. — «Перед эльфийским народом».

«Кочевники просят переговоров. Вы так настроены на войну, что не позволите мне

поговорить с ними?»

Она пожала плечами: «Говорите, что хотите, это не изменит сути. Кхурцы жаждут нашей крови».

Время поджимало. Во время раскатистого эха грома Планчет подъехал на своем белом коне вплотную к гнедой Керриан.

«Придержите свою руку, леди», — настаивал он. — «На один час, умоляю вас».

Словно пылкие молодые офицеры у нее за спиной, он затаил дыхание. Он наблюдал ход мыслей на ее лице, словно игру света и тени на песках пустыни. Несмотря на лежавшие между ними совместные годы, у него не было уверенности, что она даст ему требуемое время.

Наконец, она кивнула: «Ради старой дружбы, один час. Меньше, если кочевники двинутся на Кхуриност».

Планчет кивнул и пришпорил коня. Его свита рванула вслед за ним вдоль дюны. Облегчение от согласия Львицы быстро прошло, поглощенное новым беспокойством. Камердинер ощущал себя самозванцем. Несмотря на все свои таланты, он не обладал царственными манерами или осанкой, которая естественным образом была присуща его сеньору. Его телосложение было долговязым, но слегка сутулым, кхурское солнце выбелило его волосы. Фактически, никто не признал бы в нем короля — или хана.

Вожди кочевников услышали, как проревели горны и увидели поднимающиеся в свинцовое небо столбы пыли.

Адала на спине Маленькой Колючки наклонилась вперед, деловито работая руками. Вапа видел, что у нее была маленькая ротанговая корзинка. Кольцо по краю истрепалось, и она заменяла его свежим пучком травы.

«Хан лэددэд», — прошептал Вапа. Она кивнула.

«Я закончу до его прибытия».

Когда эльфы приблизились, вожди и военачальники кочевников выпрямились на своих крепких пони. Эльфы были верхом на длинноногих лошадях, отчего казались выше. Сидевшая, как и прежде, на своем преданном осле, Адала была самой низкой во всей группе. Она, как и всегда, также была единственной женщиной среди присутствующих. Она и виду не подавала, что замечает это. Вместо этого она закончила починку корзины, заправив на место концы нового кольца, а затем повесила контейнер на короткий рог своего седла.

Ехавший впереди эльф на белом коне остановился. Осмотрев слева направо шеренгу вождей кочевников, он сообщил: «Я — Планчет, советник Беседующего с Солнцем и Звездами, монарха всех эльфов».

Тихое удивление пробежало по собранию людей. Он говорил по-кхурски.

Адала выглядела не впечатленной. Она ответила на общем языке: «Я — Адала Фахим, Саран-ди-Кайр, Вейядан Вейя-Лу и хранитель майты. Я желаю говорить с вашим ханом».

Теперь эльфы были застигнуты врасплох. Планчет с удивлением разглядывал одетую в черное, по-матерински выглядевшую, женщину. Очевидно, он ожидал иметь дело с одним из этих свирепо выглядевших мужчин. «Наш Беседующий занят. Я представляю его», — сказал он.

«А я говорю за Вейя-Лу, Микку, Тондун и Мэйякхур».

«Ты вождь всех этих племен?»

«В данном случае, по воле Тех, Кто Наверху, да».

«Имею честь приветствовать тебя. Как мне следует обращаться к тебе?»

«Она — Вейядан или Маита», — предложил Вапа. Некоторые из вождей сердито посмотрели на него, за то, что он заговорил без очереди.

Планчет узнал второе слово, означавшее что-то вроде «судьба» или «удача». Он выбрал другой, менее эмоциональный титул. «Имею честь приветствовать тебя, Вейядан. Сегодня здесь много мечей. Как нам оставить их в ножнах?»

«Много преступлений было совершено *лэддэд* против моего народа. Я расскажу тебе только о двух: вы — чужеземцы и вы — захватчики».

«У нас есть разрешение Сахим-Хана жить в его стране», — возразил Планчет.

«Сахим-Хан ответит за свою продажность перед Теми, Кто Наверху».

«Как и мы все, Вейядан».

Темные глаза Адалы стали жесткими. «Вы направили шпионов оценить нашу землю. Вы вошли в долину, священную для Тех, Кто Наверху. Это святотатство».

«Наш Беседующий не имел намерения богохульствовать», — невозмутимо ответил Планчет. — «Нам нужно место, чтобы жить, где климат не такой суровый. Он слышал, что Долина Голубых Песков была таким местом. Мы никогда не слышали, что она была священна. Мы думали лишь о том, что там мы были бы вдали от вашей пустыни и от ваших городов. Осквернение не входило в наши намерения».

Один из молодых военачальников недоверчиво фыркнул. Вожди вокруг него, хотя явно настроенные так же скептически, сердито посмотрели на него за дурные манеры.

Адала не отводила от Планчета взгляд: «Что сделано, то сделано, и вы должны ответить за это».

«Вейядан, мы должны где-то жить. Это право каждого живого существа — иметь дом».

«У вас были дома, и вы их потеряли. Боги повернулись к вам спиной, *лэддэд*».

Со своего места позади Планчета, Гитантас с нарастающим раздражением прислушивался к этому обмену репликами. Он ожидал, что предводитель кочевников будет простым неотесанным фанатиком. Эта женщина им не была. В ней была сила, сила, которую распознал даже молодой квалинестиец, но, в то время как Планчет уделял внимание дипломатическим тонкостям, она настойчиво продолжала швырять оскорбления и эпитеты.

Планчет старался убедить Адалу, говоря, что темные силы устроили заговор с целью отобрать у эльфов их родные земли, и они лишь искали возможность взять свою судьбу в свои собственные руки и найти новое убежище. Если какие-то обычаи народа пустыни и были нарушены, он сожалеет об этом, но выживание эльфийской расы требовало энергичных мер.

«А как насчет обычаев ведения войны?» — Спросила Адала, в ее словах внезапно засквозила едва сдерживаемая ярость. — «Обычай, что никто не убивает жен и матерей, детей и стариков, тех, кто не может драться!»

Ход встречи мгновенно изменился. Ненависть исходила от кочевников, словно жар пустыни. Планчет был захвачен врасплох.

После непродуманного, но неопровержимо доказательного драматического поступка Львицы с мертвым песчаным зверем, он выбросил из головы слухи об этой резне. Как и городские жители Кхура, эльфы теперь верили, что если эти смерти и случились, они были работой дикого зверя.

К сожалению, эти кочевники ничего не знали об этом и о возможном участии мерзавца Фитеруса. Они по-прежнему обвиняли в гибели своих семей войска Львицы.

Надеясь, что ее ответ поможет ему сформулировать возражения, Планчет попросил Адалу пояснить свои обвинения.

«Сотни Вейя-Лу были убиты возле входа в Долину Голубых Песков. Там не было воинов, только дети, женщины, старики; каждый был безжалостно лишен жизни. Не просто предан мечу, а разрезан на куски, а затем сожжен!»

«Почему ты думаешь, что мы ответственны за это?» — спросил он.

«Мы обнаружили поблизости следы лошадей *лэددэд*, армии *лэددэд*. Солдаты Хана были в городе, а чужеземные солдаты не переходили гор с тех пор, как был повержен красный зверь. Единственными убийцами в том районе были армия *лэددэд* и их женщина-полководец!»

Гитантас больше не мог сохранять молчание. Прежде чем Планчет заговорил, молодой эльф вспыхнул: «Генерал Кериансерай никого не убивала! Это был песчаный зверь, направляемый волей злого колдуна! Он и меня едва не убил!»

Его вспышка спровоцировала кочевников. Молодые военачальники в прямом смысле слова достали мечи. Встревоженный Планчет успокаивающе поднял руку. За спиной он услышал согласованный скрип натяжения сотни эльфийских луков, все из-за его простого жеста. Если его рука опустится, кочевники умрут.

«Прекратить!» — резко произнес Планчет, поняв свою ошибку.

Адала не менее резко заговорила со своими кочевниками. Мечи нехотя были возвращены в ножны. Тетивы ослаблены. Пристальный взгляд Адалы сверлил Гитантаса.

«Женщина Беседующего привела *лэددэд* в пустыню», — сказала она. — «Это я знаю. Кто тот колдун, о котором ты говоришь?»

Повинуясь кивку Планчета, Гитантас рассказал ей, что они знали о Фитерусе, что тому платил Хан, что, возможно, тот был эльфом, но, безусловно, преступником, и являлся причиной резни, устроенной одной из его гнусных тварей.

Среди делегации кочевников послышались бормотания. Похоже, Адала что-то взвешивала в голове, нашла ответ, а затем сложила руки на шее своей ослицы.

«Очень хорошо. Планчет из рода *лэددэд*, передай своему Беседующему следующее: Те, Кто Наверху, научили нас, что милосердие — дар сильного, так что я жалею вам милосердие. Вы можете ступить с миром».

Эльфийские воины были поражены. Планчет и подавно. «Ступить куда, Вейядан?» — спросил он.

«Куда угодно, за пределами Кхура».

«А если мы откажемся?»

Адала, глаза в глаза, пристально посмотрела на своего оппонента. В своем черном платье матроны, женщина Вейя-Лу не походила на преданного телохранителя эльфийского Беседующего, но внутри их сердца были сделаны из одного и того же твердого материала. И оба это знали.

«Тогда будет война. Ужасная война, на полное уничтожение».

Слова Адалы вызвали холодок у всех присутствующих. Мгновением позже, по дюнам скользнул прохладный бриз, принесся тяжелые капли дождя и немало песка.

Члены обеих делегаций заерзали на своих скакунах, наблюдая друг за другом и переговариваясь со своими товарищами. Планчет не двигался. Он сосредоточил свое внимание на Вейядан. Она также не шевелилась, и что-то подсказывало ему, что она еще не закончила. Он был прав.

«В обмен на эту милость», — сказала она, — «вы должны отдать нам убийц наших семей, их обоих. Мы свершим над ними правосудие».

После этих слов Гитантас протолкался вперед. Планчет схватил поводья его лошади, останавливая его довольно близко от кочевников, но Билат, Биндас и Хагат из Микку вклинились между своим предводителем и разъяренным молодым эльфом.

«Наш командир — не убийца!» — прокричал Гитантас. — «Что же до мага, мы тоже хотим заполучить его. Ты не можешь обвинять нас в его преступлениях! Дикари! Вы — те, кто убил лорда Мориллона, не так ли? Какое милосердие вы проявили к нему? Его оставили гнить в пустыне с перерезанным горлом!»

«Молчать!» — Закричал Планчет так громко, как едва ли кто-то когда-либо слышал от него. — «Отправляйся обратно в лагерь! Немедленно!»

Выдернув поводья, Гитантас галопом понесся обратно сквозь ряды эскорта. Он не вернулся в город, как было приказано, а направился галопом прямо через песчаные холмы туда, где наготове со своей армией находилась Львица. Лишь ранение удерживало его от того, чтобы присоединиться к ней в первой точке; теперь же даже это не остановит его.

Адала посмотрела на темное небо. Проявится ли снова ее маита? Поразит ли огонь с небес *лэддэд*? Или солнце освободится от своего покрывала и засияет на ней, явив справедливость ее дела?

Ничего не произошло. Вместо этого, шквал чуть теплого дождя хлестнул по неподвижным отрядам. Адала плотнее обмотала вуаль вокруг лица и указала обвиняющим перстом на Планчета.

«Это падет на вашу голову!» — Нараспев произнесла она. — «Выбор жизни или смерти, войны или мира, он ваш. Отдайте женщину Беседующего и колдуна *лэддэд*. У вас есть время до следующего восхода солнца. Если опоздаете, мы — враги!»

Он не ответил, лишь выпрямился в седле под потоками дождя. Адала развернула голову Маленькой Колючки и пустилась рысью прочь. Ее военачальники и вожди гуськом отправились за ней, настороженно следя за эльфами в поисках признаков вероломства.

Дождь усилился. Наконец, Планчет запрокинул голову, чтобы позволить дождю омыть его скорбное лицо.

«Спаси всех нас от истово верующих», — пробормотал он.

* * *

Сахим-Хан большими шагами энергично шел по коридорам своей цитадели, пока снаружи завывали горны. Каждая живая душа в Кхури ил Норе находилась в движении, бегая туда-сюда, унося оружие, или продукты, или ценности вглубь крепости. Сахим по мере продвижения раздвигал этот хаос. Даже охваченные страхом перед атакой кочевников, слуги проворно убирались у него с дороги. Во дворе цитадели он нашел генерала Хаккама и принца Шоббата.

«Почему кочевники здесь?» — спросил Сахим.

Хаккам ответил: «Мы не знаем, Могущественный Хан. Городские ворота заперты, а гарнизон собрался на стенах».

Шоббат поднес к губам мягкий кулак и сдержанно покашлял. Его отец грубо приказал ему говорить.

«Могущественный Хан, кочевники явно пришли на войну с *лэддэд*. Возможно, их науськали торганцы». — Шоббат сделал паузу, принимая глубокомысленный вид. — «Беседующий *лэддэд* послал к Халкистским горам вооруженный отряд с тайным поручением. Они вторглись на территорию Вейя-Лу, и, говорят, вырезали две тысячи женщин и детей прямо в кроватях».

Хан фыркнул. «Ложь. Были убиты всего лишь две сотни, и, похоже, за это преступление ответственен песчаный зверь». — Он повернулся к своему генералу. — «Хаккам, сколько всадников ты можешь выставить?»

«Пять тысяч по первому приказу, Могущественный Хан. Больше, через какое-то время».

«Собери свои войска. Ты должен отбросить кочевников обратно в пустыню. Как они осмеливаются бряцать оружием перед моим городом! Когда я покончу с ними, они будут считать песчаного зверя кротким домашним любимцем!»

Хаккам поклонился и собирался уйти, когда Шоббат положил отцу руку на плечо, говоря: «Подожди, Могущественный Хан!» Хаккам остановился, а Сахим посмотрел на сына, словно тот потерял рассудок. Шоббат убрал руку, поспешно добавив: «Сир, не спешите! Возможно, эта ужасная ситуация может принести Кхуру большие плоды! Пусть дерутся. Кто бы ни победил, Кхур станет лучше без проигравшего».

Сахим сжал кулак и единственным ударом опрокинул сына на землю.

«Идиот! Болван! Дурак! О чем ты думаешь! Я дал *лэддэд* свою защиту! Как хорошо будут думать обо мне наши соседи, если я позволю уничтожить эльфов прямо под самыми стенами своей столицы теми, кем, предположительно, я правлю?»

Когда Шоббат упал, всякая активность во дворе и сторожке прекратилась. Все замерли, уставившись на сидевшего на земле с кровоточащими губами принца и его облаченного в пурпур отца, стоявшего над ним словно демон мщения. Мощный голос Сахим-Хана наполнил двор.

«И подумай над этим, бездельник! Если кочевники потерпят поражение, еще больше придут отомстить за них. Если проиграют *лэддэд*, некому будет больше платить за наш ремонт и твои удовольствия!»

Крайне взбешенный, Хан пнул носком обутой в тапочки ноги Шоббата по ребрам. «Не смей больше давать мне указания! Убирайся с моих глаз!»

Скрючившись от реальной боли, Шоббат поднялся на ноги и выскользнул прочь. Никто, ни Сахим, ни Хаккам, ни остальные, находившиеся во дворе, не увидели быстро промелькнувшее на его лице странное выражение триумфа.

«Ступай, генерал! Возьми своих солдат и отбрось кочевников обратно в пустоши!»

«Немедленно, Могущественный Хан!»

Сахима продолжало трясти от ярости, когда он широким шагом вошел в свои личные покои. Дурацкие слова сына дали выход его страхам, но не стерли их из его головы. Обеспокоенность внезапным появлением пустынных племен так расстроила его, что он не заметил стоящую у стены на стыке двух огромных висящих гобеленов фигуру. Только когда та заговорила, он обернулся, доставая скрывавшийся в просторном облачении короткий меч. Увидев, кто его побеспокоил, он произнес несколько отборных ругательств.

«Такой язык!» — произнес посетитель. — «И из уст короля!»

«Я не в том настроении, чтобы воспринимать твои трюки, Кес», — раздраженно ответил Сахим. Он швырнул меч на мозаичную столешницу и провел пальцами по бороде.

Кес-Амеш была дальней родственницей, членом одного с Сахимом племени, и его

личной помощницей. Пока он опускался тяжело в кресло, Кес налила себе чашу его лучшего вина. Она опустила защищавшую лицо от пыли вуаль, чтобы выпить. Давным-давно она потеряла глаз и носила коричневую кожаную повязку поверх пустой глазницы. Ее кожа была смугло-коричневой, как и у многих кочевников, но она имела светлые волосы, пряди которых выбивались из-под головного убора. Она была из так называемых «желтых кхурцев», с побережья самой отдаленной восточной части королевства Сахима.

«Я нашла мага, но не жреца», — доложила Кес. Она осушила чашу и вновь наполнила.

Сахим поручил ей найти Фитеруса и Минока, когда его легион солдат, информаторов и шпионов не смог выполнить эту задачу.

«Где он?»

«Внизу», — ответила она, постучав ногой по каменному полу. Она имела в виду систему пещер, естественных и искусственного происхождения, под городом. Они были расширены дедом Сахима для использования в качестве резервуаров, но вода оказалась соленой и не пригодной для питья. Пустые зловонные пещеры были идеальным убежищем для находившегося в бегах Фитеруса.

«Если ты знаешь, где он, отправляйся за ним».

Кес покачала головой: «В мире не хватит денег, чтобы заставить меня спуститься туда». Когда он сказал, что приказывает ей идти, она сделала то, что больше никто в Кхури-Хане не осмелился бы сделать: рассмеялась. «Я не один из твоих солдат. Ты не можешь мне приказывать».

Сахим сменил тему. «Что насчет Минока?»

«Ни следа. Совсем. Должно быть, он мертв».

«Ты не заработала свою плату», — кисло сказал ей Сахим. — «Я нанял тебя найти обоих и привести их ко мне!»

Она швырнула тяжелый кошель на ковер к его ногам. «Твои деньги. Прощай, кузен. Позовешь меня снова, если что-то понадобится — то есть, если все еще будешь ханом».

Вернув на место вуаль, она направилась к потайной двери позади гобелена. Сахим попросил ее обождать, и она остановилась, держась мускулистой рукой за бахромчатый гобелен.

«Как мне добраться до мага? Я не могу оставить его там внизу беспрепятственно вынашивать планы», — сказал он.

«Ты знаешь наемных убийц. Пошли нескольких».

Смех Сахима был горьким. «Головорезам никогда не справиться с Фитерусом. Мне нужен кто-то получше».

Кес снова опустила свою пылезащитную вуаль. «Есть человек, точнее, не человек. Охотник за головами из *лэддэд* по имени Робин. Однажды я работала с ним».

«Ну, так приведи его ко мне, немедленно!»

«Тебе будет трудно с ним работать».

«Почему? Он пьяница?»

«Хуже». — Она ухмыльнулась. — «Он честный и верный. Совсем не как ты».

Устав от ее оскорблений, он рявкнул: «Просто приведи его! Я не буду обращать внимание на его честность, если он сможет доставить ко мне Фитеруса».

Она поклонилась и вышла в потайную дверь.

Сахим прислушался к горнам, по-прежнему завывавшим снаружи. Весь дворец сотрясался от марширующих солдат и снующих слуг.

Будь прокляты все чужеземцы! Он кипел. От них столько же зла, как и от тех пустынных дикарей.

* * *

В то время как Хана окружало кипящее волнение, Беседующий в одиночестве сидел в своей тихой палатке. Планчет с Хамарамисом отправились по его поручениям. Слуг отпустили к своим семьям.

Гилтас никогда не чувствовал себя таким одиноким. За все годы вдали от Кериансерай, пока она жила и сражалась в лесах, а он играл роль короля-марионетки в Квалиносте, он всегда ощущал ее близость. Их связывало нечто большее, чем любовь, чем телесная близость. Во время ужасного похода в изгнание они неделями находились вдали друг от друга, зная, что каждый из них может быть убит в любой момент, но по-прежнему они были близки. Теперь она ушла, во всех смыслах этого слова. Ушла из его дома, из его города, из его жизни.

Он понимал, что выполнял свой долг, отстраняя ее. Она не имела видения, не имела понимания деликатного опасного пути, по которому они должны ступать, если хотят, чтобы их раса выжила. Ее путь привел бы к полному уничтожению. И все же долг являлся ему слабым утешением.

Было здорово побыть одному. Никто не должен был видеть рыдающим Беседующего с Солнцем и Звездами.

* * *

Гитантас принес Львице вести о переговорах. Кочевники потребовали ее и колдуна Фитеруса в качестве своей цены за мир. Собравшиеся воины встретили эти новости градом брани и криками насмешек.

«Похоже на хорошую сделку», — заметила Кериан.

«Командир!» — вскричал Гитантас.

Она пристально уставилась на подвижные дюны и поднятую толпой двигавшихся кочевников пыль. Огромное облако пыли от огромного количества лошадей. «Это была бы честная сделка», — сказала она, — «если бы они это имели в виду».

К сожалению, она была уверена в обратном. Кочевники не проделали бы весь этот путь просто ради мести за резню в лагере. Это было ни чем иным как удобным предложением, чтобы вбить клин между эльфами и Сахим-Ханом. Кочевники не собирались отказаться от всего ради голов парочки эльфов. Их целью было уничтожить всех эльфов в Кхуре.

Тем не менее, у нее вспыхнула искрой идея. Она была уверена, что ее воины смогут одолеть толпу кочевников, но начатая таким образом война не закончилась бы единственным сражением. Все новые и новые племена присоединятся к битве, пока эльфов не затопит волна фанатиков. Ее мечты об освобождении эльфийской родины будут погребены под ордой неподкованных копыт.

Она оглядела теснившихся вокруг ее лошади офицеров. Самым старослужащим среди них был квалинестиец по имени Рамаканалас. «Принимай командование, Рамак», — сказала Кериан. — «Я отправляюсь к кочевникам».

Раздались крики, а Гитантас схватил ее лошадь за уздцы, чтобы не дать ей ускакать. Она вырвалась и заставила их всех замолчать, обведя жестким взглядом.

«Я отправляюсь. Оставайтесь здесь. Если кочевники двинутся к Кхуриносту, ударьте по ним со всей мощью всеми силами».

«Они убьют тебя!» — воскликнул Гитантас.

Львица наградила его ироничной улыбкой: «Не сегодня».

По восемь человек в ряд, кхурская королевская кавалерия с грохотом выехала из городских северных ворот. Их доспехи являли собой смесь местного и неракского стилей, с заостренными шлемами, угловатыми нагрудниками и шипастыми выпуклостями на каждом сгибе коленей, локтей и лодыжек. Их излюбленным оружием была очень тяжелая сабля с клинком в форме серпа луны. Их плащи когда-то были королевского голубого цвета, но от длительного нахождения под ярким солнцем они выгорели до цвета весеннего неба над Кхури-Ханом. Кхурцы были среди лучших солдат, нанимавшихся темными рыцарями, но после появления эльфов Сахим-Хан расторг длительный контракт с Неракой. Он получил достаточную компенсацию посредством налогов, сборов и других официальных способов вымогательства, чтобы возместить платившиеся Орденом деньги.

Генерал Хаккам скакал во главе колонны, по бокам от него находились знаменосцы и герольды. Как только хвост колонны покинул городские ворота, он остановил своих людей и выслал людей по обоим флангам и далеко вперед, чтобы разведать ситуацию. Кавалерия двинулась вперед шагом, опасаясь засад. За свою долгую карьеру, Хаккаму доводилось уже драться с кочевниками. Они были бесстрашными, отважными и склонными к внезапным атакам. Он не собирался терять людей (или быть униженным) из-за толпы кочевников, особенно на виду у *лэддэд*.

Разведчики вскоре вернулись со странными новостями. Значительные силы конных *лэддэд* располагались на северной гряде, наблюдая за кочевниками. Племена столпились в Озере Грез. Эта сухая впадина, в десяти милях от Кхури-Хана, получила свое название, так как путешественники часто видели миражи воды в широкой ложбине между дюнами. Как и *лэддэд*, кочевники не двигались, выжидая.

Хаккам выругался. Его лейтенанты подумали, что тот проклинает кочевников или *лэддэд*, но, на самом деле, его оскорбления касались Сахим-Хана. Куда отправил его повелитель Кхура?

«Вперед», — сказал он, повернув своего коня на запад. Неспешным шагом пять тысяч кхурских всадников последовали за своим генералом в неизвестность. Столбы солнечного света пронзали облака, бросая лучи на сверкающую гремящую процессию. В отличие от Адалы, Хаккам не считал этот свет знаком божественной благосклонности. Она сияла в глазах его людей.

* * *

Адала спала в стороне от собравшихся на гребне возвышавшейся над Кхури-Ханом дюны кочевников. Вернувшись с напряженной встречи с аристократом *лэддэд*, она закончила кое-какой ремонт, затем прилегла в своей маленькой палатке и заснула. Дождь и гром ее не волновали, как и присутствие восемнадцати тысяч вооруженных *лэддэд*.

После полудня небо потемнело и вздулось, словно тяжелые облака разбухли под своим собственным весом, поглощая землю под собой. В лагерь кочевников галопом прискакали часовые с необычными новостями. Приближался одиночный всадник *лэддэд*. Билат выслал отряд лучников Вейя-Лу на высокий песчаный холм к северу от Озера Грез. Оттуда они

могли снять любого, осмелившегося проникнуть в лагерь. Они могли так поступить и с этим всадником, если бы остроглазый военачальник Тондун, Харади, не узнал ее. Харади был с Адалой на переговорах и слышал о военачальнице *лэددэд*, Кериансерай по прозвищу Львица. У этого всадника были сверкающие золотые волосы, свободно спадавшие сзади на плечи. Это должна была быть Львица.

Этош отправил Вапу разбудить Вейядан.

Вапа преклонил колени снаружи закрытой створки палатки Адалы и тихо позвал. Она приказала ему войти. Он просунул внутрь голову, уважительно не отводя глаз от земли.

«Вейядан, приближается военачальница *лэددэд*. Одна!»

Она лежала к нему спиной. Не шелохнувшись, Адала сказала: «Позови вождей и военачальников. Они будут судить преступника».

«Это майта», — глубокомысленно ответил он и удалился.

Адала медленно села. Ее голова все еще болела, как болела последние три дня. Все из-за неба. Облака нависали над пустыней точно беременный зверь. Она никогда не сталкивалась с таким тяжелым воздухом. Он таким грузом повис на ней, что ей казалось, что ее череп треснет от подобного давления. Обычное лекарство от головной боли, пожевать лист кустарника макадар, совсем не приносило ей облегчения.

Она налила чуть теплой воды в медную кастрюлю и вымыла руки, лицо, шею и ноги. Во время омовения Адала благословляла имена своих предков и взывала к Тем, Кто Наверху судить ее деяния в этот день. Если ее признают в недостатке добродетели или правдивости, пусть поразят ее боги.

Прямо на входе в ее палатку лежал сверток. Это оказалось восхитительное новое платье из красного полотна, украшенное белой вышивкой. Стиль и искусство швеи говорили, что его сделали женщины племени Мэйякхур. Воротник и соответствующее покрывало были шелковыми, окрашенными вручную и подошли бы супруге хана, но так как Адала уважала стоящее за подарком настроение, она не могла надеть это прекрасное платье. Сейчас не был день для банкета, не был день для празднования. Должно было свершиться правосудие, суровое правосудие. Было не время для праздничного облачения.

Она отодвинула новую одежду и снова повязала кушак чиненого-перечиненного черного платья, которое носило каждый день, и в котором спала. Взяв расческу из слоновой кости — подарок ее последнего мужа, Касамира, и одну из немногих ее красивых вещей — Адала принялась за непослушные волосы. Недавно она заметила, что некоторые из волос, что вытягивала расческа, были не черными, а серыми.

Тщательно уложив прическу, она вышла из палатки. Все вожди и военачальники ждали ее. Они стояли двойной шеренгой, лицом к центру, с Адалой во главе получившегося треугольника. Скромные пятнышки дневного света пестрили на земле, прорываясь сквозь разрывы в завесе облаков.

Повернувшись к стоявшим справа от нее Вейя-Лу, Адала поприветствовала Билата и Этоша. Вапа стоял в нескольких шагах позади них, так как он не был вождем или военачальником. Затем шли Яннаш из Тондун и его военачальник Харади, затем Хагат из Микку, и так далее, заканчивая предводителями Мэйякхур слева от Адалы. Она уделила минутку Вассиму, поблагодарив вождя Мэйякхур за вышитое платье, подаренное ей его женщинами, и пояснив, почему она не могла надеть его сегодня. Затем она обратилась ко всем собравшим.

«Этот день настает», — сказала она. — «Ради нашей земли, ради правосудия. Мы

должны быть сильными». Она распростерла руки: «Эту землю даровали нам Те, Кто Наверху, но лишь до тех пор, пока мы остаемся достойными владеть ей. Очистим Кхур от чужеземцев, убийц наших детей».

Она говорила спокойно, но ее последнее заявление вызвало крики одобрения у собрания. Они высоко подняли мечи и прокричали: «Маита! Маита! Маита!»

Стоявшие позади них кхурские воины слышали, как их вожди и военачальники провозглашают свою верность судьбе Адалы, и еще громче вторили им эхом. Снова и снова ревели они, их голоса поднимались к бурным небесам и растекались во все стороны. Люди на многие мили вокруг могли слышать их.

Повышая голос, чтобы быть услышанным сквозь крики, Билат сказал: «Вейядан, как насчет колдуна и Сахим-Хана? Мы пришли совершить правосудие и над ними тоже».

«Сахим встретит свою судьбу, но не сегодня. Что же до мнимого колдуна, я не знаю его. Если он виновен, боги доставят его нам». Адала нахмурилась. Она могла простить Сахим-Хану его прошлые проступки, если бы он прислал своих солдат сражаться бок о бок с ее людьми, но он этого не сделал. Он продолжал трусливо прятаться за своими каменными стенами. Со временем, Адала не сомневалась, ее маита разделается и с ним.

Вапа подвел Маленькую Колючку и помог ей забраться на ослицу.

«Пусть этот день запомнится надолго», — сказала она. — «В этот день в Кхуре возродилось правосудие!»

С этими словами, под шумное приветствие десяти тысяч голосов, Адала направилась к краю Озера Грез. За ней последовали ее верные вожди и военачальники в своем разнообразном пышном военном облачении. Микку были лучше всех вооружены, но тондунцы были многочисленнее всех. Они совсем не носили металла, все железо и медь, что были при них, относилось лишь к мечам и кинжалам. Тондунское вооружение было весьма типичным.

На вершине впадины она остановила Маленькую Колючку. Ослица опустила голову и принялась чавкать зарослями лебеды.

Сквозь дымку и поднимающийся от песка искажающий жар, Адала увидела приближающегося на высокой гнедой лошади одинокого всадника. Лучники на вершине холма с наложенными стрелами следили за каждым его движением. Женщина *лэддэд* приближалась к ним абсолютно невозможно.

Кто-то позади Адалы отметил храбрость эльфийки. Адала покачала головой: «Это не храбрость, а заносчивость. Она не верит, что мы можем причинить ей вред».

Харади выдвинулся вперед: «Маита, позволь мне убить ее! Я сделаю это ради тебя, ради всех племен Кхура!»

Мужчин, независимо от того, к какому племени они принадлежали, объединяла детская любовь к славе. «Успокойся», — произнесла она, словно нетерпеливому ребенку.

Вейядан ошибалась в одном; не заносчивость подпитывала храбрость Кериан, а спокойное принятие ситуации. Лучники на холме не волновали ее, потому что она знала, что кочевники хотят мести, а не просто убить ее. Она знала, что не умрет сегодня, знала, что могут пройти дни, прежде чем она умрет. Может, дольше. С другой стороны, существовала вероятность, хоть и призрачная, что она выберется из этого живой. Если так, ничто не остановит ее в намерении восстановить фортуна эльфийской нации.

Озвучив свое намерение сдаться кочевникам, она потратила какое-то время, написав несколько писем своим товарищам и друзьям. Последнее, самое короткое, было ее мужу.

Спаси наш народ. Отведи его домой, — написала она. И все. Слова больше не имели значения, но, может быть, этим поступком она могла восстановить волю Гилтаса поступать правильно ради их расы.

В двадцати метрах от шеренги разряженных вождей варваров, Кериан остановила лошадь. Хотела бы она, чтобы Орлиный Глаз был здесь. Ничто не производит более грандиозное или устрашающее впечатление, чем стоящий на задних лапах боевой грифон Сильванести.

«Слышала, вы хотели видеть меня», — спросила она.

Билат завопил: «Подойди ближе! Не подобает мычать на таком расстоянии!»

Кериан не шелохнулась, чтобы подчиниться, так что некоторые из военачальников двинулись к ней. Она одним плавным движением вытащила меч, слабый дневной свет замерцал на выкованном эльфами клинке. Кочевники замерли.

«Ты пришла сражаться или сдаться?» — спросила Адала.

«Сражаться! Львица никогда не сдается!»

Сказав так, она вонзила шпоры и рванула вперед, низко склонившись к шее лошади. Стрелы с шипением вонзились в песок позади нее, когда она ринулась в атаку. В считанные мгновения она оказалась среди вождей кочевников, коля и рубя. Это позволило покончить с угрозой от лучников, которые не могли стрелять в нее, не попав в своих собственных предводителей.

Адала направила свою ослицу прочь от наносившей удары направо и налево Кериан. Она отрубила руку вождю в ярко-зеленом гебе, затем пнула кованым ботинком другого в ребра. Мечи кочевников были острыми, но в отсутствии эфеса был их огромный недостаток. Кериан отрубила пальцы двоим военачальникам, которые пытались атаковать ее с флангов. Ее клинок просвистел вдоль их мечей и, не встретив гарды, способной остановить его, ударил по рукам.

Неспособные справиться с этим вихрем, кочевники разбежались, словно зерна песка под порывом ветра. Все огласилось криками, вожди звали на помощь. Затем, один кочевник закричал громче остальных: «Нет, я возьму ее! Ради маиты!»

Кериан оказалась лицом к лицу с единственным противником, Харади из Тондуна. Всего лишь двадцати лет, он уже был военачальником, одним из наиболее популярных среди семи племен. Он был привлекательным, с оливковой кожей, зелеными глазами и коротко остриженной бородкой. У него единственного в армии кочевников был меч с гардой. Это оружие было реликвией с тех времен, когда его отец был наемником у неракцев.

Двое бойцов кружились и кружились, рубя, прощупывая и не находя незащищенных мест. Кериан приходилось следить краем глаза за остальными кочевниками, близко кружившими вокруг нее, на случай, если они попробуют вмешаться. Но никто не вмешивался.

Перевернув клинок, Харади нанес укол ей в лицо. Она отвела его меч достаточно, чтобы сохранить глаза, но не левое ухо. Острие его меча нанесло ее ушной раковине уродливую болезненную рану. Она немедленно отплатила ему уколом под его вытянутую руку, пронзив ему подмышку. Он открыл рот и повалился вперед, выронив меч.

Она бы прикончила его, но мир вокруг нее взорвался. Вспыхнула молния, и внезапно прогремел гром, повалив Кериан на землю. Если бы в этот момент на Львицу напали кочевники, они бы легко убили ее.

Эта вспышка так мучительно обожгла ей глаза, что она не могла видеть. Все было в

ослепительном сиянии и реве. Молния не могла попасть прямо в нее; она была бы мертва. Но удар, должно быть, пришелся очень близко.

Посреди этого яркого ослепительного сияния она увидела мерцание темноты. Постепенное оно стало более отчетливым, более темным и различимым. Она услышала трепет крыльев.

На мгновение, Кериан подумала, что это Орлиный Глаз. Но не величественный грифон промелькнул над ее кровоточающим лицом, а большая летучая мышь. «Почему я все время вижу летучих мышей?» — подумала Львица, хотя этот вопрос не особо занимал ее. Она плавала в странной изолированной пустоте.

Поток холодного дождя выдернул ее в реальность. Она лежала в непосредственной близости от своей павшей лошади. Бедная гнедая была мертва, ее шея была сломана, а левая нога Кериансерай была придавлена ее весом. Поблизости лежал скакун кочевника, тоже мертвый. А самого воина не было видно и следа.

Мимо нее неслись волны всадников на конях. Страхнув замешательство и потоки дождя, она поняла, что это была королевская конница Сахима, а не кочевники или эльфы. Тяжеловооруженные кхурские всадники атаковали Озеро Грез, сокрушая более многочисленную, но дезорганизованную толпу кочевников, и отбрасывая ее назад. Над лавиной кхурцев летали пять шаров голубого свечения.

Она потеряла глаза и сильно потрясла головой, полагая, что ее видение было вызвано ударом молнии, но огни не исчезли. Большие по размеру, чем блуждающие огоньки в Инас-Вакенти, они летали более целеустремленно, кружась в размеренном медленном танце в десяти метрах над полем боя. Казалось, ни кхурские кавалеристы, ни кхурские кочевники не замечали их.

Кериан вытащила ногу из-под мертвой лошади и встала. Голубые сферы немедленно направились к ней. Они двигались так быстро, что у Львицы не было шанса уклониться. Едва они коснулись ее, мир снова взорвался в треске грома и ослепительном свечении.

* * *

Едва сражение закончилось, грозовые облака быстро рассеялись. Солнце кузнечным молотом вернулось, чтобы опалить окружающую действительность. Озеро Грез было усеяно следами недавней битвы. Кавалерия Хаккама, усиленная свежим контингентом из города, так быстро и непреклонно гнала кочевников, что те в спешке оставили свой лагерь людям Хана. Хаккам приказал сжечь лагерь. На глазах у наблюдавших из Кхуриноста эльфов, палаточный лагерь, не сильно отличавшийся от их собственного, был безжалостно уничтожен.

Хаккам прекратил преследование побежденных кочевников. Он со своими людьми поскакал обратно в Кхури-Хан, чтобы быть встреченным одобрительными криками его жителей. Вслед за отбытием кавалерии из Кхури-Хана пришли падальщики, покопаться в руинах лагеря кочевников. По ханскому закону, грабеж павших в бою карался смертью. Несмотря на это, отчаянно нуждавшиеся (либо нагло жадные) кхурцы обдирали павших с обеих сторон воинов. На Большом Сууке, из-за столь значительного переизбытка железа и меди в последующие после сражения дни, цена на металлолом упала на две трети.

Позже днем обосновавшиеся в Озере Грез мародеры обнаружили большую гнедую

лошадь, довольно сильно отличавшуюся от типичных пони кочевников. На гнедой была сбруя *лэддэд*, с тяжелым боевым седлом и защищавшими шею и заднюю часть туловища кольчужными фартуками. Она лежала мертвой на краю двухметровой дыры в песке. Кратер обрамляло черно-зеленое стекло, следы удара молнии. Тела всадника поблизости не было обнаружено.

Аккуратно, если не почтительно, кхурцы освободили лошадь от ее облачения. Чтобы сделать это, им пришлось приподнять мертвое животное. Под ним они обнаружили толстый слой листьев, все еще зеленых, хотя сухих и ломких. находка выглядела странной, но никто из кхурских падальщиков не узнал эти листья. Они никогда не видели произраставшего в более умеренном климате ясеня. Освобожденные из-под павшей лошади, сухие листья были унесены ветром.

* * *

«А мертвых?»

Вождь тондунцев заглянул в подсчеты в руке. «Четыре тысячи сто шестнадцать убитых или неспособных к будущим сражениям», — торжественно произнес он. Адала поблагодарила его.

Она со своими охранниками скакала практически во главе отрядов в сторону спасительной глубины пустыни. Вцепившийся мертвой хваткой Хаккам, наконец, прекратил преследование, не желая рисковать своей кавалерией в более глубоких песках, но кочевники не останавливались, двигаясь на запад в сторону заходящего солнца, под защиту пустыни.

Лица собравшихся вокруг нее вождей были мрачны. Как всегда практичная, Адала заметила порезы и разрывы на их платьях. Ей бы понадобилась армия швей, чтобы залатать их все.

«Что теперь, Вейядан?» — спросил ее родственник Билат, стараясь, чтобы его голос не звучал подавлено.

«Мы продолжим сражаться», — просто ответила она. — «Эта война не окончена, пока не сгинет одна или другая сторона. Мы все еще живы. Тот, кто жив, может продолжать сражаться».

«Но разве можем мы справиться с Ханом и *лэддэд*?» — новый вождь Тондуна, Отдан, нахмурился и стиснул поводья своего пони. Как и Биндас из Вейя-Лу, Отдан был молод, всего лишь двадцати шести лет. Многие из старых лиц отсутствовали. Отдан сменил двоих погибших в сражении вождей; одному было сорок четыре, а другому тридцать семь.

Он напомнил им о докладах разведчиков. У *лэддэд* было, по меньшей мере, десять тысяч кавалерии, не участвовавшей в стычке. Эти слова вызвали кивки и одобрительный ропот. Воины Вейя-Лу напомнили, как яростно сражался даже небольшой отряд кавалерии *лэддэд* во время похода в Долину Голубых Песков.

«Как мы можем остановить такие войска?» — спросил Отдан. — «Они слишком сильны!»

«Да, слишком сильны, чтобы драться с ними в открытом бою», — согласилась Адала. — «Но, как муравьи поглощают пантеру, так и мы можем победить *лэддэд*. Это потребует терпения и мастерства. Мы должны перевязать свои раны и ждать удобного случая». Ее взгляд словно пламенеющее на западе солнце впивался в каждого из них: «Никто из нас не

должен забывать о долге перед нашими опозоренными мертвыми, отомстить за их убийство и очистить земли Кхура от чужеземной порчи!»

Вожди устало согласились, развернули своих скакунов и поскакали галопом к своим людям. Остался лишь Вапа.

Адала долго молчала. Так долго, что Вапа подумал, что она задремала. Но она не спала. Ее терзали тяжкие думы.

«Ты все еще веришь в мою маиту?» — спросила Адала. — «Многие думают, что наше поражение от войск Хана означает, что Те, Кто Наверху оставили нас».

«Я верю», — просто ответил он. Затем, так как он был Вапа-мыслитель, добавил: «Разве стадо знает замысел пастуха, Адала Вейядан? Добродетель победит. Твоя маита победит».

На мгновение в уголке ее рта появилась улыбка. Добрый старина Вапа. «Откуда такая уверенность?»

«Твоя маита должна победить. Раз нам дали выбор между добром и злом, следовательно, у каждого выбора есть цена. Зло означает хаос и конец нашим жизням. Так как находящиеся в здравом рассудке люди не сильно жаждут оборвать свои жизни, мы выбираем добро, таким образом, мы можем выжить. Ради выживания мира, добро должно победить».

Перед лицом такой уверенности Адала не стала упоминать о своих собственных сомнениях. Военная мощь в этот раз спасла лэддэд. Такая сила, сама по себе, не была хорошей или плохой. Мораль в том, как ее использовали — в качестве меча, которым можно было убить невинное дитя или жестокого врага. Если Адала и ее люди собирались одержать победу, им требовалась своя собственная военная мощь, прежде чем встретиться с лэддэд в открытом бою.

* * *

Бродя по залам Кхури ил Нора, принц Шоббат время от времени останавливался и оглядывался назад, всматриваясь в темные углы позади себя. Он все время слышал звуки — шорох и тихий скрип, словно шуршание крыс. Он опасался не грызунов, а наемных убийц. Смерть Хенгрифа могла вызвать проблемы с Темными Рыцарями, но Орден терпеть не мог неудачников. Они могли винить Хенгрифа в собственной гибели, за слишком тесное вмешательство в дела Кхура. В любом случае, их следующему эмиссару следует быть намного более умным заговорщиком, чтобы справиться с Шоббатом.

При этой мысли он улыбнулся. Выражение лица сменилось гримасой боли. У его отца был тяжелый кулак; на челюсти Шоббата был изрядный ушиб.

Каменные стены ревностно берегли внутри себя каждый звук. Войдя в свои личные покои, Шоббат снова услышал тихий шорох, словно от мягких сапог. Быстро обернувшись, он увидел их. Полдюжины уродин, как те, что показывал ему Оракул Деревя, прятались в тени вдоль дальней стены его гостиной. Животные с человеческими головами и люди с головами животных.

Ужас пробежал своими ледяными пальцами по его животу, но он отказался поддаваться своему страху. Эти твари не были реальными, это были всего лишь галлюцинации, продукт его усталости и головной боли. У него был очень напряженный день. Шоббат крепко зажмурил глаза, а затем открыл их.

Это сработало. Уродины исчезли.

Он с облегчением рассмеялся. В ответ захихикали и зарычали шесть нечеловеческих голосов.

* * *

Эльфы, которых отправили на поиски Львицы, вернулись в Кхуриност мрачными и понурыми. Их вождь исчез, а вскоре после того, как она ускакала, чтобы сдаться кочевникам, воины Сахим-Хана молнией обрушились на ничего не подозревавшие племена. Эльфийским воинам мало что удалось в этот день. Кочевники сломя голову уносились в безопасность глубокой пустыни. Тело леди Кериансерай не было найдено. Никто не знал, жива ли она или мертва.

Беседующий с Солнцем и Звездами поджидал в маленькой палатке, установленной сразу за северной границей Кхуриноста, возвращения своих блудных воинов. С ним находились Планчет и Хамарамис. Он опирался на изготовленную из древка копья трость. Переднюю часть ее деревянной рукояти украшал аметист в форме квадрата, подарок, полученный им от старого гранильщика несколькими неделями раньше.

Среди возвращавшихся всадников был и Гитантас Амбродель. Молодой квалинестиец покинул строй и приблизился. Он спешил перед Беседующим.

«Капитан Амбродель. Какие вести принесли вы мне?»

«Грустные, Великий Беседующий. По-прежнему, ни следа леди Кериансерай».

Гилтас этого и опасался. Он приказал обыскать Озеро Грез, чтобы найти любые следы своей супруги. Капитан сам возглавил поиски.

Беседующий отослал его обратно к возвращавшимся всадникам. Хамарамис прочистил горло: «Великий Беседующий, что делать с поднявшими мятеж воинами? Они не подчинились своим командирам и, вопреки Вашему приказу, последовали за леди Кериансерай. Они должны быть наказаны».

Глядя в их лица, Гилтас подумал, что они уже понесли наказание. Старый генерал явно так не считал. «Сир, дисциплину следует поддерживать», — добавил Хамарамис.

«Наказать больше половины армии? Что это сделает с моральным духом?» — мрачно произнес Гилтас.

Вмешался Планчет: «Великий Беседующий, можно выделить явных зачинщиков».

После некоторой паузы, Гилтас кивнул. «Не поступайте с ними слишком жестко», — сказал он. — «Их утрата — моя утрата».

Он слегка покачнулся, несмотря на трость. Планчет учтиво поставил позади него стул, и Гилтас сел. Камердинер скрывал свое собственное беспокойство, но начал подумывать, сможет ли Беседующий снова собраться. Кхурские жрицы излечили его, но он был все еще так слаб, в его волосах появилось больше серебра. Гилтас был немногим старше капитана Амброделя, но он выглядел на поколение взрослее.

«Сахим-Хан оказал нам сегодня огромную услугу», — предположил камердинер. Кочевники получили отпор без потерь эльфийских жизней — за исключением одной, возможно.

«Хотелось бы знать, сколько он запросит с нас за эту услугу», — кисло проворчал Хамарамис.

Гилтас пристально вглядывался в заполнявшие ландшафт вокруг палаточного города дюны. Желто-коричневые холмы казались ему телом огромного спящего на боку гиганта.

«Сахим не получит от нас больше ни медяка. Данное происшествие доказывает, что нам пришло время отправляться в путь». — Сложив ладони на рукояти трости, Гилтас посмотрел на своих верных друзей, сперва на Хамарамиса, затем на Планчета: «В Инас-Вакенти Долину Голубых Песков».

«А это место гостеприимное?» — спросил Планчет. — «О каких опасностях упоминала леди Кериансерай?»

«Среди нас много ученых и мудрецов. Они разгадают эти тайны. Кроме того», — Гилтас нахмурился. — «Здесь тоже подстерегают опасности, и они возрастут, если мы останемся».

Кочевников отбросили, но лишь на время. Они восстановят свои силы и вернуться, используя пустыню в качестве щита против мощной, но громоздкой армии Сахима. Заговоры в городе будут продолжаться, пока сыновья Кровавого Стервятника будут вести агитацию против эльфов. Колдун-негодяй Фитерус все еще был на свободе. По сравнению с этими тяжелыми неприятностями, насколько ужасной может быть Инас-Вакенти?

Гилтас видел, что его свита наблюдает за ним, и знал их беспокойные думы. Он тоже, иной раз, задумывался, не стал ли одержимым пятном на старой карте. Было ли это убежище или иллюзия? Единственным способом узнать истину, было отправиться туда.

Также неотвратимо, как вдох, его мысли вернулись к Кериан. Он отказывался считать ее мертвой. Он бы сердцем знал, если бы ее жизнь закончилась. Скорее всего, ее унесли кочевники, которым она так отважно сдалась. Он уже принял решение отправить небольшой отряд воинов, чтобы выяснить ее судьбу и спасти, если возможно. Он поручит это Гитантасу Амброделю. Как бы далеко не ушли кочевники, сколь долго бы это ни заняло времени, преданный капитан будет следовать за ними. Если Кериан была убита, Гилтас должен знать. Если она была пленником Адалы, он должен вернуть ее. Единственное, что он не мог сделать, это оставаться больше в Кхури-Хане. Возможности Сахима были бы неоценимы в поисках Кериансерай, но эльфы должны оставить его по-хорошему. Если они замешкаются, Гилтас рискует потерять всю эльфийскую расу. Выживание его народа должно перевешивать благополучие его жены.

Думы были темными. Как только солнце низко опустилось между западными дюнами, и горячее голубое небо остыло до цвета огня, Гилтас закрыл глаза и опустил подбородок на руки. Они все были так далеко от дома. Словно дети, они пытались найти свое место в этом мире. Но детей, размышлял он, обычно не пытается убить половина континента.

Пытается. Многие пытались и потерпели неудачу. Древняя раса эльфов, перворожденных в этом мире, не будет отправлена в забвение без мощного сопротивления. Они соберут каждый клочок силы, таланта и решительности, чтобы спастись. Сотня тысяч последовала за своим Беседующим в изгнание после двойного разорения их родных земель. Из этого средоточия силы, этого семени, вырастет новая эльфийская нация. Все, что было необходимо, это убежище, чтобы дать саженцу укорениться.

Думы отгоняли сон. Гилтас открыл глаза угасающему солнцу.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

КХУРСКИЙ СЛОВАРЬ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

аффр — халат с капюшоном, по колено длиной, носимый поверх *геба*; особенно любим кочевниками из сердца пустыни.

Фабазз(он же Меньший Суук) — открытый рынок специй, благовоний и продуктов Кхури-Хана.

геб — халат без рукавов, свободно висящий на плечах, если не перехвачен в талии *гхуффраном*; особенно любим кочевниками.

гил — один из одиннадцати городских районов Кхури-Хана.

гил-хана — начальник стражи одного из одиннадцати *гилов* Кхури-Хана.

гхуффран — кожаный шнур, используемый в качестве ремешка для *геба*.

Большой Суук — главный открытый рынок Кхури-Хана и самый большой рынок на всем Ансалоне.

Хабала — северный округ Кхури-Хана, разрушенный Малистрикс, и не восстановленный.

Кхури-Хан — столица Кхура; исторически, регион проживания племени Кхур.

Кхури ил Нор («Дворец Заходящего Солнца») — дворец хана в Кхури-Хане.

лэдэд — (древнее) Буквально, «те, кто ходит по воздуху», относилось к всадникам на грифонах. (современное) Эльфы, охватывая квалинестийцев, сивланестийцев и кагонестийцев, так как кхурцы не делают различия.

Лэдэд-ихар («Эльфийский Муравейник») — Кхурское прозвище эльфийского палаточного поселения у стен Кхури-Хана.

Меньший Суук — см. *Фабазз*.

маита — судьба, несет подтекст неизбежности, predeterminedного богами исхода, которого смертные не могут избежать.

Малш-меккек («Зуб Малис») — погребенный в *Нак-Сафале* камень, брошенный туда Малистрикс в безуспешной попытке уничтожить большой колодец Кхури-Хана.

Малш-сахар («Наковальня Малис») — западные врата Кхури-Хана; названные так, потому что Малистрикс раздробила об их железную решетку множество врагов.

Мазин ил Садаф («Озеро Грез») — сухая впадина в шести милях от Кхури-Хана, названа так, потому что путешественники обычно видят в ней миражи воды.

Нак-Сафал («Бездонный Бассейн») — большой артезианский колодец в центре Кхури-Хана.

Нор-Хан — центральная цитадель *Кхури ил Нора*.

суукет — торговец на кхурском *сууке*.

суук — открытый рынок.

Вейядан («мать Вейя-Лу») — титул вдовы вождя Вейя-Лу.

Закка-Кхур («Отец Кхура») — один из множества титулов хана (т. е. Сахим Закка-Кхур).

СЕМЬ ПЛЕМЕН КХУРА

Фин-Маскар — Прибрежное племя. Пастухи и рыбаки, одно из богатейших кхурских племен.

Хачаки — Их территория лежит на юге Кхури-Хана. Весьма искусные заводчики лошадей.

Кхур — Племя королевского дома Кхура. Родная территория — восточная пустыня до моря.

Мэйякхур — С самого юга Кхура. Меньшее из племен, прославленное своим мастерством в выслеживании.

Микку — Их территория — север Кхури-Хана. Часто поставляют наемников неракцам и ханской армии.

Тондун — Их территория — запад Кхури-Хана. Самое большое племя Кхура.

Вейя-Лу — Их территория — северо-запад Кхура, между Кхури-Ханом и Корталом.

БОГИ КХУРА

Кхурцы почитают легион богов и полубогов, лишь смутно известных посторонним. Божества кочевников отличаются от тех, кому поклоняются горожане. Далее перечислены, кажется, наиболее часто упоминаемые:

Элдин Судящий — верховный бог кочевников.

Элир-Сана — божественная целительница, дарительница изобилия; можно приравнять к Мишакаль.

Торган, Мститель — бог мщения; можно приравнять к Саргоннасу.

Каргат Воин — можно приравнять к Кири-Джолиту.

Ракарис Охотница — покровительница охотников и хищников; можно приравнять к Числев.

Антор Отшельник — бог ученых, поэтов и мечтателей; обычно приравнивают к Маджере.

Хаб'рар Посланник — носитель ветров; считается Хаббакуком.

СороТворец Огня — бог дома и домашнего очага. Можно приравнять к Сирриону.

Айян Плутровка — Богиня тьмы.